

Հարգելի՛ ընթերցող.

ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտը, չհետապնդելով որևէ եկամուտ, իր կայքերում ներկայացնելով հայագիտական հրատարակություններ, նպատակ ունի հանրությանն ավելի հասանելի դարձնել այդ ուսումնասիրությունները:

Մենք շնորհակալություն ենք հայտնում հայագիտական աշխատասիրությունների հեղինակներին, հրատարակիչներին:

Մեր կոնտակտները՝

Պաշտոնական կայք՝ <http://www.armin.am>

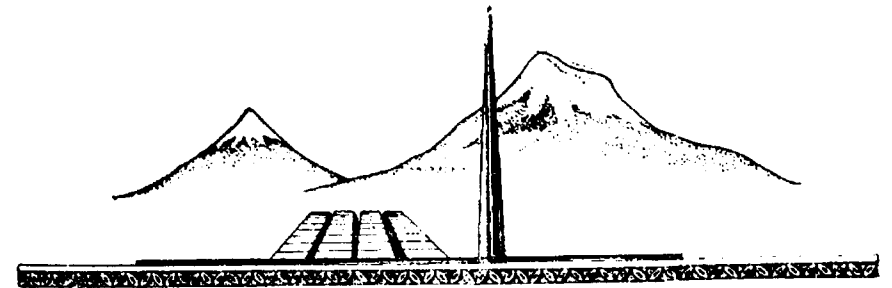
Էլ. փոստ՝ info@armin.am

В. Г. ТУНЯН

МЛАДОТУРКИ И АРМЯНСКИЙ ВОПРОС

Часть третья

ноябрь 1914 - февраль 1916гг.

**ЕРЕВАН
ЧАРТАРАГЕТ
2010**

УДК 941(479.25)

ББК 63.3(2 Ар)

Т 849

ТУНЯН В. Г.

Т 849 Младотурки и армянский вопрос. Часть III, ноябрь 1914 - февраль 1916 гг. Авторское издание. Ер., ЧАРТАРАГЕТ 2008. - 250 с.

В монографии рассматривается Армянский вопрос и Геноцид армян в политике Османской Турции с ноября 1914 г. по февраль 1916 г. Исследовано состояние Армянского вопроса в Османской Турции во время Геноцида армян, осуществлено изучение политпсихологического поведения младотурецкого руководства Османской Турции, представлены национальные усилия по обеспечению безопасности армянской нации.

В работе широко использованы материалы публикаций и печати, законодательные акты. Представлены взгляды историков по исследуемым вопросам. Исследование рассчитано на специалистов и широкий круг читателей, интересующихся армяно-турецкими отношениями в контексте Армянского вопроса.

Рецензент : д. ист. н. , проф.

Л. А. Барсебян

Редактор: Ж.С. Сейранян

УДК 941(479.25)

ББК 63.3(2 Ар)

ISBN 978-9939-55- 417- 4

© ЧАРТАРАГЕТ 2010г.,

© Тунян В.Г. 2010г.

Глава 1. МЛАДОТУРКИ И АРМЯНСКИЙ ВОПРОС

1. Состояние Армянского вопроса

В начале мировой войны 1914 г. национальная политика Османской державы определялась правящей партией “Единение и прогресс”, председателем которой являлся министр внутренних дел Талаат - бей. Главной этнополитической задачей представлялось создание однородной и исламской державы. Шовинистический курс на избавление от христианского населения был разработан на партийном конгрессе “Иттихад” в августе 1910 г. в Салониках. Выступая 6 августа на съезде, Талаат заявил о необходимости отвержения конституционного равенства для немусульман: “По конституции, все турецкие подданные, как мусульмане, так и христиане, равны перед законом. Но вы сами понимаете, что это неосуществимо. Эта идея прежде всего идет вразрез с шариатом. Ей противится наше прошлое. Против нее протестует чувство сотен тысяч верующих... В Турции может быть речь о равенстве перед законом лишь тогда, когда будет закончена оттоманизация всех элементов населения”.¹

На острие программируемой истребительной политики христианских этносов находился армянский народ, который стремился к политическому самоопределению. Выражением национальной борьбы стал Армянский вопрос, ставший поводом для ведущих держав к вмешательству во внутренние дела Османской Турции. Имея в виду этот аспект, кровавый султан Абдул Гамид заявил однажды: “Армянский вопрос - это не вопрос армян”.² Им был осуществлен протогеноцид армянского народа, который лишь во время “зулума” 1894 - 1897 гг. унес жизнь более 300 тыс. армян. Младотурки являлись продолжателями армянской политики Абдул Гамида, но их не устраивал ограниченный характер достигнутого результата.

Младотурки сохраняли в тайне программу “уничтожения армян Османской империи и создания однородной Анатолии”, принятую 31 октября 1910 г. на конгрессе партии “Единение и прогресс” в Салониках. Составными компонентами являлись:

- окончательное упразднение Армянского вопроса;
- избавление турецкого государства от международного вмешательства;
- ликвидация армянского элемента и тем самым открытие простора для жизнедеятельности турок;
- превращение приватизированных материальных средств армянского населения в достояние Османской Турции;
- преобразование Анатолии в однородную турецкую страну;
- устранение самого “главного препятствия” как средства воплощения идеала пантуркизма.³

Первая мировая война облегчила младотуркам задачу преодоления политического барьера на пути упразднения Армянского вопроса путем физи-

ческого уничтожения армянского населения Османской империи. Министр внутренних дел Талаат - бей изложил в июле 1914 г. американскому послу Генри Моргентау сущность национальной политики. Она преследовала цель спасения разлагающейся Османской империи. После потери Греции, Сербии, Румынии, Болгарии, Боснии, Герцеговины, Египта и Триполи территория Османской державы сократилась до "уровня исчезновения". Выход виделся в тюркизации империи: "Чтобы сохранить эту последнюю часть нашей родины, мы должны освободиться от чужих народов".⁴

Чужими этносами рассматривались все немусульманские народы. Европа была занята военным противоборством, международная пресса не могла играть существенной роли, а армянское население было беззащитным в условиях военного времени. Младотурки в сентябре - октябре 1914 г. приступили к упразднению Армянского вопроса путем создания механизма геноцида: центральное правительство - "Исполнительный комитет" партии "Иттихад" - "Особая организация" - силы поддержки - депортация - уничтожение. Сформировалось преступное сообщество партии "Иттихад" и правительства Османской Турции по ликвидации Армянского вопроса Геноцидом армян. В "Исполнительный комитет" входила тройка видных младотурок - доктор Назим, Мидхат Шюкри и Бехаэддин Шакир. "Исполнительный комитет" разделил территорию Османской Турции с армянским населением на три зоны ответственности: Восточная Анатолия - Бехаэддин Шакир, Киликия - Асорик - Мидхат Шюкри, а Западная Анатолия с европейской частью Турции - доктор Назим. Воплощение плана уничтожения и депортации армян было поручено "Особой организации".⁵ Было создано специальное отделение организации во главе с Бехаэддин Шакиром в Эрзеруме, контролировавшим всю Восточную Анатолию.

1 ноября 1914 г. Османская Турция объявила войну Англии, Франции, России и Сербии. Шейх-уль-ислам Хайри-эфенди подписал фетву о священной войне за веру против Антанты. Официоз партии "Иттихад" газета "Tanin" в передовой статье провозгласила долгом мусульман нанести поражение странам Антанты: "Все мусульмане, независимо от места нахождения и положения, не сложат оружие, пока не погибнут героической смертью, либо задавят страны Тройственного согласия". Начаты усилия по вовлечению Персии в войну, оказавшиеся безуспешными. Стали осуществляться аресты видных армянских деятелей, как превентивной меры против содействия России. Военный министр Энвер - паша отдал приказ 3-й армии о наступлении на Кавказ: "Вы не имеете продовольствия. Города Кавказа перед вашими ногами. Ускорьте его завоевание".⁶ Численность турецких сил составляла 900 тыс. человек: 300 тыс. на фронтах и 600 тыс. - в резерве.⁷

На митингах звучали призывы к сплочению всех мусульман. Заявлялось об обязанности мусульман России, Англии и Франции вести войну против своих правительств. Разгул милитаризма и этнонационализма обусловил

разрушения памятника в Галатии, посвященного павшим русским воинам в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг., ограбление магазинов и учреждений, принадлежащих представителям враждующих стран. Турецкая полиция бездействовала, что означало санкционированность происходящих событий со стороны младотурецкого руководства Османской державы. Младотурки демонстрировали воинственный политический курс, когда представители противостоящих держав ставились вне закона, а массы могли распоряжаться их имуществом. Контекст осуществленной демонстрации силы предназначался для воздействия на политическое поведение христианских подданных Османской Турции.⁸

Война представлялась для младотурок быстротечной. Руководство партии "Иттихад ве теракки" приступило к осуществлению гегемонистских планов. В начале ноября 1914 г. бывший морской министр Джемаль-паша стал командующим четвертой армией в Сирии для освобождения Египта от Англии, что предусматривало наступление на Суэцкий канал. Это позволяло ему преждевременно пользоваться титулом "Спаситель Египта". Затем он намеревался возглавить одну из освобожденных провинций и основать новую династию. Великому визирю Саид-паше, египетскому принцу, было обещано после изгнания Англии из Египта дать должность правителя хедива. Главнокомандующий турецкими силами Энвер-паша, женатый на одной из турецких принцесс, отбыл для подготовки наступления на Кавказ. Номинально ставилась задача достижения возврата "турецких вилайетов" (Ардаган, Артвин, Карс и Батуми), уступленных России после войны 1877-1878 г., а на деле речь шла о завоевании Кавказа и установлении смычки с мусульманами Кавказа. Отбытие Энвер-паши прошло без ажиотажа, манифестаций и шумных публичных проводов, как в случае с Джемаль-пашой.⁹

В первые дни войны было издано "Воззвание к мусульманам" с призывом к взять власть в местах проживания:

"Индия - для мусульман Индии,
Ява - для мусульман Явы,
Алжир - для мусульман Алжира,
Марокко - для мусульман Марокко,
Тунис - для мусульман Туниса,
Египет - для мусульман Египта,
Персия - для мусульман Персии,
Туран - для мусульман Турана,
Бухара - для мусульман Бухары,
Кавказ - для мусульман Кавказа,
Османская империя - для османских мусульман."

Воплощение идеи панисламизма предусматривало уничтожение всех лиц, которые рядом с мусульманами исповедовали другие божественные культы: "Убивайте их повсеместно, где их найдете".¹⁰

Призыв к взаимодействию с турками на театре военного противостояния в ноябре и декабре 1914 г. получил широкое распространение среди мусульман Карсской и Батумской областей. Против русской власти, в основном, выступили русскоподданные турки и аджарцы. Наибольшую жестокость проявили мусульмане Нижне-Аджарского участка Батумской области, которые обещали туркам проход через Мургульское ущелье, занятие г. Артвина и Артвинского округа. Вторгнувшихся турецких войск местные мусульмане встречали хлебом и солью, давали приют, доставляли провиант и представляли военные сведения. Мусульманские проводники сопровождали турецкие части и укрывали от русских формирований. При содействии "Особой организации" военного министерства, осуществлявшей диверсионные и карательные мероприятия, началась поголовная расправа с местным армянским населением.¹¹

Всемогущий министр внутренних дел Талаат-паша, председатель партии "Иттихад", претендовал на должность великого визиря. Как неофициальный руководитель правительства и глава "Особой организации", он непосредственно готовил уничтожение армянского населения Османской державы. Намечались репрессивные меры деклассированных элементов, задействование сил поддержки, осуществление депортирования армянского населения в пустыни Месопотамии. Главной политической установкой являлось упразднение Армянского вопроса. Связь между "Особой организацией" с Талаатом поддерживалась через "Исполнительный комитет".

Военные усилия союзных держав - Турции, Германии и Австро-Венгрии - по достижению политической гегемонии соседствовали с дипломатическими усилиями по расшатыванию рядов стран Антанты, куда входили Англия, Франция и Россия. В ноябре 1914 г. германский посол в Константинополе Г. Вангенгейм начал вести беседы с американским послом Г. Моргантау. Несмотря на свою военно-политическую мощь, США, до поры до времени, придерживались нейтралитета в мировом конфликте, чтобы иметь выгодные условия для построения послевоенного мира. Этот аспект учитывал Вангенгейм при рассмотрении всех возможных последствий войны: "Мудрый полководец, когда начинает войну, всегда имеет планы для отступления на случай поражения".¹² Подход мотивировался тем, что Германия готовилась к блиц-кригу, а война приняла затяжной характер с перспективой на пять лет. Надежда на занятие Парижа в течение 30 дней оказалась несостоятельной, и Берлину приходилось воевать на два фронта - непосредственно против Франции и России. Косвенно приходилось спасать Австро-Венгрию от развала под русскими военными ударами и сражаться также с Англией. Условия мира предусматривали закрепление за Германией Месопотамии, с экономическим предприятием в виде Багдадской железной дороги, и оставление Египта Англии. После чего должен был последовать раздел Ближнего Востока между Англией и Германией. Успех Турции в

Египте не предусматривался. Более того, при установлении мира Берлину пришлось бы требовать его закрепления за Турцией. Туманному Альбиону предлагалось осуществить раздел Турции на две части с Германией. Переговоры о мире должны были вести американские дипломаты в Европе.

В ноябре 191 г. внешнеполитическое ведомство Германии запросило руководство "Германо-Армянского общества" о содействии в миссии привлечения западных армян к участию в мировой войне на стороне Османской державы. Предполагалось осуществить контакты с армянскими политическими кругами и Константинопольским патриархатом. Руководство общества - И. Лепсиус, Дж. Гринфилд, П. Рорбах - дало свое согласие, при условии продолжения прерванной программы армянских реформ 26 января 1914 г. после мировой войны.¹³ В качестве эмиссара "Германо-Армянского общества" в Турцию должен был отправиться член партии "Дашнакцутюн" доктор Липарит Назарян.¹⁴

В руководстве "Германо-Армянского общества" особое положение занимал Пауль Рорбах, один из теоретиков депортации армянского населения Османской державы, являвшийся руководителем пропагандистского отдела внешнеполитического ведомства. 31 октября 1914 г. в журнале "Das grosser Deutschland" (Большая Германия) он опубликовал статью "Куда нас должна привести война". В ней были изложены установки Германии на доминирование в трех регионах мира. Рорбах писал: "Перед нами три мира, которые еще не знают, какая из западноевропейских наций должна быть их вождем на пути приобщения к культуре: это Ближний Восток, Дальний Восток и Африка".¹⁵ В устройстве Ближнего Востока важную роль играл Армянский вопрос.

Военная обстановка ускорила подготовительные мероприятия "Особой организации". 13 ноября 1914 г. члены центрального комитета "Иттихад" Азиз, Назим и Халил направили телеграмму Мидхат Шюкри о приведении в боевое состояние структур "Тешкилят-и-махсусе": "Уважаемый брат. Посредством секретарей Измита, Бруссы, Бандрма, Балкесири и других мест дай сведения о возможности в течение недели собрать особых людей".¹⁶ Отправителем телеграммы являлся координатор "Особой организации" комендант Стамбула Халил-бей. 20 ноября уполномоченный следователь партии "Единение и прогресс" Муса телеграфировал Мидхат Шюкри о готовности репрессивных структур.

Активизировались действия Бехаэддин Шакира, который телеграфно заверял Талаата об успешности действий "Тешкилят-и-махсусе" в районе от Артвина до Марудла. В районе Басена располагались отборные резервные части, об использовании которых руководитель "Особой организации" восточных вилайетов еще не принял решения. 17 ноября 1914 г. Талаат предписал Бехаэддин, - "делать больше нечего" после расправы над армянским населением Артвинского округа, - двинуться в Трапезунд для занятия дру-

гой “ответственной должности”. 29 ноября Мидхат Шюкри сообщил Бехаэддину о посылке 200 четников из черкесов. Обещалось выслать еще отряд в 300 - 400 черкесов. Из тюрьмы в конце ноября было выпущено 2267 голворезов для участия в деле уничтожения армян.¹⁷

В середине ноября 1915 г. Хойский консул Турции в Персии сообщил в Эрзерум о прибытии в Салмаст армянской дружины во главе с известным гайдуком Андраником, в распоряжении которого, якобы, находилось 10 тыс. добровольцев. Молва приукрасила численность армянских дружинников в 10 раз, которая вскоре была опровергнута, но стало известно о наличии новых дружин. Тревожная информация побудила младотурецкое руководство, под давлением германской дипломатии, использовать план “политической нейтрализации” армян.¹⁸

В конце ноября 1914 г. младотурки начали переговоры с представителями партии “Дашнакцутюн” о достижении взаимопонимания в Армянском вопросе. Младотурецкую делегацию возглавлял член центрального комитета партии “Иттихад” мутесариф Муша Сервет бей, близкий друг Энвер паши.¹⁹ Были выдвинуты условия возможного соглашения: “1) прекратить русофильское движение среди русских армян и распустить добровольческие дружины на Кавказе; 2) в случае выступления грузин и кавказских мусульман примкнуть к ним; 3) организовать в Турции армянские добровольческие дружины”.²⁰

Речь шла о реанимации плана антирусского альянса закавказских народов, изложенного еще 15 августа 1914 г. на Эрзерумском совещании армянских и турецких представителей. Тогда дашнакцаканов представляли Врамян, Акнуни и Ростов, а иттихадистов-Бехаэддин Шакир, Наджи бей и Халил бей. Решающая роль в формировании антирусского альянса отводилась армянам. В регионе намечалось создать три национальные автономии: Грузинская из Тифлисской и Кутаисской губерний, Батумской области; Мусульманская - Дагестан, Бакинская и часть Елизаветпольской губерний; Армянская - Ереванская губерния и часть Елизаветпольской губернии, Карсская область и сопредельные территории Эрзерумского, Ванского и Битлисского вилайетов. Естественное неверие армянских деятелей в политический гуманизм младотурок и территориальные рамки буферной автономной Армении обусловили провал переговоров. Участники переговоров не пришли к соглашению. Раздосадованные младотурки, покидая совещание, открыто обвинили армянскую сторону в русофильстве и указали на отрицательные последствия отказа от создания антирусского альянса. Проходящий в Эрзеруме 8 -й съезд партии “Дашнакцутюн” постановил сохранить армянскую лояльность к Османской Турции. Съезд не отверг возможность сотрудничества с партией “Единение и прогресс” в вопросах, отвечающих партийной программе “Дашнакцутюн”. После совещания

Бехаэддин Шакир определил позицию армян как “изменническую” и попирающую интересы Османской Турции.

Ноябрьское армяно-турецкое совещание 1914 г. по взаимодействию в войне против России номинально продолжало усилия младотурок по переориентации западных армян. В нем не приняли участие видные представители младотуркизма, которые имели опыт Эрзерумского совещания и были заняты подготовкой геноцида армянского народа. Именно поэтому младотурецкую делегацию возглавлял Сервет - бей, что являлось пониженным уровнем представительства, которое можно было списать на военную обстановку и занятость вождей партии “Иттихад” государственными делами. Новым обсуждаемым положением, по сравнению с Эрзерумским совещанием, являлось требование о роспуске армянских добровольческих дружин на Кавказе. Явная несостоятельность этого требования объяснялась тем, что армяне Кавказа являлись гражданами России и откликнулись на призыв русских властей о создании дружин. В повестку дня вновь был включен вопрос об организации армянских дружин в Турции, хотя армянская молодежь была призвана в турецкую армию, а армянские национальные структуры сохраняли позицию лояльности к Османской державе.

В использованном документе о ноябрьском турецко-армянском совещании 1914 г., представляющем собой записку, поданную в Министерство иностранных дел России (11 ноября 1915 г.), не говорится о предложении младотурок создать автономную Армению, что свидетельствует о формальном отношении к переговорам. В то же время отмечается отказ армянской стороны по всем пунктам возможного соглашения: “Армяне категорически отклонили все предложения турок”. Как и прежде, младотурки позицию армянской стороны сочли пораженческой для себя. Ими было представлено заранее заготовленное обвинение, тождественное Эрзерумскому совещанию, о виновности армян в будущих военных неудачах: “Уходя с совещания, турецкие делегаты заявили армянам: ”На Кавказе армяне явно выступили на стороне России и являются помехой стремлениям Турции, ответственность за турецкие неудачи всецело ляжет на вас, армян”.²¹

В Ване начальные переговоры проводились между вали Тасин беом и одним из лидеров местного комитета партии “Дашнакцутюн” Арамом Манукяном. В ходе беседы, которой был придан доверительный характер, вали затребовал расформирования армянских дружин. Отказ был представлен чреватый последствиями для армянского населения Турции. Прежде всего было указано намерение правительства в Константинополе использовать армянских призывников не в строевых частях, а лишь в рабочих командах. Это объяснялось отсутствием доверия к армянскому населению и лишением армянских солдат возможности использовать оружие против правительственной власти. На деле же речь шла о лишении возможности осуществить защиту армянского населения, либо прибегнуть к самообороне. На

эту мысль наводило сообщение Тасин бея, что власти Турции намерены выселить армянское население из зоны боевых действий в глубь страны. Информация заставила Ванский комитет партии “Дашнакцутюн” обратиться к Салмастскому комитету и Андранику о недопущении необдуманных действий.²²

Координатором армяно-турецких переговоров являлось германское посольство в Константинополе. За спиной Вангенгейма находился видный дипломат Р. Кюльман, прибывший в Константинополь с тайной миротворческой миссией по выводу Англии из войны. Кюльман являлся уроженцем Константинополя, где провел свою молодость, пользуясь полным доверием турок. Немецкая мировая политика - “Welt politik” была готова пожертвовать судьбой Османской империи, чтобы создать “Большую Турцию” (“Малый Туран”), включавшую Анатолию, Кавказ и Персидский Азербайджан. В этом видении политическая судьба армянского населения представлялась изгоем, которое из Восточной Анатолии - Западной Армении надлежало депортировать в Месопотамию для обеспечения процветания Багдадской железной дороги. Восточные армяне должны были разделить трагическую судьбу западных собратьев либо получить определенную степень самоуправления.²³ В то же время немецкая “Welt politik” могла усилиться за счет армянской интриги против России.

Итогом переговоров стало заявление Совета партии “Иттихад” 2 декабря 1915 г. о том, что армяне на всем протяжении истории Османской державы внесли вклад в дело обеспечения ее “славы и мощи”, демонстрируя всегда сыновью преданность к османской родине. Подчеркивалось, что такое “патриотическое поведение” опровергает сообщения вражеской печати, что среди османских граждан существует “раскол и сепаратизм”.²⁴

14 декабря 1914 г. султан Махмуд V приветствовал открытие парламента Османской Турции, содержащее видение внешнеполитической деятельности страны. Устранение последствий Балканских войн (1912-1913 гг.) для Европы обернулось всеобщим конфликтом. Необходимостью защиты национальных интересов объяснялось ираде султана о нейтралитете и мобилизации вооруженных сил Турции. Вооруженный нейтралитет представлялся нарушенным нападением флота России на турецкие суда в Черном море, хотя имел место совершенно обратный военно-политический процесс. Началом боевых действий со стороны стран Антанты мотивировалось вступление Турции в войну. Заявлялось, что Россия, Англия и Франция изначально стремились осуществить “истребительную политику” по отношению к исламскому миру, что побудило объявить священную войну.

Выражалась надежда, что Национальное собрание даст аналогичную оценку внешнеполитическим событиям. Успех турецких сухопутных и морских сил рассматривался вкладом в победу союзных Германии и Австрии - Венгрии. Ожидались блестящие успехи исламских народов в Азии и Африке,

что позволило бы последователям Аллаха иметь “блестящее будущее”. Положительно оценивались отношения Турции с нейтральными странами, в особенности с “дружественной” Болгарией. Парламентарии призывались внести свой вклад в защиту “отечества и родины”. Ответное приветствие приняла палата депутатов, позитивно излагавшая оценку событий венечного повелителя. Было усилено значение исламского мира, защитником которого провозглашалась Османская Турция, а боевые действия представлялись во имя сохранения султанского престола и отечества. 300 миллионов сторонников ислама указывались ожидающими повелений духовного халифа во имя “справедливого суда”. Выражалась уверенность в торжестве священной войны.²⁵

Временный успех турок в начале декабря наступления 1914 г. на Кавказском фронте обернулся погромом в армянских селениях Башкала, Паз, Писс, Алалиан, Споран, Гасалун и Аван.²⁶ Халил бей с дивизией был направлен на фронт. 15 декабря 1914 г. новым координатором деятельности “Особой организации” стал Джевад бей в качестве команданта Стамбула. Для проведения репрессивных акций Бехаэддин Шакир 16 декабря запросил от доктора Назима выслать пять групп четников из 55 человек. 19 декабря партийный представитель партии “Иттихад” в Бруссе сообщил о включении в состав “Тешкилят-и-махсусе” заключенных и преступников.²⁷

В середине декабря 1914 г. доктор Кюльман вернулся в Берлин. Последствием изучения политического положения Турции и значения Армянского вопроса явилось сохранение иллюзии в возможность выступления армян против России. Результатом стала миссия доктора Липарита Назаряна, имевшего дипломатические способности, в Османскую державу по обеспечению политической ориентации турецких армян. Правление “Германо-Армянского общества” 22 декабря 1914 г. оповестило Министерство иностранных дел, что целью доктора Липарита является сохранение лояльности турецких армян и поддержка действий Высокой Порты: “Действовать при армянском патриархате, партийном руководстве “Дашнакцутюн” и правящих кругах армян, чтобы армянский народ приложил свои национальные усилия, тесно примкнув к Турции, ради победы османского оружия и в мудром осознании своих собственных интересов, изо всех сил всемерно поддерживал бы турецкое правительство в осуществлении всех мероприятий и военных операций в населенных армянами провинциях”.²⁸

Противоречия умиротворительной миссии германской дипломатии по решению Армянского вопроса и известия о истребительной политике младотурок побудили патриарха Завена на Новый год послать местоблюстителя патриарха архимандрита Ерванда Пертаджяна к германскому послу Вангенгейму с запросом о судьбе армянского населения Османской Турции. В ответ прозвучало успокаивающее заявление: “Так как Германия является союзником Турции, то никто из христиан не должен иметь причины

для опасений. Будьте полностью уверены, что ни здесь, ни в провинциях нос ни одного армянина не будет окрашен в кровь". По мнению патриарха Завена, заявления посла было фальшивым: "Эти слова, несомненно, не были искренними, а предназначались для обмана".²⁹

2. "Десять инструкций" партии "Иттихад"

Внешняя угроза интервенции заставила младотурок вновь заняться Армянским вопросом. В начале января 1915 г. неофициальный центр партии "Иттихад" (Талаат, Б. Шакир, И. Джанполад, Назим и полковник Сейфи) подтвердил "Десять инструкций", принятых еще на Салоникском съезде (10 августа 1910 г.), для подавления возможной армянской политической активности. Первая инструкция предусматривала запрет всех армянских союзов, арест всех армян, занимавшихся "антиправительственной Деятельностью" с последующим уничтожением на пути высылки в Мосул либо Багдад. Вторая инструкция кратко требовала лишения "армян" оружия. Необходимость этого шага раскрывалась в третьей инструкции, намечавшая осуществление подстрекательства мусульманского населения против армянского, используя опыт вилайетов Вана, Эрзерума и Аданы, для организации погромов. Для этого четвертой инструкцией рекомендовалось опереться на мусульманское население Эрзерума, Вана, Мамурет-уль-Азиза (Харберд) и Битлиса, используя силовые ресурсы для поддержания общественного порядка. Обращалось внимание на значение полиции, доказавшей эффективность во время карательных расправ над армянами вилайетов Аданы, Себастии, Бруссы, Измита и Измира. Пятая инструкция конкретизировала возрастную порог подлежащих истреблению армян - мужчин, священнослужителей и учителей до 50 лет. Шестая инструкция предусматривала выселение тех семейств, совершеннолетним членам которых удалось бы спастись, чтобы лишиться связи с родиной. Седьмая инструкция планировала удаление всех государственных армянских служащих под предлогом возможного шпионажа, а восьмая - ликвидацию "удобным путем" армянских заключенных в тюрьмах. Девятая инструкция намечала одновременное действие антиармянских мероприятий, чтобы армяне не имели возможности оказать вооруженное сопротивление. Последняя десятая инструкция содержала требование о строгой секретности документа, который подлежал оглашению для 2-3 человек в каждом вилайете.¹

Неофициальный центр партии "Иттихад", выступая плагиатором собственного решения 1910 г., считал, по всей видимости, что более лучшего создать нельзя. Десять инструкций по "Армянскому делу" состояли из трех главных компонентов: политического, истребительного и депортации. Политический компонент намечал закрытие армянских политических институтов и ликвидацию политической элиты. Истребительный компонент предусматривал физическое истребление армянского населения Турции как эт-

носа, претендовавшего на территорию и самостоятельное существование, с национальной культурой. Депортация предполагалась для слабой части армянского населения - стариков, женщин и детей до десятилетнего возраста, а оставшиеся представители мужского пола подлежали уничтожению.

Обращает внимание использование исторического опыта погромов в армянских вилайетах и местностях с армянским населением. Намечался системный и государственный погром всего армянского населения Турции путем слияния отдельных погромов в единую целостность. Такой подход младотурки и султан Абдул Гамид намечали осуществить в апреле 1909 г, когда предполагалось превратить Западную Армению в "кровавое озеро" с местами концентрации армянского населения. Этот план удался лишь в Киликии, ставшим известным под названием Аданских событий, когда погибло около 30 тыс. армян. План всеобщей резни армян провалился из-за прибытия иностранных судов к Киликии, ввиду негативной позиции зарубежных стран, а главным образом из-за наличия оружия и бомб у армянского населения. Плагиат исторического прошлого проявился в совместном использовании возможностей вооруженного мусульманского населения с полицией.² Как и раньше, предусматривалось сокрытие следов преступлений и участие в них руководства Османской державы. 8 января 1915 г. комендант Стамбула Джевад - бей напомнил "Особой организации", что по "закону" все оригиналы отправляемых телеграмм после ознакомления подлежали уничтожению.³ Весь подход диктовался условиями военного времени, лишавшими армянское население возможности эффективной самообороны и опоры на внешнеполитическую поддержку великих держав.

11 января 1915 г. газета "The New York Times" поместила сообщение "London Daily Telegraph" о том, что правительство Турции не боится "мировой революции" и предпримет решительные меры против врагов партии "Единение и прогресс." Единственной ахиллесовой пятой военно-стратегического положения Высокой Порты представлялись пролив Дарданеллы, как следствие возможного нападения вражеского флота. Выдвинута традиционная угроза турецкой дипломатии осуществить расправу с христианами подданными. Германский посол Вангенгейм предупредил страны Антанты, что в случае наступления на пролив Дарданеллы для занятия Константинополя они встретят яростное сопротивление, которое будет сопровождаться погромами христианского населения. Министр внутренних дел Талаат - паша сообщил греческому патриарху, что отныне для христиан нет места в Турции, и было бы лучше, если они покинут страну, которая должна стать очагом для мусульман - эмигрантов.⁴

Уделено внимание пропаганде образа лояльности армянского населения Османскому отечеству. 18 января 1915 г. газета "Jeune Turk", находящаяся под контролем партии "Иттихад", выразила удовлетворение относительно верноподданства армянского населения Турции. Энвер паша направил бла-

годарственное письмо епархиальному Конии архимандриту Гарегину Трапезундскому по поводу верности армянского населения, которое спустя месяц было перепечатано в газете "Osmanisher Lloyd", подконтрольной германскому посольству.⁵ Совет партии "Иттихад" 18 января 1915 г. подтвердил заявление от 2 декабря о том, что армяне на всем протяжении истории Османской державы являлись верноподданными. Лишь вместо клише о деятельности "вражеской печати" по внесению сепаратизма в ряды "османских элементов" говорилось о происках. Зарубежные публикации о представлении армян "друзьями" сочтены инсинуациями, направленными на порождение подозрений у мусульман против армянского населения Турции.⁶

Доктор Кюльман вернулся из Германии в Константинополь в январе 1915 г.⁷ Константинопольского патриарха Завена стал посещать главный консул и куратор по армянским делам германского посольства доктор Мордтман. Предметом разговоров являлась политическая ориентация армянского народа. Мордтман спросил: "Почему армяне являются большими друзьями стран Тройственного согласия, чем нашего".⁸ На это последовал контрвопрос и ответ патриарха: "Почему армянский простой народ должен знать германцев? Многие армяне Карина, Вана и Багеша всегда направляются на работу в Россию и зарабатывают деньги, видят, что эта страна более свободна, чем Турция. По этой причине сердцем привязаны к ней."⁹ Симпатии к Франции объяснялись статусом французского языка как международного в Османской Турции, изучаемого в армянских школах. Этому содействовала деятельность католических миссионеров. Аналогичную деятельность вели представители англиканской церкви, в то время как Германия не предприняла ничего для собственного познания. Отмечено, что армяне во "внутренних вилайетах" Анатолии зачастую путают немцев и австрийцев с евреями. Иной уровень политического познания стран Европы демонстрировали представители армянских высших слоев, среди которых имелись поклонники Германии и ее культуры. Содержание беседы с патриархом доктор Мордтман добросовестно изложил германскому посольству.

После установления доброжелательных отношений доктор Мордтман счел возможным затронуть проблему перемены политической ориентации армян Кавказа, которая интересовало германскую и турецкую дипломатию. Он предложил патриарху издать кондак с призывом к армянским солдатам, сражавшимся на русско-турецком фронте, не воевать против Турции. Ответ патриарха Завена сводился к тому, что его полномочия духовного главы армян ограничивались лишь территорией Турции: "Сидящий в Эчмиадзине католикос духовно выше меня, и я считаюсь его заместителем. В дела армян, проживающих вне Турции, не имею права вмешиваться. Это выше моих полномочий".¹⁰

В Константинополь прибыл также доктор Липарит Назарян, получивший, кроме заграничного паспорта Министерства иностранных дел, еще один от

немецкого посольства. Начались старания доктора Липарита по отказу политического руководства западных армян от идеи восстания против младотурецкого режима и оказания содействия русским формированиям.¹¹ Константинопольскому патриарху и армянским политическим представителям Назаряном было заявлено о необходимости, "чтобы армянский народ, тесно примкнув к Турции, вложил свою национальную силу в победу оттоманского оружия и в мудром понимании своих собственных интересов и в меру сил поддержал турецкое правительство в проведении всех мероприятий и военных операций в населенных армянами провинциями".¹²

21 января 1915 г. командующие армиями, корпусов и руководство Измирского района получили отношение военного губернатора Стамбула Джевад бея о отправлении сформированных отрядов "Тешкилят-и-махсусе" на места назначения. Сообщалось о продолжении создания новых чет.¹³ Январские поражения 1915 г. Энвер паши в кровопролитном Сарыкамышском сражении (4 декабря 1914 г. - 18 января 1915 г.) и Джемаль паши в ходе Суэцкого похода (27 января - 3 февраля 1915 г.) изменили военное положение Турции. Джемаль паша перешел к оборонительным Действиям в Месопотамии, питая надежду на второй Суэцкий поход.¹⁴ Русская армия стала очищать от противника территории Карсской и Батумской областей, готовиться к продвижению в Западную Армению, чему мешали тридцатиградусные морозы. Спасенный армянским воином Энвер паша от позорного пленения вернулся в Константинополь. В письме к Константинопольскому патриарху Завену Егяну им была выражена признательность за вклад армянского населения в боевые действия турецких сил. Отмечены героизм и самопожертвование армянских солдат.¹⁵ В последовавшей затем встрече с патриархом Энвер паша сделал упор на предостережение армянского населения от восстания в тылу турецкой армии и взаимодействии с Россией, грозя, в противном случае, тяжелейшими карами для всего армянского населения. Англия и Франция начали Дарданелльскую операцию по занятию Константинополя. Возникли разговоры о переносе столицы в Эски-Шейх. Реальной Ощущалась смертельная угроза превращения Османской Турции в азиатскую державу. Сверхактуальной стала рассматриваться проблема тюркизации Анатолии, когда национальная консолидация турок предусматривала отнятие жизненной территории у армянского народа путем решения Армянского вопроса геноцидом.

16 февраля 1915 г. газета "The New York Times" опубликовала заявление Талаат паши о том, что Османская Турция вступила в мировую войну лишь после возникновения реальных угроз со стороны России и Великобритании. Умалчивалось значение Армянского вопроса. Заявлялось о принятии всех необходимых мер для ведения войны до победного конца. Было представлено заявление от имени министров внутренних дел Талаата, финансов Джавида и военного Энвер паши о гуманизме внутренней политики к ино-

верцам: “Священная война не угрожает христианам, но священная война - факт, который необходимо учитывать противникам мусульманского мира. Христиане Османской империи, которые разделяют судьбу империи, не мучаются от созданных действующим правительством условий, наоборот, каждое заявление является результатом британских, французских, русских махинаций, целью которых является поднять против Турции те нейтральные страны, которые стоят более низко в османском мире”. Военный успех Турции представлялся успехом всех мусульман: “Победа османских военных сил будет содействовать установлению мусульманского господства относительно России, Франции и Великобритании”. Отмечалось о необходимости вовлечения Персии в мировую войну. Заявление Талаата носило пропагандистский характер, хотя содержало обеспокоенность ухудшением военной ситуации вокруг страны, которую представлялось возможным переломить за счет открытия военных действий со стороны Персии.¹⁶

Реальное содержание турецкой политики в Армянском вопросе отразило тайное собрание центрального комитета “Иттихад” под председательством Талаата в середине февраля 1915 г. Присутствовали почти все видные младотурки, за исключением Джемал паши, находящегося на Египетском фронте.¹⁷ Положение в стране было тревожное. Энвер паша потерпел под Сарыкамышем, а русская армия продвинулась в глубь Западной Армении. Англия и Франция начали Дарданельскую операцию по занятию Константинополя. Воспоминания о ходе этого собрания оставил Мевлен заде Рифат. В условиях осложнения военного положения Турции доктор Назим призвал руководство партии действовать “быстро и решительно” в деле упразднения Армянского вопроса. “Если довольствоваться частичной резней, как это было в 1909 г. в Адане и других районах, то это вместо пользы принесет вред, так как мы рискуем пробудить элементы, которых собираемся сместить с дороги - арабов и курдов: опасность увеличится второе и затруднится осуществление нашего намерения”. Был сделан призыв к поголовной беспощадной расправе: “Армянский народ надо уничтожить в корне, чтобы ни одного армянина не оставалось на нашей земле и забылось само это имя. Сейчас идет война, такого удобного случая больше не будет. Вмешательство великих держав и шумные протесты мировой прессы останутся незамеченными, и если они узнают, то будут поставлены перед свершившимся фактом, и тем самым вопрос будет исчерпан. На этот раз наши действия должны принять характер тотального истребления армян: необходимо уничтожить всех армян до единого”.¹⁸

На заседании Бехаэддин Шакир необходимость геноцида обосновывал конфессиональным и пантюркистским подходом: “Если такой бедняга, как Моисей, такой изгнанник как Иисус, и такой сирота как Магомет, смогли создать на земле отдельные величайшие религии, почему мы, люди сильной воли и ума, не можем создать и распространить религию и идею Ту-

рана”.¹⁹ Руководитель “Особой организации” Восточной Анатолии исходил из принципа: “Турция для турок”: “Мы, революционеры, построив во имя нации Османское государство на принципах национализма, установили настоящую власть Иттихад. В своей национальной культуре мы можем допустить лишь процветание турецкого семени. Мы обязаны очистить нашу родину от оставшихся неродственных народов, искоренить их, как сорные травы. Это - цель и девиз нашей революции”.²⁰

Представитель духовенства Гасан Фехми высказался в пользу намеченного: “С точностью доказано, что армяне приносят вред. Раз они восстали против партии “Иттихад ве теракки”, вынудили к постыдному бегству зятя султана героя свободы Энвер паши, то следует без колебания истребить всех до единого. Даже я готов дать желанное решение - фетву”.²¹ Им было предложено собственное видение геноцида: “Мне пришла в голову мысль о легком способе уничтожения. С вашего разрешения я сейчас представлю. Сейчас мы воюем, всех армян, способных нести оружие, пошлем на передовую линию сражаться против русских, а сзади откроем огонь специально посланными для этого силами и всех истребим. Оставшихся дома немощных, женщин и детей, согласно приказам, мигом уберут наши правверные, они разграбят их имущество и заберут девушек”.

Предложение ходжи-эфенди не прошло. “Разработка способов уничтожения, указал Энвер, - является делом специального органа”.²² Способ Гасан Фехми не мог заменить тотальную систему истребления государственной политики Турции. В заключение тайного совещания было принято решение о поголовном уничтожении армянского населения Османской Турции. Из присутствующих ни один не проголосовал против, а сомневающиеся предпочли промолчать, чем впасть в немилость.²³ А ведь решалась судьба армян Турции, численность которых на 1914 г., по далеко не полным сведениям, номинально превышала два миллиона.²⁴

О приблизительном состоянии армянского населения Османской Турции, численности пунктов проживания свидетельствует содержание таблицы.

Вилайеты и места проживания	Армянское население	Число пунктов проживания	Церкви	Школы
Эрзерум	215000	425	462	322
Ван	197000	450	537	537
Диарбекир	124000	249	158	122
Харберд	204000	279	307	204
Битлис	220000	681	671	207
Себастья	225000	241	219	204
Трапезунд	73390	118	109	190
Западная Анатолия	371800	237	281	300
Киликия и Сев. Сирия	309000	187	537	176
Европейская Турция	194000	58	87	79
Всего...	2133190	2925	3308	1996

Разрушать, не созидать. С момента прихода к власти в 1908 г. весь позитивизм партии “Иттихад ве теракки” по модернизации Османской державы рассыпался как карточный домик, поскольку либерализация режима вела к распаду империи. Чтобы выжить в грядущем послевоенном времени, сплотить турецкую нацию против внутреннего врага, младотурецкий режим на закланье посылал армянский народ. К этому времени центральный комитет партии “Единение и прогресс” создал институт уполномоченных исполнителей геноцида по вилайетам: ответственные секретари (кятипи месул), депутаты (мурахас) и общий следователь (умуми мюфеттчи).²⁵ Надзирателями всех действий являлись комиссары или же представители партии “Иттихад” в вилайетах.

О принятом постановлении совещания были поставлены в известность представители партии “Иттихад”. 18 февраля 1915 г. уполномоченному в Адане Джемаль бею была сообщена политическая злободневность Армянского вопроса: “Единственной силой в Турции, способной расстраивать политическую жизнь Иттихада, являются армяне...”²⁶ В искаженном виде интерпретировалась несостоятельность Парижского соглашения 1907 г. и конституционного соглашения с партией “Дашнакцутюн”, нарушение договоренности 1912 г. о предоставлении 20 депутатских мест в Османский парламент, подписание акта 26 января 1914 г. о реформах в Армении Турции с Россией: “Если подробно рассмотреть исторические обстоятельства прошлого, можно прийти к заключению, что все волнения, затруднявшие патриотические усилия “Джемиета” (общество, другое название Иттихад), являются результатом посеянных армянами семян раздора”.²⁷

Списав политическую несостоятельность по модернизации Османской державы на армянские политические круги и народ, “ответственное лицо” ставило в известность Джемаль бея о принятом решении тайного совещания центрального комитета: “Джемиет решил избавить отчизну от чествования этой проклятой нации, из патриотического побуждения взвалив на себя ответственность за позор, который очернит оттоманскую историю. Не в состоянии забыть все старые счеы и прошлые горечи, полный надежды на будущее, Джемиет решил уничтожить всех проживающих в Турции армян, не оставляя в живых ни одного из них, и предоставил правительству полную свободу действий в этом вопросе”.

В депеше представителю в Адане говорилось о трансформации турецкой этноагрессивной государственности в преступную организацию по решению Армянского вопроса путем уничтожения армянского населения, стимулируемую и руководимую партией “Иттихад”: “Разумеется, правительством будут даны соответствующие предписания губернаторам о необходимости проведения резни. Представители Иттихад сделают все возможное для скорейшего разрешения этого вопроса”. Говорилось об установлении надзора над подлежащей экспроприации армянской собственности: “Остав-

ленная собственность будет временно изъята всеми способами, которое правительство найдет подходящим, с целью продать ее впоследствии и вырученные деньги использовать для перестройки Джемиета на широкой основе, а также для патриотических целей”. Содействие в осуществлении Геноцида должны было оказывать намеченные к формированию исполнительные комиссии: “В соответствии с этим, если Вы сочтете необходимым, требуйте объяснения от исполнительных комиссий, которые будут образованы. Если Вы обнаружите какие-либо неполадки в администрации, можете обращаться или к генерал-губернаторам, или к нам”.²⁸

Содержание депеши свидетельствовало, что “Исполнительный комитет”, которому непосредственно подчинялись представители в вилайетах, усовершенствовал предполагаемый механизм геноцида, когда к деятельности “Особой организации” подключился административный ресурс в провинциях - уполномоченные “Иттихад” и исполнительные комиссии. Намечена координационная смычка. Депешу от имени “Исполнительного комитета” мог дать председатель доктор Назим, поскольку Бехаэддин Шакир отвечал за деятельность двух “Особых организаций” в Восточной Анатолии - Западной Армении, а Мидхат Шюкри был более мягкотелен в Армянском вопросе. Возможно и авторство Талаата, который дома имел телеграфный аппарат и, как бывший телеграфист, сам рассылал предписания в провинции. Осуществлена координация воинских частей с “Особой организацией”. Здесь уполномоченным Энвер являлся глава второго разведывательного отдела полковник Сейфи, который участвовал в секретных заседаниях по уничтожению армянского населения и нес ответственность за финансовые дела “Особой организации”.²⁹

Другой подготовительной мерой явились предписания армянскому населению в феврале-марте 1915 г. о сдаче оружия, в котором, якобы, очень нуждалось правительство Турции. По словам епархиального Себастии, на случай отказа угрожали направить всех лиц в военный трибунал. Сдавали оружие и представители турецкого населения, которые, затем, получали его обратно от администрации. Таким образом решались различные задачи. Турецкое население вооружалось, армяне лишались средств к самообороне, а в Константинополе получили возможность говорить о подготовке армянского восстания.

В феврале 1915 г. обострилось положение в Сасунской области: в деревнях Цронк, Варденис, Айледжан и других началось истребление армянского населения, способного носить оружие. В Сасунской области и в Мушской долине турки применили регулярные части, но Дарданелльская операция Англии и Франции не позволила использовать всю их мощь. Местному армянскому населению пришлось прибегнуть к самообороне. Для недопущения “повсеместного восстания” армянского населения младотурки организовали примирительные переговоры. Армянская сторона выдвинула ус-

ловия нормализации отношений: “1) не разоружать армян; 2) прекратить массовые избиения, 3) отказаться от проекта выселения армянского населения; 4) не трогать Сасуна.”

Масштабность противодействия политике решения Армянского вопроса побудила пойти на временную уступку: “Власти, предполагая, что число вооруженных армян не менее 20000 человек, хотя в действительности их было вдвое-втрое меньше, приняли условия армян, и гонения временно прекратились. Благодаря этому неведению властей, конец февраля, март и апрель месяцы прошли для населения сравнительно благополучно”.²³⁰

3. Истребительное решение Армянского вопроса

Дарданелльская операция англо-французских союзников внесла напряженность в политическую жизнь Константинополя. 24 февраля 1915 г. состоялся еженедельный прием у американского посла Моргантау. На нем присутствовали послы германского тандема - Вангенгейм и Паллавичини, нейтральных стран - итальянец Гарони, швед Анкерсвед, болгарин Колушев и представитель Персии. Темой бесед являлись последствия первой большой бомбардировки в Дарданельском проливе. По мнению германских представителей Кюльмана и первого секретаря Шарфенберга захват Константинополя являлся “почти свершившимся фактом”. Присутствующие сошлись в наличии критического момента и вероятности успеха англо-французских союзников. В этот момент Талаат имел меланхолический и отрешенный вид, заявив в узком кругу, что Англия захватит Константинополь. Им даже раз было заявлено сожаление по поводу вступления Турции в войну. Внутри Константинополя ожидалось восстание, которое как Немезида должно была наказать младотурок. Шеф тайной полиции Бедри - бей боялся больше всего восстания в Константинополе, чем преодоления англо-французскими союзниками береговых укреплений проливов. Возникла молва о переносе столицы в Эски-Шехир и поджоге на прощанье Константинополя, используя опыт Московского пожара 1812 г. Действительно, часть государственных архивов была переведена в Эски-Шехир.¹

27 февраля 1915 г. военный министр Энвер направил зашифрованную телеграмму командующим офицерам армии о необходимости реализации упразднения Армянского вопроса и уничтожения армянского народа: “Исходя из данных обстоятельств, Имперское правительство отдало приказ об истреблении всей армянской нации”. Требовалось выполнить четыре “операции.” Первая заключалась в выселении все османских армян свыше пятилетнего возраста из городов и их уничтожение. Вторая требовала отделения всех военнослужащих от своих дивизий, “не нарушая обычного распорядка”, для истребления: “Увести в уединенные места - подальше от посторонних глаз, и расстрелять”. Третья намечала осуществить арест армянских офицеров в полках и ждать указаний. Четвертая предписывала командирам

полков, после реализации вышеуказанных мер, в течение 48 часов издать “специальный приказ для проведения в жизнь”.²

Масштабность предполагаемых акций по реализации программы уничтожения армянского населения Османской Турции обусловила их первоначальное воплощение среди воинских частей, где наиболее полно была представлена “Особая организация”, что позволяло вывести из строя воинские силы возможной армянской самообороны. Среди сельского населения Вана и Киликии были начаты репрессии, ставящие целью сломить возможное сопротивление известных свободолюбивых армянских районов.

1 марта 1915 г. официоз партии “Иттихад” газета “Танин” выступила с заявлением об аресте членов армянской партии “Гнчак”. В нем сообщалось об организации покушения на жизнь председателя младотурок, министра внутренних дел Талаата. Руководителем заговора представлялся деятель оппозиционной либеральной партии “Итиляф” генерал Шериф паша. В связи с заговором указывался один из руководителей партии “Гнчак” Сапах-Гюлян, которому в случае успешного возвращения к власти якобы обещали портфель министра финансов. Был представлен также английский след. Утверждалось, что военный министр Англии лорд Китченер обещал 20 тыс. гиней за проведение покушения.³

В этом заявлении правда и дезинформация были сплетены вместе. Осенью 1914 г. руководству партии “Дашнакцутюн” на Кавказе было предложено найти боевиков, которые, должны были провести покушение против Энвер-паши как главного представителя влияния Германии в Османской державе. Глава русской жандармерии в Тифлисе даже назвал имя личности главе Тифлиса А. И. Хатисову, которая могла бы возглавить группу смельчаков, но из-за последствий для армянского населения Турции партия “Дашнакцутюн” не дала своего согласия. После чего страны Антанты обратились за содействием к партии “Гнчак”. Один из ее руководителей Аршавир Есяян сообщил в Константинополь имена возможных участников теракта, что стало поводом для арестов гнчакистов.⁴ Произошедшее было использовано руководством партии “Иттихад” для расправы с партией “Гнчак”, которая на политической авансцене Турции поддерживала партию “Итиляф”. В июне 1914 г. иттихадисты сорвали проведение съезда партии “Гнчак” и подвергли аресту многих участников по обвинению в покушении на жизнь Талаата. Так, заговор стран Антанты был использован для устранения партии “Гнчак”.

2 марта 1915 г. посланец католикаса Киликии Саака устно сообщил патриарху Завену о предстоящей депортации армянского населения и самого патриарха. Обращения Константинопольского патриарха о достоверности полученных сведений были опровергнуты Высокой Портой и послом Вангенгеймом.⁵ Для Талаата окончательно стало ясно наличие разногласий в Армянском вопросе с Германией. Вырисовывалась картина стремления

Берлина сохранить армянский народ для послевоенного участия в управлении Османской Турции. При этом взаимодействие с Германией рассматривалось Талаатом вынужденной мерой до поры до времени, что не нравилось некоторым турецким деятелям.

В январе 1914 г. один из депутатов Османского парламента пожаловался Талаату на невероятное влияние Германии в стране и заявил о его противоречии национальным интересам, так как Берлин поставил целью превратить Турцию во второй Египет. На это последовал обескураживающий по откровенности ответ министра внутренних дел о вынужденном содружестве: "Очень хорошо знаем это, Однако знаем и то, что не можем восстановить родину, опираясь на наши ресурсы. Следовательно, должны использовать тех практических и профессиональных учителей, которых может представить Германия. Мы должны их просить помочь нам перестроить и защитить нацию, пока мы сами не сумеем ею управлять, и лишь после этого в течение 24 часов пожелаем им удалиться и поблагодарим за содействие".⁶

Турецкое общество переживало разочарование в несостоятельности надежд на победу австро-германских союзников. К этому был присоединен провал походов на Кавказ и Египет, содействовавший падению престижа младотурецкого руководства Османской державы, вынуждая их использовать репрессивные меры управления и устанавливать тоталитарную систему власти. Симптоматично донесение австро-венгерского посольства в Константинополе 3 марта 1915 г.: "Предварительный восторг перед Германией решительно спал. Число тех, которым война принесла несчастье, растет. Без сомнения, надежны только Энвер и Талаат. Энвер знает, что его судьба связана с этой войной и союзом с Германией и Австро-Венгрией и что для него более нет колебаний. Он также знает, что его жизнь под серьезной угрозой, почему он и принял большие меры предосторожности для своей персоны. Доверяет он только так называемой канун, военной полиции, которая охраняет только его".⁷ Среди части членов центрального комитета партии "Иттихад" возникла идея дворцового переворота по отстранению Энвера от власти. В заговор был вовлечен наследник турецкого престола Юсуф Изземедин, имевший репутацию сторонника Франции и ярый противник военного министра. Участники готовящегося переворота ждали форсирования пролива Дарданеллы англо-французской экспедицией для выступления и подписания мира. Страны Антанты имели свое видение управления Турцией после захвата Константинополя.⁸

Возникла острая необходимость в образе внутреннего врага, борьба против которого позволила бы сплотить различные слои турецкого общества и способствовать укреплению младотурецкого режима. Традиционным средством разрядки напряженности внутренней и внешней опасности, преодоления кризисов и потрясений являлась борьба против иноверцев, которых можно было обвинить во всех смертельных грехах. Палочкой - выруча-

лочкой для турецкой элиты являлась борьба против Армянского вопроса, ведущаяся на протяжении почти полувека и результаты которой, в приобретении достатка армянского населения были ощутимы для турецких масс.

Обострение внутреннего положения в стране побуждало младотурок не уступать в Армянском вопросе, хотя бои с англо-французским десантом велись на подступах к Константинополю изо всех сил. Из запроса патриарха Завена были сделаны выводы. 13 марта 1915 г. сессия Османского парламента была досрочно завершена. Это решение содержало в себе два важных политических фактора для младотурецкого решения Армянского вопроса. Первый фактор изложил сам Талаат, который заключался в стремлении не допустить разглашения тайной информации о готовящемся геноциде армянского народа: "Мы установили, что некоторые депутаты и сенаторы (сенаторы Габриель Норатункян и Петрос Галаджян) допустили утечку важной информации о решениях и сообщениях, касающихся "Тешкилят-и-Махсусе". Эта информация попала в распоряжение лиц, не являющихся турками, - начиная от патриархии до иностранных посольств. Было невозможно воспрепятствовать деятельности этих людей до тех пор, пока работал парламента".⁹ Другой политический фактор заключался в возможности создания правового законодательного поля, в условиях бездеятельности парламента, для проведения решений по осуществлению геноцида.¹⁰

Упоминание об утечке информации, очевидно, имело место. 13 марта 1913 г. болгарский посол, полномочный министр Колушев сообщил председателю Совета министров Болгарии В. Радославу, что американский и итальянский послы Моргентау и Гарони заявляли о "большой озабоченности" чересчур строгими мерами младотурецкого режима к армянскому населению. Они считали происходящее симптомом приближающейся "всеобщей резни". Сообщалось об аресте видных представителей партии "Гнчак", которых должны были повесить. По словам Гарони, этот акт расправы должен был послужить сигналом к массовым погромам. Американский и итальянский послы предпринимали усилия по отвержению массовой резни и просили содействия посла Болгарии.

В середине марта 1915 г. Берлин посетил министр иностранных дел Халил Ментеше. Визит был продиктован необходимостью утрясения взаимоотношений с Германией в Армянском вопросе. Лидер католического центра рейхстага Матиас Эрцбергер внес на рассмотрение верховного командования предложение занять территорию по Дунаю в Сербии, чтобы получить "свободный проход" через Болгарию в Турцию.¹¹ В ходе комплексного вопроса была рассмотрена возможность создания армянской автономии в Турции для учета немецких интересов. Младотурецкое руководство приняло все усилия по отстаиванию своих видов. В ходе обсуждения военных вопросов было достигнуто взаимопонимание о депортации армянского населения в Месопотамию. Берлин остро нуждался в участии Турции в

боевых действиях, отвлекающих на себя русские и английские части. Согласие на депортацию являлось стыдливой санкцией младотуркам на расправу с армянским населением. У вернувшегося министра иностранных дел Ментеше Талаат сразу же запросил подробности: “Расскажи-ка, Халил, что ты обсуждал в Берлине по поводу всех этих депортаций?”¹² Немецкий план депортации не являлся помехой младотурецкой программе истребления армянского населения.

17 марта 1915 г. посол Колушев сообщил председателю Совета министров Болгарии Радославу, что в Зейтуне имело место вооруженное столкновение между армянским населением и турецкой администрацией из-за ареста молодежи, не желавшей служить в армии, что означало верную смерть. Саботажники воли “Иттихад” были освобождены из тюрьмы. Имели место потери с обеих сторон. Повстанческая молодежь вышла из города и укрылась в горах. Карательные турецкие войска нанесли урон зейтунцам. Американский и итальянский послы обратились к министру внутренних дел Талаату для пресечения бесчинства турецких частей, отдачи указания о строгом соблюдении законности. Заступниками выступили также германский и болгарский послы. В ходе беседы с послом Колушевым министр Талаат происшедшее счел локальным событием и заявил о принятии самых строгих мер по “успокоению армянского населения”.¹³ К этому времени из 17 армянских сел в окрестностях Эрзерума оставались лишь три после действий “Особой организации”, а из местечка Дертел было выселено все армянское население.¹⁴

До этого были попытки восстания армян в Битлисском вилайете. Поводом для противостояния властям послужило разоружение армянских служащих в турецкой армии и их убийство. Расследование, проведенное немецким посольством из Константинополя, позволило их охарактеризовать как единичные случаи. Запрос в Константинопольский патриархат и среди армянских деятелей выявил ответ об отсутствии подобных намерений, “хотя они и не сожалели бы, если бы части страны с армянским населением перешли бы в руки русских”.¹⁵ Поэтому в Зейтуне был учрежден военный суд и начата расправа.¹⁶ Такой подход Талаата к Зейтунским событиям свидетельствовал о стремлении не допустить создания повстанческого очага против режима, с тенденцией к распространению.

Разъяснения об общем подходе младотурецкого режима к Армянскому вопросу получили отражение в указании “Ответственного лица” представителю в Адане Джемаль бею 25 марта 1915 г. после германо-турецкого достижения взаимопонимания о депортации. В постановочной части причиной всех бед османов представлялись армяне, чтобы оправдать расправу с безвинным народом: “Нашей общей обязанностью является реализация в широких масштабах благородного проекта - уничтожения известных элементов, на протяжении веков служивших препятствием в продвижении на-

шего государства к прогрессу и цивилизации”.¹⁷ Подтверждалась депеша от 18 февраля о преступной миссии “Джемиет”. В качестве начала к депортации новым являлось требование о расправе с армянской национальной элиты, чтобы обезглавить армянское население: “Прежде чем предпринимаемые в отношении известных лиц (армян) действия не дадут своих результатов, не следует заниматься другими (народами). В настоящее время считается возможным наказывать легальными способами только именитых граждан, что послужит отправной точкой для наших операций в будущем”.¹⁸ Успешное решение армянского геноцида означало его расширение за счет ассирийцев, греков и арабов.

Постановка проблемы упразднения Армянского вопроса диктовалась провалом большого наступления англо-французских союзников 18 марта 1915 г. на Константинополь. Становилось ясно, что Англия, Франция и Россия не имеют реальных средств по спасению армянского населения от осуществляемого геноцида. Германия заняла позицию политического хамелеона. Единственной, да и то нравственной опорой для двухмиллионного армянского населения Турции являлись представители нейтральных стран, хотя их возможности имели явно ограниченный характер.¹⁹ 18 марта 1915 г. последовало закрытие официоза партии “Дашнакцутюн” газеты “Азатамарт” военным министром Энвером.²⁰

Начата подготовка к выселению зейтунцев. 26 марта/8 апреля 1915 г. первый караван зейтунцев был депортирован в Конийский вилайет, а второй из 16 тыс. - в сирийскую пустыню Дейр-Зор, куда выжившие добрались 6/19 апреля. За день до выхода первого каравана турки подавили сопротивление 25 армян-дезертиров. Выселение было подготовлено отобранием оружия у армянского населения и сосредоточением мохаджиров из Балкан для заселения домов депортируемых.²¹ Изгнание зейтунцев было осуществлено задним числом приказом командующего 4-й армией Джемаль паша, датированным 29 марта 1915 г. (16 марта 1330 г. мусульманским календарем) и опубликованным 31 марта 1915 г. (18 марта 1330 г.). В нем содержались четыре пункта. Первый пункт гласил, что после “восстания в Зейтуне” возникла необходимость военной операции, “продолжающейся до сих пор”. Второй пункт заявлял об обязанности Османского правительства защищать честь и достоинство верноподданных народов, как армян, так и мусульман. Выражалась уверенность в неприкосновенности “каждого”, который смог бы заняться “своим делом в мирных условиях”. Третий пункт предусматривал наказание для мусульман судебным порядком при нападении на выселяемых. Четвертым пунктом Джемаль паша поручал “безвинному и покорному народу” быстро приспособиться к приказам военных властей.²²

Приказ Джемальпаши был составлен в политкорректных выражениях. Обтекаемые выражения не давали возможности выселенцам понять сущность происходящего и предпринять самооборону. Четвертая армия избавлялась от боевых действий и потерь в горной местности со свободолобивыми зейтунцами, что позволило Джемаль паше, с одной стороны доложить руководству “Иттихад” о выполнении предписания, а с другой - сохранить корректные отношения с армянами. Вся операция выселения объяснялась мифическим восстанием. Аккуратность Джемаль паши да и указание католико-косульманского Киликии Саака об уклонении от самообороны, объясняют причину отката 20 тыс. зейтунцев от восстания, о чем оставшиеся в живых горько сожалели.²³ Один из символов армянской свободы Зейтун был взят лукавством Джемаль паши, неготовностью духовного и политического местного руководства к самообороне. Массового сопротивления не было, поскольку люди приносили себя в жертву, чтобы не дать туркам повода для расправы над всем армянским населением. Имелась надежда, что не все погибнут.

Зейтунский успех стимулировал деятельность министра внутренних дел Талаат бея по упразднению Армянского вопроса путем преобразования “10 инструкций” подавления армянской политической активности в план геноцида армянского населения Османской Турции из десяти параграфов. Предусматривалось упразднить деятельность политических структур и общественных организаций армянского населения на основе 3-й и 4-й статей закона об обществах, “административный состав” которых предназначался к депортации и уничтожению в Багдадском и Мосульском вилайетах. Намечалось не допустить принятия мер армянским населением к самообороне путем разоружения. Важное место отводилось психологической подготовке мусульманских масс. В третьем параграфе говорилось: “Создать соответствующее настроение у мусульман мерами неофициального характера. В местностях, подобных Вану, Эрзеруму и Адане, в которых армяне своим поведением уже вызвали против себя негодование мусульман, создать организованное выступление их”.²⁴ Четвертый параграф намечал процедуру расправы над армянским населением из двух зон: 1) в вилайетах Эрзерум, Ван, Мамурет-уль-Азиз (Харберд), Битлис депортацию должно было осуществлять мусульманское население, где силовые ресурсы с армией занимались бы лишь поддержанием “внешнего порядка”; 2) в вилайетах Адана, Сивас, Бурса, Никомедия и Измир предусматривалось взаимодействие мусульманского населения с вооруженными формированиями. Параграфы пятый и шестой требовали истребления преимущественно мужчин до 50 лет и школьных учителей, без ограничения возраста. Дети и девушки предназначались насильственному обращению в ислам. Семьи спасшихся армян подлежали уничтожению, чтобы “не осталось никакой связи с родиной”. Па-

раграф седьмой гласил об использовании обвинения шпионажа для удаления армянских служащих с государственного поприща. Параграфы восьмой и девятый предусматривали уничтожение армянских солдат и гражданского населения одновременно, чтобы не допустить армянской самообороны. Десятый параграф устанавливал гриф сверхсекретности плана: “Настоящий приказ хранить в строгой тайне и принять все меры, чтобы о нем знали лишь несколько человек.”²⁵

План впечатляет методичностью, определением важнейших точек недопущения армянской самообороны, расписанием порядка истребительной политики, процедуры деятельности силовых турецких структур во взаимодействии с мусульманским населением. В нем учитывалась недостаточность возможностей “Особой организации” и занятости вооруженных сил на внешних фронтах боевых действий. Создание подобного плана, оригинал и перевод которого был обнародован по окончании мировой войны, естественно являлось результатом творчества националистических турецких аналитиков по заказу Талаата. Материализована программа упразднения Армянского вопроса, уничтожения армян Османской Турции и создания однородной Анатолии.

В конце марта 1915 г. в Константинополь стали поступать известия о насилиях и погромах над провинциальным армянским населением. По этому поводу американский посол Моргентау провел совещание с иностранными представителями для изыскания средств прекращения истребительной политики путем обращения к Высокой Порте. Состоялась беседа с германским послом Вангенгеймом, который проявил армянофобскую позицию, сведя армянские попытки самообороны к восстанию. Призывы Моргентау оказать содействие армянскому населению оказались безуспешными. Вангенгейм заявил: “Я буду помогать сионистам, но ничего не буду делать для армян”. Заявление учитывало еврейское происхождение американского посла и ставило задачу оказать на него положительное воздействие. Оно также локализовывало армянскую проблему. Моргентау в “Воспоминаниях” отмечает: “Вангенгейм хотел представить Армянский вопрос как проблему, преимущественно интересующую Соединенные Штаты. Мои постоянные представления об армянах в его германской мысли оставили то впечатление, что любое проявление милосердия к этому народу должно быть благодатью для американского правительства”.

Между тем Вангенгейм продолжал развивать свой подход с использованием контраргумента о враждебности американской политики к странам германского блока: “Америка - та единственная страна, которая особенно интересуется армянами. Ваши миссионеры, их друзья, и ваш народ стал их защитником. Следовательно, проблема оказания им помощи полностью яв-

ляется американским вопросом. Значит, как вы можете ожидать от меня какого-либо содействия, когда Соединенные Штаты предоставляют военные боеприпасы врагам Германии. Мр. Брайан (госсекретарь) недавно заявил, что прекращение нейтралитета означает поставку военных боеприпасов Англии и Франции. Сколько времени будете занимать такую позицию, столько времени мы ничего не сможем сделать для армян".²⁶

По мнению Моргентау, не было никакой "логики" между продажей США военных материалов странам Антанты и спасением тысяч армянских женщин и детей от репрессий правительства Турции. Эту тему Моргентау еще не раз затрагивал в разговорах с Вангенгеймом, который, вместо проявления христианского милосердия к армянам, утверждал о наличии взрывов американских мин в проливе Дарданеллы. Вскоре между обоими послами возникло "отчуждение", поскольку Вангенгейм отстранился от недопущения идеи помещения английских и французских гражданских лиц на Галипольском полуострове в качестве мишени для союзников по Антанте.²⁷

I. Состояние Армянского вопроса

1. Судьба Армении. - Армянский Вестник. 1916, N 1, с. 5.
2. Турки о турках..., с. 27.
3. Мнацаканян А. Н. Трагедия армянского народа в оценке русской и мировой общественной мысли. Ер., 1965, с. 32, 33. - На арм. яз.
4. Моргентау Г. Воспоминания американского посла..., с. 48.
5. Палакян Гр. Армянская Голгофа. Ер., 1991, с. 38. - На арм. яз.
6. Из газет. - Мшак. 1914, 7 ноября.
7. Алиев Г.З. Турция в период правления младотурок..., с. 293.
8. Нововывявленные записи из дневников Гр. Зограба. Шарурян А. С. - Вестник общественных наук., 1996, N 2, с. 168, 169, 174. - На арм. яз.
9. Моргентау Г. Воспоминания ..., с. 59, 103, 143, 148.
10. Мнацаканян А. Н. Провал агентуры немецко-турецких захватчиков на Кавказе накануне первой мировой войны. Ер., 1948, с. 29. - На арм. яз.
11. НАА, ф. 113, оп. 3, д. 1557, л.1-2.
12. Моргентау Г. Воспоминания ..., с. 149.
13. Айруни А. Н. Миссия Иоганнес Лепсиуса. Ер., 2002, с. 249. - На арм. яз.
14. Штир Э. К вопросу об истории германо-армянского общества (1914 -193)]. - В кн.: Германские источники о геноциде армян..., с.187, 188.
15. Нотович Ф. И. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914 - 1918 гг.М - Л., 1947, с.15.
16. Геноцид армян. По документам..., с. 74.
17. Там же, с. 42, 59, 74, 99.
18. Ошеровской Л.Я. Оборона Вана. - В кн.: Геноцид армян и русские беллетристы. Ер., 1998, с. 152.
19. Армянский вопрос и геноцид армян..., с. 257.
20. Русские источники ...,N 65, с. 71.
21. Там же, с. 70.
22. Ошеровской Л. Я. Оборона Вана..., с. 152, 152.
23. Армянский вопрос ..., с.149, 150.

24. Акуни С. История резни миллиона армян. Константинополь. 1921, с. 20, 21.
25. Мевлан заде Рифат. "Тайные изгибы...", с. 72 - 75.
26. Геноцид армян..., N 140, с. 276.
27. Геноцид армян. По документам..., с. 42, 61.
28. Армянский вопрос ..., с.167, 168.
29. Завен архиепископ. Патриаршие мемуары..., с. 84.

II. Десять инструкций партии "Иттихад".

1. Турки о турках..., с. 153, 154.
2. Тунян В. Г. Младотурки..., с.109-133.
3. Геноцид армян. По документам..., с. 74.
4. Из истории геноцида армян. Гл. ред. Гарибджанян Г. Б. Ереван. 1991, с. 51.
5. Beylerian A. Les Grandes Puissance L' Empire ottoman et les Arme nniens dans les Archives francajses [1914 -1918], Paris, 1982, p. XXXIII, XXXIV.
6. Турки о турка..., с. 139.
7. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 152.
8. Завен архиепископ. Патриаршие мемуары ..., с. 84.
9. Там же, с. 84, 85.
10. Там же, с. 85.
11. Армянский вопрос ..., с. 177, 178, 180.
12. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян. Сб. док. Ер., 2005, с. 410.
13. Из истории геноцида. По документам..., с. 75.
14. Джемаль-паша. Записки 1919-1919. Тифлис, 1923, с. 234.
15. Акчам Танер. Геноцид армян; точка зрения турецкого историка. В кн.: Геноцид преступление против человечества. М., 1997, с. 79.
16. Из истории геноцида армян..., с. 53, 54.
17. Арзуманян М. В. Армения 1914 -1917. Ер., с. 306, 307. - На арм. яз.
18. Геноцид армян..., N 195, с. 409.
19. Там же, с. 409, 410.
20. Там же, с. 410, 411.
21. Там же, с. 411.
22. Там же, с. 412.
23. Там же, с. 409 - 412.
24. Барсесян Л. А.Потери армянского народа вследствие геноцида. Ер., 1999, с. 3, 4.
25. Татрян В. Очерки об армянском Геноциде. Ер., 2004, с. 27.
26. Документы младотурецкого комитета..., N 3, с. 74.
27. Там же, с. 75.
28. Там же, с. 76.
29. Акчам Танер. Геноцид армян..., с. 78, 81, 82.
30. Русские источники..., N 65, с. 71.

III. Истребительное решение Армянского вопроса

1. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 162-169.
2. Документы младотурецкого комитета..., N 1, с. 74.
3. Турки о турках..., с. 166.
4. Лазян Г. Армения и Армянский вопрос. Ер., 1991, с. 179, 180. -На арм. яз.
5. Завен архиепископ. Патриаршие мемуары ..., с. 51, 52, 79.
6. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 34.
7. Австро-венгерские дипломаты...,1990, N 3, с. 140.
8. Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. М - Л, 1948, с. 83, 85.
9. Акчам Танер. Геноцид армян..., с. 78.

10. Там же, с. 77, 78.
11. Эрцбергер М. Германия и Антанта: мемуары. М - Птр., 1923, с. 68, 69.
12. Акчам Танер. Геноцид армян..., с. 74.
13. Армянский геноцид в Турции в свете дипломатических документов Болгарии..., с.10-12.
14. Геноцид армян..., N 142, с. 278.
15. Армянский вопрос..., с. 173.
16. Геноцид армян..., N 142, с. 277, 278.
17. Документы младотурецкого комитета..., N 3, с. 76.
18. Там же, с. 77.
19. Моргентгау Г. Воспоминания..., с. 186, 272.
20. Фирбюхер Г. Армения 1915 г. Ереван, 19912, с. 46.
21. Английская Синяя книга. - Кавказское Слово. 1917, 21 февраля.
22. С. С. Степанян. И. Лепсиус и Армения. Ер., 1998, с. 25.
23. Палакян Гр. Армянская Голгофа..., с., 66.
24. Дж. С. Киракосян. Младотурки перед судом истории..., с. 184.
25. Там же, с. 185.
26. Моргентгау Г. Воспоминания..., с., 310.
27. Там же, с. 310, 311.

ГЛАВА 2. АЛЬТЕРНАТИВА АРМЯНСКОМУ ВОПРОСУ

1. Версия “Армянского заговора”

Шеф тайной полиции Бедри бей, один из руководителей партии “Иттихад” и близкий друг Талаата,¹ стал готовить списки для ареста армянской интеллигенции в Константинополе, чтобы обезглавить возможное организованное противодействие младотурецкому режиму. Ставилась цель подготовить реализацию проекта, предложенного министром внутренних дел Талаатом, об упразднении Армянского вопроса путем геноцида армянского населения.² К подготовке списков видных армянских деятелей были привлечены доверенные лица из армянских предателей, как Артин Мкртчян, а также представители квартальных иттихадистских клубов. Составленные заранее списки были опечатаны в конверты и разосланы в полицейские отделения Константинополя с указанием открыть их в день “X”.³ Намечено уничтожение руководства Вана - Врама, Ишхана и Арама, чтобы лишить политического представительства вилайет с наибольшим армянским населением.⁴ По всей видимости, полиция была привлечена и к осуществлению депортации. 11 апреля 1915 г. центральное полицейское управление получило телеграмму о прибытии в пустыню Дейр - Зор 500 армян из разных городов - Измита, Бруссы и Агараха.⁵

Составленный план действий стал осуществляться с вилайетов. По данным итальянского консульского агента Г.Сбордона, к апрелю 1915 г. в Ванском вилайете было истреблено усилиями “Особой организации” 16 тыс. человек. Армянское население окрестностей в количестве 15 тыс. было вынужденно спасаться в Ване. Вали Вана Джемдет бей, являвшийся стражем персидско-турецкой границы, расстрелял находившихся в его распоряжении армянских солдат. Началась этническая зачистка в г. Шатах, которая встретила противодействие армян. Это обстоятельство Джемдет бей постарался использовать для расправы с руководством Вана. Была составлена примирительная комиссия, к деятельности которой был привлечен Ишхан. По пути к Шатаху, черкесскими четниками “Особой организации” были расстреляны Ишхан с тремя товарищами. Вали Вана пригласил к себе также Врамяна и Арама для обсуждения вопроса межэтнической напряженности. На это откликнулся Врамян, учитывавший свой депутатский мандат Османского парламента, который был арестован и затем умерщвлен. Арам, оповещенный на полпути об аресте Врамяна, вернулся домой и возглавил далее местную самооборону.

По словам Сбордона, готовящаяся расправа над армянским населением г. Вана достигла пика в начале апреля 1915 г. В донесении итальянскому послу в Константинополь отмечено: “В субботу, 1 апреля, армянские кварталы были окружены войсками с артиллерией. Воскресенье и понедельник проходят в моих безрезультатных переговорах с вали. Во вторник вследст-

вие убийства нескольких армян, заступившихся за поселянок-христианок, попавших в руки турецких солдат, волнение делается общим. Из всех казарм выходят солдаты, которые и открывают по населению огонь. Бомбардировка начинается”.⁶

7/20 апреля 1915 г. турки вновь открыто стали использовать оружие против армянского населения Вана.⁷ 8 апреля армяне Вана под руководством Арама Манукяна, подняли восстание. Было отдано предпочтение смерти в вооруженной борьбе, чем просто быть растерзанным.⁸ Ванское восстание являлось рубиконом как для младотурок по упразднению Армянского вопроса, так и для армянской элиты. Младотуркам предстояло решить проблему воплощения либо отказа от задуманной депортации и всеобщей расправы над армянским населением. Армянские круги придерживались мирной концепции национальной безопасности во избежание массовой резни при вступлении Османской Турции в мировую войну, которая намечала сохранение лояльности к правительству Высокой Порты, использование возможностей нейтральных стран, организацию самообороны, проявление лояльности и военный успех России.

Осуществляемая с ноября 1914 г. этническая расправа над армянским населением являлась первым этапом геноцида. Она побудила католикоса всех армян Геворга У направить 7 апреля 1915 г. обращения к наместнику Кавказа И. И. Воронцову -Дашкову, министру иностранных дел России С. Д.Сазонову, королю Италии Виктору-Эммануэлю III, королю Англии ГеворгуУ, председателю Франции Р. Пуанкаре, президенту США В. Вильсону о необходимости принятия всех мер по спасению “невинно истребляемых христиан”. В каждом обращении имелись нюансы.Сазонову подробно перечислялись места расправ - Эрзерум, Дереджан, Зейтун, Битлис, Ван, Муш, Акн и Киликия.Королю Виктору-Эммануэлю III сообщалось о возобновлении “расправ и систематических насилий”. Президент Вильсон ставился в известность об “организованных насилиях” в Турецкой Армении. Председатель Франции был оповещен об “истреблении и насилиях” над армянским населением. Королю Англии было представлено об “истреблении армянского населения” Османской Турции и тяжести происходящих событий. Католикос также телеграфировал Погос Нубар паше с предложением направиться в Европу, чтобы встречами с высокопоставленными политиками содействовать защите турецких армян. Предложение мотивировалось трагической информацией, поступавшей из Софии и других источников.

9 апреля 1915 г. оперативно отреагировал министр иностранных дел России Сазонов. В телеграмме говорилось о предложении послам Италии и США защищать обращения католикоса.⁹ Необходимость принятия активных действий из-за насилий над христианами для вразумления руководства Османской Турции поднял драгоман русского посольства в Константинополе Серафимов телеграммой от 10 апреля 1915 г.: ”В связи с изложенным

положение становится все более тревожным и не обещает улучшиться, если только внешние обстоятельства не убедят Порту в неминуемости ожидающегося наказания”.¹⁰ В тот же день чиновник для дипломатических отношений при наместнике Кавказа Столица сообщил во внешнеполитическое ведомство о “поголовном расстреле” армян в ряде мест Арчет и Сосомуна и наличии столкновений в Ване.¹¹

Свой окончательный выбор осуществили младотурки. 15 апреля 1915 г. Высокая Порта направила предписание провинциальным властям об истреблении армянского населения “с восхода солнца 24 апреля”. Решение мотивировалось стремлением правительства и центрального комитета партии “Иттихад” использовать свободу действий в условиях мировой войны для расправы над армянским населением путем депортирования в “пустыни Аравии”. Властям предлагалось оказывать максимальное содействие местным комитетам партии “Единение и прогресс”, которым предстояло действовать на основе тайной инструкции. Всем представителям административной власти предлагалось исполнить патриотический долг. Лица, уклонявшиеся от выполнения постановления, укрывавшие или же оказавшие содействие любому армянину, рассматривались “врагом отечества” и изменником ислама и подлежали наказанию.¹² Предписание было рассмотрено и утверждено Советом министров Турции.¹³

В тот же день 15 апреля 1915 г. министр внутренних дел Талаат, военный министр Энвер и главный секретарь партии “Иттихад” доктор Назим направили провинциальным властям - вали, мутесарафам и каймакамам - разъяснительный циркуляр по Армянскому вопросу. В нем заявлялось о стремлении Англии и России расчленив Турцию в случае победы после войны. В качестве средства разложения Османской империи указывался Армянский вопрос: “Не дай бог, но в случае нашего поражения во время мирных переговоров инстинктивно возникнет этот “Армянский вопрос”, который более полувека стал международным фактором и угрожающе вонзился в нашу грудь”. Армяне представлялись народом, который мог пойти на услужение Англии и России во имя отторжения “восточных вилайетов”. Как сообщалось, для защиты национальных интересов Османской державы, турок, религии центральный комитет партии “Единение и прогресс” принял решение не допустить возможную постановку Армянского вопроса “где-либо, используя предоставленную нам войной возможность, чтобы окончательно положить конец этому вопросу, уничтожив чужеродный элемент, погнав его в пустыни Аравии, согласно данному нами тайному предписанию”.¹⁴

Обоснованием программы упразднения Армянского вопроса и депортации армянского населения Османской Турции представлялись следующие “поводы”: армянские добровольческие силы в стане противника; армянские

политические партии, намеревающиеся организовать удар в тыл турецкой армии; выявленные “повсеместно” оружие и боеприпасы.

Всех лиц, которые пожелали бы уклониться от “святого и патриотического дела”, укрыть либо защитить какого-либо армянина, следовало рассматривать врагами отечества и ислама, подлежащих наказанию. Упразднение Армянского вопроса, уничтожение армянского народа должно было содействовать реализации программы создания однородной Анатолии для турецкого этноса.¹⁵

В апреле 1915 г. Талаат направил циркуляр партийным клубам “Иттихад” по Армянскому вопросу. В нем говорилось, что правительство приняло решение положить конец ситуации, когда каждая” религиозная община вела особую политику” и создавала политические организации. Председатель партии “Иттихад” указывал на принадлежность Османской державы лишь туркам: “В Турции должна проводиться исключительно османская политика”. Подрывным элементом турецкой государственности представлялась армянская интеллигенция: “Среди местных армян есть политически неустойчивые люди, которых необходимо выявлять среди клубов и среди активистов издательств”. Армянская элита рассматривалась пятой колонной внутри страны. Санкционировались аресты представителей армянской интеллигенции в столице: “Необходимо иметь в виду, что в случае неудачного хода войны эти элементы сразу используют возможность для организации мятежей. Кажется, что текущий момент удобен для удаления из столицы подозрительных личностей”¹⁶

По мнению германского посольства, армянское население Османской Турции не давало “повода” властям для проведения истребительной политики. Посольство 15 апреля 1915 г. отмечало: “Армяне с введением конституции оставили мысль о революции, и нет какой-либо организации, вступающей за таковую”.¹⁷ В то же время посольство отдавало себе отчет в происходящих событиях, но возлагать на Германию роль “охранной державы” в Армянском вопросе, которую после Берлинского конгресса играли Англия и Россия не собиралось. В донесение посла Вангенгейма рейхсканцлеру Бетман - Гольвегу от 15 апреля отмечалась нежелательность вмешательства во внутренние дела Османской Турции из-за обеспечения безопасности армян: “Момент для этого тем более малоблагоприятный, что Порты как раз сейчас склонна к тому, чтобы ликвидировать защитные права, которые осуществляли турецким подданным другие иностранные державы”.¹⁸ Вангенгейм находил младотурецкий подход к Армянскому вопросу окончательным и необходимости учета лишь видов Германии: “В противном случае, вступлением за возможно безнадежное дело мы рискуем ставить на карту более важные и более близкие для нас интересы”.¹⁹

Позиция младотурецкого триумvirата в лице Талаата, Энвера и Назима означала сожжение всех путей отступления в Армянском вопросе. Это ре-

шение диктовалось отсутствием возможности изменить ход развязанных событий и установить мир, что имело связь с провалом попытки найти взаимопонимание с Антантой. В дни Дарданеллской операции, 14 апреля 1915 г., английская газета “Daily Chronicle” писала, что центральный комитет “Иттихад ве теракки” при посредстве одного нейтрального государства сделал попытку выяснить у Антанты условия, на которых она согласилась бы заключить мир. По словам газеты, такая попытка имела место, но Англия отвергла ее. 16 апреля русский дипломат князь Кудашов в телеграмме Сазонову сообщал, что среди высокопоставленных турецких офицеров существует группа, которая с согласия Талаата пытается предложить Антанте мир и готова для достижения своих целей уступить даже проливы, Стамбул и Аравию”.²⁰

Достоверность информации подтверждает и нахождение в Швейцарии для переговоров с Францией и бывшего министра финансов Османской Турции Джавид бея, пользовавшегося репутацией критического представителя младотуркизма. Разговор с министром иностранных дел не состоялся из-за его “уклонения” от встречи. Зондаж условий мира для Англии, России и Франции предусматривал выгодные условия: Англии - Аравию, России - проливы и Стамбул, а Франции - вероятно, Ливан, но о Западной Армении не было речи. Это означало согласие на отказ Османской Турции от статуса европейской державы и консолидации в качестве азиатской державы. Вопрос же Западной Армении представлялся чрезвычайно важным для существования Азиатской Турции и являлся разменной монетой за черноморские проливы. Независимо от исхода зондажа, осуществлялась политика достижения программной установки “Армения без армян” и создания однородной Анатолии. Нерешенность проблемы принадлежности черноморских проливов в довоенное время содействовала политике младотурок по упразднению Армянского вопроса и истреблению армянского населения, так как в условиях мира масштабной национальной катастрофы не произошло бы.

В руководстве младотурок возобладал подход сторонников продолжения войны. 20 апреля 1915 г. газета “The New York Times” представила интервью Энвер - паши об общенародном характере войны: “Войну ведет не правительство Турции, а турецкий народ”. Констатировалось изменение положения внутри страны: “Несомненно, мир с трудом воспринимает, что Турция уже не та, которой была раньше”. На вопрос корреспондента Ассошет пресс о целях Турции в войне Энвер паша заявил без обиняков о сотрудничестве с Германией во имя далеко идущих целей: “Вы наверно имеете в виду сообщение газет Великобритании, Франции и России о том, что Турция вступила в войну для оказания помощи Германии. Это действительно так для этого момента, но неверно, когда мы мобилизовывали наши силы. Сегодня Австро-Венгрия и Германия помогают нам, а мы им. Но мы воору-

жились, поскольку другого пути не нашли.” Причиной выбора пути бездоказательно указывалась русская военная угроза: “Россия угрожала на Кавказе и на Черном море завоевать наши территории, а Англия осуществляла действия против Междуречья и установила флот напротив Дарданелл... Мы подождали еще неделю и объявили войну”. Успех противостояния Англии и Франции позволил военному министру заявить о наличии боеготовой 2 - миллионной турецкой армии, готовой на подвиги: “Нас настолько оклеветали, что мы желаем сейчас доказать миру, что мы как нация не умерли, как находят некоторые”.²¹

Центральный комитет партии “Иттихад” принял обращение к мусульманам Кавказа об истреблении всех немусульман: “Убивайте всех, которые рядом с единым Аллахом допускают существование других богов, убивайте повсеместно, везде, где найдете, ловите их, закройте их все дороги, наконец убивайте во всех местах, где найдете”.²² Расчет был на лиц, ослепленных религиозной пропагандой и национальными чувствами, а также на отсутствие силы способной привлечь руководство партии “Иттихад” к ответственности за сеяние ненависти и розни между народами.

24/11 апреля 1915 г. шеф тайной полиции Бедри бей арестовал в Константинополе 270 представителей армянской интеллигенции, обвинявшихся в подготовке восстания со сбежавшими армянскими солдатами, которых вначале разместили в сборном пункте “Эмниете умуми” с последующей сортировкой по различным местам.²³ На следующий день количество арестантов достигло около 500 человек. В течение месяца число армянских арестантов составило 2345, большинство которых было депортировано и убито в различных местах.²⁴ Была захвачена редакция газеты “Азатамарт”. Здесь был также арестован подоспевший Э. Акунуи, у которого дома в Константинополе скрывался Талаат в течение трех дней после реакционной контрреволюции кровавого султана Абдул Гаида 31 марта 1909 г. После акции 24 апреля 1915 г. ряд лиц, близких к представителям центрального комитета “Иттихад”, были освобождены.

Депутаты Вардгес и Зограб 25/12 апреля 1915 г. посетили министра внутренних дел, запросив о причинах происходящих явлений. Талаат счел нужным списать все на армянскую самооборону в Ване: “Ваши спустились с гор и с помощью городского армянского населения захватили Ван”.²⁵ По свидетельству патриарха Завена армяне Константинополя не были вначале в курсе о ванских событиях. Лишь известие от ванских коммерсантов, что после 6 апреля они не получали писем из Вана явилось предметом тревоги.²⁶ В свою очередь власти по получению соответствующей телеграммы от вали вилайета предприняли аресты армянской интеллигенции, что явилось естественным продолжением предшествующих распоряжений правительства Турции по геноциду армян. Обвинение же о приходе с гор заграничных армян имело надуманный характер. Во всяком случае, Вардгес ука-

зал Талаату на арест армянских деятелей, которые не имели никакого отношения к национальному делу. Талаат кратко отрезал: “Я не мог этому препятствовать”.²⁷

Настойчивость Вардгеса заставила всемогущего министра откровенно указать причиной репрессий Армянский вопрос: “В дни нашей слабости вы взяли нас за горло и подняли вопрос об армянских реформах. Вот почему мы должны воспользоваться благоприятными обстоятельствами, в которых сейчас находимся, и так рассеять ваш народ, чтобы на целых пятьдесят лет вы выкинули из головы мысль о реформах”. Пораженный откровенностью, Вардгес переспросил Талаата о продолжении политики геноцида кровавого султана: “Значит, собираетесь продолжить дело Абдул Гаида?”. Последовал жесткий и бескомпромиссный ответ: “Да”.²⁸ Вардгесу был дан совет не показываться в общественных местах.

26 /13 апреля 1915 г. имело место заседание Смешанного собрания Национального управления. На нем был рассмотрен меморандум патриарха Завена Егяна Высокой Порте, подготовленный Зограбом, по поводу арестов в Константинополе, что указывалось проявлением “недоверия” к армянам Османской державы. Ошибочным сочтено приписывание беглецам-солдатам “политических целей”. Был сделан вывод о политической подоплеке осуществленных арестов как приступа к истреблению армянского населения: “Нация не то что преследует политические задачи, а наоборот, боится, что после стольких потрясений последует всеобщая резня”. Единственным средством разведения подозрений правительства Турции и обеспокоенности армянского населения представлялись не строгие меры и репрессии, а “мягкая и прощительная политика” к армянской нации, хотя бы к памяти тысячи армянских солдат, которые “пролили свою кровь во имя защиты Османского отечества”.²⁹ Смешанное собрание постановило делегации в составе председателей Гражданского собрания доктора Давидяна и Духовного собрания С. Дуряна, а также Зограба, вручить меморандум великому визирю Саид Халим паше, чтобы заверить лояльность армянского населения и отсутствие намерения поднять “мятеж”.

26 апреля 1915 г. в 14 часов состоялась частная встреча делегации Национального управления с великим визирем, которому было сообщено об отрицательном впечатлении на армянское население от произведенных арестов. Великий визир отверг наличие “недоверия” со стороны правительства к армянскому населению и сохранения в “неизменности доверия”. Целью арестов представлена изоляция “партийцев” от политической Деятельности и обеспечение “безопасности страны”, которую давно требовали военные власти. Мотивацией указаны выявление оружия и подготовительные мероприятия для действий против правительства в ряде мест, в частности в Ване, хотя об их использовании против властей доказательств не было: “Уважающее себя правительство, - заявил Саид паша, - не могло пройти

мимо подобных обстоятельств и обязано было для сохранения империи предпринять превентивные меры”.³⁰

Патриарх Завен заявил, что произведенные аресты не вписываются в круг изложенной точки зрения. С одной стороны, характер и строгость арестов выходят за пределы “предупредительного характера”, а с другой - ставят целью “устрашить армянский народ”. Патриарх сообщил, что ему неизвестны случаи выявления оружия у армянского населения в вилайетах. Лично целью его устремлений, национальных органов и политических организаций не являлась подготовка восстания против Османского правительства, чтобы затруднить его деятельность. Выражена возможность предоставления соответствующей гарантии со стороны Константинопольского патриархата. Великий визирь выразил согласие со значительностью числа арестованных лиц и обещал учесть это обстоятельство.

Затем состоялась встреча армянской делегации с министром внутренних дел Талаат беем, на которой присутствовал председатель Сената Рифат бей. На возмущение армянского населения происходящим насилием Талаат отреагировал очень жестко. Аресты обосновывались необходимостью упразднения Армянского вопроса: “Все те армяне, которые для создания Армении действовали словом, пером либо делом или же могут действовать, рассматриваются врагами державы и в такое время подлежат изоляции один за другим”. Возражения армянских представителей, что среди арестованных лиц большинство приверженцы Османской державы, а также имеются люди, далекие от национальной деятельности, как, к примеру, повар Абраам-паша, не было принято. Талаат изъявил заранее оговоренную версию ареста “партийных деятелей”: “Правительство не нарушило моего доверия к армянам, а принятые меры направлены лишь против партийцев. Достоверно и то, что нет каких-либо доказательств серьезного движения против государства, но для сохранения тишины и безопасности страны решено всех партийцев изолировать и распустить политические партии”.³¹ Допущена возможность наличия имен беспартийцев в подготовленном списке арестантов, на что было обещано обратить внимание. В присутствии армянской делегации Талаат связался по телефону с шефом полиции Бедри беем и озвучил его ответ о завершении осуществленных арестов.

26 апреля 1915 г. генеральный консул Германии в Константинополе доктор Мордтман посетил представительство патриарха Завена в Галатии. Ставилась цель прозондировать отношение к идее посылки в вилайеты армяно-турецких и немецких комиссий для пропаганды сближения армян и турок, осуществления призывов к умиротворению. Это предложение было сделано также Зограбу, который оповестил патриарха. Представителю германского посольства было заявлено о принятии предложения, но прежде надлежало добиться утверждения правительством Османской Турции. Патриарх Завен считал позицию Министра внутренних дел в Армянском во-

просе неискренней. Мордтману указано: “Талаат не искренен, он выдвигает вперед Энвер пашу, который открыто высказывает свое мнение”.³² Было намечено узнать мнение ведущих министров правительства, чтобы затем, в случае необходимости, принять соответствующие меры. По сути дела, амортизировалось отрицательное впечатление армянской делегации от встреч с руководством Османской державы, чтобы армянские круги были дезориентированы и не прибегли к организации самообороны.

Аресты армянской интеллигенции и предложение немецкого посольства в Константинополе находились в резком противоречии. Последовали обращения о содействии к послам нейтральных стран - Моргентау, Гарони и Колушеву, предпринявшие безуспешную попытку смягчить позицию руководства Турции.³³ Между американским послом Моргентау и руководителем полиции Константинополя Бедри беем состоялся разговор на тему производимых обысков среди армянского населения по выявлению оружия, которого у них не было, и осуществляемых арестов. Бедри бей не скрыл от Моргентау, что производимые репрессии против армянского населения являются следствием постановлений Высокой Порты и тайных ночных заседаний центрального комитета “Иттихад”. Каждый участник заседаний творчески подходил к проблеме уничтожения армянского населения, изыскивая все новые и новые способы.³⁴ Моргентау была оставлена саркастическая запись о беседе: “Бедри бей не сказал мне, кто в омерзительном состязании получил приз”.³⁵

В справочном докладе австро-венгерского посольства в Константинополе от 29 апреля 1915 г. произведенные аресты были обоснованы турецкой легендой об “Армянском заговоре”. Среди арестованных отмечались врачи, фармацевты, журналисты, профессор политической истории турецкого университета и главный редактор турецкого офицера газеты “Сабах” Т. Келекян. В партийном срезе первенство принадлежало представителям социал-демократической партии “Гнчак”, затем партии “Дашнакцутюн” (“радикалы”) и после конституционным демократам “Рамкавар”. Часть арестованных подлежала депортации в Ангору и Конию, другая часть, в отношении которых имелись доказательства, подлежала военному трибуналу, а третья должна была быть отпущена.

Указывалось на отсутствие официального сообщения на тему произведенных арестов и публикации в прессе. Тайная информация Высокой Порты гласила, что армяне давно установили связь с турецкой оппозицией за границей (партия “Итиляф” принца Сабахэддина) и вместе с представителями служб стран Антанты ставили целью осуществить их планы путем организации в вилайетах “внутреннего мятежа”. Обращалось внимание на опыт революционной деятельности армянских комитетов (Англия, Франция, Швейцария, Египет, Америка) против режима султана Абдул Гамида. Убедившись в бесплодности “революции” по достижению установления

“политического самоуправления” в “так называемых армянских вилайетах”, армянские партийные круги на основе соглашения с младотурецким комитетом “умело” организовали покушение на султана Абдул Гамида. Этим аргументом обосновывалась связь армянских партийных кругов с турецкой оппозицией, Англией и Россией.

Отмечалась заинтересованность ведущих держав в проведении армянских реформ после Балканской войны 1912 г. К числу заинтересованных стран были причислены Англия, Германия и Россия. Позиция Германии обосновывалась завоеванием симпатий армян Киликии, что обусловило создание “Германо-Армянского общества”. Россия же предоставлением согласия на ввод добавочного 4 процентного тарифа в Турции, якобы, сумела провести все свои условия в программу армянских реформ 26 января 1914 г. В вину России ставилось включение в состав армянских вилайетов (Ван, Битлис, Эрзерум Диарбекир, Харберд, Свас) Трапезундского вилайета, хотя на самом деле это была инициатива младотурок, которые ставили задачу разредить состав армянского населения мусульманским элементом. Достижением русских признавались положения акта 26 января 1914 г. о реформировании жандармерии и полиции, введение паритетного представительства армянского и мусульманского населения в структурах власти, особенно там, где армяне составляли 10 - 30 % населения. Усилия России признавались направленными на арменизацию Турецкой Армении: “Благодаря проведению таких реформ армяне надеялись арменизировать семь вилайетов, создать сторонников России в Турции, и этим объясняется, почему армяне в начале войны так увлеклись Россией”.

Искажая факты Высокая Порта заявляла о пресечении армянских реформ ходом боевых действий мирового конфликта, хотя сами младотурки в августе 1914 г., еще до вступления в войну, пошли на их отмену. Армяне обвинялись в сохранении установки по созданию армянской автономии и проведению программ реформ: “Европейская война ликвидировала армянские реформы. Посему армяне желают, чтобы Россия выиграла войну, чтобы столь активно желаемые реформы, которые являлись кричащей несправедливостью к Турции и другим национальностям, имели бы возможность их спокойно воплотить либо расширить”.³⁶ Следствием признавалось наличие “множества” армянских добровольцев в рядах русской армии, в том числе и армян Турции.

Контекст концепции “Армянского заговора” свидетельствовал о младотурецком решении упразднить Армянский вопрос насильственным путем, которое австро-венгерское посольство дублировало для вышестоящего руководства империи. Не приводился анализ информации Высокой Порты, не высказывались контраргументы, так как Турция являлась союзником Австрии в мировом конфликте.³⁷

Так как турецкая пропаганда в последующем на разный лад стала обыгрывать проблему армянских турецкоподданных в русской армии, то реальное положение в этой сфере представляет доклад от 9 марта 1915 г. немецкого посла Вангенгейма канлеру Т. Бетман-Гольвегу. Касательно информации турецкой пропаганды об армянских добровольцах в нем указывалось лишь участие турецкоподданных армян из Болгарии на стороне противника: “Далее-с турецкой стороны - утверждалось, что многие армяне из Болгарии добровольно вступили в русскую армию. Об участии в войне проживающих в других странах армян турецкого подданства никаких сведений здесь нет”.³⁸

Армяне из Болгарии являлись служащими армянской добровольческой части со своим знаменем под командованием известного гайдука Андраника Озаняна в составе болгарской армии, которая приняла участие в первой Балканской войне против Турции. Армянский отряд участвовал во Фракийском походе и затем охранял побережье Мраморного моря. 6 января 1913 г. армянских добровольцев приветствовало армянское население приморского г. Родосто, находящегося в трех часах от Константинополя. Часть была расформирована в конце мая 1913 г., после подписания Лондонского мирного договора Балканских стран с Турцией. Младотурки же, воспользовавшись второй Балканской войной, устроили резню армянского населения г. Родосто и близлежащего армянского села Малагра. После прибытия Андраника на Кавказ для участия в войне против Турции к нему примкнули и участники добровольческого армянского отряда из Болгарии.³⁹ Так что и в вопросе армянских добровольцев Высокая Порта продолжала сводить старые счеты с армянским населением.

Обращение католикоса всех армян Геворга V к руководству нейтральных стран получило определенную реакцию. 27 апреля 1915 г. статс-секретарь США Брайен сообщил о “значительном внимании” русского посла Г. Бахметьева к обращению католикоса, где просилось пресечь резню армян правительством Турции. Русский посол в устной форме сообщил, что в России проживает больше мусульман, чем христиан в Турции. У Высокой Порты запрашивалось паритетное отношение: “Россия хорошо относится к своим мусульманским подданным и ожидает от Турции аналогичного отношения к своим христианским подданным”.⁴⁰ Запрашивалось предоставление вопроса на усмотрение правительства США с принятием мер в защиту армянского населения. 28 апреля в Вашингтоне была получена телеграмма Моргентгау об аресте более 100 “видных армян”, среди которых значился американский подданный Левон Чирингон. Отмечено занятие проблемой армянского населения: “Их жизнь, вероятно, находится не под угрозой, но их выселяют в глубь страны.”⁴¹ Составной частью “антиармянского” подхода представлялись репрессии против “нетурок”, “неиттихадистов”, которые могли быть направлены и против сионистов. Заявлялось

о тяжелом положении армян во “внутренних вилайетах”. Говорилось о принятии усилий против турецкого “движения”. 29 апреля 1915 г. Брайен затребовал от Моргентау защиты турецких армян и сионистов.⁴²

Подоплека указания государственного секретаря была сложной. Моргентау еще в августе 1914 г. дал информацию корреспонденту лондонской газеты “Дейли Телеграф” о готовящейся резне христиан и сионистов в Османской Турции, которая была опубликована 27 августа что вызвало яростное опровержение со стороны турецких властей.⁴³

29 апреля 1915 г. последовало предписание военного губернатора Константинополя о сдаче оружия местным армянским населением.⁴⁴ Младотурки стремились решить тройную задачу. Прежде всего разоружить армянское население, чтобы не допустить вооруженного восстания для привлечения внимания зарубежных стран. Учитывался опыт контрреволюции 31 марта 1909 г. султана Абдул Гамида, когда руководство партии “Дашнакцютюн” предложило центральному комитету партии “Единение и Прогресс” поднять вооруженное восстание против кровавого тирана в Константинополе, чтобы дать повод вмешаться ведущим державам. Тем более, когда султан готовился к резне армян, с последующим погромом европейцев, центральный комитет партии “Иттихад” в Салониках сумел через г. Родосто передать небольшое число оружия представителям партии “Дашнакцютюн”, но согласие на армянское восстание не дал, чтобы не допустить разрушения столицы и усиления роли армянских революционеров.⁴⁵

У младотурок имелись опасения на этот счет. В канун арестов армянской интеллигенции 24/11 апреля 1915 г. министр внутренних дел Талаат обратил внимание патриарха Завена на слова одного из лидеров партии “Дашнакцютюн” Вардгеса. Талаат указал: “Сегодня Вардгес пришел ко мне и сказал, что если турецкая армия вернется с Кавказского фронта, то мы ударим ей в тыл”. После некоторой паузы Талаат заявил: “Разве Вардгес не представитель нашей нации?”⁴⁶ По мнению патриарха Завена, если эти слова действительно принадлежали Вардгесу, то они имели неосторожный характер, поскольку давали повод для подозрений правительству Турции и создавали угрозу расправы с армянским населением.

Заявление Талаата оставило след в турецкой историографии. В 1937 г. Мухэддин Перкен выдвинул версию о том, что армяне готовились к повсеместному восстанию, чтобы ударить в тыл турецкой армии и оказать содействие России. По его словам, Талаат и Энвер дважды извещали об этом Константинопольского патриарха, но он не обратил внимания. Касаясь последнего заявления Перкена, патриарх Завен в мемуарах называет их не соответствующими реальности. В действительности, у армянского населения были собраны все виды холодного и уникального оружия, так как винтовки и пистолеты были сданы еще в годы Балканских войн. Был арестован армянский торговец, который использовал старинные ядра времен султана

Махмуда при взвешивании отпускаемой продукции. Эти старинные ядра были сочтены бомбами, которые активно искала полиция.

Вторая цель, которая младотурками преследовалась в приказе о сдаче оружия армянского населения Константинополя явно заключалась в приобретении аргумента для шумной антиармянской кампании. Однако в ходе обысков не удалось выявить подозрительной либо антиправительственной переписки. Третья цель намечала обезоружение армянского населения для подготовки к депортации, чтобы лишить возможности к самообороне и привлечения внимания послов нейтральных стран. Армянское население Константинополя приказ о сдаче оружия выполнило в десятидневный срок, но оно было устаревшим и не позволяло создать миф о подготовке армянского восстания в столице.⁴⁷

По показаниям Атиф-бея на Стамбульском суде вожаков младотурок, в конце апреля 1915 г. произошел роспуск “Особой организации”. Отряды организации были подчинены армии, а несколько месяцев спустя стали регулярными частями. В то же время указывается, что отдельные отряды “Тешкилят - и- махсусе” были подчинены местным вали, как, например, в Трапезунде и Эрзеруме, хотя в дальнейшем они также оказались преобразованными.⁴⁸ Этот двойственный статус частей “Особой организации” исходил от силы сопротивления армян и военной обстановки. В Ване и Битлисе они были вынуждены стать регулярными частями, а в вышеуказанных местах сохраняли самостоятельность при формальной зависимости от вали. Об этом свидетельствует телеграмма Бехаэддина Шакира секретарю партийной организации “Иттихад” Реснел Назиб бею, посланная через вали Харберда Сабит бея от 4 мая 1915 г. В ней говорилось: “Четко оповестите нас, осуществлена или нет зачистка армян. Сообщите об опасных людях, которых арестовывайте и высылайте, уничтожайте или отправляйте в путь”.⁴⁹

30 апреля 1915 г. посол Вангенгейм поставил в известность канцлера Бетман -Гольвега об отрицании министром внутренних дел Талаатом “враждебной политики” к армянскому населению правительства Османской Турции. О сущности происходящего Талаат заявил первому драгоману Германского посольства как о проведении курса по “османизации” подданных страны: “Сейчас правительство решило покончить с существующим до сих пор положением, сообразно с чем каждое религиозное общество проводило свою особую “политику” и к тому же могло основать и содержать особые политические союзы. В Турции должна проводиться впредь лишь “османская политика”. Было признано наличие невинных лиц среди арестованных представителей армянской интеллигенции, которым обещалось “дать разрешение на возвращение”.⁵⁰

2. Осуждение армянской политики Турции

1 мая 1915 г. Моргентау и итальянский посол Гарони сделали представление министру внутренних дел по защите армянского населения от репрессий властей. Талаат заверил послов, что Высокая Порта отдала указание местным властям об избавлении от насилий невинных людей. Все нарушения это предписание подлежали наказанию. Госдепартаменту было сообщено о колебаниях послов Австро-Венгрии и Германии по вмешательству во “внутренние дела” союзной Турции. Говорилось об убеждении посла Паллавичини, что резня христиан противоречит как “их интересам”, так и интересам Турции. Соответствующее представление австрийский посол направил правительству. Моргентау доложил об успешном выполнении поручения по прекращению антисионистского движения со стороны Турции.¹

Уверения Талаат об освобождении невинного армянского населения от репрессий властей в вилайетах не соответствовали действительности. Согласно данным немецкого посольства в Константинополе, 1 мая 1915 г. началась частичная депортация армян Эрзерума, которых вначале стали выселять в местность Дареджан-Мамахатун, чтобы направить затем в пустыню Дейр Зор. Армянским торговцам было предоставлено несколько дней для упорядочения дел.² Согласно сведениям болгарского посла Колушева, в Эрзеруме действовали руководитель “Особой организации” доктор Бехаэддин Шакир и бывший депутат Османского парламента Сейфулла, возглавлявший организованную деятельность прибывших разбойничьих групп. Вали Эрзерума Тахсин бей оправдывал все свои действия ссылкой на предписания, получаемые из Константинополя.³

Позиция Моргентау оказала воздействие на австрийского коллегу. 1 мая 1915 г. австро-венгерский посол Паллавичини в Константинополе направил руководству шифрованную телеграмму “Армяне”, где содержалась информация о содержании беседы Бахметьева с Брайеном. Отмечалось требование России о паритетном отношении с Турцией к мусульманским и христианским подданным, указании послу Моргентау заняться армянской проблемой. Представлялась информация американского посла госдепартаменту о множестве убитых армян в Ване и депортации армянского населения. Указывалось на содержание доклада от 30 апреля № 32/D, где Паллавичини изложил позицию о невмешательстве в армянскую проблему. В то же время Паллавичини, вследствие давления американского посла, оповещал внешнеполитическое ведомство о предстоящем “дружеском обращении” внимания турецкого руководства на необходимость прекращения “нечеловеческих действий” против христианского населения, которые могли стать “поводом” для Антанты выступить “с полной силой” против Османской Турции.⁴

В тот же день состоялась встреча макграфа Паллавичини с Талаатом, где он в деликатной форме обратил внимание министра внутренних дел на позицию России в Армянском вопросе: “Как я слышал, русская сторона ста-

рается использовать армянские волнения с целью натравливания общественного мнения Америки против Турции и центральных держав”. К этому было вежливо присовокуплено о необходимости исключения из круга истребительной политики женщин и детей: “Мне кажется благоразумным поступать в деле осторожно, чтобы излишними поступками, а именно преследованием женщин и детей, не облегчать противникам Турции провокационную деятельность”. Паллавичини, выразив согласие на расправу младотурецкого режима с мужским армянским населением, запросил проявления гуманизма к незащитным детям и женщинам. На что Талаат заявил о своем милосердном и избирательном отношении к представителям армянского населения: “Во время беспорядков погибло несколько тысяч не только армян, но и турок”. Однако он отрицал факт применения насилия против женщин и детей.⁵

Палач Талаат игнорировал вышеприведенные распоряжения, директивы и предписания по уничтожению армянского населения Османской державы. Паллавичини принял объяснения министра внутренних дел без оспаривания. Министерству иностранных дел, которому на следующий день было изложено содержание встречи, доложено: “В остальном он поблагодарил меня за мое предупреждение и сказал, что турецкое правительство ограничится принятием мер только против виновных”.⁶

По сути, Паллавичини выполнил миссию гуманиста и получил гарантию об отказе истребления “революционных армян”, что являлось куда большим, чем он просил относительно детей и женщин. Фактически же, представители двух империй вежливо обменялись мнениями по теме “Армяне” и составили представления о порядке деятельности. Для Талаата критика Паллавичини означала принятие мер по ускорению расправы над армянским населением, необходимости подготовиться к критике со стороны стран Антанты и нейтралов, усилить обработку общественного сознания турецкого населения. Руководство Австро-Венгрии получило успокаивающее заявление об отсутствии государственной расправы с армянским населением, но не взяло дальнейший ход осуществления сказанного Талаатом под свой контроль. Однако, в чисто человеческом и дипломатическом плане, Паллавичини сумел поступиться союзными отношениями и сделать хотя бы устное порицание Талаату, на что не шел христианский коллега Вангенгейм.

2 мая 1915 г. состоялась беседа военного министра Энвера с послом Моргентау, где был затронут Армянский вопрос. В этом контексте Энвер заявил, что за три месяца до этого им был вызван патриарх Завен, который был предупрежден о необходимости для армянской стороны избежания восстания либо оказания помощи России. По словам Энвера, в этом случае он не смог бы оказать покровительства армянам. Ванское восстание, якобы, оправдало все опасения Энвера относительно армянского населения. В условиях военной операции в Дарданеллах армянская самооборона предста-

влялась изменой, требующей адекватных мер властей: “Мы вынуждены подавлять подобное. Задача не в том, к какому средству вынуждены обращаться. Абсолютно справедливо, что я не против Армян как народа.”⁷ Отмечено об отдаче приказа возвратить триста невинно репрессированных армян в родные места. Выразив восхищение армянским менталитетом и предпринимчивостью, Энвер заявил, что нельзя допустить содействия армян противнику, что имело место в Ване, так как рухнет безопасность Османской державы.

Суть встречи Энвер изложил в заявлении, что Россия, Англия и Франция, защищая армян, приносят им не пользу, а вред. По мнению Энвера, при отсутствии внешней поддержки армяне стали бы послушными гражданами и прекратили бы революционную деятельность: “Теперь мы являемся абсолютными правителями этой страны и можем удобным способом отомстить революционерам”. Это означало признание бесплодности усилий представителей нейтральных стран по защите армянского населения от Голгофы, сооруженной младотурецким режимом, обоснование необходимости расправы с антиправительственными элементами.

Согласно Моргентау, при наличии деятельности революционных элементов в Османской державе их следовало бы подвергнуть суду и следствию, что означало требование об их разграничении от мирного армянского населения. Энвер понял контекст сказанного и указал, что в условиях военного времени возможно лишь принятие молниеносных решений. Их актуальность мотивировалась необходимостью разрушить армяно-русское содружество, которое рассматривалось далеким от армянских интересов: “В действительности же русские более всего хотят видеть армян мертвыми, чем живыми. Армяне представляют столько же большую угрозу русским, сколько и нам.” Причиной негативного отношения Турции и России к армянской нации указано стремление к самоопределению Армении: “Если армяне составят независимое государство в Турции, то армяне России тоже будут стараться составить самостоятельное правительство”.⁸ Подход вновь мотивирован армянской самообороной в Ване, где из вилайета убежало 30 тыс. турок, а оставшиеся были “убиты” восставшими армянами. Выдвинута угроза расправы над армянским населением Константинополя в косвенной форме указано, что из 70 тыс. армян столицы будут уничтожены дашнакцаны и враги Турции. Закончилась беседа заверениями Энвера о несостоятельности слухов об армянских погромах, что не было серьезно воспринято послом Моргентау.

Позиция Энвера строилась на нравственной убежденности в правоте совершаемой расправы над армянским населением, перед будущим Османской Турции и перед международным общественным мнением. Лейтмотивом являлась уверенность, что победителей не судят. Тому же Моргентау в ходе другой встречи Энвер выразил сокровенные мысли о значении уп-

разделения Армянского вопроса геноцидом: “Господин посол! Если мы выйдем победителями из этой войны, кто тогда дерзнет потребовать от нас отчета за наши деяния? А если мы будем побеждены, тогда мы знаем, что уже пришел наш конец, и в этом случае вопрос об армянской резне не сыграет для нас особенной роли”.⁹ Мотивация деятельности Энвера являлась духовным перерождением героя революции 1908 г., который во имя поставленной цели в духе макиавеллизма использовал любые средства. Главным представлялось возвеличивание собственной личности в турецкой истории. Трупы людей, ведущих к историческому пьедесталу триумфа, были не в счет. Отсюда пренебрежительность как к Армянскому вопросу, так и к физической расправе над армянским населением.¹⁰

Мышление Энвера проявилось 2 мая 1915 г., когда он запросил у Талаата о необходимости определения отношения к восставшим армянам Вана: “Как поступить с мятежными армянами Ванского озера: выселить к русской границе или же в глубь Анатолии, а их территории заселить оттуда переселенцами мусульманами?”.¹¹ Запрос показывает, что Энвер не окончательно определился в вопросе расправы над армянским населением, что получило отражение и в ходе беседы с послом Моргентау. В то же время несостоятелен был тезис Энвера о Ванском восстании армян как формы помощи России, что камуфлировало проводимую истребительную политику.

5 мая 1915 г. тайным приказом правительства Турции было предписано провинциальным властям создать иллюзию у армянского населения, что сдачей оружия оно обеспечит свою безопасность. Вали Муша стал убеждать представителей армянской протестантской общины сдать оружие, гарантируя взамен обеспечение безопасности. Кто не сдавал оружие, того подвергали истязаниям либо требовали денег, чтобы осуществить его закупку. Было собрано некоторое число оружия, которое было свалено в кучу, запечатлено на фото и направлено Высокой Порте для обоснования версии Армянского заговора.¹²

Переход Вана под контроль русских формирований 7 мая 1915 г. вызвал истерию среди младотурецкого руководства, почувствовавшего угрозу провала программы уничтожения армянского населения, вынужденного предпринять меры для укрепления пошатнувшегося авторитета власти. В ход пошли различные средства, направленные против армянского населения. Стала осуществляться массовая психологическая обработка турецкого населения. В местечке Паша Кюшки, находящемся около Эрзерума, был проведен массовый митинг в количестве 10 тыс. чел. для внушения необходимости истребительной политики. Вали Тахси сообщил о захвате г. Вана армянами и сдаче русским формированиям. Подчеркнуто о наличии армянской угрозы для Османской государственности: “Армяне представляют большую опасность для нашего правительства. Там, где есть армяне, там есть угроза для повторения грустных ванских событий”. Тахсин - паша сделан

запрос к участникам сбора о форме необходимых действий с запрограммированным ответом: “Вас спрашиваю, какую позицию необходимо занять к армянам”. Ответом явился массовый рев: “Перебьем, истребим гяуров”.¹³

Выступивший эмиссар младотурок Сефир обосновал необходимость довершить дело, начатое кровавым султаном Абдул Гамидом, чтобы навсегда покончить с Армянским вопросом в Османской Турции: “ В 1895 -1896 гг. мы сохранили детей, но как мы ошиблись. Сохраненные нами дети выросли, как добровольцы против нас обрушили пули, нас истребляют, взяли Ван из наших рук и есть опасность, что и другие города захватят из наших рук.” Митинг единогласно постановил уничтожить армянское население.

По свидетельству участника, существенное уточнение внес глава “Исполнительного комитета” по уничтожению армянского населения доктор Назим. Им было предложено руководствоваться экологичной технологией истребления. Вместо обгабления кровью сел и городов, создавшего бы антисанитарную обстановку, намечено уничтожение армянского населения в безлюдных местах. Речь шла о необходимости избежания армянской самообороны, особенно эффективной в городских кварталах по опыту Аданских событий. Взамен намечалось выселение и уничтожение. Предложение было принято и направлено телеграфом в Константинополь.¹⁴

Необходимость массового сбора такого количества людей в местечке Паша Кюшки преследовала цель подавления сознательности мышления отдельного индивидуума, формирования коллективной души безответственности, ориентирования чувств и мыслей против армянского населения. Проведено психологическое внушение по осознанию справедливости предстоящих массовых преступлений против невинного армянского населения под лозунгом внешней русской угрозы и внутреннего армянского сепаратизма. Роль палача представлялась выполнением долга перед родиной и нацией. Массовую психологическую обработку доверяли специальным партийным эмиссарам. Осуществлено создание организованной и преступной массы, призванной оказывать содействие структурам турецких властей по уничтожению и депортации армянского населения. Принятое постановление должно было обосновать деятельность центрального комитета партии “Иттихад” по упразднению Армянского вопроса и армянского народа как проявление воли турецких масс, придать проводимой политике легитимный характер. Социальная жизнь турецкого общества организовывалась против армянского этноса как подрывного элемента.

Эскалация репрессивных мер против армянского населения стала предметом осмысления в политических кругах. 12 мая 1915 г. депутат Вардгес посетил министра внутренних дел Талаата в его квартире и запросил о причинах происходящих явлений. Талаат без всяких обиняков, не ссылаясь на версию об Армянском заговоре со стороны “партийных деятелей”, прямо указал на связь происходящего с Армянским вопросом: “В дни на-

шей слабости, после повторного возвращения Адрианополя (июль 1913 г.), вы представили проблему армянских реформ и навязали нам на шею. Вот почему мы должны использовать благоприятное положение, в котором мы находимся, чтобы так разогнать ваш народ, чтобы в течение целых пятидесяти лет не смог поднять голову для идеи реформ”. Вардгес сразу понял, что речь идет о продолжении истребительной политики армянского населения предшественниками младотурок, и запросил: “Значит вы ставите цель продолжить дело Абдул Гамида.” Прозвучал краткий ответ: “Да”.¹⁵

Позиция Талаата свидетельствовала о безграничной самоуверенности, завершении подготовки к упразднению Армянского вопроса путем геноцида армянского населения. В тот же день, министр внутренних дел Талаат направил зашифрованную телеграмму административным властям о необходимости составления учета выселяемых армян из сел. Этот список должен был включать наименование деревни, число выселенцев и место прибытия.¹⁶

13 мая 1915 г. Талаат направил разъяснительное письмо великому визирю Саид паше об организации мер по изъятию материального достояния армянского населения Османской Турции. В нем констатировалась известность великому визирю “сепаратистских устремлений” армянского населения, которые разжигались “известными державами”, чтобы “разъединить” подданных Османской империи и вызвать мятеж. Мотивация деятельности армянского населения представлялась следствием обезличенных обещаний внешних сил, что создавало угрозу империи, нарушая усилия младотурецкого режима по стабилизации положения: “Армяне препятствуют усилиям государства и предпринимают нападения, придавая иногда собственным действиям форму вооруженного восстания. Критикуют совершенные государством меры и реформы по утверждению безопасности и мира, хотя видят предпринимаемые усилия в этом направлении, совершают обманы во внешнем мире, в то время как не следует забывать, что реформы являются исключительно внутренней задачей”.

Отвергалась актуальность Армянского вопроса, сущностью которого представлялось проведение реформ под иностранным контролем: “Нет необходимости, чтобы местные реформы осуществлялись иностранным исполнением, стали бы предметом переговоров государств, чтобы специальными распоряжениями, иностранным контролем и давлением были бы введены местные особенности”. В иностранном контроле над реформами виделось лишь средство по разделу Османской державы: “Все введенные реформы и преобразования в империи, под давлением иностранцев, приводят лишь к разделу османской родины и отделению, что доказывается многочисленным множеством испытаний и болезненными примерами.”¹⁷

По словам Талаата, после определенных размышлений для придачи “жизненности” усилиям государства были намечены ряд мер. Их необходи-

мость обоснована деятельностью части армянского населения на территориях с боевыми действиями, затрудняющих подвоз продовольствия, боеприпасов и передвижение военных формирований: "Эта часть армян свои усилия и целеустремленность соединила с врагом... и внутри страны предприняла нападения на воинские силы и мусульманское население, осуществляя погром, разрушения и грабеж". Пассажем подрывной деятельности армянского населения представлялась помощь военно-морским силам противника, хотя, как известно, армяне концентрировались в Западной Армении, а живущие в Киликии и Трапезунде находились под надзором мусульманского населения. Здравый рассудок не воспринимал этот аргумент, но Талаат всерьез писал: "Они посылали продовольствие для морских сил врага, осмелились показать ему укрепления нашей обороны". В силу этого говорилось об удалении "мятежных элементов" из военных территорий, "а также из тех деревень, в которых есть заговоры и они стали убежищем для этих элементов".

Использованы созданные обращения с различных мест, типа Паша Кюшки, для оправдания задним числом отданных распоряжений против армянского населения: "Центральное правительство, посоветовавшись с местными властями, посредством военного командования начало уже это дело в вилайетах Вана, Битлиса и Эрзерума".¹⁸ Перечислены места, намеченные для депортации армянского населения - Битлис, Эрзерум, Ван, Ада-на, Мараш, Алеппо, Анкара, Диарбекир, Мамурет - Азиз, Трапезунд, Сваз, Джаник, Кейсария, Хутавентокай, Карас, Нидея, Карахисар, Сатигби, Кония, Измит. Практически речь шла о депортации армянского населения Великой Армении, Малой Армении, Киликии и различных мест проживания, хотя значительная часть находилась вне боевых действий и к "мятежным элементам" не относилась. Расширен ареал выселения армян, выходящий за пределы семи вилайетов, которые подлежали реформированию. Великий визирь ставился в известность: "Их выселение в стороны южных вилайетов уже началось".¹⁹ Делалось все, чтобы сохранившиеся армяне как этнос в будущем были намного слабее турок.

Армяне северных мест Ванского вилайета должны были исключительно направляться на юг санджака Урфы, юго-восток Алеппского вилайета и восточные районы вилайета Сирия. Родные места депортируемых предназначались для заселения мохаджирами, которым намечалась экономическая и материальная помощь со стороны государства. Все имущество выселяемых армян в деревнях - дома и собственность - должно было после инвентаризации передаваться мохаджирам. Изложен механизм осуществления. В городах и поселках имущество армян подлежало оценке и выделению мохаджирам, а при неиспользовании - распродаже с торгов либо даче в наем. Полученные суммы подлежали сдаче в государственные кассы.

Талаат ставил везиря в известность о наличии подготовленного специального "Положения" для организации сбора и распределения материального достояния армянского населения. Руководство всем этим процессом должны были осуществлять специальные группы. В случае отсутствия оценочных комиссий их права и функции передавались вали вилайета. От великого везиря всемогущий министр ожидал проведения изложенных мер в Совете министров, который должен был преклоняться перед его волей.²⁰

Санкционировался захват достояния армянского населения на личном и государственном уровнях. Любой представитель преступной массы турецкого общества должен был иметь возможность удовлетворения жизненных вожделений, что позволило бы переступить через хорошие отношения с армянским соседом и заглушить принципиальную неблагодарность, совершаемую к невинным людям. Новый уровень захвата материального достояния государством должен был укрепить партию "Иттихад" и турецкую государственность в однородной Анатолии. Сарказм Талаата в адрес Саид паша, перед которым должны были преклоняться, объяснялся наличием расхождений среди младотурок относительно армянской политики Османской державы. Великий визирь Саид паша, председатель Османского парламента Халил бей и шейх-уль-ислам были против депортации, понимая политические последствия для престижа державы.²¹

16 мая 1915 г. были приняты "Инструкции об административном распоряжении брошенного имущества, недвижимых имений и земель депортируемых армян в условиях военного времени и чрезвычайной политической необходимости", состоящие из 34 статей. "Инструкции" детализировали организацию сбора и распределения материального достояния армянского населения сел и городов Османской Турции, деятельность специальных групп учетчиков брошенного имущества, права руководства вилайетов, расселение мохаджиров и оказание им содействия. Эффективность процесса изъятия армянского достояния ставилось в зависимость от учреждаемого "Управления брошенного имущества" (ст. 23). Подчиненные "Управлению" специальные группы учетчиков должны были действовать лишь исключительно по распоряжениям Министерства внутренних дел и были ему подотчетны во всех действиях. Передаточной и исполнительной структурой должен был стать намеченный институт комиссаров с использованием специальных групп и следователей, действующих по предписаниям внутривластного ведомства. Местная власть была обязана оказывать содействие служащим "Управления брошенного имущества". 20 мая 1915 г. последовал приказ провинциальным властям о создании комиссий брошенного имущества, которые должны были распродать брошенные армянским населением имущество и имения.²²

В середине мая 1915 г. стали распространяться известия о готовности младотурок депортировать армянское население Константинополя. Име-

лась значительная поляризация национальных значений в столице Турции, учитываемой в этнической политике младотурок. Ассошедт пресс сообщил: “В Константинополе общее настроение немирное. В отношении к русским существует определенная историческая вражда, к британцам проявляют безразличие и горячие симпатии к французам. Откровенные симпатии греческого населения находятся на стороне союзников. В то же время эти чувства у армян более запрятаны.”. Отмечалась исключительность еврейской общины, которая после революции 1908 г. стала служить опорой младотурецкому режиму в сфере финансов. При этом еврейский фактор Энвер стремился использовать для воздействия на поведение арабских националистов. Наличие опоры среди представителей еврейской общины Турции позволяло младотуркам надеяться на восполнении ими, хотя бы частично, роли армян в экономике державы.²³

Представители армянской общины Константинополя стали обращаться к патриарху Завену о необходимости принятия мер противодействия выселению, обвиняя его в бездействии и требуя отставки, но действительное заступничество перед властями осуществил американский посол Моргентау. К Энвер паше была послана делегация армянских деятелей, которые заявили, что выселение явится не чем иным, как “позорным погромом” и грабежом достоинства армянской общины. Энвер представил мнение армянской делегации в Совет министров, присовокупив отрицательное мнение представителей нейтральных стран о планируемой акции. Совет министров Турции учел содержание информации Энвера и его мнение по этому вопросу, что позволило отложить вопрос депортации армянской общины Константинополя на время. В качестве компромисса Талаат и Энвер провели решение о высылке из Константинополя тех армян, которые занимали национальные позиции, что вновь позволило задействовать репрессивные антиармянские меры в столице.

Из этой ситуации максимум политического капитала попытался получить великий визирь Саид паша, который после заседания Совета министров дал знать патриарху Завену о необходимости встречи, чтобы заверить о своем вкладе в дело спасения армянской общины Константинополя. Этим самым намечалось продемонстрировать особый характер своей позиции на форс-мажорную ситуацию после войны. Визит патриарха к великому визирю был санкционирован Смешанным собранием Национального управления. В ходе встречи патриарх Завен запросил великого визира издать закон, который бы отменил все постановления о признании армян вне закона. Визирь обещал свое содействие, но Совет Министров не дал согласия.

Беседа патриарха с Саид пашой выявила намерение Высокой Порты солидности собственное достоинство по поводу отмены высылки путем получения челобитной от Константинопольской общины. Успешно проходил сбор подписей под обращение, проводимый инициативной группой в со-

ставе Зарех эфенди и Ованнес эфенди, которые занимали высокие должности при Высокой Порте, врача Чилинкаряна, но епископ Амаяк Димаксян, известный своей национальной позицией, отказался, посоветовав запросить мнение “армянских дипломатов”, что стоило в дальнейшем ему жизни. О происшедшем Зарех эфенди Тилпер сообщил Талаату с запросом о возможности предоставления правительству Турции верноподданнического адреса от имени всех армян страны. Министр внутренних дел решил дать свое согласие.

Инициативная группа стала готовить новое обращение, но под ним не оказалось подписи Константинопольского патриарха.²⁴ Посланцу армянских эфенди патриарх Завен заявил: “Пойди, скажи эфенди, что я не только не подпишу, но и против этого мероприятия”.²⁵ Смешанное собрание, не желая расставаться с иллюзией переломить ход антиармянской политики младотурок, приняло адрес к Высокой Порте. В нем содержалось осуждение поведения тех армян, которые “стали причиной” уже “известных событий” в Ване. Собрание обязало патриарха Завена направить адрес правительству, которое его представило иностранным представителям и европейской общественности для обоснования точки зрения виновности армян и гуманности подхода к армянской общине Константинополя.

В то же время правительству Османской Турции стало окончательно ясно, что политическим представительством армян остался лишь Константинопольский патриархат, находящийся в контактах с посольствами нейтральных стран. Для изменения ситуации была предпринята попытка смещения патриарха Завена. Инициативная группа возглавляемая Г. Утуджяном, в селе Мари попыталась осуществить смещение патриарха под предлогом “слабости” управления и “безразличия” к происходящим событиям. На пост патриарха намечалось возвести бывшего Константинопольского патриарха М. Орманяна и составить управление из лиц, угодных правительству. Соответствующее обращение было направлено Смешанному собранию, которое отказалось дать ему ход.²⁶

19 мая 1915 г, во все вилайеты били направлены приказы правительства Турции о выселении всего армянского населения из городов и деревень, за исключением лишь тех лиц, которые приняли бы ислам. Армянские деятели сразу экстраполировали массовую резню. По сведениям главы тайной полиции Бедри - бея армянин Закарян заявил: “Если будет резня, то она не будет похожа на времена Абдул Гамида, так как ни одного армянина не останется”.²⁷ Против исполнения приказа выступил шейх-уль-ислам, который подал в отставку, а затем представил протест кабинету министров, что не остановило запущенный механизм геноцида.²⁸

Экстраполяцию последствий принимаемых мер младотурецкого режима осуществили депутаты Османского парламента Зограб и Вардгес. 19 мая 1915 г. Зограб посетил министра внутренних дел Талаат по поводу осуще-

ствляемой истребительной политики армянского народа. Зограб заявил о часе расплаты за осуществляемое преступление: “Знайте, настанет день, когда вам придется держать ответ, и вы не сможете оправдать свои проступки”. Талаат отреагировал саркастически: “Кто будет спрашивать отчет?” Без обиняков Зограб сказал: “Я, один из депутатов парламента, буду спрашивать с вас отчет”.²⁹

21 мая 1915 г. Вардгес встретился с шефом тайной полиции Бедри беом по поводу захваченных сумм в редакции г. “Азатамарт”, которого обвинил в “раздражении” армянского населения производимыми репрессиями и “направлении к безысходности”.³⁰ Близкое знакомство позволило Вардгесу указать на пережест политики младотурок в Армянском вопросе: “Вы слишком далеко зашли”. Бедри прикинулся простаком: “Джаным, что мы сделали?” Вардгес заявил о стимулировании репрессиями младотурецких властей национального отчаяния: “Вы подстрекаете наш народ и толкаете его в бездну отчаяния”.³¹ Не вступая в спор, Бедри бей посоветовал Вардгесу в течение трех дней покинуть Константинополь.³² Поняв характер личной угрозы, Вардгес запросил отсрочку: “Моя жена больная, мне необходимо самое малое 10 дней”. Бедри отрезал: “Как я сказал, так и будет”.³³

В тот же день Вардгес и Зограб были арестованы и высланы в глубь страны. Аресту Зограба предшествовало проявление дружеских чувств со стороны Талаата. До полуночи они играли в карты в салоне Серке. На прощание Талаат обнял дружески Зограба. Тот удивленно спросил, в чем дело. Талаат ответил: “От сердца идет”. На пути домой Зограб обнаружил неприкрытую слежку со стороны полицейского комиссара, который объяснил ее приказом министра внутренних дел. По прибытии домой, где уже находились полицейские, был предъявлен приказ Талаата об аресте. Стал ясен характер дружеского прощания министра внутренних дел, который совместно учился с Зограбом на юридическом факультете. Таллаат прощался с другом, с воззрениями революционной молодости, став воплощением ненасытного Молоха. Сборы были кратковременными. На вокзал Гейдар паша был приведен и Вардгес, где имелись заготовленные для них места в вагоне третьего класса. После требования арестантов, подкрепленного выделением 25 золотых монет, им были предоставлены места в вагоне первого класса для отправки в Конию.³⁴

23/13 мая 1915 г. Петроградское телеграфное агентство распространило совместную ноту стран Антанты Османскому правительству с осуждением истребительной политики армянского населения: “В течение всего последнего месяца в Армении происходит резня армян курдами и турками, при явном попустительстве, а иногда и при прямом содействии оттоманских властей. В половине апреля нового стиля резня армян имела место в Эрзеруме, Дергане, Эгине, Битлисе, Муше, Сасуне, Зейтуне и во всей Киликии; поголовно вырезаны жители сотен деревень в окрестностях Вана; в самом

Ване армянский квартал осаждается курдами. В то же время константинопольское правительство подвергает арестам и небывалым притеснениям мирное армянское население”.

Страны Антанты возлагали персональную ответственность за резню армянского населения на высшую и провинциальную власти. Уничтожение армянского этноса признавалось преступлением, направленным против культурного мирового сообщества. Провозглашалась угроза осуществить суд над организаторами армянской трагедии: “Ввиду этих новых преступлений, совершаемых Турцией против человечества и цивилизации, союзные правительства России, Франции, Англии сим публично объявляют Порте, что они возлагают личную ответственность за эти преступления на всех членов правительства, а также на тех местных представителей, которые окажутся причастными к подобной резне”.³⁵

24 мая 1915 г. французское агентство “Ажанс Гавас” распространило эту же ноту стран Антанты, со снятием нонсенса сообщения ПТА об осаде Вана, которое лишь отражало время составления совместной ноты.³⁶ Заявление Антанты означало, что руководство государственных и силовых структур Турции - Совета министров, Османского парламента, военного командования - являлось преступным сообществом. Персональная преступная ответственность возлагалась на великого визиря Саида, Талаата, Джемала, Энвера и их соратников.³⁷ Документ фактически является первым международным актом осуждения Геноцида армян, который был распространен почти во всех странах мира. Впервые три ведущие державы проявили политическое понимание и единодушие в определении истребительной политики этноса как преступления против “человечества и цивилизации”.³⁸

По мнению французского исследователя Ива Тернона текст ноты стран Антанты, сообщенный агентством “Гавасом”, был составлен министром иностранных дел Сазоновым под давлением русских послов в Вашингтоне и Риме, столиц нейтральных стран, имевших представителей в Константинополе. Это игнорирует значение обращения католикоса всех армян к Сазонову и главам иностранных держав о содействии спасения турецко-подданной армянской пастве. При этом Тернон отмечает, что английский министр иностранных дел Э. Грей подписал ноту “против своей воли”, что означало исполнение лишь союзнических обязанностей. По просьбе же французского министра иностранных дел Делькассе была заменена ранее согласованная формула “преступления против христианства и цивилизации” на формулу “преступления против человечества и цивилизации”, чтобы не задеть чувства мусульман французских колониальных владений. Сама нота стран Антанты оценивается предостережением Османской Турции о необходимости образумиться, чтобы избежать судебной ответственности.³⁹

Содержание ноты стран Антанты посол Германии Вангенгейм изложил правительству телеграммой без комментариев.⁴⁰ Макграф Паллавичини чуть приподнял завесу в донесении главе внешнеполитического ведомства Буриану. Им указано, что американский посол Моргентау, по просьбе правительств Англии, Франции и России сообщил Высокой Порте о “личной ответственности” турецких властей за меры предпринятые против армянского населения. Как стало известно Паллавичини, великий визирь Саид-паша был “глубоко возмущен” представленным сообщением, которое не скрыл от американского посла.⁴¹

3. Закон о депортации

26 мая 1915 г. ночью состоялось заседание центрального комитета партии “Иттихад” об организации массовой депортации армянского населения. Постановка вопроса определялась падением Вана, созданием “Армянского правительства” Арама Манукяна и бегством мусульманского населения от наступающих русских частей. Председательствующий Талаат предоставил слово доктору Назиму, призванному обосновать необходимость депортации, который изложил тезис о нелояльности армянского населения Османской Турции. Нелояльность представлялась состоящей из ряда компонентов: отказ от “обещанного нейтралитета”, наличие армянских добровольцев в составе русских формирований, поднятие восстаний в тылу обороняющейся турецкой армии и образование временного правительства Арама Манукяна в Ване. Декларировался рост армянской готовности к самообороне: “Однако мы видим повсеместно подготовку восстания, и мы об этом знаем”. Более точные сведения было предложено запросить у Талаата.

Незамедлительно последовала подтверждающая реплика председательствующего: “Да, слова доктора Назима действительность. Эти ужи снова поднимают голову, поэтому необходимо покончить с ними”. Последовал возмущенный голос ходжи Гасана Фехми о причинах “козней” армян: “Что они хотят, почему не ценят плоды конституции?”¹ Разъяснение армянских “мечтаний” дал доктор Назим: “Чего они хотят, объясню Вам. Они уничтожением нас, нашего имущества и поместий хотят сказать: “Турок, встань отсюда и удались, ты не хозяин этой земли, этих гор, этих лесов. Эти леса, эти реки наши, принадлежавшие нам со времени создания мира, о чем свидетельствует история”.² В словах Низама была горечь, хотя он должен был бы признать обоснованность подхода армянской стороны, поскольку сами младотурки пропагандировали миф о приходе в Малую Азию турок в количестве 400 всадников, которые создали огромную империю.³

Ага оглы Ахмед попросил уделить несколько большее внимание Ванским событиям. По словам Талаата, армяне нарушили обещание о нейтралитете, данное на августовском совещании 1914 г., послали добровольцев

в русскую армию, создали временное правительство в Ване. Об армянских устремлениях присутствующим было предложено судить по заранее подобранной публикации о борьбе ванских армян из одной ростовской газеты, призванной убедить в их далеко идущих намерениях. В ней говорилось о шестивековой борьбе армянского народа против турецкого ига, что настало время осуществления национальной мечты. В качестве назидательного учителя Талаат стал зачитывать отрывки из публикации. Выделены места о действиях армянских добровольческих дружин во главе хмбапетов Вардана, Кери, Амазаспа, Дро и Хечо, приведено утверждение о схожести освобождения Вана полководцем Андраником, под непрестанное звучание колокола Варагского монастыря, с освобождением крестоносцами Иерусалима.

Содержание приведенных отрывков задело за живое члена ЦК “Иттихад” инспектора Стамбула Кара Кемаля: “Пускай исчезнут (армяне), эти земли принадлежат власти “Единение и прогресс”, мы не должны позволить, чтобы кто-либо простер к ним руки.”⁴ Причем реплики Кара Кемаля - “Пускай исчезнут” и “Продолжайте”⁵ - сопровождали все зачитываемые выдержки из ростовской газеты, что свидетельствовало об эмоциональном воздействии либо подготовленности заранее.

Доктор Назим отреагировал на возмущение Кара Кемаля о необходимостью деятельной активности: “Пустыми словами судно не двигается, надо действовать и быстро действовать”. Армянская угроза подрыва организма турецкой державы признана весьма высокой. Локальное ее решение местной резней как, например, Аданская 1909 г. сочтено невозможным. Более того, на взгляд Назима, к возмущенным армянам присоединились бы другие недовольные, например, как арабы и курды: “Вместо одной опасности возникнут три”.⁶ Было предложено осуществить полное уничтожение армянской нации в Турции, тем более этому благоприятствовали военная обстановка, отсутствие вмешательства международных держав и заграничной общественности. Предложено учесть закон естественного отбора животного мира: “Вандализм закон насилия. Весь вопрос заключается в принятии либо его отвержении. Все животные, даже растения, поглощая друг друга, уничтожая друг друга не отмирают. Следовательно, их взаимное поглощение и уничтожение мы не можем отменить, хотя и считаем варварством”. Мнение доктора Низама получило поддержку Гасана Фехми: “Да, господин, эту теорию я знаю: “теория поглощения и еды”, видел в природе”.⁷

Уничтожение армянского населения Османской Турции предлагалось во имя программы тюркизации: “Хорошо подумайте, почему мы совершили революцию, в чем наша цель. Чтобы сместить людей султана Абдул Гамида и занять их место? Я так не думаю. Я стал вашим братом, чтобы возродить тюркство, чтобы жили только тюрки на этой земле, чтобы мы здесь

властвовали. Нетурецкие элементы должны быть уничтожены, несмотря на принадлежность к той или иной религии или нации. Эту страну надо очистить от нетурецких элементов. Религия не имеет для меня значения, для меня религия - это Туран".⁸

Бехаэддин Шакир подчеркнул националистические установки партии "Иттихад ве терраки", призванной взамен Османской державы утвердить "новое Турецкое государство". Османская держава представлялась лоскутной национальной империей, состоящей из армян, греков, болгар, сербов, албанцев, курдов, арабов, черкесов, грузин-лазов, которые остались неизменными в своей национальной сущности. Империя представлялась имеющей "грош цену", поскольку турки "угнетались", а румыны, сербы, болгары и македонцы отделились. В этом ряду опасным представлялся Армянский вопрос, который, по мнению Джавид бея, прошел ряд "кровавых периодов" из-за соперничества Англии, России и Германии.

Подводя итоги заседания, министр финансов Джавид заявил об окончательном уяснении проблемы, с уклоном в необходимости освободиться от экономического засилья армян, чтобы торжествовала турецкая нация. Под этнополитический аспект геноцида была подведена экономическая основа. Им было заявлено: "Господа, турок в этой стране господствует лишь номинально. Турок под жгучими лучами солнца работает в своем поле, урожай собирает и продает городскому армянскому торговцу, обогащая его и обеспечивая благополучие. Экономическая власть находится в руках армян; насколько их уничтожение до единого является необходимым с национальной нашей точки зрения, настолько же оно важно для основания турецкой экономической власти".⁹ Центральный комитет партии "Иттихад" единодушно поддержал заготовленный Талаатом приказ о депортации армянского населения Османской державы.¹⁰

27/14 мая 1915 г. иностранным уполномоченным было представлено официальное постановление Высокой Порты о выселении армянского народа: "Принимая во внимание, что армяне осуществляют антизаконные действия и используют каждый повод для беспокойства правительства, что у них выявлено запрещенное оружие, бомбы и взрывные вещества, которые готовились для внутреннего восстания, что они в Ване убивали мусульман и оказали содействие русским войскам в то время, когда правительство находится в войне с Англией, Францией и Россией, наконец боясь, что армяне, согласно их обыкновению, могут обратиться к восстаниям, мятежам и возмущениям, правительство решило, что все армяне должны быть собраны и высланы в вилайеты Мосула и Сирии, причем их личность, ответственность и честь должны быть защищены. Отданы надлежащие приказы, чтобы были приняты все меры по их переселению и чтобы они до окончания войны находились в "этих местностях".

По сути сообщения армяне представлялись мятежным народом, вредящим турецкой государственности, противоборствующим с мусульманским элементом, сотрудничавшим в военное время с русским противником, готовым на всякие нелегальные действия. Был изложен образ внутреннего врага мусульманского населения и Османского отечества, которого надлежало временно изолировать в отдаленных местах.

Прилагался проект "Закона о депортации", состоящий из трех пунктов. Первый пункт разрешал руководству армии и отдельных частей применять оружие в случае сопротивления армянского населения "распоряжениям правительства", осуществлять наказания "строгим образом, вплоть до уничтожения" для укрепления безопасности страны. Второй пункт проекта гласил о праве военного командования и начальников отдельных частей немедленно выселять население сел или отдельных групп в другие места, которые были заподозрены в "шпионаже" или "предательстве". Третий пункт утверждал об исполнении "закона" с момента опубликования.

Официальное постановление Высокой Порты имело предназначение для внешнего пользования. Оно было опубликовано 1 июня 1915 г. в офицозе правительства газете "Таквим-и-Векайи" с заголовком "Временный закон о мерах, обязательных к исполнению войсками против лиц, противодействующих в военное время осуществлению правительственных мероприятий."¹¹ Однако он не был расценен армянскими кругами, в частности Константинопольским патриархатом, как начало массовой депортации армянского населения. Использованный документ был опубликован в 1918 г. в Цюрихе Ель Чассейном в книге "Турецкое господство и убийство армян".

Исследователи С. К. Погосян и К. С. Погосян установили наличие неофициальной части закона "О депортации", состоящего из восьми пунктов. Из них не подлежали публикации пункты 3, 4, 5, 6, 7. Третий пункт требовал предоставлять конфискованные дома выселенцев армян турецким офицерам. Четвертый пункт санкционировал сдачу части экспроприированных домов семьям раненых и погибших военнослужащих. Пятый, шестой и седьмой пункты оговаривали претензии мохаджиров на эти дома.¹² Содержание неофициальной части закона "О депортации" практически уточняли "Предписания об административном распоряжении брошенного имущества, недвижимых имений и земель депортируемых армян в условиях военного времени и чрезвычайной политической необходимости" от 16 мая 1915 г., состыковывая с деятельностью "Управления брошенного имущества".

Состыковка официальной и неофициальной частей закона "О депортации" была осуществлена Советом министров Турции 30 мая 1915 г., которые получили подтверждение. Одновременно был принят закон о предоставлении средств выживания депортируемым армянам и распоряжении их имуществом:

- “1.Охранять личность и имущество депортируемых до достижения ими цели назначения и запретить всякие формы преследования;
- 2.Компенсировать депортируемых новым имуществом, землей и предметами первой необходимости для комфортабельной жизни;
- 3.Разрешить мусульманским беженцам заселять покинутые деревни только после официально зарегистрированной стоимости дома и земли и рассеять сомнения, что имущество до сих пор принадлежит законным хозяевам;
4. Продавать или сдавать в аренду те участки, имущество и вещи, которые не закреплены за мусульманскими беженцами, и держать в Министерстве финансов на имени хозяев в счет извлечения доходов после первого вычета административных расходов;
5. Поручить министру финансов создать специальные комитеты для наблюдения за этими операциями и публикации циркуляров, имеющих отношение к компенсации имущества и их защиты;
6. Обязать всех официальных представителей претворить в жизнь закон и доложить правительству о ходе его выполнения”.

Принятый закон уточнял методы депортации и регламентировал процедуру осуществления. Закон об обеспечении средствами выживания депортируемого армянского населения по своей направленности имел позитивное значение, но, как показали дальнейшие события, оказался декларативным, предназначенным для введения в заблуждение иностранной общественности. Заранее составлялся оправдательный документ перед судом истории: “Мы хотели сделать получше, но получилось почему то не то”.¹³

В то же время имеется еще несколько вариаций закона “О депортации”, принятого 27 мая 1915 г. Содержание пунктов закона “О депортации” Эль Чассейна подтверждает его публикация историком Мевлен заде Рифатом,¹⁴ но текст преамбульной части различается: “Армяне выселяются из своих мест, чтобы не могли угрожать армии и помешать спокойствию страны, направление их в другие места по нуждам гражданской и военной власти является предупредительной мерой со стороны правительства, скорейшее исполнение которой является важным. В действительности, правительство для защиты себя, жертвующее на полях войны тысячами своих сыновей, ожидающее в этот момент еще большего содействия от всех своих подданных независимо от религиозной и национальной принадлежности, приняло это решение, не уклоняясь от своих обязанностей против намеревающихся использовать оружие изнутри и ударить с тыла, что является его законной обязанностью. Поэтому сейчас предписывается самая строгая деятельность”.¹⁵

Мевлен заде Рифат отмечает, что приводимый текст закона “О депортации” из трех пунктов был разослан министром внутренних дел Талаатпашой в качестве окончательного предписания подведомственным структу-

рам, а Центральный комитет партии “Иттихад” направил своим партийным отделениям и клубам.¹⁶ Из этого следует, что приводимый вариант закона “О депортации” был предназначен для внутрипартийного пользования, что и объясняет его укороченный характер.

Другой значительный документ значится как “Воззвание”, который с риском для жизни был вывезен Элине Франклин Эган из Турции и опубликован в филадельфийской газете “Saturday Evening Rost” 5 февраля 1916 г. Документ состоит из двух известных частей: преамбулы и предписания о порядке выселения. Преамбула содержала обоснование выселения: “Принимая во внимание, что наши соотечественники - армяне, которые составляют один из племенных элементов турецкой империи, под влиянием продолжительного внешнего воздействия увлеклись ложными идеями, могущими нарушить общественный порядок; что они вызвали кровавые события и покушались нарушить мир и спокойствие турецкого государства и безопасность и интересы своих соотечественников так же, как и свои собственные; и наконец, что они теперь дерзнули соединиться с врагами, воюющими против нашего государства - наше правительство вынужденно принять чрезвычайные меры и жертвы как для сохранения порядка, так и для благополучия и дальнейшего существования армянского населения. Посему в виду меры, принятой до окончания войны, армяне должны быть высланы в места, приготовленные для них во внутренних вилайетах.”

Содержание преамбулы носило многозначительный и противоречивый характер, излагая ряд пунктов обвинений против армянского населения Османской Турции, предназначенных как для внутреннего, так и для внешнего потребления. Первый пункт утверждал о подверженности длительному иностранному воздействию, представителями которого в исторической ретроспекции значились Англия, Россия и Германия. Под “ложными идеями” следовало понимать движение за конституционное равенство и политическую автономию в Османской Турции. Здесь смешивался этнонационализм нации, претендующей на восстановление государственности, используемый внешними силами для проведения собственных интересов, с отсутствием общественно-экономических условий развития внутри самой Турции. Умалчивалось о проведении политики “Армения без армян”, осуществлении протогеноцида армян при режиме кровавого султана Абдул Гамида, периодических локальных погромах и программных установках по “уничтожению армян” “Османской державы с созданием однородной Анатолии в русле тюркизации.

Второй пункт обвинения утверждал о нарушении “общественной безопасности” и осуществлении “кровавых событий”, могущих дестабилизировать турецкое государство. Этот пункт являлся полной дезинформацией. Выселение армян Зейтуна и Киликии было осуществлено по заранее разработанному правительственному сценарию без всякого сопротивления, ко-

гда люди шли на самопожертвование во имя сохранения нации. Восстание армян Вана являлось самообороной, ответной акцией на намерение правительства по их уничтожению, которому предшествовало практическое упразднение местного руководства, за исключением Арама Манукяна. Правительство Турции организовано воплощало программу уничтожения своих подданных и их противодействие рассматривало нарушением существующего правопорядка, за нарушение которого оно само должно было нести ответственность.

Третий пункт обвинения гласил о “соединении армян с врагами”. Это означало как наличие армянских добровольцев в составе формирований противника и соединение ванских повстанцев с русскими частями, так и подготовку всеобщего заговора против младотурецкого режима. Следствием чего турецкая армия должна была оказаться в сложном положении, сражаясь на два фронта - против внешнего и внутреннего врага, что было голословно и бездоказательно. Политическое руководство армянской нации - депутаты Османского парламента, видные лидеры партий “Дашнакцутюн”, “Гнчак”, “Рамкавар” и интеллигенции - арестовано, военные призывники уничтожены. В составе городского и сельского армянского населения оставались женщины, дети и старики, которые были далеки от возможности осуществить вменяемый заговор и восстание как по причине разоруженности, так и по своему половому и возрастному положению.

Оформление этих пунктов обвинений являлось ответной акцией правительства Османской Турции и руководства партии “Иттихад” на заявления правительств стран Антанты об уничтожении армянского населения, признанной обосновать законность осуществляемой политики как среди массового турецкого общественного мнения, так и среди зарубежного, в первую очередь, среди союзников германского блока. Каждый мусульманин получал индульгенцию на деятельность против армянского населения, поскольку правительство сформировало перед ним образ “внутреннего врага”, который угрожал национальному и государственному существованию. Союзным странам предоставлялись аргументы для обеспечения их пассивности при осуществлении так называемого выселения армянского населения.

Указания о депортации содержали следующие положения: “Итак, все оттоманы безусловно обязаны в точности исполнять следующие предписания:

Первое. Все армяне, за исключением больных, обязаны в течение пяти дней со дня опубликования этого воззвания выселиться из своих деревень в городах под экспортом жандармерии.

Второе. Хотя они свободны брать с собою для своего путешествия те предметы из своей движимой собственности, какие хотят, но им запрещается продавать свои земли и свои лишние вещи или оставлять их здесь или там другим лицам, так как их выселение только временное, и их

земельная собственность, как и те предметы, которые они возьмут с собою, будут приняты под охрану правительства и помещены в закрытых и защищенных зданиях. Всякий, кто продаст или попытается хлопотать о своей движимой или недвижимой собственности в духе, противном настоящему приказу, будет предан военному суду. Они имеют право продавать правительству только те предметы, которые могут годиться для нужд армии.

Третье, заключает в себе обещание безопасности провоза.

Четвертое. Угроза против всякого, кто попытается нападать на них в пути.¹⁷

Пятое. Так как армяне обязаны подчиняться этому решению правительства, то в случае если некоторые из них попытаются поднять оружие против солдат или жандармов, против них должно быть применено оружие, и они должны быть захвачены живыми или мертвыми. Равным образом все те, которые дадут убежище или пищу, либо другую помощь тем лицам, кои, вопреки решению правительства, откажутся выселиться или постараются скрыться, должны быть преданы военному суду и казнены”.

Приводимый текст “Воззвания” был опубликован и в английской “Си-ней книге по Армянскому вопросу” за 1916 г.”¹⁸ Однако имеются существенные отличия от варианта официального сообщения закона “О депортации” Ель Чассейна. В преамбуле не говорится о Ванском восстании, убийстве мусульман и противоборстве с Англией, Францией и Россией, что указывает на более поздний характер составления. Если вариант закона “О депортации” Ель Чассейна предназначался для внешнеполитического оповещения стран Антанты, то вариант Элине Франклин Эган имел внутривнутриполитическую направленность и намечался армянским выселенцам и турецким властям. На это указывает определение срока выселения в пять дней, обещание безопасности в пути, порядок сохранения вещей. Все эти нововведения понадобились для убеждения армянского населения в законности депортации и ее безопасности.

Однако есть еще один вариант, изложенный в ноябре 1916 г. в турецкой газете “Atlantik Manfili”, который близок к варианту Элине Франклин Эган. Газета указывает, что “ранней весной” 1915 г. младотурки разослали циркуляр по внутренним областям Турции. В нем говорилось: “Наши соотечественники армяне, пользуясь случаем, желают присоединиться к смертельному врагу нашей страны России, которая воюет против нашего государства. Поручается:

1. Все армяне, за исключением больных, обязаны в течение пяти дней со дня должны оставить свои деревни в городах под экспортом охран-ных отрядов из жандармерии.
2. Они свободны брать с собою свое движимую собственность, но им запрещается ее продавать.
3. (Пункт содержит обещание гарантии безопасности выселенцев. Строгому

наказанию подвергнется тот, кто попытается побеспокоить армян во время их путешествия.)

4. Армяне обязаны подчиняться решению правительства. Если кто-либо из них будет противодействовать солдатам либо жандармам, то оружие будет использовано против него, он будет арестован и предан военному суду”.¹⁹

С указанием газеты “Atlentik Manfilı” о рассылке циркуляра о депортации “ранней весной” 1915 г. по внутренним областям Турции его можно отнести ко времени депортации зейтунцев и предназначенности для армян других местностей, в частности Вана. Фактически этот циркуляр стал играть роль матрицы для всех последующих модификаций. Он доказывает, что правительственное постановление о депортации было принято в марте 1915 г., а не 27 мая. На это же указывают воспоминания бывшего министра иностранных дел младотурецкого режима Халила Менташе, свидетельствующие о принятии решения о депортации в марте 1915 г.²⁰ Уточняется точка зрения Э. Штира, что это решение было принято в середине апреля 1915 г.²¹ Ванская самооборона сдетонировала тиражирование матрицы “О депортации”, но с полным либо частичным уничтожением выселенцев. Ванский предлог, в дальнейшем, потребовалось узаконить.²² Последующие модификации появились как результат корректировок к демаршу стран Антанты, когда депортации был придан официальный характер, когда она была вписана в систему внутривластных отношений. Вносимые изменения уточняли потребности текущего момента. Вариацией закона “О депортации” явилось объявление жителям Себастии о выселении.²³

В мемуарах Талаата принятие закона “О депортации” объясняется давлением военного командования. Личная позиция всемогущего министра внутренних дел представляется диаметрально противоположной, поскольку предпринимались другие репрессивные меры. Лишь, якобы, обвинения военного руководства в “предательстве родины” возымели свое действие: “Закон дал полномочия командирам армий или корпусов отдельно и массово переселять взбунтовавшееся население в другие районы.”²⁴ Мнение ставит целью возложить всю вину за депортацию на военное командование, обосновать выселение мятежом и отвергнуть наличие геноцида, утаить политическую программу по уничтожению армян Османской империи о создании однородной Анатолии. Действительно, военное командование и администрация вилайетов сообщали о выявлении элементов подготовки “армянского заговора”, как, например, “груженых вагонов с оружием и бомб” в Ерзнка,²⁵ но все они были инициированы министром внутренних дел Талаатом и центральным комитетом “Иттихад”.

Военное ведомство руководствовалось законом “О депортации” от 13/26 мая 1915 г.: “Статья 1. В военное время командующим армиями, армейскими корпусами и дивизиями, а также их заместителям и отдельным

местным командирам в случае замечания за населением каких-либо неподчинений приказам правительства, противодействий мерам по защите страны и обеспечения общественного порядка, а также вооруженного нападения и противостояния имеют право и обязаны принимать самые строгие меры, включая применение военной силы, для полного уничтожения нападений и противодействий.

Статья 2. Командующие армиями, отдельными армейскими корпусами и дивизиями имеют право отдельного или массового переселения и водворения в другие места населения районов и деревень, исходя из военной необходимости, или если последние замечены в шпионаже и предательстве.

Статья 3. Этот закон вступает в силу с момента опубликования”.²⁶

Данный закон “О депортации” предоставлял свободу действий армии в осуществлении депортации и проведении истребительной политики армянского населения. При всех модификациях закона о депортации все они имели характер государственного постановления, а для членов партии также и центрального комитета партии “Иттихад”. Закон являлся следствием политического подхода к судьбе армянского населения Османской Турции. Министр внутренних дел Талаат считал: “Депортация является тяжелым средством, но для военной защиты страны полностью человеколюбивым”.²⁷ Военное командование приобщалось к решению политической программы создания однородной Анатолии с силовыми структурами - жандармерией, полицией и “Особой организацией”.

Закон “О депортации” был представлен военным министром Энвер на санкцию фельдмаршалу Кольмар фон Гольцу, исполнявший обязанности личного адъютанта султана Турции. Решение диктовалось опытом Гольца, которой являлся главой германской военной миссии (1885 -1895), возглавлял реорганизацию турецкой армии по немецкому стандарту и имел обширные связи с берлинскими верхами. Состоявшейся разговор по депортации армянского населения был изложен Министерством иностранных дел Германии в проекте письма (7. 2.1919) бывшему начальнику генерального штаба турецкой армии Бронсарту фон Шеллендорфу. Отмечалось предоставление закона “О депортации” Гольцу в безобидном виде, где выселению подлежало лишь локальное число армян: “Наверняка установлено, что Энвер - паша показал постановление о высылке армян барону фон дер Гольцу и просил его разрешение. В этом постановлении речь шла только о временном удалении определенных элементов из некоторых центров”. Фельдмаршалу, якобы, оказалось не под силу спрогнозировать этнополитические последствия для армянского населения Османской Турции. Оправдательно отмечено: “По всему этому фон дер Гольц не мог себе представить картину истинного характера запланированных мероприятий”. Согласие фельдмаршала Гольца сопровождалось советом о месте организации

концентрационной зоны: “Говорят, он ответил, что в местности Адана есть же обширные необжитые земли, на которых могут быть расселены армяне”. Ответ указывал об интересе Германии к Киликии и проводимой через нее ветки Багдадской железной дороги. Из проекта письма было вычеркнуто: “Таким образом, он считал претворение мер возможным”.²⁸ Сделан был запрос фон Шеллендорфу о наличии плана депортации.

Последующее представление проблемы знакомства немецких полководцев с планом депортации армянского населения общественности Германии завершилось утверждением о представлении “текста правительственного приказа” в “безобидной форме”. Из всего закона “О депортации” приво- дился лишь один фрагмент: “Параграф 2. Командующим армий независи- мых армейских корпусов и дивизий в случае военной необходимости и на случай, когда они предполагают шпионаж, разрешается выслать жителей де- ревень или городов в отдельном или массовом порядке в другие места про- живания”. В то же время не была снята вина с фельдмаршала Гольца за одобрение плана депортации армянского населения: “Его необходимо упрекнуть в том, что он, несмотря на свое долготное пребывание в Тур- ции, не предвидел того, во что выльется такое мероприятие в исполнении турецких чиновников, что у него не зародилось подозрений, основанных на истории турецко-армянских отношений, и принимая во внимание все больше распространяющийся пантюркизм”.²⁹

Приводимый параграф закона “О депортации” был извлечен из варианта, предназначенного военному ведомству Османской Турции от 13/26 мая 1915 г., означающее наличие копии в распоряжении германских военначаль- ников. Из всего сказанного, как и в случае вышеприведенной деятельности германской дипломатии, явствует: Германия - соавтор и соответчик турецко- го закона “О депортации” армянского населения”.

18/31 мая 1915 г. Талаат направил приказ вали Эрзерума о депортации армянского населения в Дейр-Зор. К этому времени были “опустошены” все прилегающие деревни, где находилась резиденция организации “Те- шкилат-и-махсусе”,³⁰ которые были предоставлены мохаджирам.³¹ Затем 23 мая - 6 июня последовали указания главам Ванского и Битлисского ви- лайетов. В тот же день Министерство внутренних дел направило циркуляр во все вилайеты о наказании всех мусульман за “сотрудничество” с хри- стианами вплоть до предания военному трибуналу. Любая помощь мусу- льманского населения армянам, подлежала наказанию.³²

Болгарское дипломатическое посольство 30/20 мая 1915 г. было опове- щено собственным источником о принятии “окончательного решения по истреблению армян”. Был отдан строгий приказ о выселении армянского населения из города Эрзерума, которых, по слухам, должны были выслать в Мосул. В Ване, Битлисе и Эрзеруме было осуществлено убийство множе- ства армян по причине принадлежности к партии “Дашнакцутюн”.³³

Постановления Высокой Порты о депортации армянского населения имели политический и экономический аспекты для самой Турции. На это указывает донесение австро-венгерского военного атташе от 31/21 мая 1915 г из Константинополя: “Армянский вопрос также должен стать большой угрозой для правительства. В результате выселения большей части армян- ского населения целое пространство лишилось своего производительного населения, и экономическая жизнь там парализована”. Сооб- щалось о протесте Высокой Порте, который был подан послами США, Гер- мании и Австро-Венгрии. Военный атташе обратил внимание и на кадро- вый аспект депортации, подчеркнув отсутствие связи между ней и про- пагандируемым стремлением подавить “армянские восстания”. Военный атташе писал: “Это действие турецкое правительство предприняло не для подавления армянского восстания, а для обеспечения бесчисленного количества служащих после потери Македонии и Ливии”.³⁴

Попустительскую позицию занял посол Вангенгейм. 31 мая 1915 г. он телеграфировал Министерству иностранных дел об предоставлении воен- ным министром Энвером комплекса мероприятий по упразднению Армян- ского вопроса. Номинальной причиной указывались шпиономания и де- стабилизация Турции изнутри: “Энвер-паша намеревается с целью воспре- ятствовать армянскому шпионажу и прекращению новых массовых волне- ний армян закрыть, используя военное (чрезвычайное) положение, большое число армянских школ, заглушить армянские газеты, запретить армянскую почтовую корреспонденцию и переселить в Месопотамию все не совсем безупречные семьи”.³⁵ Энвер изложил программу создания железного занавеса вокруг истребительной политики армянского народа - лишение инфор- мационных средств выражения, упразднение национальных просветитель- ских учреждений, ликвидация коммуникационных средств сообщения вну- три страны и с внешним миром, осуществление депортации политически неблагонадежных армян. Ядром предложенной новой комплексной ан- тиармянской программы являлась депортация. До этого было уже сломлено возможное сопротивление армянских политических сил - “Дашнакцутюн”, “Гнчак”, “Рамкавар”, депутаты Османского парламента.³⁶

На новом этапе упразднения Армянского вопроса главным представля- лась депортация армянского населения как залога его уничтожения, что свидетельствовало о стабилизации положения на фронтах, наличии резер- вных силовых ресурсов, способности осуществить запланированную про- грамму “уничтожения армян”, готовности общественного мнения мусуль- манского населения. Об этом указывает формальное обращение Энвера к Германии в попустительстве расправы над армянским населением: “Он на- стоятельно просит, чтобы мы ему при этом не мешали”.

Посол Германии проецировал возмущение цивилизованного мира поли- тикой младотурок в Армянском вопросе и ущерб репутации Германии:

“Разумеется, турецкие меры вновь повлекут за собой во всем враждебном нам мире большое возмущение, а также будут использованы против нас, особенно будут задеты интересы Америки во многих ее армянских школах”. Несмотря на это турецкая программа получила понимание у германского посла Вангенгейма, который предложил лишь придать ей глянец: “Конечно, меры несут с собой суровость по отношению к армянскому населению. Однако я придерживаюсь того мнения, что эти меры мы, пожалуй, должны смягчить по форме, но не препятствовать им в принципе”. Вангенгейма больше беспокоила позиция немногочисленных армянофилов в Германии. Планировалось заранее обеспечить индульгенцию за нарушение христианской заповеди любви к ближнему: “Прошу известить профессора Лепсиуса и другие армянские комитеты Германии, что упомянутых мер при политическом и военном положении Турции, к сожалению, не избежать”.³⁶

Точка зрения посла конфиденциальным порядком заранее была доведена до сведения консулов Германии в Эрзеруме, Мосуле, Адане, Алеппо и Багдада. Политический курс Германии по недопущению армянского восстания в Османской Турции подвергся ликвидации. 1 июня 1915 г. Вангенгейм сообщил в Берлин о необходимости завершения миссии доктора Липарита, который должен был “воздействовать” на Константинопольский патриархат, руководство партии “Дашнакцутюн” и видных деятелей армянской общины, чтобы действовали в пользу Турции.³⁸ Началось выселение армян Эрзерума, Ерзнка, Битлиса, неосвобожденных местностей Вана и Сиваса. В этих вилайетах численность армян и места проживания, соответственно, составляли: Эрзерумский - 215 тыс. и 425 пунктов, Ванский - 197 тыс. и 450 пунктов, Битлисский - 220 тыс. и 681 пункт, Сваский - 225 тыс. и 241 тыс. и 241 пункт.³⁹ Эффективность политического курса Германии по недопущению армянского восстания в Османской Турции получила подтверждение в телеграмме германского консула Шойбнер Рихтера от 2 июня 1915 г. послу Вангенгейму по поводу выселения Эрзерумских армян в пустыню Дейр-Зор: “Эта депортация большого масштаба равносильна массовому уничтожению... Основания военного характера не могут быть подведены под эти акции, потому что возможность восстания местных армян исключена, ибо депортируемые - это старики, женщины и дети”.⁴⁰

I. Версия “Армянского заговора”

1. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 209.
2. Лепсиус И. Тайная справка о погромах армянского народа. Ер., 2003, с. 159.
3. Палакян Гр. Армянская Голгофа..., с. 78.
4. Лепсиус И. Тайная справка..., с. 159.
5. Турки о турках..., с. 168.
6. Геноцид армян..., N 152, с. 286.
7. Английская Синяя книга..., 21 февраля.
8. Тунян В. Г. Россия и Армянский вопрос..., с. 225.

9. Резня армян в Турции. - Арарат. 1915, N 2 - 3. с. 170 - 175.
10. Геноцид армян..., N 144, с. 279.
11. Там же, N 145, с. 279.
12. Саркисян Е. К. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье. Ер., 1962, с. 233.
13. Кечян А. М. Красные эпизоды из жизни героев..., с. 70, 71.
14. Даниелян Э. Г. Великий геноцид..., с. 114.
15. Турки о турках..., с. 170, 171.
16. Там же, с. 175.
17. Штир Э. Немецкие дипломаты об Армении. - Германские источники..., с. 187.
18. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян. Ер., 2005, с. 80.
19. Там же, с. 81.
20. Алиев Г. З. Турция..., с. 298.
21. Из истории геноцида армян..., с. 53, 54.
22. Турки о турках..., с. 171.
23. Теодик Голгофа..., с. 20.
24. Акчам Танер. Геноцид армян..., с. 70; Завен архиепископ. Патриаршие..., с. 97.
25. Лепсиус И. Тайная справка..., с. 128.
26. Завен патриарх. Патриаршие..., с. 97.
27. Лепсиус И. Тайная справка..., с. 128.
28. Фирбюхер Г. Армения 1915..., с. 47.
29. Завен архиепископ. Патриаршие..., с. 86.
30. Там же, с. 99.
31. Там же, с. 110.
32. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 81.
33. Там же, с. 86, 87, 101.
34. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 254, 255.
35. Там же, с. 255.
36. Сообщения австро-венгерских дипломатов..., N 4, с. 15.
37. Там же, с. 13 - 16.
38. Армянский вопрос..., с. 172.
39. Андраник Озаян. - Вестник архивов Армении. 1991, N 1 - 2, с. 110 - 133.
40. Сообщения австро-венгерских дипломатов..., N 5, с. 16.
41. Документы США о геноциде армян..., с. 26.
42. Там же, с. 26, 27.
43. Антонян А. Большое преступление..., с. 121.
44. Ширакян А. Наследство и мученики. Ер., 1991, с. 48.
45. Тунян В. Г. Младотурки..., с. 118-120.
46. Завен архиепископ. Патриаршие..., с. 90.
47. Ширакян А. Наследство..., с. 48; И. Лепсиус. Тайная справка..., с. 134.
48. Геноцид армян. По документам..., с. 41.
49. Там же, с. 177.
50. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 83, 84.

II. Осуждение армянской политики Турции

1. Документы США о геноциде армян..., с. 29, 30.
2. Завен архиепископ. Патриаршие..., с. 103.
3. Армянский геноцид в Турции в свете дипломатических документов..., с. 15, 16.
4. Сообщения австро-венгерских дипломатов..., N 5, с. 16, 17.
5. Австро-венгерские дипломаты..., N 5, с. 141.
6. Там же, с. 142.
7. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 287.

8. Там же, с. 288.
9. Ответ Энвер - паши. - Армянский вестник. 1916, N 2, с.10.
10. Ахмед Рефик. Два комитета..., с. 64, 73.
11. Турки о турках..., с. 177.
12. Там же, с. 249, 280.
13. Там же, с. 181.
14. Там же, с. 182.
15. Лепсиус И. Тайная справка..., с. 132.
16. Турки о турках..., с. 168.
17. Там же, с. 177.
18. Там же, с. 178.
19. Там же, с. 179.
20. Там же, с. 177- 180.
21. Лепсиус И. Тайная справка..., с. 159.
22. Турки о турках, с. 184 -190, 250.
23. Из истории геноцида..., с. 96.
24. Акуни С. История резни..., с. 100 -103.
25. Там же, с. 104.
26. Там же, с. 104, 105.
27. Лепсиус И. Тайная справка..., с. 160.
28. Там же, с. 159, 160.
29. Агаян Ц. П. Из истории освободительной борьбы армянского народа..., с. 479.
30. Лепсиус И. Тайная справка..., с. 128.
31. Фирбюхер Г. Армения..., с. 47.
32. Там же, с. 128, 129, 133.
33. Там же, с. 47.
34. Документ о мученической смерти депутатов Османского парламента Г. Зограба и В. Серингуляна Закарян А. - Вестник архивов.Армении. 2003, N 1, с. 29,30 .
35. Русские источники ..., N 26, с. 2 .
36. Лепсиус И. Тайная справка..., с. 135, 136
37. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 299 .
38. Барсегян Л. А. Летопись официального осуждения ..., с.14.
39. Тернон И. Безнаказанность, месть и отрицания армянского геноцида..., с. 5, 6.
40. Армянский вопрос..., с. 178.
41. Сообщение австро-венгерских дипломатов..., N 10, с. 21.
15. Там же. с. 119.
16. Там же. с. 118, 119.
17. Из истории геноцида ..., с. 35.
18. Английская Синяя книга..., 2 июня.
19. Турки о турках..., с. 175, 176.
20. Ismail A. Osmanli Mebusan Meclisi Reisi Nalil Mentese` nin Anilari. Istanbul, 1986, s. 215.
21. Штир Э. Немецкие дипломаты об Армении.-В кн.:Германские..., с. 199.
22. Акчам Т. Геноцид армян..., с. 79.
23. Турки о турках..., с. 205, 206.
24. Talvt rasanin haturalari..., s. 40
25. Геноцид..., N 170, с. 303.
26. Авакян А. Геноцид 1915 г..., с. 44.
27. Гиббонс Г. А. Самая черная история новейшей истории...,с. 11, 12.
28. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 455.
29. Там же, с. 451.
30. Акчам Танер. Геноцид армян., с. 74, 75, 79.
31. Армянский геноцид в Турции в свете дипломатических документов ..., с. 15.
32. Авакян А. Геноцид 1915 г..., с. 44, 45.
33. Армянский геноцид в Турции свете дипломатических документтов..., с. 16,17.
34. Сообщение австро-венгерских дипломатов..., N 7, с.18.
35. Армянский вопрос..., с. 174, 175
36. Сообщение австро-венгерских дипломатов...,N 6, с.17, 18.
37. Армянский вопрос..., с. 175
38. Там же, с. 175 -178
39. Барсегян Л. А. Потери армянского народа..., с. 3, 4.
40. Нерсисян М. Г. Немецкие и турецкие источники..., с. 35.

III. Закон о депортации

1. Мевлан заде Рифат. "Тайные изгибы...", 92.
2. Там же, с. 92, 93.
3. Киракосян Дж. С. Младотурки..., с. 73; Тунян В. Г. Младотурки..., с. 300.
4. Мевлан заде Рифат. "Тайные изгибы...", с. 97.
5. Там же, с. 96, 97.
6. Там же, с. 97.
7. Там же, с. 98.
8. Там же, с. 98, 99.
9. Там же, с. 101.
10. Там же, с. 92 -102.
11. Акчам Танер. Геноцид армян..., с. 74, 75.
12. Турки о турках..., с. 182, 183.
13. Предисловие профессора Вольфдitera Биля к "Сборнику кайзеровских и королевских документов о геноциде армян в 1915 г." - ..., с. 99.
14. Мевлан заде Рифат. "Тайные изгибы...", с.119, 120.

Глава 3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОПРОВЕРЖЕНИЯ ТУРЦИИ

1. Армянский образ и всеобщая депортация

Депортация осуществлялась в условиях напряженной политической обстановки из-за известного демарша стран Антанты об армянских погромах. 3 июня 1915 г. посол Моргентуа посетил великого визиря Саид пашу,¹ который, нервничая, курил наргиле. Внезапно он заговорил о ноте стран Антанты, причем лицо его от возбуждения покраснело. Он произнес длинную обличительную речь против армянского народа. Им было сказано, что армянские повстанцы убили в Ване 120 тыс. турок. Это и другие обвинения были сочтены Моргентуа настолько неестественными, что он стал защищать “угнетаемое племя”, что еще больше возбудило великого визиря. Затем Саид - паша принялся ругать США. Главным лейтмотивом обвинений являлся тезис, что “симпатии” Америки к армянам являются “величайшей причиной всех несчастий армян”.²

Эмоциональная возбужденность великого визиря шла от завершения времени подготовки для ответа на ноту об истреблении армянского населения стран Антанты 24 мая 1915 г. и экстраполяции тенденций политического развития. Момент был сочтен младотурками подходящим для политического контрдемарша, поскольку нельзя было больше затягивать с ответом перед зарубежным общественным мнением, с другой стороны - закончена подготовка к повсеместной депортации и уничтожению армянского населения. Немецкое агентство “Вольф” 4 июня 1915 г. из Константинополя сообщило “Заявление” Османского правительства, которое официально опровергало обвинения Англии, Франции и России в истреблении армянского населения. Отмечалось, что армяне Эрзерума, Дереджана, Сасуна, Битлиса, Муша и Киликии “не предпринимали никаких шагов либо мероприятий против нарушения мира и общественного спокойствия”, чтобы представители Османского правительства применили против него репрессивные меры. Это утверждение указывалось признанным представителями нейтральных стран, что позволило характеризовать ноту стран Антанты как “вопиющую ложь”.

Для представления позиции Османского правительства в Армянском вопросе был изложен краткий исторический экскурс. Указывалось, что при всяком обострении Восточного вопроса армянский народ, пользуясь случаем, каждый раз поднимал восстание. Причем к подобной политике, как отмечалось в “Заявлении”, его подталкивали представители стран “Согласия”, в особенности Англии и России. Консулы этих страны обвинялись в том, что из Болгарии и Румынии направляли османскоподданных армян через Варну, Сулину и Констанцу на Кавказ для использования в русских частях против Османской империи. При их посредничестве, якобы, были

организованы революционные организации с целью содействия восстанию армян Вана, Шатаха, Гавасура, Геваша и Тимара против правительства.

Приводились другие факты использования представителей армянского населения странами Антанты против Османских властей. Указывалось об “измене” депутата Османского парламента Гарегина Бастрмаджяна (Армен Гаро), который примкнул к “партийным деятелям” Дро и Хечо и во главе добровольческих дружин вторгся в пределы Османской державы. Утверждалось, что Гарегин Бастрмаджян при занятии русскими частями Баязетского уезда в ноябре 1914 г. предал огню и уничтожению все мусульманские деревни. Говорилось о ранении Бастрмаджяна при отвоевании Баязетского уезда от русских частей и убийстве дашнакского депутата Сурена от Эрзерума. Сообщалось о наличии снимка Бастрмаджяна с Дро и Хечо при принятии присяги перед выступлением на поле брани, который опубликовала дашнакская газета “Аспарез” в Америке. Англия обвинялась в высадке армянских повстанцев из Кипра в районе Искандерона, что стало причиной вывода из строя железнодорожного состава, хотя и не указывалось место происшествия. Франция подстрекала армян Киликии - Аданы, Деорт - Еола, Юмуртала, Искандерона - к выступлению против Османского правительства. Под влиянием пропаганды, якобы Англии и Франции армянская революционная организация в феврале 1915 г. начала действовать в Зейтуне.

Из приводимых сведений делалось заключение о правомочности Османского правительства принимать меры противодействия против “революционного движения”, которому содействовали правительства стран “Согласия”, предоставив им поле деятельности в Париже, Лондоне и Тифлисе. В противоположность этому деятельность Османского правительства представлялась направленной на усмирение “революционных действий”. Точно так же утверждалось о выявлении в вилайетах бомб и оружие, наличии дезертиров-армян, которые по подстрекательству английских, французских и русских должностных лиц готовились к использованию вооружения “при удобном случае” и нападали на жандармов, за что предавались военному суду. Утверждалось о наличии доказательной документальной базы, которую предстояло опубликовать для общественного мнения.

Заявлялось, что все эти революционные выступления были подавлены Османским правительством без массового истребления армянского населения. Отмечалось, что было арестовано лишь 2345 участников повстанческого движения, и не тронуты 77735 армян Константинополя, пребывающих в “мирном спокойствии”, что представлялось отсутствием “преднамеренных действий” против армянского населения. Имевшиеся факты депортации “некоторой части” армянского населения указывались следствием проживания в зоне военных действий. Все принимаемые меры в кругу обеспечения безопасности сухопутной и морской границ признава-

лись легитимными акциями Османского правительства, которое не должно было отчитываться перед каким-либо правительством.

“Заявление” Османского правительства являлось политическим пиаром, призванным скрыть на время проводимую политику истребления армянского населения. Наряду с версией Армянского восстания была проработана легенда о заговоре стран Антанты против Османской Турции. Обещанная публикация доказательной деятельности армянских революционеров так и не появилась, за исключением ряда публикаций в официозе младотурок г. “Танин” (с 9 мая по 22 мая 1915 г, N 126 -137). Бездоказательно утверждалось о деятельности армянских инсургентов в Киликии, чем обосновывалась депортация местного армянского населения. Отсутствие доказательного антиправительственного функционирования армянских политических партий обусловило упор на представлении деятельности добровольческих дружин и армянских диверсантов. Под признанием факта депортации “части армянского населения” готовилась депортация и уничтожение армянского населения всей Османской Турции, иначе незачем было готовить закон “О депортации”, создавать управление для брошенных имущество, регламентировать процедуру лишения армянского населения собственности и его завладения турецким государством. Извращением реальной картины происходящего представлялось манипулирование численностью армянской общины Константинополя, имевшей 150 тыс. армян григориан, 10 тыс. католиков и 1000 протестантов. Данные о нетронутых 77735 армян из Константинополя, очевидно, являлись остаточными после проведенной репрессивной фильтрации, либо должны были быть таковыми.³

Голословным являлось утверждение об армянских восстаниях при обострениях Восточного вопроса. Лишь в первой половине 90-х годов XIX в. имели место “армянские волнения” в Османской Турции для привлечения внимания Европы к реализации обещанных реформ по 61 статье Берлинского конгресса и восстание гнчакистов в Сасуне в 1894 г. Итогом этого явился протогеноцид армянского народа в Турции, когда лишь во время “зулума”(1894-1897) было убито более 300 тыс. армян. Во время Балканских войн 1912 -1913 гг. армяне не выступали против турецкой государственности, более того, они являлись активными защитниками. О чем свидетельствует майское заявление 1913 г. великого визиря Махмуда Шевкета. Другое дело, что требование армянских политических кругов по проведению преобразований и достижению различных форм самоуправления являлось для младотурок армянской революцией и изменой Османскому отечеству. На самом деле, именно младотурки предали Османскую империю и повели ее к исчезновению принятием 31 октября 1910 г. программы “уничтожения армян и создания однородной Анатолии” со вступлением в первую мировую войну.

“Заявление” правительства Османской Турции представляло собой создание геополитической концепции Армянского образа для внешнеполитического использования. Характерными чертами образа указывались: антиправительственная деятельность армянского народа с Берлинского конгресса, в косвенной форме Армянский вопрос, содействие иностранному вмешательству во внутренние дела Османской Турции, антипатриотическая деятельность турецкоподданных армян в ходе текущей войны, дезертирство армянских солдат, организация восстаний в тылу турецкой армии. Мятежный Армянский образ соприкасался с враждебным образом действий стран Антанты против Османской Турции. Ядром образа характеризовалось враждебность армян к турецкой государственности. Подобным образом представлялось содействие иностранным силам. Образная аура составлялась из ряда враждебных событий, растворявших репрессивные меры Высокой Порты. Политическим осмыслением представленного Армянского образа обуславливалась легитимность действий властей против “части армянского населения”.

В составление “Заявление” правительства Османской Турции приняло участие германское посольство в Константинополе. Причем представленный вариант ответной ноты был значительно развит Высокой Портой. Об этом свидетельствует отношение посла Вангенгейма рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу от 5 июня 1915 г.: “Данный Портой ответ, из которого прилагая переданный мне великим визирем отпечаток, оказался значительно более подробным, чем скудный набросок, который я представил ей в распоряжение для этой цели и хода мысли, которого она обыкновенно придерживалась”. Общий полет мысли посла сводился к интерпретации национального движения, обвинению партии “Дашнакцутюн” в сепаратизме и использовании эпизода с Гарегином Бастрмаджяном. Об этом Вангенгейм писал: “Впрочем этот документ содержит различные подробности об армянском движении, которые здесь до сих пор не более широко были известны; например, то, что приводится о деятельности бывшего депутата Пастрмаджяна и руководителя дашнаков Сурена из Эрзерума, дает ключ к распоряжению со стороны правительства о выселении армян из Эрзерума”.⁴

Через день доктор Мордтман, после разговора с Талаатом, представил реакцию американского посла Моргентгау, на “Заявление” Высокой Порты: “Американский посол упрекнул его в известной ноте Agense Navas, и высказался откровенно о намерениях правительства, которое использует мировую войну для того, чтобы основательно покончить со своими внутренними врагами - местными христианами всех вероисповеданий, не встречая помех дипломатическим вмешательством из-за границы”.⁵

Созданный Армянский образ расходился с представлениями председателя “Германо-Армянского общества” доктора И. Лепсиуса, который решил лично проверить достоверность “армянских событий” в Османской

Турции. 6 июня 1915 г. Миистерство иностранных дел Германии поставило об этом в известность посла в Константинополе: “Д-р Лепсиус желает поехать туда не для того, чтобы оказать давление на Порту, а чтобы объяснить армянам. Он готов отправиться в провинцию с целью разъяснить тамошним предводителям о необходимости лояльного отношения к турецкому правительству. Поездка возымела бы успокаивающее действие на местных армян”. Запрашивалось мнение посла.

9 июня 1915 г. Вангенгейм телеграфировал Министерству иностранных дел о несвоевременности поездки Лепсиуса и необходимости отмены миссии доктора Липарита по поводу недопущения армянского восстания. Трактовка “армянских событий” Высокой Порты получила поддержку посольства, а миссия доктора Липарита оказалась исчерпанной. Это делало излишним присутствие лишних инакомыслящих свидетелей, когда началась массовая депортация. В связи с этим указывалось: “В отношении уже полностью осуществленной меры Порты, которая посредством различных безупречно установленных фактов кажется обоснованной, прибытие д-ра Лепсиуса было бы слишком запоздалым, и его старания были бы безрезультатными”.⁶ Посол отмечал значение комплекса факторов: “Помимо этого считаю эту поездку несвоевременной тем более, что и деятельность д-ра Липарита еще не выяснена (отчет N 329) и потому, что она могла бы возмутить чувства Порты, которая, как показывает доверительное зондирование, сама не желает поездки”. Лишь для проформы дипломатической совести сообщалось о принятии шагов, без указания воздействия американского посла Моргентау, по спасению чести германского мундира: “Кроме того, я делаю все, что в моих силах, чтобы смягчить слишком суровые меры Порты”.⁷

Единственным значимым политическим институтом возможного сопротивления оставался Константинопольский патриархат. К этому времени младотурецкий режим обеспечил утривование его значимости. 9 июня 1915 г. патриарх Завен подал такфир Высокой Порте о потерях армянской церкви и священнослужителей, насилиях и убийствах в рядах духовной паствы. От судебного министра испрашивалось средство излечения “болезни” армянского населения. Вместо письменного ответа последовало устное сообщение, через делопроизводителя Константинопольского патриархата, о негативном восприятии такфира. Сообщалось, что ни статусом патриарха, ни фирманами правительства он не обладал правом представлять руководство страны “политические такфиры”. Лишь наличием личного уважения к патриарху мотивировался невозврат такфира. Заявлялось о существовании благорасположения Высокой Порты к армянскому народу: “По этому поводу, я повторяю, что правительство против Армянской нации никаких отрицательных намерений не имеет, лишь принимаются строгие меры против врагов Армян от отдельных групп”.⁸ Через делопроиз-

водителя сообщено о нежелательности представления такфира по этому поводу, как выходящего за пределы его компетенции.

К “успокоению” Константинопольского патриарха было подключено германское посольство. 10 июня 1915 г. патриарха посетил доктор Мордтман. Им было сказано, что уже с первого мая осуществляется частичная депортация армян Эрзерума, наличие принимаемых со стороны правительства мер по сохранению их имущества, отмечено об аресте 170 человек. Положительной представлена деятельность германского консула в Эрзеруме, который посетил арестованных и раздал помощь. Доктор Мордтман заверил патриарха, что наилучшим средством обеспечения безопасности армян является удаление их от границы на юг страны, что позволило бы им “не путаться под ногами” и избавиться от нападения курдов. Заявлено о направлении комиссии для оценки имущества армян Зейтуна и его окрестностей, с последующей выплатой стоимости со стороны правительства.

В ходе беседы патриарх Завен обратил внимание доктора Мордтмана, что посол Вангенгейм удостоверял его о недопущении армянских погромов, что оказалось несостоятельным. При этом патриархом был указан германский след осуществляемой депортации: “В то время как погром идет более страшный и эта программа в прошлом была обнародована немцем Рорбахом на заседании Географического общества”. Доктор Мордтман заверил патриарха, что армян Эрзерума “не очень далеко будут переселять”, лишь до Ерзнка. Германский консул в Эрзеруме лично сопровождал первую партию выселенцев в Держан - Мамахатун 1 мая. Более того, сообщено, что епархиальный Смбаг через консула просил сообщить Константинопольскому патриарху о происходящем.

Содержание беседы о депортации патриарх Завен оценил странным. Доктор Мордтман переступил через христианские заповеди - “Не убий”, “Люби ближнего как себя самого” и “Не криви совестью”. Ставилась цель любыми средствами обеспечить деятельность Константинопольского патриархата в рамках, разрешаемых младотурками. В мемуарах патриарха отмечена форма изложения начала депортации: “Известие было представлено таким образом, что не вызвало волнения у меня, поскольку подумал, что происходящее является частичным выселением и что весь народ не подвергнется этой участи”.⁹ Лишь телеграммы епископа Смбага, который запрашивал денежное вспомоществование, пропущенные при наличии телеграфного контроля млатурок, убедили патриарха Завена в выселении всего населения Эрзерума, которому содействовал вали Тахсин-бей.

Встрече генерального консула Мордтмана и патриарха Завена предшествовала выработка позиции германского посольства относительно массовой депортации из Эрзерума. 4 июня 1915 г. консул в Эрзеруме Шойбнер - Рихтер секретным образом представил телеграмму епархиального Смбага Саатетяна германскому посольству для передаче Константинопольскому

патриарху Завену Егяну. В ней отмечалось: «Вашему высокопреосвященству должно быть известно, что все армяне, жители Эрзерумской равнины, 1 - го мая (по старому стилю), без убедительных причин, неожиданно и насильно, оставляя свою собственность, вынуждены были покинуть свои дома, и без питания были выселены в Держан и, возможно, дальше в глубь страны. Далее последовала резня всех армянских деревень Кенуса курдами».¹⁰

Телеграмма имела четыре продолжения. Первое продолжение говорило о выселении за 15 дней 160 состоятельных армян Эрзерума в Мосул «из-за инцидента» в Ване. Второе продолжение утверждало о неизвестности причин депортации: «Суть и причина прискорбных инцидентов, в первую очередь, нам неизвестны. Но факт, что здешние армяне всегда повиновались всем приказам правительства, вложили все для защиты отечества, а также и в дальнейшем будут действовать равным образом лояльными помыслами».¹⁰ Третье продолжение запрашивало содействие патриарха по отмене депортации перед руководством Турции и Германии: «Эта мера касается стариков, женщин и детей, так как все, способные носить оружие, находятся на военной службе. Со слезами прошу, с мольбой от имени народа, пожалуйста, надлежащими мерами на высшей инстанции, даже при их величествах султани и германском кайзере, предотвратить насильственную эмиграцию, пока не поздно». Четвертым продолжением запрашивались результаты патриарших усилий и выражалась признательность консулу Шойбнер - Рихтеру за «гуманную помощь».

Ответ Вангенгейма консулу Эрзерума от 4 июня 1915 г. в 23: 50 ч. содержал мнение о нецелесообразности ознакомления патриарха Завена с оригиналом телеграммы епархиального Смбага. Учитывались дружественные отношения между Германией и Турцией, нежелание осложнять политическое взаимопонимание, что завершилось советом консулу не принимать более подобных депеш из-за деликатности затронутой темы: «Телеграмму тамошнего армянского епископа при нынешних условиях я не могу, как таковую, передать здешнему патриарху, не скомпрометировав посольство по отношению к турецкому правительству, и должен просить Вас в будущем вежливо отклонять пересылку подобных прямых сообщений между армянскими церковными властями под уместным предлогом - именно потому, что, согласно инструкции, для этого не может быть применен служебный шифр».¹¹

Нежелание германского посла Вангенгейма допустить установление прямых связей между «армянскими церковными властями» исходило из рассмотрения их политическими институтами по защите армянского населения от произвола младотурецкого режима, отвержения взятия обязательств перед ними. Епархиальный предводитель Эрзерума Сambat Саатетян исходил из концепции «разумной политики» в Армянском вопросе и крайней осторожности в отношениях с руководством партии «Единение и

прогресс». Еще 17 сентября 1914 г. он писал Константинопольскому патриарху о текущем и стратегическом подходах: «Армяне до сих пор руководствовались и должны руководствоваться разумом: каждый на призыв о выполнении своего воинского долга ответил личной явкой или выплатой выкупа. Армяне прилагают все силы для того, чтобы не вызвать даже малейшего подозрения к себе; все это турки и круги Иттихада и правительства прекрасно знают, но нам кажется, что они хотели бы создать повод для того, чтобы показать, что армяне не надежны..., хотя правительственные круги всегда делают на наши заявления успокоительные ответы о том, что ни один турок не может совершить нападения на армянина или христианина, в противном случае будет самым строгим образом наказан...».¹²

Со дня написания этих строк епископом Смбагом Саатетяном прошло восемь с половиной месяцев. Младотурецкий режим от поиска «повода» для расправы над армянским населением перешел к практическому упразднению Армянского вопроса путем физического уничтожения. Концепция «разумной политики» оказалась поправленной национал-шовинистической политикой руководства партии «Иттихад» и Османской империи.

Мнение патриарха Завена о том, что «акции Порты имеют целью изгнание армянского населения из Турции и, более того, истребление»,¹³ доктор Мордтман довел до сведения посла Вангенгейма, который поставил в известность канцлера Бетмана-Голвега. Со своей стороны, германский посол присовокупил 17 июня 1915 г. о рассмотрении армянской стороной депортации как результат действий Высокой Порты: «Он (патриарх), по-видимому, потерял надежду на то, что шаги, предпринимаемые им перед турецким правительством, повернут ход событий к лучшему. Все это время он, как и, по-видимому, все армяне, осведомленные об этих событиях, твердо уверен, что выступления, приписываемые правительством армянам, спровоцированы действиями органов власти».¹⁴

10 июня 1915 г. был принят закон об обязательной регистрации имущества депортируемых.¹⁵ В тот же день министр внутренних дел Талаат отправил руководству Кесарии зашифрованную телеграмму, где затребовал расселять депортируемых армян отдельно друг от друга, чтобы не допустить возникновения сплоченности и возможности восстания, а детям позволять учиться лишь в турецких школах. Также требовалось размещать выселенцев армян на расстоянии пятичасового пути друг от друга, и чтобы местности не имели пригодного ландшафта для самообороны. Распоряжение свидетельствовало о стремлении Талаата упразднить Армянский вопрос не только истреблением и депортацией армянского населения, но также и ассимиляцией.¹⁶

После обнародования закона «О депортации» среди армянского населения Эрзерума установился «тихий ужас». Элине Франклин Эган отмечает: «Все хорошо осознавали, что обещание о безопасности не серьезно». Выхо-

дом представлялось принятие ислама, но большинство остались верным христианству и предпочли нести свой крест до конца.¹⁷ Наряду с депортацией действовал отлаженный механизм отделения мужчин для убийства. Началось системное истребление армян. Оперативное руководство осуществлял Бехаэддин Шакир, после посещения которого в “ливах” начиналась депортация и уничтожения армян.¹⁸

Историк А. Тойнби указывает: “В определенный день полицейский глашатай ходил по улицам города или деревни и возвещал, что все армяне мужского пола должны явиться немедленно в правительственное здание. Мужчины являлись в своих рабочих платьях, оставляя лавки, мастерские открытыми, бросая свои работы на поле и свой скот на пастбищах. Немедленно по приходу их бросали в тюрьмы, держали там день или два и затем уводили группами, привязанными друг к другу, в неизвестном направлении. Им не давали брать ни пищи, ни платья, ничего другого, необходимого для пути, не позволяли даже попрощаться с семьями. Обыкновенно их задерживали на первом же значительном пункте и здесь убивали всех. Через несколько дней после увода мужчин на улицах вновь появлялся тот же глашатай и объявлял, что все оставшиеся армяне должны приготовиться к выселению. Одновременно приказы о выселении расклеивались и на стенах”.

После расправы с мужчинами начиналась депортация: “В данном случае, значит приказ относился только к женщинам и детям и к тем несчастным мужчинам, которые по болезни, по слабости или по старости избегали судьбы других мужчин. В большинстве случаев при этом давалось известное время на приведение в порядок дел и на приготовление к путешествию, обыкновенно одна и никак не более двух недель.” Допускался переход одиноких женщин в ислам при условии выхода замуж за мусульманина, чтобы сделать процесс необратимым, а при наличии детей они их обязаны были сдавать в государственные “приюты”. В присутствии выселенцев, что имело место в Киликии, Эрзеруме и Трапезунде, их имущество раздавалось мохаджирам.¹⁹

Заявление двух сестер милосердия, служивших в германской военной миссии в Эрзеруме конкретизирует характер происходящей расправы над армянским населением г. Ерзнка: “В первую неделю июня отправилась первая партия; богатым людям разрешалось нанимать экипажи. Они должны были поехать в Харберд. В последующие три дня отправились другие партии высланных, у которых детей взяли на воспитание в мусульманские семьи; но позднее власти решили, что впредь дети также должны идти в изгнание”.²⁰ Имущество выселенцев продавалось “по смехотворно низким ценам”. Представлены потрясающие душу и сознание сцены армянских женщин, которые для спасения своих детей от насильников бросали их в волны Ефрата либо умоляли забрать их в мусульманские семьи. Трагизм событий представлен при встрече каравана выселенцев из Эрзерума: “Это

была большая партия, но в ней насчитывалось всего двое или трое мужчин, остальные были женщины и дети. Многие женщины походили на сумасшедших. Они кричали: “Пощадите нас, мы станем мусульманами, немцами или тем, чем вы желаете, только пощадите нас. Нас ведут в Камах-Богаз, чтобы перерезать нам горло, - и они делали выразительный жест. Другие молчали и терпеливо шли с несколькими узлами на спине и с детьми на руках. Некоторые умоляли нас спасти их детей. Приходили много турок, чтобы взять детей и девушек с согласия их родителей или же не спросив у них. Времени для раздумывания не было, т. к. конные жандармы, размахивая своими плетками, безостановочно гнали толпу”.²¹

В расстрелах и депортациях принимали участие воинские формирования. В показаниях сестер милосердия германской военной миссии в Эрзеруме отмечено: “Это было ужасно, - сказал один молодежавый солдат. - Я не мог стрелять, я только притворялся”. Мы часто слушали, как турки выражали по этому поводу неодобрение и сожаление. Солдаты рассказывали нам, что были приготовлены повозки с волами, чтобы сбросить все трупы в реку и уничтожить следы резни”.²²

Глухой ропот имелся среди турецких военнослужащих, но редко кто из них осмеливался выступить против либо уклониться. Об одном случае рассказал перс Мешади Гаджи Ибрагим: “В мае 1915 г. губернатор Тахсин бей призвал к себе четебаши Амразили Эюб-оглы Гадыра и, показав ему приказ, полученный из Константинополя, сказал: “Здесь армян я поручаю тебе, доведешь их невредимыми до Кемаха, там нападут на них курды и другие. Ты для вида покажешь, что хочешь их защищать, применишь даже раз-другой оружие против нападающих, но, в конце концов, покажешь, что не можешь справиться с ними, оставишь и вернешься”. Немного подумав, Гадыр сказал: “Ты мне предлагаешь связанных по рукам и ногам овец и ягнят отвести на бойню; это - жестокость, мне не подобающая; я солдат, пошли меня против врага, пасть либо он сразит меня пулей, и я храбро паду, либо я поражу и спасу свою страну, а марасть свои руки в крови невинных я никогда не соглашусь”.²³ Несмотря на настойчивость губернатора, отважный Гадыр остался неумолимым и был заменен Мирза бек Вераншехерли.

Все структуры власти приступили к выполнению предписания Совета министров и триумвирата Талаата - Энвера - Назима. В воспоминаниях генерала Али Фауд Эрдени отмечается о получении руководством четвертой армией известия от главного командования о повсеместном восстаниях в Восточной Анатолии и принятии правительством решения о депортации армянского населения. Представлены были места осуществления депортации - Трапезунд, Эрзерум, Ван, Сивас, Мамурет - уль - Азиз, Диарбекир, Битлис, Адана (кроме самого города) и Алеппо (за исключением центра). Отмечались пункты назначения депортируемых: население северных вилай-

етов надлежало направлять в санджак Зор и юг вилайета Мосул, а жителей вилайетов Аданы, Алеппо и Мараш - на юг и юго - восток Сирии. Места расселения должны были находиться "от железной дороги" на расстоянии 25 км. Все выселенцы должны были иметь при себе драгоценные вещи.

Верховное военное командование сочло необходимым дать разъяснения относительно правительственного циркуляра. В нем говорилось, что армяне в ряде вилайетов составляют "опасное большинство", что требует их замены "безопасным меньшинством". Утверждалось об обеспечении безопасности выселенцев при депортации и размещении на местах жительства с нормальными условиями. Не подлежали депортации инвалиды, тяжелобольные, беременные женщины и их попечители. Руководство четвертой армией под командованием Джемаль паши местом расселения армян избрало города и села санджаков Хама, Хавран и Керек, а также районы, находящиеся к югу и частично на востоке от Алеппо.

При взгляде на разверстку мест выселения и пунктов прибытия обращает внимание ряд особенностей. Высокая Порта удвоила число вилайетов, из которых предстояло осуществить депортацию армянского населения. К ранее заявленным вилайетам (Эрзерумский, Ванский, Битлисский, Сваский) были добавлены еще четыре, где численность армян и места проживания, соответственно, составляли: Харбердский - 204 тыс. и 279 пунктов, Диарбекирский - 124 тыс. и 249 пунктов, Трапезундский - 733390 и 118 пунктов, Киликия и Северная Сирия - 309 тыс. и 187 пунктов. А ведь по оставшимся местам Западной Анатолии насчитывалось еще 371800 армян и 237 пунктов. Всего же армянское население Османской Турции номинально составляло 2 млн. 133 тыс. 190 чел. Из них 194 тыс. проживало в 58 пунктах Европейской Турции. Имелось 3308 церквей и 1996 школ.²⁴

Практически опустошалась территория Западной Армении, которая русско-турецким актом 26 января 1914 г. предназначалась к реформированию в виде двух секторов: А) Эрзерум, Ван, Битлис и Трапезунд и Б) Харберд, Диарбекир и Свас. Этим объясняется депортирование армянского населения сектора Б), удаленного от театра военных действий. Намеченное всеобщее выселение армянского населения Западной Армении, как формы решения Армянского вопроса, противоречило "Заявлению" Османского правительства от 4 июня 1915 г. Приобщение к местам выселения Киликии и Северной Сирии диктовалось наличием армянского населения в Адане и Алеппском вилайете.

Выселением армянского населения, по мнению руководства партии "Иттихад" и Османской Турции, упразднялась возможность поднятия Армянского вопроса после войны в международных отношениях. Расселением армянского населения вдоль Багдадской (Сирийской) железной дороги намечалось осуществить немецкий план депортации Рорбаха-Гольца. Значительная часть выселенцев изначально обрекалась на гибель, поскольку в

предписании главного командования не говорилось об их продовольственном, экономическом и жилищном обеспечении. Жителям горных местностей предстояло осваиваться в пустынных и жарких условиях. Указание, чтобы выселенцы имели при себе драгоценные вещи, означало их отнятие в пути и их использование для обеспечения выживания.²⁵

От имени Министерства внутренних дел Османской Турции в июне 1915 г. на стенах армянского г. Себастья висело объявление:

1. Высочайшим приказом отбываете в Джебзире и Дейр - Зор.
2. Будете переселяться в безопасности под надзором сопровождающих.
3. В пути с вами ничего не произойдет.
4. Причиной выселения является война.
5. Будете отбывать кварталом за кварталом.
6. Объявлено караколнерам.
7. Можете нанять карету, лошадь, осла. Для вещей неимущих правительство наймет повозку."²⁶

Впоследствии командующий гарнизоном Йозгурта Салим покажет следственной комиссии Стамбульского процесса 9 декабря 1918 г. стоимость обещания Министерства внутренних дел: "Во время сопровождения первого каравана выселяемые 472 армянина были убиты по приказу вали Себастья Мухаммед-бея". Всего было предназначено к выселению из вилайета Себастья 160 тыс. армян, "часть" которого была уничтожена во время Карахисарских и Амассийских событий.²⁷

14 июня 1915 г. епископ армян-католиков Эрзерума Йозеф Мельхиседекян обратился к местному консулу Шойнберг-Рихтеру и послу Вангенгейму по поводу предстоящей гибели депортируемого армянского населения (20 тыс. из города и 30 тыс. из окрестных сел), которых направляли в г. Урфу для последующего распределения. Состав выселенцев составлял: дети - от одного месяца до тринадцати лет, девушки, женщины, вдовы и старики - старше семидесяти лет и больные. Весь путь выселения представлялся Армянской Голгофой: "Это переселение, как явствует, будет длиться не менее трех месяцев. Как будет этот жалкий народ совершать это трехмесячное передвижение под дождем и пеклом, без денег, без запасов, без повозок, и, одним словом, без необходимых средств? Мы не в Европе. Ясно, что нынешнее военное положение лишило народ даже самых необходимых предметов продовольствия. Что теперь будут делать те матери из этого переселяющегося народа, которые имеют по четыре, пятеро детей, когда те будут в пути лепетать: "Мама, мы устали, мама, мы голодны, мама, мы больные", и даже: "Мама, мы пить хотим", но не найдут и воды! Матери тогда будут заботиться о детях или дети о матерях? Да и как не будет для женщин и девушек страшно, пока так называемые стражники все время угрожают похищением их чести и имущества. Разве все это не будет для них смертью мученика?"²⁸ Запрашивались помощь и гуманизм.²⁹

Епископ Йозеф Мельхиседекян сообщал о предстоящей депортации 50 тыс. армян (20 тыс. из города и 30 тыс. из окрестных сел), но что стало с оставшимся 165 - тысячным населением Эрзерумского вилайета, он умалчивал. Практически подтверждается информация историка Акчама Танер о предшествующей гибели сельского населения.

17 июня 1915 г. посол Вангенгейм констатировал неизменность позиции Турции в этношовинизме: “Совершенно очевидно, что высылка армян является результатом не только военных мер. Министр внутренних дел Талаат недавно совершенно открыто заявил аккредитованному в настоящее время при императорском посольстве доктору Мордтману, что “Порта хочет использовать мировую войну для того, чтобы окончательно расправиться с внутренними врагами (местными христианами), не будучи отвлекаема при этом дипломатическим вмешательством из-за границы”.³⁰ Ниспровергалось мнение одного из авторов плана депортации Пауля Рорбаха, что турки являются “действительно джентльменами Востока”.³¹

Подготовка к размещению депортируемого армянского населения в Северной Месопотамии осуществлялась еще в апреле 1915 г. В начале депортируемых размещали в районах Гармы и Килиса, как и около Алеппо. Затем высылку в пустынные районы Маару, Баб, Хан-Зор и другие осуществляла исполнительная комиссия при комитете по делам высылки в Алеппо. Главнокомандующий Сирийской армией Джемаль и губернатор Алеппо Джеляльне благоволили к репрессивным мерам, что побуждало исполнительную комиссию обращаться с выселенцами относительно сдержанно и без “грубого обращения”. Провал замысла уничтожения депортированных в пустынях Дейр - Зор и Рас ул-Айне вызвал недовольство министра внутренних дел Талаат, который направил телеграмму порицания Алеппской администрации: “Цель высылки известного народа состоит в том, чтобы обеспечить благополучие нашего отечества в будущем, ибо, где бы они ни жили, они никогда не откажутся от мятежных идей. Мы поэтому должны стремиться, насколько возможно, уменьшить их число”.³²

На характер депортации повлиял конфликт полномочий между генерал-губернатором Алеппо Джеляль беём, который пользовался покровительством главнокомандующего Сирийской армии Джемаль паши, с местным иттихадистским ответственным секретарем Эшреф беём. Генерал-губернатор и главнокомандующий относились негативно к депортации армянского населения, что формально проявилось в “разногласиях” с ответственным секретарем по подготовительным мерам. Страсти настолько обострились, что Джеляль и Эшреф подали заявления правительству о превышении полномочий каждого в конце апреля 1915 г. Спустя неделю, 2 мая 1915 г. Талаат направил телеграмму генерал-губернатору, что их заявления были рассмотрены на чрезвычайном заседании Совета министров. Джеляль бею предлагалось приступить к исполнению правительственных распоряжений.

Талаат указывал: “В ответ, еще раз вам приказываем о необходимости немедленного исполнения отданного приказа, без создания осложнений. Об этом никаких перемен”. Для пресечения “разногласий” с иттихадистским секретарем весь контроль над выселением армян наместничества “передавался” Джелалю. Выражалась уверенность в “высшей степени патриотизма” генерал-губернатора, которому поручалось “советоваться” с Эшрефом, чтобы “не имело место отклонение” от данной ему “тайной программы”.³³

Ответом явилось совместное послание Джеляля и Эшрефа министру внутренних дел о прекращении разногласий между ними и приступе к работе по приему всех депортируемых армян, созданию исполнительской комиссии по исчислению армян. Согласно телеграмме Талаата от 2 мая 1915 г., ожидался “окончательный” приказ по исполнению “тайной программы”.³⁴ До начала июня 1915 г. никакого больше приказа из Константинополя не поступало, где осмысливали ситуацию, которая завершилась назначением председателем Главного комитета по делам высылки Абдуллахад Нури бея, жестокой личности, призванного проводить в жизнь истребительную политику.

В его распоряжении имелся безоговорочный приказ о стремлении правительства окончательно упразднить Армянский вопрос: “Хотя вопрос об истреблении армянского элемента, который в течение веков стремился разрушить прочный фундамент нашей Империи, а в настоящее время стал реальной опасностью, был решен ранее, обстоятельства не позволяли осуществить это священное дело. Теперь, когда все препятствия устранены и настало время избавления нашего отечества от этого опасного элемента, настоятельно рекомендуется не поддаваться чувству сострадания при виде их жалкого положения, а покончить со всеми и стараться уничтожить само название “Армения” в Турции. Следите за тем, чтобы те, кому будет доверено выполнение этой задачи, были патриотами и надежными людьми”.

Ознакомление с приказом побудило Джеляль бея телеграфировать в Константинополь: “Я являюсь губернатором этой провинции и не могу быть ее палачом”.³⁵ Затем поступили две новые шифровки о вызове генерал-губернатора Джеляля для получения повышения. По прибытии десятого июня 1915 г. возникла выжидательная пауза, которая позволила узнать, что дядя Ханмис и духовный глава Кони Хюсамеддин Челеби выступили против выселения армянского населения. Челеби был вызван в Константинополь и взят под надзор. 13 июня состоялась обещанная встреча Талаата на квартире у всемогущего министра. Личность Талаата была известна Джеляль - бею: “Он получал большое удовольствие при обмане присутствующего и от использования в своих интересах. Сын следователя из Эдирны, которому по прихоти судьбы удалось достичь поста министра”.

В ходе состоявшейся беседы Талаат заявил о решении правительства о депортации армянского населения, которое встретило затруднение в Кони

из-за неопытности генерал-губернатора Азима. Причиной указывалось противодействие местного населения и духовенства депортации армянского населения, не видящих угрозы от проживающего армянского населения. Талаат также предъявил предписание Высокой Порты от 15 апреля 1915 г. провинциальным властям об истреблении армянского населения “с восхода солнца 24 апреля”. Джеляль заявил о неожиданности происшедшего в Кони. Саботаж постановления правительства он объяснил различием психологий турок сельджуков и турок-османов. Было предложено сделать исключение из “Закона о депортации” для армянского населения Кони по примеру Измира и Константинополя, оттянув их выселение, как и в Алеппо. Талаата заинтересовали два аспекта подхода Джеляля - авторитет правительства и различие психологий внутритюркского этноса. На запрос о первом Джеляль бей посоветовал выбрать лучшее решение. О втором указал: “Дело в том, что османскому турку можно сказать “армян гявур”, но сельджук его рассматривает “аманет уллах”, то есть Божественный вклад, против которого малейшую несправедливость запрещает религи Месневи.”³⁶

Ответ заставил задуматься Талаата, который закурил сигарету для обдумывания неожиданной грани противодействия выселению армян со стороны сельджукского духовенства и населения вилайета Кони. Затем порицательно указал, что исповедание “Месневи” наложило “частный запрет” на воплощение “патриотического” дела. Джеляль сумел найти точную тональность, заявив, что речь идет не о защите армян, а о “покровительстве слабому”, спасении его души для обретения духовного удовлетворения верующего. Доводы религиозного исповедания были неожиданны для Талаата. После обдумывания положения он сделал признание об определенном промахе в составленной программе депортации, который клонился к игнорированию позиции всего мусульманского духовенства и стандартности действий: “Джеляль бей, знаю, что наше дело не с молами, и особенно в решении относительно выселении армян одновременно по всей стране сделали ошибку, предписав выполнить в один день”. Джеляль бей было предложено занять место вали Кони, а на размышление отведено два дня.³⁷

15 июня 1915 г. Джеляль принял предложение о новом назначении, но при условии принятия всех распоряжений о депортации армянского населения со стороны центрального правительства, означающее отвержение вмешательства уполномоченных партии “Иттихад”, и наличии доверия к его деятельности. Щекотливость столкновения с населением Кони по депортации армянского населения заставила всемогущего министра принять условие: “Единственная личность, - сказал Талаат, - которая может внушить доверие конийцам, - это вы. Джеляль - бей, приступайте к исполнению должности”.³⁸ Из уст Талаата прозвучало признание, что сельджуки могли поднять восстание против правительства. Чтобы спасти Челеби от гнева Энвер-паши, он был направлен в Дамаск в качестве ссылки.

При приезде в Конию Джеляль, по его словам, встретило армянское население в качестве “смертника, обреченного на казнь”. Были распушены по домам 20 тыс. армян, согнанных к вокзалу для депортации, а пригнанным из других вилайетов разрешено проживание в Кони и прилегающих селах. Но прибывающие все новые и новые партии выселенцев заставляли напрячь все местные ресурсы.³⁹ Джеляль бей имел право сказать о выполнении долга гуманиста: “Я сделал все, что мог, как человек”.⁴⁰

Джемаль паша сделал запрос министру внутренних дел и секретарю партии “Иттихад” доктору Назиму о причине отстранения от должности бывшего генерал - губернатора Алеппо Джеляль бей. Талаат ограничился сухим ответом: “Это было необходимо и полезно”. Иную интерпретацию представил доктор Назим: “Это позволит окончательно решить восточный вопрос”.⁴¹ Если министр внутренних дел имел ввиду положение в Кони, то доктор Назим подразумевал Армянский вопрос. Отказ Джеляль-бей подчиняться государственной политике истребления армянского населения обусловил его последующую отставку. Новый вали Кони Муамер бей стал депортировать и истреблять армянское население.⁴²

Оппозицию воле центрального правительства по проведению истребительной политики депортированного армянского населения продемонстрировал новый губернатор Алеппо Бекир Сами бей, который был заменен Муштафой Абдулхалик беем, что усилило мученичество жертв младотуркизма в пустынях Месопотамии. Помощником его в армянофобской политике стал Абдуллахад Нури бей, старавшийся лишь выслужиться перед верхами, с девизом: “Правительство не желает, чтобы этот народ существовал”.⁴³ При отправлении Абдуллахада министр внутренних дел Талаат пожелал ему доблестной службы: “Вы, конечно, знаете возложенную на вас задачу? Мы должны увидеть Турцию, избавленную от этого проклятого народа”.⁴⁴

Уполномоченные партии “Иттихад” играли значительную роль в депортации армянского населения, которые в случае конфликта с местными властями обращались за поддержкой к Талаату. Этим путем Мидхат бей в Стамбуле добился увольнения мутесарифа Балу Али Илми бей. Затем Мидхат осуществил изгнание местных армян Балу, организовав пропагандистскую компанию местного турецкого населения под лозунгом “не хотим армян”. Был удален от должности вали Кастамуни Решид паша, не желавший “омывать руки в крови армян”. Инициатором удаления вали стал ответственный секретарь Гасан Фехми эфенди, который, как выяснилось на Стамбульском процессе 1919 г., присваивал безотчетно имущество армян выселенцев, игнорируя полномочия комиссии покинутого имущества. Активно влиял на деятельность администрации вилайета Эдирне следователь партии “Иттихад” Абдул Хан бей, который затребовал удаление местного вали, а сам за незначительные суммы приобретал имущество армянских выселенцев.⁴⁵

2. Армянский полицид

Имел место определенный конфликт взаимоотношений вокруг создания “нормальных” условий для армянских выселенцев внутри младотурецкого руководства, проявившийся в столкновении сторонников жесткого курса и гибкого подхода в Армянском вопросе. Об этом свидетельствует телеграмма руководителя “Особой организации” Бехаэддин Шакира Джемаль паше, где с возмущением отмечено, что 95% выселенцев Трапезунда, Эрзерума, Сиваса, Битлиса, Харберда и Диарбекира вместо юга от Мосула распределяются в Алеппо. Ответной телеграммой Джемаль, являвшийся также вице-правителем Сирии, Палестины и Арабии, затребовал от Бехаэддин Шакира не посылать ему подобных требований. Заместителю же главнокомандующего Энверу было телеграфировано, что он не знает никакого губернатора и командующего как Бехаэддин Шакир: “Почему он вмешивается в эти дела”.¹

Джемаль четко отмежевывался от младотурецкого курса на уничтожение армянского народа. Он проводил линию партии “Иттихад” по “успокоению” Армянского вопроса путем локальных погромов армянского населения как в Адане 1909 г., следуя традиции кровавого султана Абдул Гамида, но уничтожать целый народ не собирался. Тем более, что военная фортуна была немилостива к туркам и должен был наступить послевоенный час расплаты. Для утрясения взаимоотношений с Джемаль пашой прибыл младотурецкий эмиссар черкес Ахмед, который, увидев живых выселенцев армян предложил создать командующему четвертой армией “Особую организацию” для их уничтожения. Джемаль сохранил “покровительство над выселенцами”.² Он обещал защиту сосланным депутатам Османского парламента Зограбу и Вардгесу, но они были убиты черкесом Ахмедом. Официально они должны были предстать перед военным трибуналом в Диарбекире, а на деле хладнокровно уничтожены в пути. Перед гибелью Вардгес сказал убийце: “Хорошо, Ахмед бей, нас убьешь, а что будете делать с арабами? Ведь они тоже недовольны вами!”. Черкес Ахмед был беспощаден и к Зограбу. Он сам впоследствии рассказывал: “Я схватил Зограба руками, швырнул себе под ноги, большим камнем размозжил голову, бил, пока не подох”.³ Последнее письмо Зограба Талаату об отсутствии антиправительственной деятельности и усилиях по обеспечению лояльности армянского населения Османской державы в ходе мировой войны оказалось безответным.⁴ Содействие обещал оказать Халил бей, но предпочел воздержаться.

Как Вардгес, так и Зограб являлись законно избранными представителями парламента Османской империи, что содействовало их деятельности в качестве знаменосцев армянского населения. Младотурецкие власти справлялись с видными армянскими политическими деятелями, с которыми соприкасались по революционному прошлому, не церемонились с массами.

Однако шовинистическое перерождение затронуло не всех представителей высшего состава младотуркизма. Как отмечает турецкий историк Ахмед Рефик, Джемаль паша свершил скорый суд над “великим убийцей” черкесом Ахмедом, являвшимся “зрчком” партии “Иттихад” по уничтожению армянского населения. Черкес Ахмед сотрудничал с Халил беем и доктором Назимом, носил военно-партийную форму “уполномоченного и вали”, подчеркивавшую особый статус. В этом вопросе Джемаль руководствовался дружескими чувствами к Зограбу и Вардгесу, а также соперничеством с Талаатом, который отклонил его предложение об отпуске арестантов.⁵ В подвластной Джемаль паше территории никто не имел права действовать без его воли, который дважды отклонил предложения Талаата о прибытии в Константинополь, где намечалось его смещение. Создан образ защитника и покровителя армян, заработан политический авторитет в зачет комбинаций на различный ход событий.

Расправа над Вардгесом и Зограбом - ударной умственной силы армянской политической мысли - являлась всего лишь частью программы по уничтожению армянской элиты. Основной удар пришелся по партиям “Дашнакцутюн”, “Гнчак” и “Рамкавар”. На площади перед военным министерством в Константинополе 16 июня 1915 г. были казнены 20 гнчакистов во главе с героем Сасуна Амбарцумом Бояджяном. Согласно заявлению командования военного гарнизона Константинополя от 17 июня, столичный военный трибунал обвинил их в стремлении отделить “часть империи для создания “независимой Армении”, в подготовке покушений на членов правительства и восстаний, ведении словом и делом соответствующей пропаганды за границей”.⁶ Согласно агентству “Вольф” четверо из казненных на протяжении двухлетнего срока участвовали в заговоре либеральной партии “Итиляф” против иттихадистского режима. Указывалось об отсутствии связи между казнью гнчакистов и положением армянского населения Османской Турции: “Этот заговор не имеет никакого отношения к армянскому народу и событиям войны”.⁷ На деле младотурки сводили старые счеты с гнчакистами, которые были их последовательными противниками.

Посол Вангенгейм сжато доложил рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу по поводу казни гнчакистов: “Вероятно, предстоят очередные казни”. В то же время мимо внимания посла не прошел психологический эффект казни, очевидно, со слов младотурок: “Среди местного армянского населения эта массовая казнь вызвала огромное волнение”.⁸ Макграф Паллавичини сообщал министру иностранных дел Буриану о многочисленных казнях в Константинополе и провинциях. Из правительственного сообщения указано, что казненные гнчакисты, якобы, признали свое участие в революционном движении и распространении “ложных слухов”. Излагалась официальная версия о связи происшедшего с “революционными волнениями в Армении” и ванскими событиями.⁹

Угроза расправы нависла над дашнакцаканами, являвшимися авангардной политической организацией армянского народа в Османской Турции. Обеспокоенные зарубежные отделения забили тревогу перед Германией и нейтральными странами. 18 июня 1915 г. председатель "Германо-армянского общества" Лепсиус передал Министерству иностранных дел две телеграммы. Первая телеграмма представляла критическое положение армянских дел: "Из сосланных армян пока что Акнуни, Хажак, Зардарян, Минасян направлены в Ангору в военный суд. Армению очищают от армян. Из Эрзинджана, Мараша, Аджины, Айнтапа армянское население отправляется в глубь Месопотамии. По всей Киликии массовая высылка всех армян. Из Константинополя тоже. Всеобщее отчаяние. О предпринятых мерах просим информировать нас".¹⁰ Вторая телеграмма касалась актов политической расправы младотурок над противниками из среды армянских революционеров: "В Константинополе казнены 20 гнчакистов. Та же участь грозит высланным в Ангору дашнакам. Мы просим сделать все возможное, чтобы предотвратить это несчастье".¹¹

Надежду на спасение дашнаков питали представители балканского отделения комитета "Дашнакцутюн", которые 16/29 июня 1915 г. направили послание болгарскому послу в Константинополе. В нем говорилось, что после того, как были повешены 20 гнчакистов по обвинению в стремлении достичь независимости Армении, в Кесарии были повешены 9 партийцев (3 дашнакцакана, 3 гнчакиста и 6 рамкаваров) под указанным предлогом. Отмечалось, что смертные казни являлись средством устрашения всех арестованных армян и партийцев. Сообщалось о наличии информации о подготовке новых казней дашнаков и гнчакистов. В турецких кругах циркулировали фамилии известных деятелей-Акнуни, Вардгеса, Зограба, Зардаряна, Хажака, гнчакиста Джангуляна и другие. Обычным приемом сочтены убийства политических заключенных, представителей интеллигенции и духовенства при переводе из одной тюрьмы в другую. Указывались факты расправ в Эндерсе, Сивасе, Трапезунде и Эрзеруме. Говорилось о проведении учета армян Константинополя, чтобы, очевидно, осуществить высылку. Приводимые факты рассматривались "звонком тревоги" для подталкивания армянских масс на "бесплодные действия".¹²

Попытку изменить фатальный ход событий предприняли некоторые дашнакцаканы. Депортированные из Константинополя в Айаш видные дашнакцаканы Акнуни, Зардарян и доктор Пашаян направили министру внутренних дел Талаату телеграмму с протестом. В ней напоминалось о вкладе партии "Дашнакцутюн" в дело установления конституционного строя и которая удостоилась чести быть распятой. Сделан призыв одуматься: "Организация, которая всеми силами содействовала Вам во имя благоденствия и прогресса империи, сегодня находится в таком странном и уму непостижимом положении, что только этот факт должен быть для Вас достато-

чным, чтобы поставить конец этому постыдному состоянию". Выразалась надежда на достижение взаимопонимания между армянским и турецким народами, находящимися на раздвигающихся берегах младотурецкой пропасти: "Подумайте, что такое поведение турецкого правительства против представителей армянского народа омрачит взаимоотношения между двумя нациями и приведет к отчуждению двух народов. Мы никогда не могли представить себе, что после нашей совместной деятельности будем вынуждены отсюда по телеграфу вести с Вами переговоры".¹³

Иллюзия возможности образумить Талаата была несостоятельной. Отсутствие ответа Министра внутренних дел Акнуни объяснял сотоварищам по несчастью соперничеством партий "Иттихад" и "Итиляф", Балканскими войнами 1912 -1913 гг. и тем, что прятал Талаата после контрреволюционного переворота 31 марта 1909 г. "спасая от неминуемой смерти". В ходе пересылок имелась возможность спасти армянских революционеров, но они верили, что, представ перед военным трибуналом, получат оправдание.

Тревогу бил католикос Киликии Саак II перед германским посольством в Константинополе за депортированную паству.¹⁴ Вангенгейм 17 июня 1915 г. сообщил рейхсканцлеру Бетман - Гольвегу: "По достоверным данным католикоса Сиса, только из его епархии по настоящее время депортировано 30 тыс. армян Зейтуна и его окрестности, Элбистан, Дертойл, Акабаш, Гасанбайли и даже небольшие поселки полностью очищены".¹⁵

Казнь гнчакистов и осуждающая реакция за границей побудила министра иностранных дел Метлаше Халил бея встретиться с послом Моргантау. До этого госдепартамент США публично афишировал свое желание принять все меры по оказанию помощи армянскому населению Турции. Был создан американский фонд помощи армянам.¹⁶ Интерес Моргантау к встрече с Халилом диктовался тем обстоятельством, что бывший председатель Османского парламента был куда более влиятельной фигурой среди младотурок, чем великий визирь. Он находился в дружеских отношениях с армянскими деятелями, принимал участие в различных переговорах партии "Иттихад" с Зограбом, выступавшим в качестве полуофициоза Константинопольского патриархата, и с представителями партии "Дашнакцутюн" по вопросу армянских реформ и Армянскому вопросу. По сведениям Моргантау, Халил бей не разделял политику репрессий против армянского населения, но в силу официального положения был вынужден учитывать и проводить в жизнь.

Халил заявил о наличии злосчастных ошибок в политике правительства к армянскому населению, но "... зло уже сделано, что мы можем сделать сейчас?". Был выдвинут тезис о возможности достижения компромисса: "Однако, если есть ошибки, которые можем исправить, то должны их исправить".¹⁷ Был изложен подход Высокой Порты к "армянскому делу". Прежде чем выслушивать обвинения в адрес Османского правительства, Халил

предложил ознакомиться с рядом фактов. Обращено внимание на Ванские события, стремление армян к независимости и содействие им Россией. Затем последовало изложение версии разговора с депутатом Вардгесом о том, что если армянский народ действительно стремится к независимой жизни, то должен дожидаться “удобного момента” для приобретения независимости: “Возможно, Россия сумеет победить турецкие воинские формирования и захватить все армянские вилайеты”. Лишь после этого армяне могли рассчитывать на “желанную автономию”. Вардгесу было указано: “Почему не выждать такого выгодного времени”. Удар же в тыл турецкой армии представлялся чреватым расправой со всеми армянами. Такое же предупреждение, по словам Халила, было осуществлено Энвером, но безуспешно: “Вопреки всем этим дружеским предупреждениям армяне предприняли революцию”.¹⁸

Моргентау сообщил министру иностранных дел о сборе добровольных пожертвований в Америке для оказания помощи бедствующему армянскому населению в Турции. Из США в распоряжение посла поступил первый взнос в 20 тыс. золотых монет (100 тыс. дол.) на помощь умирающему армянскому населению. Халил отреагировал, что это внутреннее дело Османского правительства, а 20 тыс. золотых монет “ничто”. В то же время Халил внимательно выслушал мнение Моргентау, что это всего лишь начальная сумма. Им была сказана точка зрения Энвера об отсутствии необходимости иностранцам помогать армянскому населению, которую главнокомандующий мотивировал его сепаратизмом: “Армяне поклонники идей. И в том случае, когда иностранная помощь придет и им будут помогать, то она лишь будет содействовать их национальным желаниям”.¹⁹

Халил подчеркнул бескомпромиссность главнокомандующего в Армянском вопросе: “Энвер абсолютно решил навсегда прервать всякие отношения между иностранцами и армянами”. Моргентау уточняющее спросил: “В этом намерение Энвера! Со стороны армян предупредить какое-либо действие?” Последовал сухой ответ: “Армяне не имеют какого-либо способа действовать”.²⁰

Содержание беседы оставило осадок у Моргентау. Халил бей стремился внушить собеседнику мятежный образ армянского народа, нерациональную деятельность армянских политических кругов, обосновать официальную версию о закономерности депортации. Было обращено внимание Моргентау на репрессивный характер мышления руководства младотурецкого режима из-за Армянского вопроса (“стремление к независимой жизни”). В “Воспоминаниях” американского посла отмечено: “Я уже был знаком с отношением различных официальных лиц относительно репрессий к армянскому населению. Талаат себя представил кровожадным и варваром. Энвер расчетливо камуфлировался, а великий визирь являлся скопом сена. Халил

смотрел на выселение этого племени (армян) исключительно с точки зрения прагматизма”.²¹

В распоряжении Моргентау имелись донесения американского консульства в Алеппо о выселении армян из Мараша, Зейтуна, Айнтапа, Диарбекира, Муша и других мест, которые излагали отношения турецкого правительства к армянским высленцам, содержали описание депортируемых как “потрясающее” воображение. Сообщалось об обращении различных именитых граждан и представителей администрации провинций к правительству Османской Турции с просьбой о пресечении происходящей расправы над армянским населением, которая могла навлечь на страну “большую вину” и “порицание”, однако безрезультатно.²² Американский консул З. Б. Джексон в Алеппо 5 июня 1915 г. в сообщении о положении высленцев Зейтуна - Мараша Моргентау находил: “Нет сомнения, что это тщательно разработанная программа по уничтожению армянского народа”.²³ 16 июня консул представил послу документы о положении армянских высленцев Зейтуна и Мараша.²⁴

18 июня 1915 г. Моргентау телеграфировал в госдепартамент США об “ужесточении” политики Турции к армянскому населению, проявившейся, в частности, в казни 20 гнчакистов. Прогнозировались новые казни. Сообщалось о бесплодности приостановить маховик запущенного механизма геноцида. Посол указывал: “Мои частые и постоянные официальные обращения лишь в определенных случаях приводят к смягчению насильственных репрессий, однако они оказались не в силах остановить их действия, которые они пытаются оправдать ссылками на военную необходимость”.²⁵

Посол Вангенгейм сущность позиции Германии в Армянском вопросе был вынужден объяснить консульской службе необходимостью сохранить деликатные отношения с Высокой Портой, требуя от нее содействия уменьшению младотурецких эксцессов против армянского населения интересами внешней и внутренней политики. В указании регенту Эрзерума Шойбнер - Рихтеру от 21 июня из Константинополя отмечалось: “Ваше величество, представьте, пожалуйста, вали в любезной форме, но настоятельно, что подобные позорные инциденты причиняют ущерб престижу правительства в нейтральных странах и у друзей Турции, а внутри страны подрывают авторитет властей; репрессии и акты мести со стороны русских и армян в занятых ими районах неизбежны”. Предвиделись затруднения при послевоенном урегулировании Армянского вопроса: “Вследствие этого дается также обновленное основание для чужеземного вмешательства в армянские дела и излишне затрудняется позиция Турции при предстоящих мирных переговорах”.

Настоятельно требовалось учесть фактор сохранения престижа христианской Германии, которая сотрудничала с варварской Турцией и пятнала себя клеймом соучастия в Армянской Голгофе. Посол находил: “Даже

если мы ничего не можем иметь против депортации армян, в известной мере обоснованной военным положением, но все же мы тем более энергичнее, а также в наших интересах, должны настаивать на том, чтобы не повторились кровавые расправы над беззащитным населением, и обязанность местных властей - всеми средствами предотвратить подобные происшествия, если они не хотят взять на себя тяжелой ответственности”.²⁶ Регент в Эрзеруме уведомлялся о предстоящем изложении данной точки зрения посла Высокой Порты. Намеченные “возражения” против младотурецкой политики истребления армян могли, в лучшем случае, осуществить ее смягчение.²⁷

24 июня 1915 г. началась депортация армянского населения Трапезунда.²⁸ В этот день были арестованы члены “армянского комитета”, которые были высланы в глубь страны.²⁹ 25 июня вали Трапезунда запретил мусульманскому городскому населению что-либо покупать либо продавать армянским жителям. Ставилась цель за бесценок захватить имущество депортируемых армян. 26 июня появилась официальная прокламация о необходимости подготовки к депортации в течение пяти дней. В ней говорилось, что армянские соотечественники будучи одним из элементов Османской империи, в течение многих лет, под внешним воздействием, занимались “распространением идей”, нарушавших спокойствие и тишину, более того, “армянская община” осмелилась присоединиться к противнику. Для обеспечения безопасности Турции, установления порядка и спокойствия, правительство шло на “жесткие меры”. Армянское население провинции выселялось во внутренние провинции до окончания войны.³⁰

24 июня 1915 г. макграф Паллавичини представил министру иностранных дел Буриану анализ положения армянских дел. Ему и послу Моргентау военный министр Энвер заявил о проведении смертных приговоров лишь в отношении представителей армянских революционных комитетов и лиц, сотрудничавших с Россией. При этом Энвер считал необходимым подчеркнуть, что против армянского народа он ничего не имеет. Казнями же турецкое правительство стремится преподать “ужасный урок” таким армянам. По мнению Паллавичини, другая причина казней заключалась в страхе “государственных мужей” Турции перед терактами армянских революционеров.

Проводимый антиармянский политический курс был подвергнут осуждению: “Нет сомнения, что поведение правительства в отношении армян ошибочное. Последние относительно турок вообще издавна были настроены враждебно, но они также не являлись друзьями России, поскольку из-за своих крайних освободительных наклонностей могли иметь лишь самые малые симпатии. Однако в результате обанкротившейся турецкой политики армяне оказались между двумя злами, будучи вынуждены избрать наименьшее, оказались прямо в русских руках”.³¹ Выражалась уверенность в

прорусских симпатиях армянского Константинопольского патриарха “из-за последних событий”. Политика младотурецкого режима в Армянском вопросе представлялась бесперспективной: “В следствие образа действий здешнего правительства кажется, что Армянский вопрос вступил в такой этап, когда действительно может стать опасным для турок, особенно, если русские продолжат продвижение в Армении, в случае которого местные армяне безоговорочно примкнут к ним”. Зонай повышенного внимания сочтено армянское население Константинополя: “Мне кажется, что вообще не исключено, что если события здесь по какой-либо причине получат благоприятное развитие, в столице может внезапно вспыхнуть армянское восстание”.³²

Австро-венгерский посол представил руководству возможный сценарий армянского восстания в Константинополе, которое могло произойти, очевидно, при успешных действиях англо-французского десанта на Галлипольском полуострове либо при согласованных действиях обеих сторон. В этом случае важную политическую роль мог сыграть Константинопольский армянский патриарх. Этот расчет вписывался в предложение антантофильской партии “Хюрриет ве Итиляф” осуществить государственный переворот в Константинополе и заключить сепаратный мир.³³ В этом случае армянское восстание могло быть эффективным при слиянии с переворотом партии “Итиляф” и военных действий союзников.

27 июня 1915 г. Паллавичини сообщил Вене о тревожном положении армян Трапезунда и уничтожении высылаемого армянского населения “разбойничьими отрядами”. Отмечено о намерении обратиться к министру внутренних дел Талаату с указанием об ошибочности проводимой политики, которой Турция “вредила сама себе и подвергается порицаниям” от своих противников. В постскрипуме сообщено о разговоре с Вангенгеймом, который в этот день встретился с великим визирем и беседовал с ним в “указанном духе”. Саид, якобы, признал достоверность приведенных фактов.³⁴ В приложении N 1 прилагалась телеграмма австрийского консула из Трапезунда о предстоящей высылке армян в течение пяти дней. В приложении N 2 австрийский консул местом выселения обозначил Мосул, что, по его мнению, не имело никакой связи с “виновностью” местных армян в чем-либо перед правительством. Обращая внимание на тяжелые политические и экономические последствия депортации, консул запрашивал принятие “смягчающих мер”. Предлагалось допустить применение “суровых мер” лишь против мужского армянского населения, либо переместить армян в глубь провинции: “В условиях длительности пути в Мосул, отсутствия мест отдыха и продовольствия, прохождения участков с заразительными болезнями равносильно обречению на смерть”.³⁵

29 июня 1915 г. Константинопольский патриарх Завен посетил великого визиря Саида. Была изложена озабоченность положением армянского на-

селения Османской Турции: “Предводители арестованы, одна часть священников в тюрьмах, а другая часть истязается в местах высылки. Народ рассеян в горах и пустынях и без пристанища обречен на вымирание. Лишь я остался, и многие удивляются, как я могу в таких условиях жить.” Тактично запрошена причина армянофобской политики правительства Турции: “Я не знаю, почему держава, по какой причине установила такое тяжелое наказание для армянской нации. Испокон веков народ жил под покровительством Османской державы, так по какой причине осужден на смерть?”

Саид - паша снял бремя ответственности с высшей власти и возложил на армян, а также на внешнее вмешательство: “Несомненно, имеете в виду переселение. Признаю, что болезненно положение армянской нации, но причиной этому не мы, а вы и желающие вас защитить государства.” Корень армянской трагедии был представлен в Армянском вопросе. Великий визирь напомнил о неудаче желания младотурок достичь внутреннего соглашения с армянскими политическими кругами, чтобы избежать внешнего контроля по реформированию Западной Армении (секторов А и Б) в лице генеральных инспекторов голландца Вестененка и норвежца Гофа: “В прошлом году, когда занимался вопросами реформ, я сказал г. Гирсу (русский посол), что армянский народ наш, мы можем обеспечить его благоденствие. И я был увлечен этой проблемой, однако ваши не позволили нам, думая, что какой-то голландец может лучше нас реформировать нашу страну. Я тогда почувствовал, что между двумя нациями должно возникнуть отчуждение, что и произошло”. По мнению великого визиря, Армянский вопрос вступил в новую фазу, развивая тему “Армянского заговора”: “А на этот раз дело обросло новыми обстоятельствами. Находимся против большой организации, и часть народа взяла оружие против нас”.³⁶

Патриарх Завен с ходу отверг тезис об антигосударственной деятельности армянского населения: “Вы вменяете нам всеобщее восстание, что абсолютная ошибка. Ваши разосланные извещения преувеличены и ошибочны. Относительно же реформ скажу, что не мы отвергли правительственные предложения”.³⁷ Великий визирь холодно отреагировал: “Вы не отвергли, но другие отвергли”. Патриарх Завен запросил: “Но если несколько человек совершили проступок или преступление, то из-за этого целая нация не должна подвергаться наказанию.” Саид сослался на организованные действия, когда из дружин в 800 -1000 -1200 человек армян составлялась регулярная армия для деятельности против Османской Турции. Сообщено, что турецкие консулы в Европе на протяжении двух лет, сообщали о закупке армянскими организациями оружия для вооружения армянского населения. На это патриарх заявил, что если есть такие лица, то их следует наказывать, как султан Абдул Гамид, но не уничтожать свыше миллиона армянского народа. Великий визирь лукаво заметил, что правительство не ставит целью уничтожить армянский народ, хотя приняло “средство” по

выселению населения “этих вилайетов” в Алеппо. Депортация была представлена также воспитательным средством: “Это решение должно быть полезным и для Вас и для нас, поскольку до сих пор Россия и Англия использовали вас как орудие. Я неоднократно в прошлом говорил американскому послу: “Если армяне хотят быть спокойными оставаться, то должны забыть Русских и Англичан”. Как сказал, это простое средство (тепир), а не наказание (джеза)”.³⁸

Заключительный тезис великого визиря говорил о необратимости правительственного решения о депортации. Присовокуплено о незнании подробностей “дела”, но после ознакомления, по возможности, обещано депортируемых армян направлять в более “удобные места”. На повторный вопрос патриарха Завена, соответствует ли чести и достоинству державы обрекать целый народ на смерть, Саид вновь сказал, что это не наказание. Видя отсутствие взаимопонимания, патриарх встал, чтобы удалиться. В качестве прощального жеста Саид пожелал ему не обращаться к Талаату. Содержание встречи патриарх Завен полностью изложил Смешанному собранию.³⁹

Состоявшийся разговор имел ряд акцентов. Началось выселение армян Харбердского вилайета, находящегося далеко от Кавказского фронта. Численность населения вилайета американским консулом Л. Девисом определялась в 0,5 млн. чел., из коих армяне составляли 150 тыс. 23 июня 1915 г. первую партию арестантов жандармерия стала вывозить в направлении Диарбекира, а 26 июня последовало объявление о депортации. Первая партия армян г. Мамурет-уль-Азиз Харбердского вилайета должна была отправиться в депортацию 1 июля. Армянское население административного центра г. Харберда, насчитывавшее 30 тыс. по сведениям Девиса, из коих армян 15 -18 тыс., выселялось 5 июля. В вилайете насчитывалось 180 армянских сел.⁴⁰

Утверждение Константинопольского патриарха, - “Ваши разосланные извещения преувеличены и ошибочны”, - касалось и очередного сообщения агентства “Вольф” из Константинополя от 29 июня 1915 г. в немецкой печати. В нем говорилось о продвижении турецких войск в Ванском вилайете. Утверждалось, что в результате действия русских войск и армян из 180 тыс. мусульманского населения вилайета погибло 130 тыс. (50 тыс. убежало). В публикациях же ряда немецких изданий, таких как “Нойес Штутгарт Тагблат”, “Нойес Лайпцигер Тагблат”, имели место искажение информации агентства “Вольф”, а именно, что 150 тыс. мусульман Ванского вилайета погибло исключительно от рук армян.⁴¹ Это означало подыгрывание турецкой пропаганде, создание определенного пиара вокруг Турции и искажение образа армян.

Совет великого визиря не обращаться к министру внутренних дел объяснялся знанием внутренней кухни младотурецкого режима. 29 июня 1915 г. Талаат - паша направил сообщение в Алеппо о том, что принято решение о

расселении армян на востоке вилайета, в уезде Киркук и восточной части провинции Сирия. Прекращалась ссылка армянского населения в пустыню Дейр-Зор, поскольку их численность превысила 10% к местному населению. Решение диктовалось двояким желанием. С одной стороны, не допустить значительной концентрации, что позволило бы начаться процессу самоорганизации и самозащиты, а с другой - облегчить условия для умерщвления уже депортированных.⁴²

В конце июня 1915 г. состоялся разговор между послами Моргентау и Вангенгеймом. Разговор зашел о послевоенном устройстве мира. Вангенгейм заявил, в качестве пробного шара, о возможности восстановления независимости Бельгии взамен приобретения английской колонии Гонконга на территории Китая. Предложение Моргентау о необходимости прекращения расправы над христианским населением вызвало диспут. В ходе обмена точек зрения Вангенгейм, в качестве полета мысли, представил идею разменного варианта касательно армянского населения. Была изложена идея рокировки армянского населения с еврейским, что позволило бы предоставить армянам очаг проживания в США и Польше. Посол Вангенгейм заявил буквально следующее: "Армяне доказали, что в этой войне являются врагами Турции. Абсолютно очевидно, что оба эти народа не смогут больше в месте проживать в одной стране. Американцы должны их часть переселить в Соединенные Штаты, а мы, германцы, другую часть должны послать в Польшу. Взамен их должны польских евреев переселить в армянские вилайеты, если, конечно, пообещают отказаться от их сионистских программ".⁴³ Другую форму помощи армянскому населению Вангенгейм отверг. Идея Армянского очага проживания являлась следствием донесений немецких миссионеров руководству Германии о необходимости прекращения истребительной политики армянского населения.⁴⁴

1 июля 1915 г. началась депортация армянского населения Трапезунда. На улицы города были выведены жандармы с примкнутыми штыками. По донесению германского консула началась вакханалия варварства: "Группы по 100 армян комплектовали в одном переулке и выводили за город, где их собирали в большие группы по 2000 человек. Каждый из трех последующих дней уводили по одной такой группе в 2000 человек, всего 6000, затем, в следующие 4 дня, снова около 4000. Вали давал разрешение нанять повозку семьям, которые могли заплатить. За повозку платили 15 турецких фунтов (около 300 франков). Счастливым, которым удалось нанять повозку за такую неимоверную цену, через десять минут за городом вынуждали снова отдать повозку и вести свой багаж на спине; о возвращении денег, конечно, не могло быть и речи".⁴⁵ В пути насиловали женщин, девушек, а мужчин убивали.

Шестьсот человек были вывезены в море на лодках, под предлогом перевоза в Самсун, где они были утоплены. Русскоподданный армянин Вар-

дан выплыл и рассказал о происшедшем в греческом госпитале Трапезунда. Один из выплывших, по данным болгарского посланника, спрятался в итальянском консульстве. Затем был передан туркам, которые его заживо захоронили.⁴⁶ 180 армянских солдат в саперных частях Юшаат-Табури, используемых на строительных работах, были расстреляны до начала депортации.⁴⁷ Были приняты ограничительные меры для освещения иностранными представителями происходящей армянской трагедии. Дипломатическим служащим Италии и США была запрещена шифрованная связь с посольствами в Константинополе.⁴⁸

Более или менее эффективно работала немецкая дипломатическая служба в провинциях. 4 июля 1915 г. вице-консул Кукхоф в Самсуне представил послу доклад "Об изгнании армян". Лейтмотивом являлось представление насильственной мусульманизации армянских жителей как города, так и окрестных деревень независимо от христианского вероисповедания. Отказывающиеся депортировались в Урфу. Звучал пессимизм о трагичности конца выселения: "Само собой разумеется, что ни один армянин-христианин не достигнет этой цели. Вести из глубины страны извещают уже об исчезновении уведенного населения целых городов". Попытка вице-консула добиться у губернатора ограничения депортации лицам в возрасте от 17 лет до 70 лет оказалась безуспешной. Не помогли и морально-политические доводы: "Я обратил также его внимание на очень неприятное впечатление, которое должна вызвать его мера у христианского населения Германии и Австрии. Все напрасно: фанатикам недоступны доводы разума!" Происходящее представлялось экономической катастрофой для Турции: "Вследствие истребления армянского элемента в Анатолии расстраивается всякая торговля, и становится невозможным экономическое развитие страны на долгие годы, так как коммерсанты, промышленники и ремесленники почти исключительно армяне. Этот пункт я также разъяснял губернатору - к сожалению, безуспешно".⁴⁹

Причиной происходящего представлялась политика насильственной исламизации и тюркизации правительства Турции: "Сегодня железный принцип правящих - исламизировать всю Турцию и применять для этого любые средства. У них отсутствует малейшее понимание чудовишных потерь, которые испытывает страна, а также местный и зарубежный деловой мир вследствие искоренения армянского элемента".⁵⁰ Большие убытки терпели немецкие фирмы "Торк Мада" и Арбузз" ввиду исчезновения большей части должников. Ряд кредитных организаций - "Оттоман и Салоник банк" и "Хофштрассер" - представили списки должников и причитавшихся сумм. Определенный интерес имела немецкая компания по страхованию жизней.

Прогнозировались два последствия истребительной политики младотурок. Первое заключалось в привлечении внимания мировой общественности к Армянскому вопросу и армянской трагедии, что требовало принятия

мер противодействия: “Следует предусмотреть, какие последствия должны вызвать ужасы Армянского вопроса, когда о них станет известно. Вскрика негодования всего христианского мира не избежать. Уничтожена вся работа протестантских и католических миссий в Анатолии. Наши враги отлично сколотят из этого капитал, и наших соотечественников, вероятно, также охватит чувство глубочайшего возмущения”. Вторым последствием представлялось прояснение связи между политикой Турции и Германии в Армянском вопросе: “А самое худшее в этом деле то, что весь мир спихнет вину за это на Германию, так как друзья и недруги полагают, что власть в Высокой Порте полностью находится в наших руках и что столь крутая мера могла быть осуществлена лишь с согласия Германии”.⁵¹

3. План “Новые границы Турции”

4 июля 1915 г. посол Вангенгейм представил меморандум великому визирю Саиду по Армянскому вопросу. В нем говорилось о непротодействии правительства Германии репрессивным мерам против армянского населения Восточной Анатолии как следствие “военных соображений”, являющихся “законным средством защиты”, но в рамках, необходимых для “укрепления внутреннего положения” Турции. Выражалась поддержка ответу Турции на демарш стран Антанты от 24 мая по так называемым “зверствам” к армянскому населению. С другой стороны, констатировалась озабоченность германского правительства наличием угрозы осуждения, порождаемой “жестокими мерами и особенно массовым выселением”. Местные турецкие власти оказались бессильными приостановить насилия, грабежи и погромы, которые лишь обуславливали “сожаление”. От происходящего вандализма в выигрыше представлялись страны Антанты, которые не упустили бы случая породить “волнения” среди армян. “Последние события” должны были возбудить общественное мнение нейтральных стран, в особенности США, которая через своих представителей стала обращать внимание на “судьбы” армянского населения Турции. Правительство Германии обращало внимание дружественной и союзной Турции на возможные последствия проводимой политики, могущей нанести ущерб совместным интересам в текущий момент и в будущем. Главной опасностью представлялось сохранение значения Армянского вопроса: “Можно прогнозировать, что во время утверждения мира Армянский вопрос вновь станет предлогом иностранным державам для вмешательства во внутренние дела Турции”.¹

Кайзеровское посольство неотложным находило отдачу приказа провинциальным властям о принятии продуктивных мер по охране жизни и имущества армянского населения во время депортации и прибытия в новые места жительства. Германское правительство находило желательным временно прекратить смертные казни армян, которые до этого имели место в Константинополе и провинциях, в частности в Диарбекире и Адане.² Про-

блема казней являлась злободневной. В Кесарии духовный предводитель с 16 видными армянами были приговорены к смертной казни. Лишь после обращения болгарского посланника Колушева к Талаату, на основе представления американского консула, казнь была заменена заключением.

Представлением меморандума Турции посол Вангенгейм разыграл политический фарс по спасению престижа Германии в послевоенное время. Речь шла не о запрете депортации либо прекращении репрессий, применении в ответном случае средств принуждения со стороны Германии, а всего лишь о смягчении проводимой истребительной политики, придаче ей законности и глянца. Меморандум Германии американский посол Моргентау характеризует проформой, сходной с протестами против размещения английских и французских гражданских лиц на Дарданельских укреплениях, чтобы они служили мишенью флоту союзников. Представление ноты определяется “лицемерием”, поскольку она была вручена не реальным центрам власти, а именно Талаату и Энверу, а Саид паше, осуществляющему лишь представительную функцию. После подачи меморандума Вангенгейм стал объяснять отказ от оказания действительной помощи армянскому населению вышеприведенными аргументами о взаимоотношениях Германии с союзниками и роли в них США.³

7 июля 1915 г. посол Вангенгейм представил доклад канцлеру Бетман-Гольвегу по Армянскому вопросу. По его словам, если депортация 14 дней тому назад проводилась из районов, близких к военным действиям, то теперь Высокая Порта стала ее осуществлять в глубинке страны -Трапезунде, Мамурет-уль-Азизе и Себастии, которые не имели еще “угрозы вражеского вторжения.” Посол отметил истребительный характер армянской политики правительства Османской Турции, когда депортация являлась формой физической расправы над армянским населением: “Создавшееся положение и то, как осуществляется депортация показывают, что правительство в действительности преследует цель уничтожения армянской расы в границах турецкой империи”.⁴ Депортация армян из Трапезунда затронула около 30 тыс. человек, направляемых через Эрзерум в Междуречье. Массовое переселение в местность, удаленную за сотни километров, без пропитания и мест отдыха, а также вспыхнувшего тифа предполагало наличие множества жертв. Караваны выселенцев проходили через курдский район Дерсим, в то время как вали Трапезунда заявил о гарантировании безопасности лишь до Ерзнка. Отсутствие безопасности, по словам германского консула, стало причиной гибели 3 тыс. армян из Эрзерумских равнин по пути в Харберд со стороны курдов и разбойников. Вангенгейм отметил принятие частью Трапезундских армян ислама для спасения жизни и имущества.

Депортация влекла за собой экономический ущерб Турции, лишавшейся “трудолюбивой и работающей части населения,” замещение которых мусульманскими переселенцами не оправдывало себя. Следствием являлись ма-

териальные потери для германских различных предприятий и обществ. Высокая Порта обвинялась в непонимании последствий жестокостей, насилий и погромов как для общественного мнения внутри страны, так и за рубежом. Итогом представлялось возобновление Армянского вопроса в ходе послевоенного устройства мира. Для опровержения будущих упреков “наших противников”, что “мы также виноваты в жестоких действиях турок”, заявлялось о предоставлении 4 июля меморандума Высокой Порте о необходимости гуманного обращения с депортируемым армянским населением и сохранении его имущества. Позже копии меморандума были разосланы внешнеполитическому ведомству и министерству внутренних дел.⁵

Аргумент посла Вангенгейма об экономическом расстройстве Османской Турции вследствие депортации армянского населения обратил на себя внимание младотурецкого руководства. 10 июля 1915 г. шифрованной телеграммой министр внутренних дел Талаат затребовал от руководства провинций заселять мусульманами обезлюженные армянские селения, требуя от них восстановления земледельческой и экономической жизни. Предписание носило строгий характер, что мотивировалось необходимостью обеспечить прогресс Турции.⁶

Свое мнение о состоянии Армянского вопроса представил министру иностранных дел Австро-Венгрии Буриану макграф Паллавичини 8 июля 1915 г. Сообщено, что в ходе последней встречи с великим визирем было достигнуто обещание со стороны турецких властей избегать “излишних жестокостей”. Последующие события выявили излишнюю доверчивость к заявлению Саид паши. Обращено внимание на точку зрения американского посла Моргентау, что армянское население подвергается истреблению так же, как во времена султана Абдул Гамида. Представление же Моргентау правительству Османской Турции об отрицательном впечатлении на Америку и Европу всем происходящим осталось без последствий. Министр внутренних дел Талаат заявил о нежелательности обсуждения данной темы.

Паллавичини находил, что правительство проведением истребительной политики армянского населения уподобилось страусу, отворачивающемуся от внешнего мира. Макграф писал: “Турецкая сторона не может долгое время прятать осуществленные жестокости против армян и, став известными, нанесут ущерб турецкому делу за границей. Действительно, болгарская и румынская печать уже подняли эту тему и действуют в армянофильском духе.” Выражено порицание армянофобской политике турок: “К сожалению местные власти не убеждаются в несправедливости своего образа действий к армянам, и опасность близка, что представления о соответствующей действительности повредят делу. Здесь явственно стремятся достигнуть той ситуации, когда ставший подозрительным армянский элемент во всех случаях будет навсегда обезврежен”.⁷

Австрийский посол действовал как маятник в оценке Армянского вопроса, излагая руководству державы различные оценки, колеблющиеся в диапазоне представлений Моргентау, Вангенгейма и младотурок. В донесении “Преследования армян” от 10 июля 1915 г. Паллавичини объяснял истребительную политику руководства Турции многочисленными случаями службы западных армян в русских частях, восстанием в Ване, созданием там “Временного Армянского правительства” во главе с бывшим депутатом Османского парламента Гаро Бастрмаджяном, которого путали сознательно с реальным руководителем Арамом Манукяном. Последствием этих обвинений представлялось выселение многочисленных армян, в том числе мирного населения, во “внутреннюю Анатолию”, большей частью в Мосул, когда дети с матерями были отделены от отцов либо вообще от родителей. Константинопольская армянская община представлялась находящейся под строгим контролем полиции, которая беспрерывно производила обыски по выявлению оружия, чтобы не оказывали помощь “армянским мятежам в Анатолии”. К имевшимся репрессиям, по словам Паллавичини, прибавилась новая напасть - насильственная исламизация.⁸

Представлено формирование точки зрения о виновности Германии в истреблении армянского населения: “Описанный образ действий также отрицательно воздействует на немцев, которые говорят, что все это произошло при попустительстве германцев, которые должны были иметь в своих руках все правительство”.⁹ Точка зрения вины Германии имела резонанс. Когда болгарский посол Колушев запросил Вангенгейма о молве, что Германия причастна к уничтожению армян, то тот разыграл целый спектакль на тему гуманизма. Завершающим аккордом явилось представление кипы телеграмм и обращений к турецкому правительству о проявлении милосердия к армянскому населению, которые оставались без реального ответа. Реакция посла Вангенгейма свидетельствовала о стремлении уйти от ответственности перед судом истории.¹⁰

10 июля 1915 г. Моргентау телеграфировал государственному секретарю США о критическом положении армянского населения вследствие государственной политики Турции: “Истребление армян принимает невиданные размеры. Докладные из различных районов свидетельствуют, что делается попытка истребить мирное армянское население и предать разрушению и нищете путем самовольных арестов, ужасающих истязаний, массового выселения и перемещения из одной части империи в другую, которые сопровождаются насилиями, грабежом и случаями частых убийств, трансформируемых в резню. Эти мероприятия не результат реакции требований народа либо фанатиков, а полностью самовольны и сопровождаются указаниями из Константинополя о военной необходимости, часто в тех районах, где номинально идут военные действия”.¹¹

Единственным посольством, которое могло бы “смягчить” происходящее варварство, представлялось германское. Однако вмешательство которого, по мнению Моргентау, на деле ограничивалось лишь представлением номинальных демаршей и протестов. Более того, посол Вангенгейм собирался отбыть в отпуск на шесть недель, что вызвало возмущение Моргентау: “Я дал ему понять, что он и его правительство будут иметь значительную долю в этом преступлении. Как только прибудет исполняющий его обязанности, я предприму Геркулесовы усилия для обеспечения его содействия”. Более гуманистичной сочтена позиция макграфа Паллавичини: “Австрийский посол обещал мне воздействовать на министра внутренних дел”¹²

Сообщено о безрезультативности личных акций в пользу армянского населения, кроме армянской общины Константинополя, перед великим визирем, министрами внутренних и военных дел. Корень всех бед усмотрен в революционном прошлом младотурок и якобинских методах: “Властвующие революционеры, которые низвергли гамидовское правительство при содействии со стороны ряда армянских революционеров, знающих их метод, и которых боятся как основы (контрреволюции) против нынешних властей.”¹³ Младотурецкие руководители Турции представлялись оголтелыми шовинистами: “Они заявляют, что предпримут все возможные меры, чтобы сохранить контроль со стороны правительства. Они утверждают, что это националистическая политика комитета Единения и Прогресс, которую они отказываются видоизменить даже после того, как Россия, Франция и Великобритания возложили персональную ответственность на кабинет министров”. Расчет турок представлялся базирующимся на стратегии выгоды момента: “Власти Турции желают извлечь выгоду из нынешней ситуации, когда из великих держав три воюют против них, Италия находится в сложном положении, а две оставшиеся являются союзниками и, следовательно не будут вмешиваться, до тех пор, пока они отбивают сильный штурм на Дарданеллы.”¹⁴

Моргентау поставил в известность госсекретаря о проведении совещания с различными американскими миссионерами, вынужденно прибывшими в Константинополь из-за насилий турецких властей, которые были единогласны, что происходящее истребление армянского населения превосходит ужасы кровавого режима султана Абдул Гамида в 1895 и 1896 гг. Присутствующие, однако, не сумели представить последовательность последующих необходимых действий для пресечения варварства младотурецкого режима по отношению к армянскому населению: “Они боятся, что положение вещей не изменится”. Выражен пессимизм в продуктивности личной деятельности: “Турецкие власти четко меня оповестили, что я не имею никакого права вмешиваться в их внутренние дела”. Запрошено мнение вышестоящего руководства о предстоящем образе действий: “Тем не менее, я хочу спросить, имеете ли Вы какие-либо предложение?”¹⁵ Госде-

партамент занял выжидательную позицию, но главным было отсутствие запрета на защиту армянского населения.

Внешнеполитическое ведомство Германии разрабатывало сценарий Действий на послевоенное устройство с учетом интересов Османской Турции. Сознательно была организована утечка информации о прогнозируемом ходе событий, чтобы обосновать турецкую политику в Армянском вопросе и приструнить армянских деятелей, обеспечить последующее взаимодействие. Общий абрис Армянского вопроса представитель внешнеполитического ведомства Пауль Рорбах изложил 6 - 10 июля 1915 г. в письме к Я. Х. Завриеву, которое состояло из четырех разделов - “Армяне. Мероприятия против армян. Заселение турками Армении. Автономия Кавказа и Грузии”. В разделе “Армяне” изложено мнение о значительном интересе Германии к “нелюбимым армянам”, которые могли содействовать ее политэкономическому утверждению в Малой Азии и Северной Персии. На этой основе строился тезис о выгодности для Германии сохранения армян в Турции. Забота о целостности Турции представлялась интересом к безграничной сфере деятельности и роли шлагбаума на пути экспансионизма России. Этим мотивировалась необходимость усиления мощи Османской Турции в Малой Азии и вытеснения России за Кавказские горы. В стратегическом виде мощной Турции армянам, проживающим в “сердце” державы и центре Кавказа, отводилась роль связующего звена. Расчет признавался спутанным политическим поведением армянской элиты: “К сожалению, армяне своим поведением доказали, что они всего лишь клин, который врезался, с одной стороны, между турками и татарами Закавказья, с другой стороны”¹⁶

Политика Германии в Армянском вопросе представлена состоящей на реальной основе: “В нашей политике, проводимой относительно армян, мы всегда были точны и обещали лишь то, что могли сделать”. Позиция Германии, якобы, не получила адекватного отражения: “Армяне желали большего и пошли вслед России, которая для их привлечения давала им ложные обещания”. Политика России характеризовалась базирующейся на политическом мираже для армян: “Россия знала, что никогда не может довершить до конца это дело, и что даже губительно скажется на армянах. Однако Россия, не озабочивалась этим, так как знала, что, армяне, попав в это русло, больше не смогут выбраться из него. В то же время армяне нужны были ей как предмет обмена при совершении выгодной сделки.”

Рорбах напомнил Завриеву содержание аудиенции у помощника министра иностранных дел Германии в апреле 1914 г.: “Вы, вероятно, помните, как весной 1914 г. Циммерман во время встречи об этом сообщил вам лично и предупредил о той игре, которую предприняла Россия. Он предлагал довольствоваться малой правильной программой, которая бы улучшила быт армян, получившая бы защиты Германии. Ее рекомендации были пренебрежены, а в это время Россия уже отворачивалась от армян Констан-

тинополя и использовала это для привлечения Турции на свою сторону. История с главными инспекторами является неплохой иллюстрацией с этой точки зрения". Напоминалось, что спустя две недели после встречи с Циммерманом граф Канитц в германском посольстве Константинополя убеждал Завриева о слабой защите Россией статуса главных инспекторов двух секторов Западной Армении. Далее утверждалось, что благодаря дипломатической игре России в проблеме реформирования Западной Армении Германия чувствовала себе "скомпрометированной" перед Турцией.¹⁷

Армяне из происшедшего не сделали вывода, поскольку Турция не собиралась отказываться от своих "исторических задач" и не поверила в искренность намерений России: "А армяне пострадали по причине неискренности России". Турки составили представление, что армяне чересчур "много вредят" им, чтобы их простить: "Из донесения Вангенгейма видно, что в Турции господствует убеждение, что неудачи турок на Кавказском фронте следует приписать армянам, которые, если бы с таким упрямством не защищали русское дело на Кавказе, то путь турок к Тифлису был бы значительно облегчен. Турки не могут этого простить армянам и поэтому с такой яростью осуществляют расправу с ними".

Раздел "Мероприятия против армян" содержал положение о понимании политики турок в Армянском вопросе: "Мы, конечно, не можем одобрить эти жестокости, мы понимаем необходимость для Турции радикальным путем нейтрализовать значение армянского племени, которое мешает нашим планам даже в ходе войны". Этим объяснялось отсутствие удивления, когда посол Вангенгейм в апреле 1915 г. телеграфировал в Берлин о государственном интересе Турции по депортации армянского населения в Месопотамию и просьбе не мешать Турции. Со своей стороны, посол поддержал просьбу. Данный подход сочтен нецелесообразным имперским видам. Рорбахом отмечалось: "С точки зрения Германии, однако не выгодно, чтобы этот трудолюбивый и полезный народ полностью был уничтожен, в том случае, когда пустыни Междуречья имеют потребность в таких элементах. Проживая в Междуречье и занимаясь там земледелием, армянский народ даже выиграет от этого, поскольку тамошние земли плодородные, и он вскоре достигнет экономического развития. От этого выиграет и государство, и Багдадская железная дорога".¹⁸

Начавшаяся депортация армянского населения представлялась акцией беспроектной в виде мирной прогулки: "Выселяясь из родины, часть армян, несомненно, успеет поселиться во всех городах Малой Азии. Это увеличит численность армянского элемента до такой степени, что благодаря своей культуре и энергии быстро займет соответствующее там место. Именно такой элемент нужен Германии, так как он будет полностью зависеть от нее и послужит усилению ее позиций в Турции".¹⁹ Армяне представлялись коммивояжерами по реализации немецких товаров в Малой

Азии, а армянские служащие в турецкой администрации, врачи, ремесленники и учителя стали бы по "духу" германцами. Утверждения отдельных армян, что "ненависть" армян к немцам станет помехой на пути совместного сотрудничества, сочтены несостоятельными: "Армяне вскоре поймут, что они лишь стали жертвой своего простодушия. Этим злым чувством будет жить лишь первое поколение. Армяне должны продолжать жить. Мы им дадим заработную плату, мы постепенно увеличим их значение в Турции. Их существование и культурное развитие будет зависеть от нас. По этой причине первое поколение вскоре примирится с нами, а последующие станут, несомненно нашими искренними друзьями".

Раздел "Заселение турками Армении" утверждал о положительной роли мохаджиров по созданию однородной Анатолии: "Таким образом, осуществится задача заселения многочисленным мусульманским племенем всей Малой Азии и Восточной Анатолии, вплоть до Тавриза и Батума, что является желаемой мечтой единого народа. В этом случае не трудно будет создать стальную преграду, через которую России трудно будет пройти". Препятствий на этом пути не предвиделось: "Германия, несомненно, это сумеет организовать таким образом, как ей нужно."²⁰ После победной войны предвиделся германский контроль над турецкой армией и Османской державой: "Турции навряд ли удастся выскользнуть из наших рук". Предусматривалось отстранение младотурок от власти для реализации Германских видов: "Необходимо, чтобы современные деятели без шума спустились с помоста и чтобы мы, также без шума, смогли бы взять то, что принадлежит нам по праву".

Раздел "Автономия Кавказа и Грузии" содержал общее представление о послевоенном устройстве Кавказа. В случае победы Германии намечалось "объединение Закавказья и создание автономной Грузии" под протекторатом Турции. В этом виде учитывалась этнополитическая текущая ситуация в регионе: "Мы знаем, что согласие господствует среди грузин и татар и что грузины, по примеру армян, не боятся мусульман". Положение было искусственным, поскольку существовала мусульманская Лазика, Аджария и Гурия, чего не могла не учитывать православная Грузия. Именно поэтому для нее намечалась автономия. "Татарам" Кавказа предоставлялась возможность единения с турками: "Татары, несомненно, сольются с турками". Германия создала бы новую колониальную империю, контролируя черноморские проливы, надзирая территории от Киликии до Каспийского моря, от Багдада до Кавказских гор. Турция получала удовлетворение имперскими амбициями, отдавалось должное пантюркизму и панисламизму: "Таким образом, восточное и западное Закавказье крепко будет привязано к Турции". От создания государства "Малый Туран" должны были остаться в выигрыше Германия, Турция, "татары" и грузины, но не армяне. Им лишь предоставлялось право физического существования в Закавказье: "Мы, конечно,

обеспечим спокойное существование армян на Кавказе, однако теперь они будут навсегда должны отказаться от своих национальных идеалов". Поправление армянских национальных интересов отмечалось достойным наказанием за отказ идти в форватре политики Германии: "Армяне не должны протестовать против такого исхода, поскольку они достойны его".²¹

В этом плане турецкие армяне лишались исторической родины - Западной Армении, где их части предназначалась стать народом - изгоем в Малой Азии, а кавказским армянам отводилась лишь перспектива физического выживания. Распятие армянского народа трактовалось естественным результатом политической ориентации, союзничества с Россией и пренебрежения служения интересам Германии. Обращает внимание в плане "Новых границ Турции" использование разноречивых понятий: 1) "автономия Кавказа и Грузии"; 2) "объединение Закавказья" и "создание автономной Грузии" под протекторатом Турции; 3) предоставление "татарам" Кавказа (азербайджанцам) возможности объединиться с Турцией (то есть создать государство Малый Туран); 4) подразумевающееся христианское объединение армян и грузин в единое государственное образование в виде "автономной Грузии".

Речь шла о возможности использования четырех моделей устройства Кавказа в послевоенном времени. Нарочитая аморфность подачи плана в виде создания "автономии Кавказа и Грузии", отсутствие армянского образования и возможность слияния Турции с Северным Азербайджаном (Малый Туран либо новые границы Турции) должны были привлечь симпатии младотурок к плану послевоенного устройства Кавказа. В то же время, Германия сохраняла за собой право использования одной из предложенной модели. В заключении говорилось, что германский план окольцевания России "стальной цепью" нельзя считать "фантазмагорией".²²

Пауль Рорбах вынес на усмотрение армянских деятелей план "Новых границ Турции", предназначенный для зондирования перед Россией. Ключом для понимания всего замысла Рорбаха идеи "Большой Турции" представляется фраза об окольцевании России "стальной цепью". Являясь теоретиком германского империализма, Рорбах выступал за перераспределение владений старых колониальных держав. В 1913 г. им было написано: "Достаточно и предостаточно и того, что присвоили себе Англия, Франция и Россия в течение последнего века."²³ 23 августа 1914 г. президиум Пангерманского союза, состоящий из ряда союзов - Военного, Морского и Колониального и прочих, постановил изъять у России Польшу, Прибалтику, Белоруссию и Украину, захваченные территории "очистить от людей", установить морское владычество.

В этом духе Рорбах 31 октября 1914 г. в журнале "Великая Германия" (*Das grossere Deutschland*) выступил с обоснованием претензий Берлина на доминирование на Ближнем Востоке, Дальнем Востоке и Африке. "Кру-

гозор немецкого государственного деятеля "должен был геополитически мыслить и повелевать: "Его ум должен уметь соединить с исходом войны судьбу Китая и Индии, устья Евфрата, мыса Доброй Надежды до Конго..."²⁴ Рорбах намечал в конце 1914 г. упразднить Россию как страну: "Россия должна быть расчленена, раздавлена и уничтожена, а русский народ должна постигнуть такая же участь. Это должно совершиться, и гробовщик России и русского народа - Германия - ждет лишь подходящего случая для выполнения приговора истории".²⁵

Провал блиц-крига против Франции и отсутствие значительных успехов на русском фронте обусловили актуальный план Пангерманского союза, намечавший существование России в пределах коренной русской территории. Его составной частью являлся представленный план "Новых границ Турции", как удовлетворения амбиций германского аннексионизма. Письмо Завриев предоставил в распоряжение министра иностранных дел России, который затем использовал идею "армянского клина" в подходе к решению проблем Армянского вопроса.²⁶

Для понимания взаимодействия Германии и Турции в Армянском вопросе важной являлась и программа "умеренных аннексионистов", лидер которых Ф. Науман выступал за создание "Mittel-Europe" (Срединной Европы), представляющей собой "Великую Германию".²⁷ Науман для распространения влияния Германии в Малой Азии изучал специально армянские погромы при султанах Абдул Гамиде. По его мнению, убийство "80 - 100 тыс. армян" достойно было осуждения со стороны Германии, но предлагалось учесть и мнение турок, которые заявляли: "Я тоже борюсь за свое существование". Этот аргумент представлялся обоснованием для политики Германии в Армянском вопросе: "И действительно, мы верим им. Мы верим - вопреки тому возмущению, что мы пробуждаем мусульманское кровавое варварство, что турки интриги считают законными, и в Армянском вопросе и в армянских погромах мы прежде всего видим проблему внутренней турецкой политики, являющейся лишь эпизодом кризиса, который переживает великая Империя, не желающая умереть без последней попытки, пролитием крови спасти себя. Кроме Германии, все великие державы проводят политику свержения существующего положения вещей в Турции". В силу чего "азиатская политика варварства" Турции имела обоснованный характер: "Для Турции угроза Армянского вопроса в угрозе уступки".²⁸ Уничтожение армян приняло такой размах в Турции, по мнению Наумана, что они перестали быть "политической силой".

Форпостом политики Германии в Османской Турции являлось германское посольство в Константинополе. Здесь доктрину политического дарвинизма исповедовал морской атташе Гуман, который являлся "больше турком чем Талаат и Энвер". В Армянском вопросе для него все было ясно. Он открыто заявил Моргентау, что сильный должен победить слабого: "Я

большую часть жизни прожил в Турции, и я знаю армян. Я знаю также, что армяне и турки в этой стране совместно не могут жить. Из этих двух племен одно должно исчезнуть, чем не порицаю турок за содеянное к армянам. Считаю, что турки имели полное право. Слабая нация должна погибнуть. Армяне хотят расчленивать Турцию. В этой войне они против Турции и Германии, и поэтому не имеют права здесь жить.”²⁹ В этих варварских геополитических рассуждениях даже меморандум посла Вангенгейма от 4 июля 1915 г. рассматривался не проформой, а уступкой. Гуман заявил по этому поводу: “Я считаю также, что Вангенгейм далеко зашел, предоставив протест. Я лично этого не сделал бы.”

Все контраргументы Моргентау были отвергнуты атташе Гуманом, который “обожествлял” Турцию во всем. Им были пересказаны официальные постулаты турецкой пропаганды об “Армянском заговоре”, наличии оружия у армянского населения и Ванском восстании. Политика “Молодой Турции” в Армянском вопросе представлялась самообороной, вынужденной мерой балансирования в турецком обществе для удержания власти от сторонников абсолютистского режима: “Комитет силен лишь в Константинополе и в ряде других больших городов. Во всех других местах народ представляет собой “Старого Турка”, и именно эти “Старые Турки” наиболее религиозные. Старые турки не сторонники нынешнего правительства, что заставляет комитет, в границах своей силы, предпринимать все для защиты от интриг”.³⁰

Подход Гумана не учитывал перерождения младотуркизма, проявлением которого являлись Аданские события 1909 г. и Салоникская программа 31 октября 1910 г. по “уничтожению армян и созданию однородной Анатолии”, а точнее игнорировал: для всякого мудреца довольно простоты. Гуман несомненно знал об Аданских событиях 1909 г., организованных младотурками для упразднения Армянского вопроса, которые были приписаны старотуркам. Он сознательно игнорировал тот факт, что если Аданские события являлись лишь звеном запланированного уничтожения армян Западной Армении султаном Абдул Гамидом и младотурками, что показательно было для единства младотурок и старотурок в национальной политике, сорванного из-за прибытия к Киликии морских сил ведущих держав, то в 1915 г. турецкому государству никто не связывал руки. Миф о конфронтации младотурок и старотурок был реанимирован для обоснования очередной попытки упразднения Армянского вопроса и истребления армянского населения.

Реальное лицо посла Вангенгейма представляет телеграмма Министерству иностранных дел 11 июля 1915 г., где не проявлялась забота даже о спасении персонала немецкого дома сирот в ходе запланированной на 12 июля “депортации” армян Муша: “Прошу известить немецкий Союз помощи, Франкфурт на Майне, что, по сообщению Высокой Порты, изгнание

армян из Муша начнется завтра, и Порта считает необходимым отъезд женского персонала дома для сирот в Мамурет - уль - Азиз в интересах его безопасности. По телеграфу я оставил на усмотрение сиротского дома следовать этому совету”. От немецкого “Союза помощи” был лишь запрошен список учреждений и персонала в Турецкой Армении, что означало избирательность подхода, сотрудничество с турецкими властями по упразднению армян.³¹ Примечательно, что в телеграмме посол “депортацию” называет “изгнанием армян” как мягкий синоним более жесткого понятия - “истребление армян”.

I. Армянский образ и депортация

1. Документы США о геноциде..., с. 35.
2. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 299, 300.
3. Лепсиус И. Тайная справка..., с. 112, 113, 135 -141.
4. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 108.
5. Там же, с. 109.
6. Армянский вопрос..., с. 179.
7. Там же, с. 180.
8. Завен архиепископ. Патриаршие..., с. 103.
9. Там же, с. 104.
10. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 106.
11. Там же, с. 107.
12. Киракосян Дж. С. Западная Армения в годы первой мировой войны..., с. 297.
13. Геноцид армян..., N 155, с. 289.
14. Там же, с. 290.
15. Махмурян Г. Г. Тема геноцида армян в американской историографии (1895-1994 гг.) - Историко - филологический журнал, 1995, N 1, с. 44.
16. Армянский вопрос..., с. 425.
17. Из истории геноцида... с. 36.
18. Геноцид армян. По документам..., с. 72, 73.
19. Английская Синяя книга..., 1917, 2 мая.
20. Геноцид армян..., N 170, с. 303.
21. Там же, с. 305.
22. Там же, с. 304.
23. Там же, N 171, с. 312, 312.
24. Барсегян Л. А. Потери армянского народа..., с. 3, 4.
25. Турки о турках..., с. 338, 339.
26. Там же, с. 205.
27. Там же, с. 206, 251.
28. Армянский вопрос..., с. 180, 181.
29. Там же, с. 180 -182.
30. Геноцид армян..., N 155, с. 299.
31. Фирбюхер Г. Армения..., с. 22.
32. Геноцид..., N 220, с. 472.
33. Кешян А. М. Кровавые эпизоды и жизнь героев 1915 - 1918. Бухарест, 1938, т. 1, с. 76.
34. Там же, с. 80.
35. Геноцид..., N 220, с. 474.
36. Кешян А. М. Кровавые эпизоды..., с. 83.
37. Там же, с. 90.
38. Там же, с. 91.

39. Там же, с. 81 - 96.
40. Там же, с. 95.
41. Геноцид армян. Сбор. материалов. Сост. Л. А. Барсегян. Ер., 2005, с. 160. - На арм. яз.
42. Великие державы, Османская империя и армяне во французских архивах (1914-1918). Сбор. док. Составитель А. Пейлерян. Ер., 2005, т. 1, с. 304.
43. Геноцид ..., N 220, с. 475.
44. Там же, с. 472.
45. Геноцид армян. По документам..., с. 158 -161.

II. Армянский полицид

1. Турки о турках ..., с. 340.
2. Ахмед Рефик. Два комитета..., с. с.45, 46.
3. Там же, с. 49.
4. Письмо от 27 мая - 9 июня 1915 г. - Сочинения Гр. Зограба. т. 4, с. 292 - 296. - На арм. яз.
5. Ахмед Рефик. Два комитета..., с. 45 -50.
6. Турки о турках ..., с. 295.
7. Лепсиус И. Тайная справка..., с. 141.
8. Армянский вопрос..., с. 183.
9. Сообщения австро-венгерских ..., N 10, с. 21, 22.
10. Армянский вопрос..., с. 182.
11. Там же, с. 183.
12. Армянский геноцид в Турции в свете дипломатических документов Болгарии..., с.18,19.
13. Фирбюхер Г. Армения..., с. 58.
14. Палакян Гр. Армянская Голгофа ..., с.127,130, 131.
15. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 115.
16. Из истории геноцида..., с. 57, 59
17. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 300.
18. Там же, с. 301.
19. Там же, с. 301, 302.
20. Там же, с. 302.
21. Там же, с. 300.
22. Официальные документы США ..., N1 -10, с. 8 - 26.
23. Там же, N 9, с. 25.
24. Там же, N 11, с. 25, 26; N 12, с. 28 -32.
25. Документы США..., с. 35.
26. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 117.
27. Там же, с. 116, 117.
28. Из истории геноцида армян..., с. 6.
29. Армянский вопрос..., с. 191.
30. Германские источники..., с. 239.
31. Сообщения австро-венгерских ..., N 11, с. 23.
32. Там же, с. 24.
33. Алиев Г. З. Турция в период..., с. 297.
34. Сообщения австро-венгерских дипломатов..., N 13 с. 24, 25.
35. Там же, с. 25, 26.
36. Завен архиепископ. Патриаршие..., с.121.
37. Там же, с. 121, 122.
38. Там же, с. 122.
39. Там же, с. 121 - 123.
40. Махмурян Г. Г. Тема геноцида армян ..., с. 41, 42.
41. Лепсиус И. Тайная справка..., с.142, 142.
42. Турки о турках..., с. 425.

43. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 313.
44. Там же, с. 312, 313.
45. Германские источники..., с. 239.
46. Армянский геноцид в Турции в свете дипломатических документов Болгарии..., с.21.
47. Германские источники..., с. 239, 240.
48. Армянский вопрос.... с. 193.
49. Там же, с. 196.
50. Там же, с. 196, 197.
51. Там же, с. 197.

III. План "Новые границы Турции"

1. Армянский геноцид в сообщениях дипломатов Германии..., N 7. Приложение, с. 33.
2. Там же, с. 32, 33.
3. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 313.
4. Армянский геноцид в сообщениях дипломатов Германии..., N 7, с.30.
5. Там же, с. 29 - 31.
6. Турки о турках..., с. 425.
7. Сообщения австро-венгерских дипломатов ..., N1 7, с. 30.
8. Там же, N 18, с. 30.
9. Там же, с. 31.
10. Кочарян Г. О старом заблуждении ..., 1927, 7 августа.
11. Документы США..., с. 36.
12. Там же, с. 37.
13. Там же, с. 37, 38.
14. Там же, с. 39.
15. Там же, с. 36 - 38.
16. Армянский геноцид в сообщениях дипломатов Германии..., N 6, с. 25.
17. Там же, с. 26.
18. Там же, с. 27.
19. Там же, с. 27, 28.
20. Там же, с. 28.
21. Там же, с. 29.
22. Там же, с. 28.
23. Фирбюхер Г. Армения..., с. 22.
24. Нотович Ф. И. Захватническая политика..., с. 15.
25. Там же, с. 29.
26. Тунян В. Г. С. Сазонов и Армянский вопрос. - Диалог. 1997, N 6, с. 15 -17.
27. Нотович Ф. И. Захватническая..., с. 28 - 31.
28. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 308.
29. Там же, с. 313, 314.
30. Там же, с. 314.
31. Армянский вопрос..., с. 194.

Глава 4. "ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ" АРМЯНСКОГО ВОПРОСА

1. Турецкая программа "распыления"

12 июля 1915 г. агентство "Вольф" из Константинополя распространило заявление Высокой Порты по поводу публикации 19 июня в "Газет де Лозан" статьи, в которой отмечалось, что турецкое правительство покровительствует репрессивным мерам против армянского населения, которое, к тому же, подвергается погромам. Приводилось мнение турецкого агентства "Мири" о том, что в этой же статье говорится об участии в войне 50 тыс. армян, из которых 10 тыс. добровольцев сражались на стороне России во имя победы стран Антанты. Турецкое агентство находило антипатриотическим участие турецкоподданных армян против своей родины Турции, которые оказывали активное содействие врагу и "именовали себя героями". Между тем их действия вызвали немилосердные меры "религиозных братьев" в восточных вилайетах против мусульманского населения. Заявлялось о разумной избирательности Османского правительства по наказанию виновных и защите всех порядочных граждан, проживающих, на территории Турции, в то время как "противник подло" переиначивал факты и приписывал "нам все те преступления, которые он совершал каждый день, а русские на Кавказе и Васпуракане".¹

Действительное положение вещей в Турции представляют показания немца - очевидца резни в Муше. В начале июня воинские части уничтожили армянское население Битлиса, которое до этого успешно отбивалось от курдских отрядов. В середине июня 1915 г. курды были переброшены против армянского населения Муша. По данным свидетеля, в городе имелось 25 тыс. армян, а по соседству находилось 300 селений. Сопrotивление армян побудило центральную власть Турции в начале июля направить против Муша 20 тыс. солдат с 11 пушками, которые прибыли через Харберд. Очевидец получил согласие мутесарифа на вывоз армянских детей из дома для сирот, но без гарантии их безопасности. Окончательный ответ гласил: "Вы можете их взять с собой, но в пути головы армян могут быть и будут отрезаны". 10 июля началась бомбардировка Муша, которая продолжалась в течение нескольких часов. На пожелание имевшихся немцев оградить их здания от бомбардировки мутесариф Сервет-бей отреагировал: "Поделом вам, раз вы остались, вместо того, чтобы уехать, как было приказано. Пушки находятся здесь для того, чтобы покончить с Мушем. Ищите убежище у турок".²

11 июля 1915 г. последовал новый приказ о депортации армянского населения в течение трех дней, но спустя два часа пушки и солдаты стали творить свое черное дело. Вспыхнули пожары: "Нельзя было спокойно слушать душераздирающие крики взрослых и детей, заживо горевших в своих домах. Солдаты испытывали величайшее наслаждение, слушая их. Когда

кто-либо из находившихся на улице людей падал мертвым от артиллерийского снаряда, солдаты только смеялись над этим".³ Оставшиеся живыми женщины, дети и больные подлежали высылке в Урфу. На предложение сотрудника немецкого дома сирот пощадить детей последовал беспощадный ответ: "Дети армян должны погибнуть вместе со своей нацией".⁴

12 июля 1915 г. главный консул Мордтман, с согласия советника германского посольства Ноймана, принял армянских дам А. Дагаварян и Зардарян. Они испрашивали аудиенцию у супруги посла в Константинополе баронессы Вангенгейм для помощи кайзеровского посольства армянским политическим деятелям: "1. Док. Дагаварян, экс-депутат Сиваса и инспектор городской префектуры; 2. Вардгес С. экс-депутат Эрзерума; 3. Зардарян, главный редактор "Азатамарт"-а; 4. Саркис Минарян, учитель и публицист; 5. Джангириян, член дилетантского церковного собора патриархата; 6. Гайк, учитель российский подданный; 7. Док. Акнунни, также российский армянин." Все перечисленные лица были доставлены в Диарбекир для предания военному суду: "О них нет более подробных известий".

Мордтман сообщил армянским представительницам о согласии баронессы Вангенгейм оказать заботу семьям, оставшихся без своих кормильцев, но избегая официального заступничества за ссыльных. Мордтман им указал: "Исключено официальное ходатайство за названных".⁵ В то же время отмечено желание германского посольства в Константинополе избежать и вынесения смертного приговора либо его осуществления. Мордтман заверил армянских дам во всесии германского посольства: "Я твердо верю - это наше мнение будет известно Порте и что, надеюсь, Порта примет это во внимание". Генеральный консул не лукавил. Вангенгейму сообщено: "Я хотел бы покорнейше поддержать просьбу - в случае, если Его превосходительство господин посол в Порте вновь заговорит об Армянском вопросе, обратить внимание и на армян, преданных военному трибуналу".⁶

Младотурецкая фемида, в очередной раз, продемонстрировала отсутствие милосердия к армянским деятелям. Военный трибунал в Диарбекире приговорил шесть армянских революционеров к смертной казни за "подготовку восстания и отторжение земель от Османской Турции".⁷ Узнав о приговоре Акнунни сказал: "Не боюсь своей смерти, ведь она в один день все равно нашла бы нас. Лишь сожалею о том, что оказались обманутыми этими сволочами!"⁸ Осужденные трагически погибли на пути между Урфой и Диарбекиром от рук посланных четников.

16 июля 1915 г. агентство "Вольф" вновь распространило информацию правительства Турции о сражении против нее армян, наличии какой-то "программы", подготовленной на протяжении длительного времени и осуществляемой "пункт за пунктом", но без приведения доказательств. В качестве такового, очевидно, значилась армянская самооборона в Шапин-Карахисаре вилайета Себастья. 30 мая/12 июня 500 местных армян и сол-

даты - беженцы разрушили якобы город и закрепились в цитадели. Усилия правительства покончить вопрос миролюбиво оказались несостоятельными, и поэтому 20 июня были предприняты "грозные средства" путем использования пушек. Происшедшее квалифицировалось как "революционное движение", заставляющее отвлекать турецкие части с фронтов для подавления. Для предотвращения подобных эксцессов, сказывающихся на мирном населении, заявлялось о принятии Османским правительством предупредительных мер против "армянских революционеров". Следствием акций правительства указывались удаление армянского населения из зоны военных действий и выведение "складов оружия" от "реального воздействия русских", обеспечение национальных интересов Турции. Итогом представлялось лишение армянского населения возможности "влиять на внутреннюю безопасность". Фактически впервые Османское правительство расписывалось в осуществлении массовой депортации армянского населения под предлогом борьбы против революционного движения.⁹

Давление на власти Турции в Армянском вопросе оказывал посол Моргентау, используя также социально-экономический фактор. 16 июля 1915 г. макграф Паллавичини сообщил в Вену о расширении рамок понятия Армянского вопроса: "Армянский вопрос, который подняло здесь американское посольство и должно стать предметом обсуждения, в силу принятия его под их покровительство, принимает более острый вид. Посол г. Моргентау заявляет, что Соединенные Штаты имеют столько много миссий, школ и интересов в армянских вилайетах и должны выступить в защиту армянского народа таким образом, что это может привести к разрыву дипломатических отношений." Демарш Моргентау представлялся обоснованным: "Как мне стало известно из достоверных источников, Моргентау дал указание американским семьям быть готовыми, в случае необходимости, покинуть Константинополь".¹⁰ По мнению же болгарского посла Колушева имелся единственный способ спасти армян, заключающийся в использовании угрозы разрыва дипломатических отношений Германией, что могло обернуться потерей важного союзника.¹¹

Необходимость защиты экономических интересов Германии ощущал также посол Вангенгейм. 16 июля 1915 г. он направил канцлеру Бетман-Гольвегу доклад вице-консула в Самсуне Кукхова за 4 июля "Об изгнании армян из Самсуна" и материальном ущербе германских фирм. Последний аспект затрагивал кровные интересы немецкой дипломатии. Вангенгейм писал: "Я сообщил господину Кукхофу, что согласен с его позицией и высказываниями и снабдил инструкцией ради обеспечения интересов Германии." Фарисейски заявлялось об осуждении расправы над армянским населением: "Доклад вновь показывает, что суровые меры турецкого правительства не могут казаться оправданными. Мои воздействия на Порту, к сожалению, обещают лишь незначительный успех".¹²

Потребность видимого осуждения истребительной политики Турции мотивировалась необходимостью избежание международного общественного порицания за пособничество туркам в упразднении Армянского вопроса и расправы с армянским народом. Немаловажное значение для Вангенгейма имели открытые попреки дипломатических коллег в пособничестве туркам со стороны Германии. Предлагалось загодя готовить оправдательные позиции и заниматься камуфляжной политикой. Вангенгейм докладывал: "Если в последнее время я более подробно сообщал об этих событиях Вашему превосходительству, то происходило это в разделяемом вице-консулом Кукхофом предвидении того, что наши враги позже обвинят нас в определенном соучастии в этом. С помощью моих отчетов мы сможем в нужное время доказать враждебному миру, в частности посредством прессы, что мы постоянно энергичным образом осуждаем слишком далеко заходящие меры турецкого правительства и еще больше - бесчинства местных органов".¹³

Сообщение Вангенгейма канцлеру Бетман-Гольвегу, помимо необходимости подготовки дезинформационной компании о политике Германии в Армянском вопросе в тактическом плане перед общественным мнением за рубежом, имело и стратегическую направленность-избежать суда истории. Кроме того, явственно сквозило намерение избежать упрека вышестоящего руководства в недооценке политического аспекта геноцида, выявленного вице-консулом Кукхофом, а также пренебрежении интересами германских фирм.

Вангенгейм предпринял формальную попытку заступничества в пользу смягчения депортации армянского населения, но получил 17 июля 1915 г. негативный ответ от Талаата: "Армяне должны быть выселены из всех вилайетов".¹⁴ С учетом давления германского посла и иностранных представительств Талаат был вынужден пойти на маневрирование. 23 июля 1915 г. министр внутренних дел отдал указание провинциальным властям о продолжении депортации, но с исключением из нее армян-католиков. Приказ дублировал уже предшествующее распоряжение. 14 июля от руководства Кесарии было запрошено представить полный список депортируемых армян, а 15 июля заместителю начальника воинских частей Кесарии отдано предписание об усилении борьбы против "подозрительных и опасных армян" путем ссылки. 20 июля 1915 г. в Кесарии было вывешено объявление о депортации всего армянского населения в Алеппо в течение десяти дней. Вторым пунктом, однако, указывалось, что армяне-католики составляют исключение.¹⁵ В защите армян-католиков участвовали и болгарское посольство, которое посетил католический патриарх Терзян с принесением признательности. В то же время им было оставлено заявление вали Аданы о депортации всего армянского населения с 15 июля 1915 г. и принятии аналогичных мер по Анкаре. Было представлено прошение об оказании содей-

ствия в спасении членов своей паствы.¹⁶ Ублажение германского союзника стало основой приказа министра внутренних дел об армянах-католиках.

Бесчинствовали отряды “Тешкилят-и-махсусе”, о чем свидетельствует телеграмма вали Эрзерума Тахсин-бея от 15 июля 1915 г.: “Лейтенант по имени Фаик завладел 4 дочерьми Арабяна, а лейтенант Кямиль эфенди похитил сумму в 1863 лир, 36 вьюков товара и большое количество жемчужин. Похищение денег и насилие над женщинами позорно и с храбростью не имеет никакой связи. Необходимо прекратить это варварство, основанное во всех сторонах действующих банд под именем “Тешкилят-и-махсусе”. Вали Харберда сообщает, что все дороги полны трупами, которые не успевают хоронить. Хорошо было бы, если бы мы сохранили прошлые черты нашей храбрости”.¹⁷

Последствием телеграммы явилось лишь требование “деликатности” и сокрытия следов преступления. 21 июля 1915 г. Талаат шифровкой предписал вали и мутесарифам Харберда, Диарбекира, Урфы и Дейр-Зора предать погребению трупы армян, находящиеся на дорогах, либо сбрасывать в овраги, реки и озера, сжигать оставшееся имущество. Изошренно действовала “Особая Организация” в Трапезунде. По донесениям вали Джемаль Азима Талаату, армян здесь вывозили на кораблях в море, топили и сжигали. Трудность воссоздания деятельности “Тешкилят-и-махсусе” состоит в том, что ее отряды не давали отчета о своих операциях, они подчинялись устным оперативным указаниям уполномоченных офицеров. Потери в личном составе отрядов восполнялись солдатами регулярных частей. Бехаэддин Шакир лично координировал процесс уничтожения армян. Им было затребовано осуществление выселения армян от вали Костомона, который за уклонение от исполнения был смещен. Деятельности Шакира содействовали два фактора. Первым являлось покровительство Талаата, вторым - обширность и неограниченность полномочий. “Замысел” всех преступных Действий третьей турецкой армии над мирным армянским населением Восточной Анатолии принадлежал Бехаэддину Шакиру. В его отряды убийц входили приговоренные к смерти преступники и “жаждущие крови” жандармы.¹⁸

Из плана “Новых границ Турции” явствовало стремление Германии спасти лишь часть армянского населения, которое имело экономическое значение для германских интересов. Такой значимой категорией являлись армяне-католики и армяне-протестанты, которые приняли эти вероисповедания в силу предпринимательских и коммерческих связей с Европой, либо в этом искали защиту от притеснений турецких властей. Значение армянского экономического фактора проявилось при выселении армянского населения Аданы. От этой меры предвиделось ущемление интересов “Немецко-Левантийской хлопководной компании”. 21 июля 1915 г. компания представила германскому консульству в Адане список более 20 армянских должников, имущество которых подлежало отчуждению и реализации со

стороны турецкого правительства. С позиции аполитичности отмечалось: “Мы далеки от мысли подвергать какой-либо критике сугубо политические меры турецкого правительства. И наоборот, мы должны самым энергичным образом протестовать против той манеры, в которой должны происходить отчуждение и реализация имущества наших должников”. По мнению руководства компании, надеяться на соблюдение денежных интересов со стороны турецких комиссий управления брошенного имущества не приходилось. Предлагалось обеспечить германский контроль: “По создавшейся обстановке у нас с самого начала имеется основание считать, что без эффективного контроля и прав распоряжения с нашей стороны чисто турецких комиссий, которым доверяется реализация конфискованного имущества армян, ни в коем случае не следует ожидать соблюдения наших интересов”.¹⁹ Мнение мотивировалось для турецкого правительства необходимостью сохранения крупного инвестора, который помог бы ему удвоить доход с вилайета.²⁰

О характере экспроприации армянского имущества свидетельствуют материалы Стамбульского судебного процесса 1919 г. по Трапезундскому вилайету. Здесь действовала комиссия “Брошенного имущества”, которая бесконтрольно помещала имущество в складах, функционировали комиссия “Продажи” и комиссия “Драгоценных вещей”. С ними взаимодействовали “Комиссия военных перевозок” и “Особая организация”. В ходе судебного разбирательства выявилась неприглядная картина расхищения экспроприированного имущества. Драгоценное ожерелье, оцененное в 100 тыс. лир, волшебным образом исчезло, а все другие оценивались якобы в 3-4 тыс. лир. Представленные же суду драгоценности не превышали сумму в 1 тыс. лир. При этом надлежало учесть, что имущество, вещи, ткани и драгоценности депортированных армян продавались с аукциона. На вопрос судьбы о принадлежности перстня на руке подсудимого Фиаз-бея, члена комиссии “Брошенного имущества”, последовал ответ, что оно было куплено при распродаже за 2600 курушей. Как члены различных комиссий, так и представители силовых структур не стеснялись отнимать денежные средства у депортируемых.²¹

В то же время 25 июля 1915 г. последовал приказ Талаата об усилении репрессий против других категорий армянского населения. Сообщалось о решении поселять выселенцев “внутри страны” и одновременно принимать меры против армянских солдат в рабочих частях при нарушении ими “порядка”.²² Приказ, очевидно, предназначался для уничтожения остатков сохранившихся кое-где армян-солдат, так как он и до этого активно воплощался. Об этом свидетельствует показание немца - очевидца: “В начале июля 2000 солдат-армян получили приказ выехать в Алеппо для строительства дорог. Услышав это, население Харберда пришло в ужас, и в городе началась паника. Вали послал за немецким миссионером г-ном Эхеманном

и просил его успокоить людей, убеждая, что этим солдатам не грозит никакая опасность. Г-н Эхеманн поверил словам вали и успокоил народ. Но вскоре после их отъезда стало известно, что все они были убиты и сброшены в пропасть. Только некоторым из них удалось бежать, и мы узнали об этом событии от них. Было бесполезно обращаться к вали с протестом... Спустя несколько дней 2000 других солдат-армян были отправлены в Диарбекир. Чтобы у них не было сил бежать в пути, их заставили голодать..."²³

В конце июля 1915 г. американскому послу Моргентау стало известно о наличии 3 тыс. армян из Зейтуна в Султанье, которые не получали никакого продовольствия. Об этом он поставил в известность Энвера, с предложением послать американских уполномоченных для организации гуманитарной помощи. Последовал негативный отказ: "Если какой-либо американец будет делать это, то поощрит всех армян, и возникнут новые мятежи. В Турции имеется 28.000.000 жителей, из них 1.000.000 армяне. Мы не желаем, чтобы этот 1.000.000 нарушал спокойствие оставшегося населения".²⁴ Главной причиной негативизма представлялся Армянский вопрос: "С армянами большая сложность в том, что они сепаратисты. Они решили иметь собственное царство и увлечены Русским обманом. Чтобы заслужить дружбу русских, армяне в этой войне стали помогать России".

Была приоткрыта завеса "революционного мышления" младотурок, где ахилисовой пятой представлялось отсутствие социальной опоры в общественной жизни и возможности государственного переворота. По словам Энвера, численность младотурецких революционеров составляла всего лишь 200 человек, что, однако, не помешало захватить власть: "Этим малым числом товарищей мы сумели обмануть султана и общество, которые думали, что мы более многочисленны и сильны, чем они". С учетом потери власти в конце июля 1912 г., когда она перешла в руки кабинета "Больших визирей", а затем пролиберального правительства Кямиль паши, Энвером было заявлено: "Наша революционная опытность заставляет нас бояться армян. Если двести турок смогли низвергнуть правительство, то несколько умных и развитых армян сумеют осуществить то же самое". Обоснованием истерической политики армянского населения приводилась концепция "Армянского заговора". Энвер находил: "Следовательно, мы сознательно осуществляем программу их распыления, чтобы не могли нанести нам вреда."²⁵

Активность в Армянском вопросе проявлял доктор Лепсиус. Это диктовалось желанием посетить Турцию для личного ознакомления с происходящими событиями. Номинально ставилась задача оказать воздействие на "ориентацию" армянских политических кругов, среди которых он завел обширные знакомства в ходе посреднической миссии в августе 1914 г. по сближению содержания русского и турецкого проектов по реформированию Западной Армении с интересами Германии. Выражалось желание по-

сетить армянские вилайеты для встречи с руководством армянского населения, чтобы обеспечить их лояльность правительству Турции.

Лепсиус стремился в Константинополь не с пустыми руками. По его мнению, он обладал видением пути возможного урегулирования турецко-армянских отношений на основе компромиссного соглашения: отказа младотурецкого режима от угнетения западноармянства и разграничения восточноармянства от защиты интересов России. В концептуальном плане предлагалось осуществить формирование и управление армянского метапространства (образного поля).²⁶ Прежде всего намечалось проведение "самонаведение" геополитики армянского образа в политике Османской Турции и Германии: "Если хотят подорвать влияние франко-англо-русских проармянских комитетов, то нужно стремиться поддерживать стремление германско-армянских обществ и союзов. Те работают против турецких интересов, эти - за турецкие интересы".²⁷

Предполагалось целенаправленное конструирование протурецких армянских симпатий: "Если Антанта сводит своих армянских друзей с турецкой оппозицией, как это происходит у Шерифа паши в Париже, то мы тем более должны поддерживать армян, которые слушаются нас, в их лояльности по отношению к Турции и способствовать их взаимному согласию с Портой". Требовалось достижение взаимопонимания в образно-географической драме армяно-турецких отношений данного времени на территории всего Армянского плоскогорья: "Нельзя ограничиваться стремлением примирения турецких армян с Портой. Турция должна завоевывать также симпатии кавказских армян. В десять раз более вправе рассматривать Кавказ или, по крайней мере, Карс, Эривань и долину Аракса как (Jr-gedenta) ирредента Турецкой Армении, чем, наоборот, выдавать Высокую Армению за русскую (Jr-gedenta) ирредента".²⁸

По этому поводу Лепсиус указал советнику миссии в Министерстве иностранных дел Розенбергу от 22 июня 1915 г.: "Имеются открытые пути для переговоров с руководителями российских армян, чтобы добиться от них компенсаций за прекращение мер против турецких армян. Следующие предложения указываются как возможные. Взамен освобождения около 120 арестованных армянских руководителей и интеллигенции и отказа от дальнейшей депортации российские армяне обязаны прекратить операции в Ванской области и отделить свое дело от дела России". Реализация положений возможного соглашения должна была предотвратить угрозу занятия русскими частями областей Битлиса и Муша. Возможным основанием для компромиссного плана примирения, как представлялось Лепсиусу, было стремление турецких армян избежать поглощения Россией: "Армяне Ванской области принципиально готовы отделить свое дело от русских, так как они турецкую независимость предпочитают русской. Они борются не за русских, а за безопасность своих соотечественников про-

тив нападений курдов.²² Выражалась надежда на сходный подход со стороны армян России: “Даже руководители российских армян, как уверяют меня, разделяют эту точку зрения и в будущем могут быть склонны к немецко-турецким интересам”.²⁹

Мнение доктора Лепсиуса поступило в Константинополь на заключение и вызвало определенный резонанс. Вангенгейм отрешивался от миссии доктора Лепсиуса как мог. Им указывался предварительный зондаж мнения Высокой Порты, имевший отрицательный характер. 23 июня 1915 г. сообщено, что миссия доктора Лепсиуса вызовет лишь “радость” Константинопольского патриарха Завена Егяна и будет иметь отрицательные последствия среди армянских кругов.³⁰

В то же время куратор Армянского вопроса кайзеровского посольства Мордтман 24 июня 1915 г. счел относительно возможным использовать положения плана замирения этноконflikта в Анатолии: “При случае я использую содержание, если док. Л. не приедет сюда в недалеком будущем, но считаю невероятным, что Порта будет уделять какое-либо внимание предложению на современной стадии дела”.²⁵

Как дипломатический деятель, находящийся в гуще младотурецкой армянской политики, Мордтман четко понимал истинные намерения руководителей Османской империи. К этому времени Талаат “откровенно” выразил свое мнение Мордтману о причине истребительной политики армянского населения, затребовав понимания со стороны союзной Германии: “Порта хотела бы использовать мировую войну для того, чтобы основательно покончить со своими внутренними врагами - местными христианами, не встречая при этом помех дипломатическим вмешательством из-за границы; это было бы и в интересах союзных с Турцией немцев, так как таким образом Турция укрепилась бы”.³² Речь шла о продлении санкции на уничтожение армянского населения Османской державы. Последующее развитие событий подтолкнуло немецких наблюдателей к оценке происходящей драмы армянского населения как процесса национального строительства путем этнической чистки христианского населения. Туркизм представлялся цементирующей основой возникающего национального государства: “Итак в Турции является решающим фактором: устранить армян из всех государственных областей и строить далее Османскую империю на турецкой основе”.³³

Между тем, 23 июня 1915 г. доктор Лепсиус представил от имени “Германо-армянского общества” сообщение Министерству иностранных дел “О массовой депортации армянского населения и их плачевный исход для Турции”. В сообщении указывались последствия истребления армянского населения системой “террористических способов” правительства Турции: 1) оповещение цивилизованного мира в Европе и Америке о резне армянского населения, превосходящего время султана Абдул Гаида, что выз-

вало бы возмущение “враждебного мира” против Германии, в том числе и со стороны евангелической церкви; 2) истребление западноармянства содействовало бы формированию ненависти армянского населения к туркам (“2 миллиона российских и 2 миллиона турецких армян”), было бы выгодно интересам Антанты, нанесло бы ущерб влиянию Германии в Турции и экономическому развитию последней, которому содействовали армяне; 3) усиление деятельности турецкой оппозиции против правящего режима - либералы партии “Итиляф”, арабы и армяне, тем более, что допускалась казнь около 120 лидеров дашнакцаканов.³⁴

В заключении излагалось обращение армянских политических структур Европы о вмешательстве правительства Германии в происходящую армянскую трагедию. Доктор Лепсиус писал: “Лояльные армянские комитеты попросили через соответствующих посланников - американское, болгарское и греческое правительства - воспользоваться своим влиянием в защиту армян. Те в один голос ответили, что лишь немецкое правительство в состоянии справиться со злом, так как лишь оно одно имеет влияние на турецкое правительство и вследствие этого признается и внешним миром совместно с ним ответственным за обстановку внутри Турции”.³⁵

Мнение доктора Лепсиуса внешнеполитическое ведомство довело до сведения посла Вангенгейма. Однако посол 2 июля 1915 г. телеграфировал о нежелательной миссии доктора Лепсиуса в Турции из-за политических последствий. Прежде всего представлялись шокирующие итоги от ознакомления с армянской трагедией: “Сообщенные высказывания д-ра Лепсиуса по Армянскому вопросу заставляют опасаться, что его поездка сюда в этот момент может доставить нам большие неприятности, в особенности вследствие ознакомления с тяжелым положением армян, и повредить нашим дальнейшим более важным интересам”.³⁶ Представление доктора Лепсиуса о возможности найти урегулирование в Армянском вопросе сочтено несостоятельным: “Его точка зрения о возможности склонить на свою сторону российских армян посредством отказа Турции от принятых принудительных мер или же смягчения (массовые выселения и казни) я считаю утопией, точно так же я сомневаюсь, что ему удастся успокоить местных армян, так как турецкое правительство твердо настроено проводить эти меры и на днях еще ужесточило их. Поэтому я представляю на Ваше усмотрение серьезным образом отсоветовать д-ру Лепсиусу осуществить эту поездку”.³⁷

Доктор Лепсиус сумел преодолеть сопротивление германского посла Вангенгейма с целью посещения Константинополя для ознакомления с положением “армянских дел”. 4 июля 1915 г. Министерство иностранных дел Германии поставило в известность Вангенгейма о провале идеи отговорить Лепсиуса от задуманного и предстоящем его прибытии: “Лепсиус выезжает в понедельник и через 10-14 дней прибудет туда. Так как он предпринял

все приготовления и договоренности, попытка удержать его была безуспешной. Он все же обещал по прибытии тотчас же доложить о себе в кайзеровское посольство и строго следовать его указаниям”.³⁸ Лепсиус вначале посетил Базель и Женеву, где представил свою цель армянским кругам и заручился рекомендательными письмами. Затем остановился в Софии и имел встречи с представителями Балканского отделения партии “Дашнакцутюн”, которые представили информацию об “армянских событиях” в Турции. Сообщения показались ему преувеличенными. Была выражена надежда, что хотя бы удастся спасти от депортации армян западных и центральных вилайетов.

Миссия доктора Лепсиуса являлась составной частью усилий армянских деятелей предпринять реальные шаги по спасению западноармянства. Несмотря на все усилия турецких властей изолировать Константинопольский патриархат от внешнего мира, этого не удалось осуществить полностью. Патриарх Завен сумел установить тайную связь с духовным предводителем армян Болгарии Гевондом Дуряном. 7 июня 1915 г. патриарх сообщил Дуряну о беспримерности в истории насилий над армянским населением Турции. Сообщено о желании использовать каналы Дуряна для нахождения “средства” против сложившегося положения вещей. Обращение к католикосу всех армян представлялось нежелательным, поскольку послание могло оказаться в руках русских властей и после публикации нанесло бы большой ущерб западноармянству.

Изложение Ванских событий, арестов 24 апреля, уничтожение призывников - солдат и армянской интеллигенции представлялись следствием “определенной программы” властей Османской Турции. Целью указывалось “полное упразднение Армянского вопроса” путем выселения большей части армянского населения в Междуречье, находящейся между Алеппо и Мосулом. После происшедшего с Зейтуном и другими армянскими районами началось выселение армян Багеша с заранее запланированным результатом. Предлагалось оказать содействие в противодействии проведения “истребительной политики армян” путем обращения к католикосу всех армян и духовному предводителю армян Америки. Личные возможности признавались несостоятельными.³⁹ “Наши все средства исчерпаны, наши обращения остаются без внимания, а из находящихся в столице иностранных послов только американский и болгарский мягко занимают нами и стараются облегчить наше горькое положение. Их усилия насколько достойны благодарности, однако, кажется, не в состоянии отвести опасность, так как средств давления на турецкое правительство не оказывается. Здесь находящиеся из других послов - германский и австрийский - своим спокойствием полностью игнорируют наши горести”.⁴⁰

13 июля 1915 г. патриарх Завен поставил в известность Дуряна о всеобъемлющем характере выселения армянского населения - Киликии, Сам-

суна, Кесарии, Диарбекира, Едесии, Трапезонда, Себастии, Харберда, Багеша, Вана, которых ссылали в Месопотамию. “Армения без армян” - вот программа Османского правительства”.⁴¹ Армянское население было обязано в течение одного-двух месяцев переселиться в пустыню, призванную “стать кладбищем”. Происходящее представлялось новым словом турецкой политики: “Это программа уничтожения армян без шума и без использования слова резня”.⁴² Сообщалось о публичных казнях 20 гнчакистов в Константинополе, 12 гнчакистов и дашнакцаканов в Кесарии, а также повешении 12 человек в Киликии. Отмечалось о нескончаемой веренице насилий и убийств армян в разных местах, опустошении армянских сел и городов. Турецкая власть в течение нескольких месяцев, при отсутствии поддержки со стороны нейтральных стран, должна была уничтожить все западноармянство. Послание Константинопольского патриарха епископ Дурян довел до сведения заграничных армянских кругов, в том числе епископа армян Египта, которое стало известным англо-французски внешнеполитическим кругам.⁴³

16 июля 1915 г. Мортмана посетил доктор Давтян, чтобы изложить мнение патриарха Завена о текущих “армянских делах”. Сообщено о посещении патриархом великого визиря Саид паши, которому был сообщен протест против депортации. Было изложено ответное мнение великого визиря: “Мера эта будет доведена до конца”.⁴⁴ В связи с этим испрашивалось содействие германского посольства в деле обеспечения безопасности армянских выселенцев. Продолжение депортации характеризовалось чреватый различными последствиями в экономике и политике.

Мортман изложил патриаршему посланцу представление о младотурецком подходе к депортации сквозь призму устранения возможных затруднений для будущего Турции: “Мы не отрицаем экономических и политических последствий этой меры для Турецкой империи и сожалеем о ней в интересах армянского населения”. В то же время он сослался на то, что руководство Турции, характеризуемое как образованный слой турецкой нации, отдает себе отчет в проводимой армянской политике: “Нужно предположить, что современные власть имущие, исключительно интеллигентные люди, вероятно, также основательно взвесили последствия; также, должно быть, точно информированы об отдельных происшествиях в глубинке и знают о трудностях проведения подобной массовой депортации в настоящее время”. Имеющиеся средства воздействия на позицию младотурецкого режима германского посольства сочтены неэффективными: “Если, несмотря на это, правительство продолжало депортацию и расширяет, то это указывает на то, что мы стоим перед неизменным решением, против чего бесполезно было бы выдвигать дальнейшие возражения”.⁴⁵ Интересы Германии представлялись выше интересов западноармянства: “Мы, как союзники турок, само собой разумеется, не могли

бы оказывать никакого давления и ради внутреннего дела Турции ставить под вопрос наши союзнические отношения".⁴⁶

Тот же подход Мордтман использовал при ответе на обращение патриарха армян - католиков Терзяна, который сообщил об убийстве всех армян без различия конфессий в Марзване (Сивас) и в Малатии. Мордтман буквально заявил: "Против этого ничего невозможно сделать".⁴⁷ На что последовало заявление патриарха армян - католиков о желательности прямого вмешательства папы Рима в защиту интересов своей паствы.⁴⁸

Епископ Дурян был близок к партии "Дашнакцутюн". Им была установлена связь с полномочным представителем католикоса всех армян в Европе Погосом Нубар пашой, который 21 июля 1915 г. сообщил Дуряну о принимаемых мерах по внесению изменений в положение западноармянства путем обращения к руководству Италии и США. Признавалось, что германский тандем не прилагал усилий по оказанию воздействия на Турцию для спасения армян, а возможности нейтральных стран имели ограниченный характер. Реальной помощью стран Антанты указывалась нота 24 мая 1915 г. об ответственности Турции за массовую резню армянского населения. Были предприняты обращения к французскому и русскому послам в Лондоне, помощнику министра иностранных дел Англии советнику Никольсону с детальным оповещением о происходящих событиях в Турции, которые, однако, ответили об отсутствии реальных средств для спасения армян. Лишь в справочнике Министерства иностранных дел Англии по Армянскому вопросу были помещены сведения об истребительной политике Турции к армянскому населению. Спасение армянского населения, по мнению Погоса Нубар паши, зависело от окончательной победы стран Антанты. В этом духе обо всем происходящем был оповещен католикос всех армян Геворг V, который телеграфно затребовал представление протеста иностранным державам по поводу уничтожения турецких армян.⁴⁹

24 июля 1915 г. Лепсиус прибыл в Константинополь, где, несмотря на отбытие посла Вангенгейма, находился три недели. Министр внутренних дел Талаат ограничил рамки пребывания лишь территорией столицы. В германском посольстве Лепсиусу предоставили лишь устную информацию о положении "армянских дел", которую ему пришлось восполнять сведениями от иностранцев и, особенно, американского посла Моргентау. Важное значение имели встречи с Константинопольским патриархом Завеном и представителями столичной армянской общины, несмотря на то, что Лепсиус находился под постоянным полицейским надзором.⁵⁰

В ходе встречи патриарх Завен обратил внимание Лепсиуса на то, что он обращался во все возможные инстанции, но безрезультатно.⁵¹ В июне 1915 г. он имел встречу с шейх-уль-исламом Муса Кязим эфенди, которому было заявлено, что "Закон о депортации" противоречит исламской религии и необходимости его отмены. Был рассказан аналогичный эпизод из ист-

ории Турции, когда один из султанов подписал указ об уничтожении христианского населения. Лишь после вмешательства высшего мусульманского духовного лица указ был отменен. Патриарх Завен запросил содействия шейх-уль-ислама в любой форме, чтобы облегчить участь армянского населения. Шейх-уль-ислам с улыбкой отверг возможность ходатайства, пояснив ссылкой на рассказанную историю, что "в те времена подобные вещи имели место", но нынешние разительно отличаются.⁵² Выступивших в защиту армянского населения христианских патриархов резко осадил великий визирь Саид паша: "Армяне - друзья наших врагов, поэтому мы удалили их от себя, как и они нас."⁵³

Следует учесть, что шейх-уль-исламом Муса Кязим эфенди являлся руководителем религиозного отделения партии "Единение и Прогресс". В своих проповедях он не призывал к насилиям над армянским населением, так как это противоречило заповедям шариата, но и ничего не делал по облегчению страданий. Депортация и погромы признавались делом рук партии "Иттихад": "Партия так хотела, значит так и должно быть".⁵⁴ Выход из состава партии "Единение и Прогресс" приравнивался к отказу от ислама. Учитывались теократические ценности Османской империи, где ислам рассматривался "истинной религией", а остальные вероучения представлялись "неверными". Младотурецкое правление предоставило возможность шейх-уль-исламу содействовать тюркизации и мусульманизации Турции. Стамбульский военный суд 8 марта 1919 г. приговорил бывшего шейх-уль-исламом Муса Кязим эфенди к 15 годам ссылки за "служебную халатность" и "косвенное соучастие" в избиении армянского населения Османской Турции.⁵⁵ В то же время имелись представители мусульманского духовенства, которые прятали армян у себя, подвергаясь угрозам со стороны местной администрации. Среди них отметим имама города Муша шейх Авис Кадыра и шейх Абдул Гамида.⁵⁶

Откровенный разговор имел место между доктором Лепсиусом и Талаатом. Призыв германского гуманиста о сохранении жизни тысячам армян, находящихся в пустынях Месопотамии, был парирован Талаатом сноской на воплощение им лишь разработки Берлина: "Что вы мне говорите, мы воплощаем лишь Вашу программу". Председатель партии "Иттихад" призвал взглянуть правде в глаза и отметил, что ко всему происходящему имела причастность Германия.⁵⁷ Имелась в виду разработка плана депортации П. Рорбахом, маршалом Гольцем, послом Вангенгеймом, помощником статс-секретаря Циммерманом, которым нужна была "Армения без армян" в составе Османской Турции.

Встретив отпор от младотурецкого руководства Османской Турции, доктор Лепсиус предпринял давление на германское посольство в Константинополе о необходимости проявления милосердия к армянскому безвинному населению. Происходящим были озабочены и немецкие консульские слу-

жбы. 27 июля 1915 г. германский консул Рёслер направил докладную канцлеру Бетман-Гольвегу об армянской депортации, осуществляемых формах и методах. Признание кошмара насильственного выселения и расправы над безвинным армянским населением сопровождалось обращением внимания на политический аспект геноцида. Прежде всего затрагивалось положение о причастности Германии к армянской национальной катастрофе: "Говорят, что Германия побудила турецкое правительство истребить армянский народ до его полного уничтожения". Варварские методы осуществления депортации властями Турции признавались недостойными союзника Германии. Высокая Порта обвинялась в использовании военной обстановки для расправы над армянским населением и "окончательного решения Армянского вопроса" с сохранением ряда изолированных армянских общин.

Рёслер поставил ряд вопросов, в том числе вопрос спасения хотя бы части армянского населения путем принятия ряда мер: "Возможно ли прекращение дальнейших зверств и, по крайней мере, спасти армян, живущих вокруг границ Алеппского вилайета, которые подлежат депортации. Если с военной точки зрения, их выселение неизбежно, то, в крайнем случае, невозможно ли отложить это на месяц, либо два, чтобы детально подготовить, предоставив гужевой скот и запас продовольствия. Возможно ли их оставление в Алеппо либо Урфе, учитывая данное им публичное право возвращения в дальнейшем в родные дома."⁵⁸ В связи с этим отмечалась публикация заявления правительства Турции в прессе под заглавием "Османское правительство выступает против обвинений противников". 9 июня 1915 г. в газете "Норд дойче Алгемайне цейтунг" появилась статья, где заявлялось, что депортация - это "временная мера", приводилась цитата из публикации об ограниченном характере депортаций: "Если определенное число армян временно переселены из других районов, то по той причине, что они проживали в районе боевых действий". Рёслер заявлял о наличии различия между заявлением и деятельностью правительства Турции: "Можно ли верить его слову? Разве Белан, Соклук, Кесаб и другие можно считать районами военных действий? Разве присутствие женщин и детей этих районов представляло угрозу, когда почти все мужчины были мобилизованы?"

Консул отметил о наличии публикации турецкого агентства в газете "Норддойче Алгемайне цейтунг" от 13 июля 1915 г. N 132 против сообщения вестника "Газет де Лозан" о том, что Османское правительство взяло под свою защиту "волнения" в Турции против армянского населения, которые зачастую оканчивались резней. Рёслер обоснованно отмечал: "К сожалению, многие события указывают в пользу утверждения "Газеты де Лозан".⁵⁹ После расправы над армянским населением Западной Армении, а также вилайета Аданы и Мараша Османское правительство заявило, что защищает и покровительствует "всем честным христианам", живущим в

Турции. Консул предлагал канцлеру запретить публикации в немецкой прессе турецких комментариев по Армянскому вопросу, которые наносили ущерб репутации Германии.

Копия докладной Рёслера была направлена также в германское посольство в Константинополе. О реакции Берлина на докладную свидетельствует помета опровергательного характера госсекретаря Циммермана для канцлера Бетмана - Гольвега: "Ваше высокопревосходительство должно успокоить и сколько можно подробно информировать консула Рёслера о подстрекательской деятельности армян и о тех шагах, которые мы, тем не менее, принимаем для оказания им помощи". Циммерман руководствовался положением: "Турция - прежде всего союзник Германии, а остальное не существенно".⁶⁰

К 15 июля 1915 г. практически было депортировано армянское население г. Эрзерума. Оставлена была малочисленная группа нужных ремесленников и больных со специальным пропуском, которых также уничтожили в конце месяца.⁶¹ Немецкий консул в Эрзеруме Шойбнер - Рихтер 28 июля 1915 г. доложил послу Вангенгейму о торжестве младотурок: "Сторонники местного вали Тахсин бея откровенно признаются, что конечной целью их деятельности является полное уничтожение армян в Турции. После войны "у нас в Турции армян больше не будет" - таково дословное высказывание одного авторитетного лица". Представлялась усовершенствованная технология истребления армянского населения: "Поскольку этой цели нельзя достичь при помощи различного рода избиений, здесь надеются, что лишения за время длительного пути до Месопотамии и неприятный климат совершат все". Указанное представлялось властям радикальным средством разрешения Армянского вопроса: "Это "решение" Армянского вопроса кажется идеальным всем сторонникам крайнего направления, к которым принадлежат почти все военные и правительственные чиновники". Представления шовинистов расходились с воззрениями турецких масс: "Сам турецкий народ ни в коей мере не согласен с таким решением Армянского вопроса и уже сейчас тяжело ощущает хозяйственную нужду, возникающую в этой части страны в результате изгнания армян".⁶²

2. Камуфляжные протесты Германии

28 июля 1915 г. виконт Дж. Брайс, после обращений Погоса Нубарпаши,¹ выступил в палате лордов Англии с запросом к правительству об известности массовых депортаций армянского населения из районов Зейтуна, Муша, Диарбекира, Битлиса в Малую Азию, массовых погромов по всей Турецкой Армении. Источником представлялись известия из Швейцарии, Парижа, Петрограда и Константинополя. Заявлено, что стремление султана Абдул Гамида уничтожить все христианское население стало получать воплощение. Форин Офис, совместно с другими странами Антанты,

24 мая 1915 г. предупредил правительство Турции, что из-за такой политики оно будет привлечено к ответственности после войны. В условиях продолжения истребительной политики предлагалось оказать определенное воздействие на турок, в частности, через американское посольство в Константинополе. Выступление Брайса поддержали лорд Кросмер и глава англиканской церкви архиепископ Кентерберийский.

От имени правительства Англии выступил лорд Крю, который заявил, что после ноты 24 мая 1915 г. число преступлений в Турции увеличилось, которые подогревались со стороны находящихся там германских служащих, имеющих неоспоримое влияние на Высокую Порту. Деятельность немецких служащих рассматривалась "проклятием" для Турции, населяющих ее христиан и мусульман. К сожалению, констатировалось отсутствие реальной возможности для пресечения этих зверств. Предлагалось собирать сведения об осуществляемых преступлениях для публикаций, предупреждать виновных о персональной ответственности, увеличиваемой в зависимости от занимаемой должности.²

Практически была сформирована концепция политического реализма стран Антанты в Армянском вопросе в новых исторических условиях, составными компонентами которого представлялись обличение истребительной политики армянского населения Турции и проведение международного трибунала над преступным младотурецким режимом. Намечался третий компонент в виде определения судьбы Западной Армении как международной проблемы. Отрицательной стороной выдвинутой политической доктрины являлось отсутствие военных и экономических средств воздействия на политику Турции по отношению к армянскому населению. По мнению бывшего первого драгомана французского посольства в Константинополе П. Ле Ту, подход Форин офиса лишь должен был "будоражить" младотурок и "подливать масло в огонь".³

29 июля 1915 г. госсекретарь США телеграфировал Моргентау об одобрении образа его действий в отношениях с министрами внутренних и военных дел по спасению армянского населения Османской Турции, достижению взаимодействия по этой проблеме с послами Германии и Австрии. Госдепартамент не имел новых предложений по Армянскому вопросу, кроме указания действовать так же "как в прошлом". Предлагалось обратить внимание на защиту уроженцев либо подданных США, имеющих право на такую со стороны американского законодательства. Моргентау получил карту - бланш в своей деятельности по защите армянского населения.

31 июля 1915 г. Моргентау сообщил госдепартаменту, что председатель "Orient Mission" доктор Лепсиус, имеющий шесть сиротских приютов в Турции, указал, что большая часть депортированных армян из Эрзерума преимущественно женщины и дети, были уничтожены в Кемахе между Эрзинджаном и Харбердом. По имевшимся сведениям, депортированные

находились в ужасном положении и с трудом могли добираться до места назначения. Послу Моргентау было предложено обратиться в Международный Красный Крест, чтобы "совместными усилиями" побудить Германию воздействовать на Турцию, тем самым "прекратить ужасы". Лепсиус спрашивал возможность ознакомиться с документами в американском посольстве по армянской депортации, на что требовалось согласие госдепартамента.⁴

Совместные усилия обоих деятелей принесли определенные плоды. 2 августа 1915 г. министр внутренних дел Талаат отдал два указания. Первое запрещало перемещение армянских депутатов Османского парламента и их семейств. Второе требовало "отказаться" от депортации армян-протестантов, которые еще не были выселены.⁵ Такой подход не устраивал Моргентау, который обратился к "союзным послам" Турции Вангенгейму и Паллавичини образумить младотурецкий режим заявлением, что повторение погромов кровавого султана Абдул Гамида явится преступлением.⁶

В начале августа 1915 г. Талаат прислал гонца к послу Моргентау о желательности встречи, которая состоялась спустя два дня. Беседа началась с разъяснения причины отсутствия бороды. "Бороду сбрил, - заявил Талаат, - поскольку поседела из-за вашего отношения к армянам". Этим Армянский вопрос был обозначен темой обсуждения. По словам министра внутренних дел и председателя партии "Иттихад ве теракки", армянская политика Турции базировалась на трех положениях: "Первое, Армяне обогатились, нанося ущерб Турции. Второе, они решили господствовать над нами и создать отдельное государство. Третье, они на Кавказе открыто содействуют нашим врагам, и наши неудачи объясняются их действиями. В итоге, мы пришли к бесповоротному решению о превращении их в беззащитных, прежде окончания нынешней войны".⁷

По мнению Моргентау, все три положения-обвинения были несостоятельными. Из первого вытекало, что армяне как этнос были более энергичны и деятельны, чем "ленивые" турки. Истребление армян являлось средством упразднения этнонациональной конкуренции. Главное обвинение в "измене" армян означало, что после их исчезновения должно было прекратиться вмешательство иностранных держав во внутренние дела Турции. Игнорировалось, что Армянский вопрос, как и другие национальные вопросы, являлся следствием существующей системы правления турецких властей. Противоядием национальным страстям представлялось введение действительного равенства всех граждан перед законом и в управлении.

Аргументы Моргентау не убедили Талаата. Он заявил о приближающемся завершении процесса упразднения армянского этноса: "Бесполезны ваши аргументы. Мы уже решили дело трех четвертей армян. В Битлисе, Ване и Эрзеруме не осталось ни одного армянина. В настоящее время ненависть

междутурками и армянами настолько масштабна, что вынуждены Армянское дело завершить. Если не сделаем этого, то армяне будут мстить”.⁸

Американский посол возразил, что упразднение армянского народа обернется материальными потерями для Турции в экономической сфере, представители которого были представлены во многих ремеслах и торговле. Высокое мнение Моргентау о роли армянского фактора было сочтено некорректным. Талаат указал: “Торговые потери нас не заботят совершенно. Мы все подсчитали и знаем, что ущерб не превысит пять миллионов золотом. Об этом мы не беспокоимся. Я пригласил вас сюда, чтобы поставить в известность - наша армянская политика абсолютно определена, и ничто не может ее изменить. В любом месте Анатолии мы не желаем иметь армян. Они могут жить в пустыне, но не в другом месте”.

Моргентау попытался убедить Талаата в том, что такая армянская политика нанесет ущерб Турции перед международной общественностью, и она не сможет избежать ответственности. На его взгляд, Турция никогда не смогла бы смыть пятно позора из своей истории. Моргентау трижды сказал: “Вы делаете ужасную ошибку!”. На это Талаат сквозь зубы процедил: “Да, мы можем делать ошибки, но никогда не будем сожалеть”.⁹

Моргентау изложил концепцию здравого смысла сохранения существования армянского народа в Турции, учитывая экономическое значение, предлагая ввести реальное равенство всех граждан, независимо от вероисповедания, перед законом и в управлении. Талаат последовательно отстаивал шовинистическую программу создания однородной Анатолии, упразднения Армянского вопроса и ликвидации армянского населения как средства создания этнополитического пространства для развития турецкого этноса и уменьшения зависимости от международных воздействий на внутреннюю и внешнюю политику державы.

Резонанс от турецкого метода решения Армянского вопроса и уничтожения армянского населения в общественном мнении за рубежом заставил правительство Германии приступить к осуществлению оправдательной политике. 4 августа 1915 г. последовала нота протеста и. о. германского посла князя Х. Гогенлоэ -Ланденбурга правительству Турции по поводу “массового и сумбурного выселения” армянского населения, тем более что они сопровождалась насильственными средствами, как, например, погромы и грабежи.¹⁰ Высокая Порты внешне отреагировала спокойно: “Армянский вопрос - внутреннее дело Турции”. По мнению германской дипломатии ответ различался от представляемого уполномоченным нейтральных стран по аналогичному поводу: “Уничтожение армян - военное мероприятие. А армия находится под влиянием немцев - итак, благодарите за это немцев”. Энвер счел нужным прочитать нравственную проповедь германскому представителю о депортации и ее значении для младотурецкого режима: “Это самая значительная акция, совершенная до сих пор молодой Турцией.

Немцы должны быть благодарны нам за то, что мы уничтожили их врагов”. Этим высказыванием Энвер отождествлял единство подходов Турции и Германии в Армянском вопросе. В то же время Высокая Порты проявила недовольство акцией Германии, справедливо узрев в ней стремление к отмежеванию от проводимой армянской политики, отказав князю Гогенлоэ -Ланденбургу в приеме у султана на следующий день.¹¹

Подспудную деятельность нового дипломатического главы немецкого посольства представляет подведомственная ему консульская служба. 5 августа 1915 г. консул Шойбнер-Рихтер представил секретный доклад “Выселение армян из Эрзерума” и.о. посла князю Гогенлоэ-Ланденбургу. В качестве обобщения говорилось: “Выселение армян сейчас определенно завершилось, т. е. в округе здешнего консульства армян больше нет”.¹² Отмечалось о невозможности оказания содействия армянскому населению Эрзерума из-за позиции германского посла: “Мне было известно и соответствовало полученным от Вашего Превосходительства инструкциям о том, что мы не имеем права заступаться за подвергающихся депортации безвинных армян и обычно не осуществляем никакого права защиты по отношению к ним. Мое ходатайство за тех армян, которые по отношению к правительству не допустили никакой провинности, по этой причине могло и должно было ограничиться лишь тем, что я выступил в защиту их жизни и имущества, против совершения насилий и за то, чтобы депортация, мотивированная военной необходимостью, протекала по возможности гуманно”.¹³

Осуждению подвергалась “новая система решения Армянского вопроса со стороны партии “Иттихад ве теракки”: “Достойно глубокого сожаления, что вследствие допускаемой военными властями позиции Комитета и его подозрительных инспирированных мера по выселению армян превратилась в кампанию мести, уничтожения и грабежей по отношению к ним. Со стороны трезво мыслящих кругов турецкого населения, особенно земледельцев, эта политика истребления также не одобряется. Эти круги населения, которые сотрудничали с армянами и хорошо с ними ладили, осознают большую экономическую и политическую опасность этой новой системы решения Армянского вопроса”.¹⁴

Консул Шойбнер-Рихтер заявлял о расхождении своей личной позиции с позицией германского посольства по поводу депортации: “Я, как представитель немецкого правительства, считал своим долгом не взирая безмолвно на действия правительства (турецкого) против армян и на принятые против них меры.”¹⁵ Это заставляло консула принимать “моральную ответственность” за все происходящее. Позиция представлялась пользующейся пониманием со стороны реальнодействующих турок: “В этих моих устремлениях меня поддерживали здравомыслящие турки из правительственных и военных кругов, как бы они этого не скрывали из-за страха перед Комитетом. В местном комитете опять - таки была одна небольшая, но терро-

ризирующая других людей группа индивидов, низкого пошиба, которая, побуждаясь личными интересами и корыстолюбием, проповедовала кампанию истребления армян”.

Под конец выражалась надежда на понимание позиции консула: “Я надеюсь, что как Ваше превосходительство, так и министерство иностранных дел будут согласны с моей позицией в этом чрезмерно трудном деле, которое доставляет мне много тяжелых часов. Я надеюсь далее, что мне удалось также убедить местные влиятельные турецкие круги в дружественности моих советов в Армянском вопросе - тем более, что я, несмотря на существенные разногласия, лично с ними поддерживал весьма добрые отношения”.¹⁶

Присутствие доктора Лепсиуса в Константинополе стало предметом обсуждения Армянского вопроса между морским атташе Германии Гуманом и Энвером, состоявшегося шестого августа 1915 г. Для понимания текущего состояния армянской политики военный министр привел точку зрения из перехваченного донесения одного из американских консулов по слову Моргентау о необходимости пресечения акций в пользу армянского населения Османской Турции: “Было бы хорошо, если американское правительство откажется раз и навсегда от своей армянской политики, так как турки своими действиями против армян сделали бы невозможным любую дальнейшую политическую акцию с последними”.¹⁷ По мнению американского консула, Армянский вопрос мог существовать лишь при сохранении армянского населения, поскольку младотурецкий режим предпринял эффективный метод распыления среди турок: “Армяне не искоренили, что с политической точки зрения было бы еще не самым худшим, так как при таких кровавых расправах все еще оставался бы небольшой род, на который можно было бы возложить все дальнейшие надежды. Вместо этого их рассеяли по всей стране - что с политической точки зрения намного ужаснее! Так что волей-неволей они должны раствориться в турецком элементе страны. Этим немедленно была бы уничтожена основа для многообещающей армянской политики”.¹⁸

Во всех бедствиях армянского народа Энвер обвинял самих армян. Им были сделаны сноски на многократные предостережения Константинопольскому патриарху до начала мировой войны о необходимости воздержания армян от расшатывания Османской державы путем требования реформ. Сообщено, что якобы в Государственной думе министр иностранных дел России Сазонов с похвалой отметил поведение “верных армян” в Османской Турции, но при этом военный министр Энвер “позабыл” указать источник и дату выступления. Заявлено о “неистовстве” армян против мусульман Ванского вилайета, где якобы из 150 тыс. осталось лишь 30 тыс. Указано также на наличие “армянского заговора”, области Абадзар-Измит,

где 30 тыс. армян должны были поддержать прибытие русских морских формирований под Закарией.

Энвер не упустил случая выставить себя мирным голубем в армянской политике перед германским атташе: “В Совете министров я сам придерживался точки зрения, что именно принимая во внимание войну, нужно бы попытаться хорошо и мирно ужиться с армянами”. Возможность “драконовских мер” против армянского населения, на которые он указывал патриарху после Сарыкамышского сражения, объяснялась необходимостью иметь стабильное положение в тылу боевой турецкой Кавказской армии: “Армия, борющаяся на Кавказе против могучего врага, должна быть безусловно уверена, что в своем тылу не имеет врага”.¹⁹ По просьбе Гумана Энвер выразил согласие на встречу с доктором Лепсиусом для обсуждения Армянского вопроса.²⁰

Упомянутое мнение Энвер о выступлении Сазонова являлось штампом пропагандистской борьбы, призванной обосновать антиармянскую политику. Очевидно, что речь шла о выступлении Сазонова 19 июля 1915 г. с осуждением проводимой младотурками политики насилий над христианским населением в Османской империи. Заявлено о “невиданных преследованиях” армян, которые, однако, не потеряли боевого духа, а армянские добровольческие формирования принимали участие в боевых действиях с русскими частями против своих истязателей. Было сказано, что армяне в Ване восстали против своих мучителей и ждали прихода русских войск около месяца. Отмечены также насилия над греческим населением, которому было выражено соболезнование.²¹ Ход беседы Энвера с Гуманом показывает, что руководство младотуркизма в своей антиармянской политике учитывало реакцию активных защитников прав армянского населения Турции - США и России, интерпретируя их воззрения в обоснование собственного подхода.

Формальный характер протеста от 4 августа не давал удовлетворения руководству Германии, который пришлось повторить 9 августа 1915 г. Исполняющий обязанности посла Гогенлоэ - Ланденбург вновь осудил насилие и разбой над депортируемым населением. Сообщалось, что депортация организовывалась таким образом, что большинство выселенцев не добирались до места назначения, что признавалось характерным для вилайетов Трапезунд, Диарбекир и Эрзерум.¹⁷ В то же время правительство Турции сочло необходимым распространить депортацию на другие места Малой Азии, приступив к выселению армянского населения из сел вокруг Измира. Отмечалось указание правительства Германии о вынесении повторного протеста, которое снимало с себя всю ответственность за возможные последствия от принимаемых мер. Необходимость акции повторного протеста мотивировалась и наличием общественного мнения, что Германия как “друг и союзник” Турции “оправдывает насилие” либо же их поощряет.¹⁸

Скромный протест германского посла имел политический расчет. 11 августа 1915 г. кайзеровское посольство в Константинополе направило подчиненным консульствам циркуляр по Армянскому вопросу, содержащий требование содействовать восстановлению “замоченной” репутации Германии. Решение мотивировалось представленными протестами правительству Османской Турции: “Ужасные акции по отношению к армянам в последние недели, несмотря на наши неоднократные протесты, приняли размах, который обязывает нас весьма требовательно выразить наше решительное порицание этих инцидентов. Турецкими офицерами, служащими, духовенством и иными лицами внутри страны открыто высказывалось мнение, что инициаторами этих ужасных действий являемся мы; при сем случае следует энергичным образом выступить против компрометирующей нас точки зрения”.²³

В русле оправдательной кампании политики Германии немецкое посольство взялось за организацию аудиенции доктора Лепсиуса с военным министром. По протекции морского атташе Гумана 10 августа 1915 г. состоялась встреча Лепсиуса с Энвер по Армянскому вопросу. Доктор Лепсиус осудил безжалостную расправу над армянским населением, которую военный министр оправдывал необходимостью борьбы против “революционных элементов”. На запрос немецкого гуманиста о наличии доказательств последовал бездоказательный ответ: “Необходимости в этом мы не имеем. Мы сами пришли сюда революционным путем и знаем, как делаются подобные вещи”.²⁴ Лепсиус считал нужным коснуться возможности оказания помощи депортированному армянскому населению в форме Красного Креста либо со стороны отдельных личностей. Военный министр категорически отверг возможность такой акции: “Высокая Порта не позволит вам или иностранцу осуществить какую-либо программу помощи депортированным армянам”. На желательность прекращения выселения Энвер заявил: “Антиармянские мероприятия будут продолжаться”. Подчеркнута конечная цель правительства Турции: “В данный момент с армянами надо покончить”.²⁵

Революционный подход Энвер к Армянскому вопросу свидетельствовал о низкой политической культуре младотурецкого руководства, отражавшей учет опыта предшествующего султанского режима со стремлением сохранить власть, сочетавшей желание построить этнонациональную державу с насильственным методом избранного пути развития. Проповедовалась этноагрессивность турецкого общества к армянскому населению с проведением этнической зачистки.

Лепсиус обратил внимание на экономическую роль армянского фактора в хозяйстве Османской державы: “Крупная и мелкая торговля находится в руках в прибрежных областях, а по всей Анатолии - в руках армян. Они лучшие земледельцы в восточных вилайетах, и почти весь состав ремесленников Анатолии состоит из них”.²⁶ Подчеркнуты отрицательные пос-

ледствия истребительной политики армян для экономики Османской Турции: “Армяне являются желудком страны. Вы сейчас вырезаете желудок и думаете, что другие члены - туркмены, курды, лазы и черкесы - смогут взять на себя его функции. Это заблуждение”.²⁷ Армянский фактор в экономике Турции имел весомый характер. В вилайете Себастья, имевшем наименьшее армянское население по сравнению с другими армянскими вилайетами, из 168 импортеров армяне составляли 141, турки 13 и греки 12. Из 150 экспортеров 127 были армяне и 23 турки. А среди 37 банкиров и предпринимателей 32 являлись армянами и 5 турок.² С улыбкой на устах Энвер заявил об относительном значении вынужденной “диеты” Турции: “Может быть, несколько лет после войны у нас будет слабый желудок. Мы отдохнем. Подумайте, турецкий народ - это 40 миллионов людей. Когда они будут сплочены в одном государстве, тогда в Азии мы будем играть ту же роль, что Германия в Европе”.

Кредо Энвер намечало присоединение к восьмимиллионному турецкому населению Османской империи еще 32 млн. мусульман, означающий экспансионизм в Закавказье, Персидский Азербайджан, Среднюю Азию.²⁹ Пантуранизм представлялся путеводной нитью младотуркизма. Турецкая пропаганда утверждала:

“Отечество турок не Турция,

И не Туркестан,

Это далекая, вечная страна - Туран”.³⁰

Контакты по Армянскому вопросу имели место между послами Австро-Венгрии и Германии. Макграф Паллавичини учитывал наличие многочисленных донесений американских миссионеров у посла Моргентау, находящихся в различных местах Турции, которые свидетельствовали о “неслыханных зверствах” над армянским населением. Число убитых армян “превышало 100 тыс. чел.” Посол Гогенлоэ -Ланденбург выразил согласие Паллавичини о необходимости представления Армянского вопроса великому визирию Саиду, с указанием “грозящих опасностей” от “нечеловеческого поведения” к армянскому населению. Было намечено осуществить давление, используя обострение греко-турецких отношений.

11 августа 1915 г. посол Моргентау телеграфировал госсекретарю США о состоянии армянских дел в Турции. Констатировалось о неуклонном воплощении антиармянской политики, о чем свидетельствовали доклады консулов, миссионеров и других источников, которая начала затрагивать местности вокруг Константинополя. Стала проводиться этническая чистка в Аха Базаре и Измиде. В г. Партизак, находящемся в 50 км. от Константинополя, государственным министром на две недели был продлен мораторий от депортации. В случае начала выселения все они должны были стать жертвами погромов, либо медленной голодной смерти в Междуречье. Сообщено об обещании министров торговли, ремесел и внутренних дел

допустить удаление представителей армянской общины из Константинополя за границу при условии отказа от возвращения в Турцию. При этом Талаат объяснил подход тем, что при «существующем отношении ни один армянин не может оставаться дружески к турецкому правительству».³¹ Министр внутренних дел заявил о принятии строгих мер к армянской общине Константинополя в случае наличия «каких-либо посягательств против правительства», что означало свободу действий Высокой Порты. Мнение было воспринято Моргентау с этой точки зрения: «Имея в виду ту легкость, с которой создаются предлоги в этой стране, это заявление вызвало мое беспокойство». Сообщено об обещании австрийского и германского послов приложить свои усилия по сохранению в неприкосновенности армянской общины Константинополя, которое было воспринято Моргентау скептически, так как они не получили соответствующих указаний от собственных правительств по прекращению варварских действий к выселяемым, находящимся на «пути смерти», и принятии мер безопасности.

Моргентау предложил госдепартаменту «немедленно» обсудить Армянский вопрос, изыскать средства воздействия на позицию правительства Турции и организации эффективной помощи армянскому населению. Отмечена трудность положения статуса посла, который был обязан не вмешиваться во внутренние дела страны пребывания, но как человек не мог себе позволить оставаться вдалеке от происходящей армянской трагедии. При признании «чрезвычайности положения» в Армянском вопросе госдепартаменту предлагалось наделить посла правом предоставления протеста Турции от имени правительства. С учетом интересов различных стран в ноте протеста предлагалось охватить следующие вопросы: 1. правительству США потребовать от имени «человечества» у правительства Турции прекратить «нынешние насилия» и допустить оставшимся армянам вернуться в родные места, за исключением зоны военных действий, либо демонстрировать к ним «нормальное отношение»; 2. сделать обращение к кайзеровской Германии, если позволяющий существующий уровень взаимоотношений, чтобы оно заставило союзника Турции прекратить уничтожение христианской нации; 3. изложить строгую официальную просьбу о предоставлении американцам и другим лицам возможности посещать, оказывать денежную и любую помощь депортированным армянам.

По мнению Моргентау, третий пункт предложений мог стать для Турции самым приемлемым, что позволило беззащитным людям предоставить немедленную помощь. В условиях военного времени оказание гуманитарной помощи могло бы спасти жизнь тысячам людей. В тот же день Энвер заверил американского посла в разрешении эмиграции армян в США, «серьезность желания» которых он бы удостоверил. Значение установки Энвера посол Моргентау подчеркнул поступлением информации о погромах армянского населения в Анкаре и Бруссе.

Телеграммой 11 августа на имя госсекретаря было предложено санкционировать создание в США комитета в составе Кливленда Доджина, Чарльза Кренинга, Джона Р. Мотина, Стивена Уайгина и других для спасения «некоторых» из армян, оказания материальной помощи самым неимущим для эмиграции, собирания добровольных пожертвований. Комитет также должен был содействовать переселению армян через Панамский канал в Калифорнию, Орегон и Вашингтон. Основой спасения депортированных армян являлась модель их эмиграции в Америку. В 23:00 ч. 11 августа 1915 г. Моргентау направил госсекретарю третью телеграмму о «строгом протесте» посла Гогенлоэ - Ланденбурга Высокой Порте от имени Германии. По представленной информации значилось, что правительство Германии опровергло сообщение турецких властей во внутренних вилайетах о немецком происхождении «антиармянских мероприятий».

Все три телеграммы Моргентау были получены в госдепартаменте 16 августа 1915 г.³² В этот же день американская газета «The Outlook» поместила сообщение о действиях турецкой полиции в г. Бруссе, недалеко от Константинополя, которая проводила обыски в армянских домах, искала «революционные книги и документы». Затем началась депортация. Министр внутренних дел Талаат прилагал все силы для изыскания предложений и обоснования упразднения армянского населения.³³

Основой предварительного согласия младотурецких вождей хотя бы на частичную эмиграцию армянского населения в США являлась надежда на тщеславие, жадность и стремление к обогащению. Талаат прямо заявлял Моргентау о стремлении подстраховаться на нежелательный ход событий в будущем: «Относительно ваших армян мы не предвидим важности будущего. Мы живем только настоящим».³⁴ О значимости «настоящего» свидетельствует следующий эпизод. Как министр внутренних дел, Талаат контролировал содержание всех нешифрованных телеграмм, поступающих из-за рубежа. Из перехваченных телеграмм американскому послу выяснилось наличие перевода крупной суммы денег на оказание помощи депортированным армянам. В отличие от Халила, Талаат сразу оценил возможность их присвоения. Как-то раз при посещении Моргентау Талаат представил ему кипу телеграмм о переводах и запросил их выдачу властям: «Вы не должны их предоставить им (армянам), нам - туркам дайте эти деньги. Мы так же, как и они, имеем нужду в них». Телеграммы с указанной суммой Моргентау еще не получил, с чем согласился и министр внутренних дел, обещав их скорую доставку. Талаат демонстрировал хватку криминальной власти, которая не только довольствовалась депортацией и убийством армянского населения, но и желала присвоить выслаемые суммы в качестве гуманитарной помощи. Отказ Моргентау взбесил Талаата, который разразился гневной тирадой в адрес армян, находившихся в хороших связях с Россией. Попреки Талаата в адрес преследуемой армянской нации заста-

вили Моргентау сделать пессимистическую запись 3 августа в дневнике: "Талаат оставил на меня такое впечатление, что хочет сдать армян".

В эмоциональном приступе Талаат, который не отличался дипломатическими способностями, открыто заявил, что армянская политика является плодом всестороннего обсуждения центральным комитетом партии "Иттихад ве теракки" и носит официальный характер. В другом случае Талаат попытался оказать морально-этническое воздействие на Моргентау демонстрацией оголтелого шовинизма и нетерпения к христианству: "Но почему настолько заинтересованы армянами. Вы - еврей, а эти люди Христиане. Мусульмане и евреи всегда мирно живут друг с другом. Мы с евреями поступаем здесь так хорошо. На что можете жаловаться. Почему не позволяете делать с этими людьми нами желаемое?"³⁵

В отличие от Моргентау иную модель решения Армянского вопроса пытались выстроить дипломатические представители германского тандема. "Серьезность Армянского вопроса" побудила Паллавичини затронуть эту тему в ходе встречи с Саид пашой 11 августа 1915 г. Австрийский посол заявил о знании наличия тенденций "революционного и антигосударственного характера" среди представителей армянского населения, подлежащие строгой ответственности перед законом. Однако применение "грубых жестокостей", особенно к женщинам и детям, сочтено было "ошибкой". Внимание великого визиря было привлечено к положению, что наступит время, когда Турции придется ответить за уничтожение "полезного народа": "Турция не должна ожидать, что Австро-Венгрия или Германия будут защищать каким - либо образом ее позицию в Армянском вопросе".³⁶

По словам Паллавичини, Саид не смог ничем возразить, кроме ссылки, что революционные и антигосударственные тенденции получили бы еще больший размах, представляя прямую угрозу для существования Османской империи. Саид паша являлся "слепым орудием" руководства партии "Иттихад"³⁷ В качестве самозащиты Высокая Порта была вынуждена применить жестокие меры.

12 августа 1915 г. должна была иметь место встреча посла Гогенлоэ - Ланденбурга с великим визирем, которая, однако, не состоялась из-за отсутствия Саид пашы в правительственной резиденции. Вместо него была беседа с Талаатом, на которой "случайно" присутствовали военный министр Энвер и министр иностранных дел.

13 августа 1915 г. посол Паллавичини изложил министру иностранных дел Буриану о содержании встречи с великим визирем Саид - пашой. Выказывания по Армянскому вопросу были представлены как "дружественные замечания". Мнение же посла Гогенлоэ - Ланденбурга трактовалось как "настоящий протест", осуществленный, вероятно, по указанию правительства Германии. Дополнительный протест немецкого посла 9 августа представлялся отражением порицания "со всех сторон" за совет Германии

по уничтожению армянского населения и спокойное наблюдение происходящего. Посол Паллавичини находил точку зрения обоснованной: "Правительство Германии, по моему мнению, заслуживает, в данное время, такого порицания, от которого оно не может освободиться, прибегая к защите".³⁸ Предрекались международные дивиденды для правительства Германии в будущем, когда наступило бы время обсуждения Армянского вопроса и поведения Турции. В это время правительство Германии могло бы заявить о своем осуждении армянской политики Турции.³⁹

В защиту уничтожаемой паствы пытался принять меры Константинопольский патриарх Завен, который через советника американского посла Аршака Шмавоняна поддерживал постоянные контакты с послом Моргентау. 9 августа 1915 г. патриарх через доктора Таргумяна, являвшегося личным врачом наследного принца Меджет эфенди, запросил аудиенцию у султана для испрошения прекращения депортации. Аудиенция была отложена,³⁶ по всей вероятности, из-за публикации в газете "Hilali" 11 августа 1915 г. сообщения, что уполномоченный католикоса всех армян Погос Нубар паша является "предателем и беглецом", вступившим в сделку со странами Антанты по составлению независимой Армении из восточных вилайетов, ставшим собирать пожертвования среди зарубежных армян для создания добровольческих дружин против Турции. От Погоса Нубар паши требовалось в течение 10 дней предстать перед военным трибуналом. В противном случае конфискации подлежало недвижимое и движимое имущество сына известного министра Нубара паши, определявшего внешнюю политику Египта при Исмаил-паше. Младотурецкой режим стремился расправиться с Погосом Нубар пашой за активное участие в борьбе за достижение и реализацию армянских реформ 1912 -1914 гг.⁴¹

11 августа 1915 г. Талаат секретным циркуляром дополнил "Закон о депортации" от 27 мая. В нем говорилось о праве турецких семейств, кормилец которого погиб, был ранен, либо умер от болезни, приобретать "брошенное имущество армян" при обосновании в их жилищах. Циркуляр, который затем неоднократно дублировался,⁴² ставил целью повысить материальную заинтересованность турок в освоении имущества соседей, закреплении их территории и введении круговой поруки, чтобы все имели свою материальную долю от истребительной политики армянского населения.

Общее понимание сложившейся ситуации в Армянском вопросе патриарх Завен изложил в тайном письме епископу Гевонду Дуряну 15 августа 1915 г.: "Сегодня уже достоверно, что в вилайетах Карина, Трапезунда, Себастии, Харберда, Багеша и Тигранакерта (Западная Армения) армян больше не осталось. Более миллиона армян внезапно были выселены из родины и погнаны в направлении юга. Выселение очень систематическим образом было осуществлено местными властями, начиная с апреля месяца."⁴³ Излагалась схема действий властей Турции: убийства и разоруже-

ния армян посредством жандармерии и выпущенных из тюрьмы преступников-четников, уничтожение призывников-солдат и священнослужителей, правительственные преступные мероприятия, насильственная исламизация, депортация. Происходящее представлялось невиданным комаром: "Сейчас начинают считать время султана Гаида нашим счастливым временем".⁴⁴ Отмечалось, что правительство не позволило сохранить в неприкосновенности маленькие армянские общины Алеппо и Урфы, которые могли бы оказать маломальскую помощь своим депортированным собратьям.

Углубление характера национальной катастрофы заставило патриарха Завена по-новому взглянуть на ее масштабы и взаимосвязь с Армянским вопросом. Если раньше истребительная политика правительства Турции рассматривалась как наказание за Армянский вопрос и достигнутый успех в принятии программы реформ для Западной Армении, то горькая реальность представлялась программой уничтожения всей армянской нации. Патриарх писал: "Мы думали, что программа правительства осуществляется для закрытия Армянского вопроса, опустошения и изгнания армян из шести вилайетов, распыления армян Киликии, чтобы на будущее отвести подобную угрозу. К сожалению, эта программа является более обширной и основательной - полностью уничтожить армян во всей Турции".⁴⁵ Проявлением этой программы представлялось начавшееся выселение армян нетронутых оазисов - окрестности Константинополя, вилайетов Измита и Брусы.

Изложение всей панорамы происходящей армянской национальной трагедии сопровождалось рядом важных умозаключений. Важным представлялось сохранение армянской общины Константинополя для послевоенного представления Армянского вопроса: "Работа проводится, чтобы сохранить армян Константинополя от армяно-поглощающего бедствия, хотя бы на будущее, чтобы иметь точку борьбы за Турецкую Армению". Подход диктовался горькой действительностью положения армянского населения, производной от политики правительства Турции, ее военных союзников и Антанты: "Армяне обречены, и этот смертельный приговор со всей строгостью проводится во всех уголках страны, перед глазами цивилизованных государств Европы, и до сих пор Германия и Австрия не сумели словом указать своему союзнику на варварский порок, чтобы удалить его и со своего чела". Утверждалось о провале всех усилий изменить отношение Турции к армянскому населению и наличию надежды на внешнюю помощь: "Здесь все усилия оказались бесплодны. Наша надежда на заграничных армян".⁴⁶ Один экземпляр письма без подписи патриарха Завена был направлен доктору Липариту Назаряну в Софию, очевидно, чтобы воздействовать на политику Германии и иметь добавочный канал внешнего контакта.⁴⁷

Подход патриарха Завена в определенной степени разделял посол Австро-Венгрии Паллавичини. В донесении внешнеполитическому ведомству от 15 августа 1915 г. "По поводу Армянского вопроса" были сняты все по-

кровы с позиции Германии. Макграф находил необходимым введение новых активных акцентов в германской политике: "Здесьнее германское посольство должно в Армянском вопросе осуществить новые серьезные шаги, чтобы пресечь преследование невинных армян".⁴⁸ Истребление армянского населения представлялось противоречащим интересам Берлина: "Возможное уничтожение всей армянской нации навредит авторитету Германии как христианской державы".⁴⁹ Положительно оценивалась миссия доктора Лепсиуса, которая могла принести дивиденды Германии.

Излагались постулаты турецкой пропаганды по камуфляжу армянской политики. Сообщалось об арестах в Константинополе армянских либералов - рамкаваров, предводителем которых указывался Погос Нубар паша. В то же время говорилось о стремлении правительства Турции представить турецкой общественности "армянские жестокости" в районе Вана. Указывалось на изгнание армян из Ахабазара и Измира, у которых, якобы, были обнаружены бомбы. Верхом турецкого пиара отмечалось разоблачение подготовительных работ "армянского комитета" по организации заговора в Константинополе.⁵⁰

3. Политика "двойных стандартов"

18 августа 1915 г. госсекретарь Р. Лансинг сообщил Моргентау о получении телеграмм от 11 августа. Запрашивалось о последствиях протеста посла Германии - "Улучшилось положение?". На это последовал ответ, что, по словам министра внутренних дел, отданы были распоряжения об освобождении всех армян-католиков и протестантов от выселения. По мнению Моргентау, приказы Талаата могли спасти одну десятую часть армянского населения: "Несмотря на то, что многие выселены, из коих многие убиты, тем не менее, эти приказы, если будут точно выполнены, жизнь многих армян, связанных с американскими миссиями, будет спасена. Католические и протестантские армяне составляют 10 % их общей численности, остальные 90% православные". Представлялся состав выселенцев, за которых хлопотали американские миссии - профессора, учителя, студенты, попечители, медсестры и другие. Сообщалось о благожелательном отношении министров военных и внутренних дел к представлению. Отмечалось об освобождении армянских служащих посольства от выселения.¹ Состав спасаемых армян-католиков и протестантов свидетельствует о стремлении спасти хотя бы часть образованных армянских кругов, которые стали бы опорой для возрождения нации, но в то же время они могли бы легко интегрироваться в американском обществе.

В германских дипломатических кругах распоряжения Талаата о католических и протестантских армянах, как и недопущение депортации семей солдат, находящихся на фронтах, связали с "энергичным протестом" князя Гогенлоэ - Ланденбурга 9 августа 1915 г.,² игнорируя план американского

посла Моргентау о полном либо частичном переселении депортированного армянского населения Турции. При этом газета "The New York Times" 25 августа 1915 г. напечатала информацию Моргентау об освобождении от депортации католических и протестантских армян, составлявших 10% армянского населения.³ Очевидно, что имело место турецко-германское временное компромиссное соглашение перед давлением Моргентау по поводу эмиграции армянского населения.

Важным свидетельством является донесение болгарского посланника Колушева председателю Совета министров доктору В. Радославову от 16 августа 1915 г., в котором говорилось о преступной политике руководства Турции: "Из более дальних провинций, после завершения невиданного в истории ужасного дела, ярость младотурок приближается к окрестностям Константинополя; Ахабазар и Измит со своими окрестностями, в ходе последней недели, очистились от армян. В этом случае, нельзя описать чудовищные преступления младотурок".⁴ По сведениям посла, в Измите проживали сотни семейств с высшим образованием, врачи, адвокаты, служащие банков, коммерсанты, студенты высших учебных заведений, которые были выброшены из своих квартир и направлены в малоазиатские пустыни. Коварно поступили младотурки с армянами Бруссы: мужчин направили в Месопотамию, женщин - в Арабию, а молодежь - в Сирию.

Посол вынужденно констатировал о своем положении наблюдателя: "С бессилием присутствуем при окончательном уничтожении целого народа". Происходящее преступление отмечалось проявлением традиционного политического курса: "Та система, которую младотурки в 1913 г. использовали против болгар Фракии и Малой Азии и которой аплодировали цивилизованные Франция и Германия, сегодня используется против армян, с той разницей, что болгары вместе направлялись в Болгарию, а армяне отделяются от женщин и детей и посылаются турками в необитаемые вилайеты на откровенную смерть". Указано о сообщении Константинопольского патриархата, что 30 тысяч армян из Эрзерума и Трапезунда в ходе выселения в Междуречья были убиты либо утоплены в реке Тигрис.

Было представлено предложение американского посла Моргентау правительству Турции о переселении всех армян в Америку, что было отвергнуто. Высокая Порта заявила о желании оставить своих "счастливых" граждан на родине. С горечью прибавлено: "С сослуживцами делаю все возможное для приостановления этого истребления либо хотя бы смягчения, однако ярость младотурок не останавливается ни перед чем, кроме перед силой. А этим сейчас никто не обладает".⁵ В то же время указано на "энергичное" вмешательство кайзера Германии и правительства Греции по пресечению выселения греков и возвращению некоторых в родные места. Позиция Германии диктовалась нежеланием открытия нового фронта боевых действий, а Греции - защитой соотечественников. Более того, греческое на-

селение, "чувствующее себя лучше, чем когда - либо" в Турции, по низким ценам приобретало имущество "преследуемых армян". Критически отмечалось: "Если на турок падает вся ответственность за преступления, то греки во имя славы эллинизма сколачивают богатства, прославляют короля Греции, величайшего защитника эллинизма, который остается наиболее опасным врагом для Турции".⁶

Свое послание болгарский посланник закончил обращением к доктору Радославову оказать содействие в изменении "судьбы" армянского населения Турции в любом виде, путем даже смягчения происходящего процесса истребления армян, во всех возможных формах: "Господин председатель, было бы осуществлено настоящее человеколюбивое дело, если бы нашли удобную форму, чтобы прекратить это выселение несчастного армянского народа".⁷

18 августа 1915 г. Циммерман отдал указание послу в Константинополе о представлении ноты правительству Турции для прекращения либо смягчения мер, принимаемых против армянского населения, но не затрагивалась сама проблема прекращения депортации.⁸ Ситуацию в этой сфере представляют донесения дипломатических представительств в Константинополе. Моргентау 20 августа направил сообщение госсекретарю, что протест германского посла не привел к улучшению положения во внутренних вилайетах. Прогнозировались требования германского посольства, под воздействием указаний из Берлина, по прекращению "ужасных выселений", которые, в совокупности с воздействием других посольств, могли изменить существующее положение вещей. Отмечались "строгие представления" Болгарии по Армянскому вопросу Высокой Порте.⁹

20 августа 1915 г. болгарский посол Колушев сообщил председателю Совета министров Радославову о состоявшихся "дружественных беседах" с великим визирем и министром внутренних дел Турции об истреблении армянского населения. Им были представлены нежелательные последствия для Турции от уничтожения армянского народа. Саид и Талаат заверили посла Колушева об отдаче самых строгих указаний по прекращению депортации и преследования армянского населения. По словам великого визиря, многие служащие виновные в злодеянии, подлежали аресту и преданию суду, а выселенные армяне подлежали возврату в родные места. Было предложено телеграфировать председателю Совета министров Болгарии о решении правительства Турции. Изменение политического курса Талаат объяснил решением поставленной цели: "Армянского вопроса в Турции больше не существует, поскольку все мероприятия против армян отменены". Несмотря на все заверения руководства Турции, положение армянского населения оставалось критическим. По словам посла Колушева, выселенных армян в Конии и Анкаре не пускали в города, не выдавали пи-

тание и не оказывалась помощь. Пессимистически сообщалось: “Одним словом, их оставили, чтобы умирали без сожаления и возмущения”.¹⁰

Аналогично оценивало положение австрийское посольство. В “Армянской справке” за 21 августа 1915 г. констатировалось об отсутствии сдвигов в армянской политике Высокой Порты, отмечалась ложность информации о прекращении “армянских преследований, упоминалось о расширении ее рамок. Указывалось наличие нового подхода руководства Османской Турции к армянской общине Константинополя, где якобы готовился мятеж. Пессимизм звучал в адрес германского коллеги: “Так что шаг немецкого посла князя Гогенлоэ не принес никакой пользы, даже больше навредил, поскольку Высокая Порта желает уничтожить все признаки преступления (*corpus delicti*), чтобы во время мирных переговоров, либо при заключении мирного соглашения ни одна европейская держава, в том числе и Германия, не могла бы касаться Армянского вопроса”.¹¹

22 августа 1915 г. посол Гогенлоэ-Ланденберг представил ноту правительству Османской Турции, где выражалась озабоченность положением армянского населения и грозными последствиями от Армянского вопроса в будущем. Обескураживающий ответ послу представил всемогущий министр внутренних дел Талаат: “Армянского вопроса больше не существует”.¹²

Возникла необходимость понимания ситуации, связанной с заявлениями руководства Османской Турции по Армянскому вопросу. 24 августа 1915 г. посол Паллавичини доложил Вене о некотором смягчении антиармянского террора, проявлением чего представлялось уменьшение числа арестов в Константинополе, как следствие давления германского и американского послов. 27 августа Паллавичини был вынужден вновь признать продолжение массовых репрессий и депортации во внутренних вилайетах Малой Азии. Констатировалось, что “серьезный протест” посла Германии по армянским делам не имел позитивного значения.¹³

Позиция Паллавичини была знаменательна, поскольку 27 августа 1915 г. было опубликовано заявление Османского правительства об отсутствии беспокойств по поводу состояния Армянского вопроса: “Все армянское население - мужчины, женщины и дети пользуются полной безопасностью и защитой властей. Было несколько виноватых, которые были осуждены созданным законным образом судом”.¹⁴

30 августа 1915 г. Палавичини сообщил о происходящих насилиях над армянским населением Талаату. Об этом имелись сведения от американских миссионеров у посла Моргентау, которые докладывали о колоссальном числе убитых либо умерших от болезней и голода армян. О душераздирающих сценах гибели армянского населения в Малой Азии рассказывали германские офицеры. Талаат отреагировал заявлением об отдаче строгого приказа по прекращению армянских преследований. При этом министр внутренних дел сослался на наличие неоднократных нарушений власти со

стороны служащих администрации вилайетов, которых намечалось призвать к строгой ответственности. Из высказываний Талаата макграф Паллавичини сделал заключение, что “невыносимый образ действий” прекратится, поскольку все армяне, которые рассматривались революционерами, врагами государства и нежелательными экономическими соперниками, были ликвидированы.¹⁵ Общий итог содеянного над армянским народом в правящих кругах Турции рассматривался удовлетворительным. Паллавичини отмечал руководству: “Армянский вопрос считают в значительной степени законченным”.¹⁶

На следующий день посол Паллавичини поставил в известность Вену об осуществленных контактах по Армянскому вопросу с великим визирем и министром внутренних дел. К докладной прилагалось приложение, где говорилось о выселении 30 августа второй партии армян г. Бруссы при участии местного клуба партии “Единение и прогресс”.¹⁷

30 августа 1915 г. зондаж позиции Турции в Армянском вопросе провел германский посол Гогенлоэ-Ланденбург, которому Талаат представил в германском переводе телеграмму с приказом, направленную всем мутасерифам. В нем говорилось о прекращении выселения армян во внутренние вилайеты, выделении сосланным армянам хлеба и оливок на пропитание, строгом наказании за нападения на депортированных, в особенности женщин и детей.

Текст приказа был зачитан Гогенлоэ-Ланденбургом макграфу Паллавичини по его просьбе, чтобы составить личное впечатление. По мнению австрийского посла, в отношении от 31 августа приказ был отдан не для “втирания очков” послам германского тандема. Предлагалось подождать реальных результатов представленного приказа. Причиной выжидательного отношения указывалось то обстоятельство, что представители власти, многие члены партии “Единение и прогресс”, как и евреи, нажились на присвоении брошенного армянского имущества и имели “свой интерес” в продолжении массовых депортаций.¹⁸

С учетом заявления министра внутренних дел 31 августа 1915 г. германский и австрийский послы представили протест великому визирю Саиду по поводу погромов армянского населения и затребовали письменного представления о том, что оба государства не имеют связи с происходящим преступлением. Подобного документа Высокая Порта не представила, что означало политическое самоубийство.¹⁹ Реальную заботу германской политики об армянском народе Турции отразило заявление министра внутренних дел Талаата немецкому послу “La question armenienne n'ex iste plus - Армянского вопроса больше не существует”.²⁰ Палач армянского народа ставил в известность правительство Германии и Австрии о завершении совершенного преступления. В мании величия он провозгласил себя величайшим спасителем Османской державы от “разрушителей армян: “Для

решения Армянского вопроса я за один день сделал больше, чем Абдул Гамид за 30 лет!"²¹ Извещенный о демарше германского тандема, расчет болгарского посланника на "отрезвление палача Турции" в Армянском вопросе оказался несостоятелен.²² Аргументы о рассмотрении истребительной политики армянского народа внутренним делом не сработали. Оставалось лишь утверждать о внесении корректив в армянской политике после решения Армянского вопроса.

31 августа 1915 г. Паллавичини поставил в известность Вену о сохранении "варварских средств" руководства Турции не только к армянскому населению, но и к армянам-католикам. Постоянные заверения Талаат об отсутствии беспокойства за судьбы католических и протестантских армян оказались несостоятельными. Отмечалось: "Поэтому все заверения министра внутренних дел до сих пор не оказались точными".²³

Положение между декларациями руководства Турции о прекращении преследований армянского населения и реальным состоянием отражает отчет немецкого консула Рёслера из Алеппо об Армянском вопросе от 3 сентября 1915 г. К этому времени проявились новые нюансы в вопросе сохранения старого содержания в армянской политике руководства Турции. Стали использоваться различные штампы натравливания турецкого населения на резню армян и отбеливания политики Турции перед внешним миром. Широко использовались этнонациональные страсти, которые 19 августа обернулись погромом в Урфе. При обыске жилища полицией произошел вооруженный инцидент, когда несколько армян открыли огонь. Погибли два полицейских, что стало "искрой" для погрома, приостановленного на следующий день лишь турецкими частями.²⁴ К 20 августа 1915 г. состоялся погром армянского населения Айнтапа, под воздействием слуха местного младотурецкого комитета, что вооруженная толпа армян движется на город. Айнтап считался самой "богатой" армянской общиной в Турции, являясь лакомым куском для разбоя. По этому поводу американский консул в Алеппо Дж. Б. Джексон уточнил мнение германского коллеги: "Это громадная антиармянская программа расхищения, а также последний удар по направлению уничтожения нации, несмотря на существование здесь комиссии, созданной правительством для защиты интересов армян".²⁵ В этот же отрезок времени население Баба, также по фальшивому слуху, расправилось с местными армянами. Между тем 6 армянских деревень близ Антиохии стали оказывать сопротивление приказу властей о депортации. Около 5 тыс. защитников Муса лера (Муса Джебел) дрались отчаянно, отбивая атаки регулярных частей, надеясь на Провидение: "Бог предвидит все случайности и знает меру всего".²⁶ Участились случаи грабежа депортированных армян чеченцами и жандармерией в пустыне Расуль-Айне. Ежедневно из Алеппо отправлялись три поезда с депортиро-

ванными армянами из восточных вилайетов, где состав поездов состоял из 30 - 35 товарных вагонов для 1500-1600 человек.

Стал использоваться пропагандистский трюк о возможности выселения армян из Турции. В отчете консула указано, что 13 августа 1915 г. правительство Турции опубликовало сообщение о согласии на выезд армянского населения при условии невозвращения в страну. В устной форме алеппские армяне были оповещены о необходимости санкции на выезд от Джемаль-паши. Вскоре наступило разочарование: "Армяне убедились в том, что сообщение правительства несерьезно и что тот, кто будет испрашивать разрешения, возможно, подвергнется из-за этого особым преследованиям. Несмотря на то, что все армяне бы эмигрировали, если бы представилась практическая возможность, никто не отважился просить разрешения, за исключением одной единственной семьи, прошение которой я представил вали с частной рекомендацией. С тех пор прошло без какого-либо ответа три недели. Недавно поступило распоряжение о том, что никто не имеет права выезжать из зоны дислокации 4-й армии без разрешения Энвера. Таким образом, разрешение на выезд фактически недействительно и дано только для вида".²⁷ Отчет был представлен послу Гогенлоэ - Ланденбургу, а копия направлена рейхсканцлеру Бетман - Гольвегу.²⁸

27 августа 1915 г. последовало "Заявление" Османского правительства относительно положения армянского населения в Турции. В нем утверждалось, что армяне-мужчины, женщины и дети-находятся под покровом безопасности властей. Признавалось наличие лишь нескольких случаев смертных казней, осуществленных по приговору военного трибунала, имеющих законный характер.²⁹ Заявление предназначалось для общественности нейтральных стран и союзников по военному братству. 27 августа 1915 г. турецкий консул в Женеве представил официальное заявление, опровергающее "слухи" о насилиях над армянами, проживающими в Османской державе, указал на наличие полной безопасности для мужчин, женщин и детей. Подчеркивалось осуществление властями максимальных мер по сохранению армянского населения. Такая информация от союзного государства поддерживалась германской прессой и распространялась среди населения для формирования нужного общественного мнения.³⁰

Цену "Заявления" Османского правительства раскрывает реальное отношение турецких властей к имуществу депортированного армянского населения. 11 августа 1915 г. руководство пятой армии телеграфно затребовало от центрального правительства оказать ему содействие материальными ресурсами депортированных армян. Предлагался список товаров, необходимых для получения из складов хранения армянского имущества и аукционов. Конкретно требовалось выделить различные виды кожи, упряжки, полотно, палатки, одежду, простыни, пшеницу, ячмень, муку, фасоль, чече-

вицу, сыр, сахар, просо, овец, коз, медицинские вещи, железо, материалы для военных строений и “многое другое”.

Военный аспект экспроприации имущества армянского населения получил понимание в правящих верхах Турции. 27 августа 1915 г. Министерство внутренних дел телеграфно отдало указание выделить долю из “армянских товаров” 3-й, 4-й и 6-й армиям. Это означало удовлетворение требования 5-й армии, что подтолкнуло к аналогичной мере и командование указанных армий.³¹ Совпадение “Заявления” Османского правительства о безопасности армянского населения с беспардонным распылением их имущества армейским формированиям лишь свидетельствует о лицедействе правящего младотурецкого режима, говорившего одно и делавшего другое, наличии ножиц между реальной деятельностью и пропагандой.

2 сентября 1915 г. министр внутренних дел Талаат направил ряд телеграмм в переводе на немецкий язык послу Гогенлоэ -Ланденбургу о смягчении преследований депортированных армян и организации им содействия со стороны провинциальных властей. По мнению Гогенлоэ -Ланденбурга, первая телеграмма была отправлена 31 августа 1915 г.: “Провинциальным властям: Гудавендиагира, Ангоры, Конии, Измита, Аданы, Мараша, Урфы, Алеппо, Зора, Сиваса, Кутаи, Караси, Нигде, Мамурет-Азиза, Диарбекира, Карагисара, Кесарии, Эрзерума”. Вся политика правительства Османской Турции против армянского народа трактовалась необходимостью обеспечения безопасности Османской империи и довольствием уже осуществленным: “Поскольку имперское правительство в перемещении армян со своих местожительств в заранее определенные зоны преследует единственную цель - предотвратить антиправительственную деятельность и попытку этого подданства (а также не дать ему возможность) гнаться за своими националистическими стремлениями относительно создания армянского государства, но не уничтожить его (подданство), то было окончательно решено принять все меры для защиты и стола колонн во время эвакуации и не высылать впредь со своих местожительств всех остальных армян (за исключением тех, которые уже удалены из своих местожительств и ожидают своего дальнейшего перемещения), а также согласно уже последовавшему сообщению, солдатские семьи, соответствующие потребности числа ремесленников и армян католической и протестантской общин”.³²

От правительственных служащих разных уровней требовалось соблюдение законности и порядка, нарушители которого подлежали наказанию и отречению от должности: “Этим самым объявляется, что судебным порядком безотлагательно будет возбуждено уголовное дело против лиц, нападающих на колонны, совершающих грабежи и своими скотскими склонностями учиняющих гнусные поступки, вместе со всеми их пособниками, а так же против всех виновных должностных лиц и жандармов для их строгого наказания. Должны быть названы провинившиеся должностные лица. В

случае повторения подобных проступков ответственность будет возложена на власти вилайетов и Liva”.³³

Концептуальное содержание приводимой телеграммы знаменательно. В ней Талаат предстает верным учеником кровавого султана Абдул Гамида, который погромы и ползучий геноцид объяснял заботой об армянах. В 1910 г. он заявил ошеломленному армянскому журналисту: “Я от сердца люблю армянский народ, вопреки всему случившемуся за мое правление”. Как и Талаат, Абдул Гамид представлял себя борцом против армянской независимости и образумления армян: “Независимая Армения была невозможной, особенно на границе с Турцией... Кто бы дал ей вырасти и окрепнуть, подобно грибу, в одну ночь? И даже если бы она выросла, не вырвала бы ее с корнями в одно мгновение Россия?”³⁴ Точно так же кровавый султан выступал за порядок и законность для армян в турецком понимании: “Нам было важно, чтобы вы продолжали существовать с вашей особой национальной физиономией, и чтобы мы брали пример с ваших прогрессивных стремлений, вашего трудолюбия и гибкости ума. Вы же без нас были осуждены на гибель и ассимиляцию более культурными народами”. Сходным путем обосновывалась программа решения Армянского вопроса путем истребления армянского населения: “Я решил спасти вас вопреки вашей воле”.³⁵

Уточняющее значение провозглашенной программы спасения депортированных армян носила вторая телеграмма, которая датировалась 29 августом 1915 г, и была направлена в вилайет Конии. Содержание гласило: “Для находящихся в Эрегли армянских переселенцев нужно достать и выдать хлеб и маслины, а также заготовить сухари. Сообщите о требуемых расходах для отправления отсюда необходимой суммы”. Предлагаемый к выдаче вариант сухого пайка в засушливом климате являлся мизером возможного существования, где при использовании соленых маслин возникло бы желание жажды с тяжелыми последствиями для организма.

В третьей зашифрованной телеграмме, без указания даты, отправленной провинциальным властям Измита, Эскишехира, Кутаи, Карагисара, Гудавендиагира, Конии, Ангоры, Аданы, Алеппо предписывалось: “Сим поручается Вам достать на три или четыре дня хлеба для находящихся на стоянках армян и для тех, которых должны привести с более дальних стоянок, и принять все меры, чтобы они не испытывали нужды в пути”.³⁶

Содержание второй и третьей телеграммы о продовольственном обеспечении армянских выселенцев свидетельствовало его отсутствию в предшествующее время, иначе не было никакой надобности отдавать указание о его осуществлении. У караванов выселенцев не имелось продовольствия - “стола колонн”. Скрытый смысл третьей телеграммы исключал оказание хлебного довольствия армянам пустыни Дейр - Зора, поскольку она не значилась, тем более, что по смыслу первой телеграммы должна была иметь место редурация.

Посол Гогенлоэ-Ланденбург 4 сентября 1915 г. направил копии телеграмм канцлеру Бетман-Гольвегу. По мнению германского посла, этой мерой продемонстрировалось "серьезное намерение" правительства Турции прекратить погромы и обеспечить выселенцам пропитание. Также говорилось о предстоящем заявлении Талаата: "Армянское вопроса больше не существует".³⁷ К этому посол добавил, что по имеющимся сведениям, несколько пошаженных армян во время Трапезундской депортации в конце августа были убиты. 30 августа были депортированы армяне-католики Анкары со своим архиепископом и убиты в пути. Не рекомендовалась публикация текстов телеграмм Талаат в немецкой печати, очевидно, как проявление дезинформации, что могло нанести очередной удар престижу Германии.³⁸

Германский посол Гогенлоэ-Ланденбург имел основания сомневаться в фактической политике Талаата. Ее содержание отражает негласная телеграмма министра внутренних дел губернатору Алеппо от 3 сентября 1915 г. о продолжении антиармянской политики: "Рекомендуем Вам операции, которые было приказано осуществить, в первую очередь, в отношении лиц, принадлежащих к упомянутому народу (армянам), не исключая женщин и детей. Назначьте для этой цели надежных чиновников".³⁹ Бехаздин Шакир мог с "удовольствием" отчитывать других администраторов за нерадивость по уничтожению армян. В телеграмме мутесарафу Анталии из Эрзерума им указывалось: "В Эрзерумском, Ванском, Битлисском, Диарбекирском, Сивасском, Трапезундском вилайетах не осталось ни одного армянина, все высланы в сторону Мосула и Дейр-Зора. А что вы делаете в Анталии?"⁴⁰

Телеграммы Высокой Порты по Армянскому вопросу стали предметом комментирования представителя Министерства иностранных дел Азизбея 4 сентября 1915 г. доктору Мордтману. Пояснению подлежала телеграмма 31 августа, которая исключала ряд армянских мест, что обратило внимание Германского посольства. На это турецкий представитель заявил: "Первая телеграмма действительно была отправлена лишь вышеназванным провинциальным правительствам, следовательно не в Трапезунд, кроме того, отсутствует Кастамуни, Битлис, Ван". По этому поводу Мордтманом добавлено: "Где, согласно телеграмме Бергфельда от 27-го прошлого месяца (№ 4996), в конце августа, должно быть произошла резня. Об этих происшествиях Азиз - бею ничего не было известно".⁴¹ Представитель внешнеполитического ведомства Турции признал, что при депортации армян из Ангоры имело место "столкновение", но без указания деталей. Отсутствие в телеграмме упоминания необходимости обратного транспорта для возвращения армян-католиков и армян-протестантов объяснено желанием избежать их большой концентрации в отдельных местах, что требовало возвращения малыми группами.

Все копии с трех телеграмм Мордтман 4 сентября 1915 г. передал папскому нуцию А. Дольчи и представителю католического армянского патри-

арха монс. Наслияну. Состоялись контакты с армянским патриархом Завеном. Им было запрошено ходатайство перед властями Турции по четырем пунктам, призванным облегчить положение армянского населения: "1) чтобы высланных из западных провинций армян не ссылали через Бозанти; 2) чтобы родственники тех армян, которые состоят на военной службе, были освобождены от ссылки; 3) чтобы со стороны правительства было разрешено оказание помощи от духовных властей и других неофициальных лиц и союзов; 4) чтобы была разрешена корреспонденция между ссыльными и пребывающими в других местах их соотечественниками".

Ходатайство Константинопольского патриарха было рассмотрено советником германского посольства Нойратом, который счел его к несчастью, чтобы не вызывать раздражение младотурок и не нарушать достигнутое взаимопонимание относительно армянских выселенцев. Заключение Нойрата гласило: "Пункты могут быть поставлены на обсуждение при случае; слишком частое и детальное вмешательство ослабляет действие".⁴²

Посол Паллавичини в донесении 8 сентября 1915 г., несмотря на заверения Талаата германского посла Гогенлоэ-Ланденбурга о прекращении преследования армянского населения, зафиксировал отсутствие перемен в армянской политике Турции. Об этом свидетельствовали, сигналы поступающие от армянского католического патриархата и армянского католического духовенства. По сведениям из полицейского отдела Министерства внутренних дел, по всей вероятности были посланы указания о разрешении армянам-католикам вернуться к своим очагам. Трудность разрешения этой проблемы усматривалась в том, что военное министерство отдало приказ, чтобы армянское население при распределении не превышало 5% концентрации в среде населения. Подход двух министерств представлялся взаимоисключающим: "Однако, в итоге приказ, Талаата в результате приказа военного министра потеряет свою силу".⁴³ По сообщению полицейского отдела, управляющий делами мохаджиров должен был посетить Малую Азию для регулирования, хотя бы в определенной мере, процессом заселения свободных мест. Традиционный тезис младотурок о "невмешательстве во внутренние дела суверенной Турции" и приказы министров военного и внутренних дел представлялись знаковыми для воздействия.

Донесение было начато макграфом Паллавичини 3 сентября 1915 г., но перепроверка информации о достоверности продолжения армянских погромов побудила отложить отправку на пять дней.

Положение армянских дел затрагивало письмо патриарха Завена епископу Дуряну от 7 сентября 1915 г. В нем признавалась необходимость "чудодейственной силы" Иисуса Христа либо "королевской казны", чтобы покормить более миллиона изгнанных армян в пустынях Месопотамии. Выразалось разочарование отсутствием деятельности организаций Красного креста. Запрашивалась денежная помощь для выселенцев. Депортация

армян лишь из Киликии затронула судьбу 400 тыс. жизней. Излагался перечень фактов насилий над армянским населением разных мест. Сообщалось, что по просьбе иностранных представителей правительство дало согласие не депортировать семьи армянских католиков и протестантов, а также имевших погибших на фронтах. Однако вскоре приказ был изменен и действовал лишь в ряде мест. Семьи военных солдат, работающих на железных дорогах, также подлежали исключению из выселения, но по новому приказу оно было распространено и на них. К этому времени общее число погибших армян исчислялось, по крайней мере, в 500 тыс. чел. и имело тенденцию последующего роста. В силу занятости “цивилизованных наций” своими проблемами единственная помощь ожидалась от заграничных армян, которая могла предупредить тысячи мученических жертв. Все средства Константинопольского патриархата были направлены на поддержание выселенцев. Было использовано около 8 тыс. золотых лир, из коих лишь 2 тыс. были получены извне, а 10 курушей могли обеспечить дневной рацион питания. Денежную помощь могли оказать армяне Америки, Египта, Румынии и Болгарии.⁴⁴

О сохранении существующего положения вещей в сфере Армянского вопроса и истребительной политики отмечено в ряде донесений макграфа Паллавичини министру иностранных дел Буриану. 8-го сентября констатировалось эфемерность обещаний министра внутренних дел Турции: “Несмотря на заверения Талаат, согласно которым даны строгие указания о прекращении преследования армян, и несмотря на представление германского текста, подобного приказу князю Гогенлоэ, видно, что до сих пор в положении армян никакого улучшения не произошло”. Подтверждением служила информация католического армянского патриарха о продолжении погромов во внутренних вилайетах. Полицейское отделение Министерства внутренних дел лишь обещало послать приказы в вилайеты о возвращении католических армян к местам проживания. Прогнозировалась потеря юридической силы приказа Энвера о недопущении более 5% концентрации армянского населения в отдельных местностях под влиянием приказа Талаата.⁴⁵

Германское посольство в Константинополе сообщило текст инструктивных телеграмм Талаата (“якобы от 29 августа”) в консульства Эрзерума, Аданы и Алеппо. Была осуществлена интерпретация смысловой сущности: “Массовые выселения имеют цель не уничтожения армян, а лишь обезвреживания некоторых антиправительственных элементов; во время транспортированных должны быть защищены и накормлены; недепортированные пока, далее, как уже прежде было постановлено, солдатские дети, католики и протестанты, а также ремесленники (поскольку незаменимы) больше не будут сосланы. Бесчинства против депортированных повлекут за

собой кару судебным порядком, а в случае повторения будут привлечены к ответственности более высокие власти”.⁴⁶

Несостоятельность телеграфных заверений Талаата об изменении содержания армянской политики Османской Турции очень быстро выяснилась. 10 сентября 1915 г. консул Бюге в Адане оповестил посольство в Константинополь о неизменности подхода младотурок к решению Армянского вопроса: “Сделанное Портой от 29 августа кайзеровскому посольству сообщение относительно армян является исключительно дерзким обманом посольства, потому что по настоянию посланного сюда инспектора Али Мунифа бея Порты впоследствии полностью отменила это распоряжение. Власти действуют, Безусловно, лишь по второму указанию и продолжают высылку без различия вероисповедания. Число по приказанию убитых армян превышает уже, вероятно, массу жертв со стороны младотурок 1909 г.” Скандал от противоречия между заявлениями и реалиями политики младотурок ожидался в заграничной прессе: “Возможно, что не немецкая пресса вникнет в ужасы, несмотря на отданные до сих пор опровержения со стороны турецких консулов”. Отмечена роль Аданского комитета “Иттихад” в сохранении антиармянского курса: “Впрочем, здешний руководитель комитета Измаил Сафа угрожал всеобщей резней, если армяне не будут депортированы”.⁴⁷

12 сентября 1915 г. Паллавичини в сводной справке и докладной “Армянский вопрос” отметил об отсутствии сдвигов в армянских делах: “Положение армян в Турции безнадежно, кажется, что турецкое правительство предусмотрело уничтожение всей армянской нации”. Прогнозировалось послевоенное осуждение Турции: “Во время заключения перемирия и после этого Россия, Франция и Англия будут обвинять турецкое правительство за содеянные мерзкие ужасы”. Причем в незавидном состоянии должна была оказаться и кайзеровская Германия: “Порицание в большей части дошло и до Германии, которую противники обвиняют в солидарности во всех действиях с турецким правительством”.⁴⁸ Предвиделось международное разбирательство происходящего: “Русские, англичане и французы не поленятся на основе богатых материалов обсудить Армянский вопрос и с удовольствием пригвоздить к позорному столбу безразличия, которому, тем не менее, высокоразвитое племя стало жертвой”. Большая часть обвинений должна была достаться Германии как покровительнице Турции, действующей во всем по германскому предначертанию, в том числе и преследовании армянского населения.⁴⁹

Согласиться со столь “дерзким обманом” младотурками в Армянском вопросе немецкого посольства князь Гогенлоэ-Ланденбург не захотел. В донесении рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу от 14 сентября 1915 г. он привел текст консула из Аданы. После чего занялся самообманом, ссылкой на то, что указания центрального правительства в Константинополе саботируются провинциальными властями, в частности, вилайетов Аданы и Ангоры. Об-

щее направление трех телеграмм Талаата признано отвечающим политической платформе Высокой Порты относительно Армянского вопроса, причем посол стал именовать армян не нацией либо народом, а толпой: “Соответствует программе правительства, которое хочет рассеять толпы армян в некоторых местностях и более крупных городах Малой Азии”. Суть возникшей проблемы воплощения сделанных обещаний Высокой Портой представлена, хотя и в осторожной форме, в противостоянии Османского правительства и партии “Иттихад”: “Наконец, кажется, будто власти в глубинке во много раз больше находятся под влиянием безответственных руководителей комитета Union et progress (Единение и прогресс) и других элементов, не заботящихся о приказах центрального правительства и организующих бесчинства против армян и других христиан”.

Посол утрировал роль частного лица (инспектора) в отмене инструктивных телеграмм Высокой Порты. Гогенлоэ - Ланденбург сознательно пошел на отказ от отождествления деятельности центрального правительства Турции и провинциальных властей, от партийных отделений и центрального комитета партии “Иттихад”, который контролировал железной хваткой все высшие и местные органы. Это понадобилось для поддержания представления о меняющемся образе армянской политики Османской империи, хотя сам великолепно понимал, кто есть кто и что происходит: “Напротив, пока нет никаких доказательств того, что своим сообщением, о котором идет речь, Порта преследовала “дерзкий обман” кайзеровского посольства”.⁵⁰

При этом посол Гогенлоэ-Ланденбург оценкой личности Али Муниф бей подтвердил точку зрения консула из Аданы о единстве действий партийных и государственных структур в Турции. Им указывалось: “Упомянутый в телеграмме господина Бюге Али Муниф бей идентичен с бывшим помощником статс-секретаря Министерства внутренних дел, незадолго перед тем назначенного губернатором Ливана. На пути в свою официальную резиденцию он на несколько дней остановился в Адане, но в министерстве отрицают, что он там исполнял миссию в качестве инспектора”.⁵¹ Очевидно, что в Министерстве внутренних дел должны были признать, что Али Муниф бей исполнял роль эмиссара Талаата либо являлся представителем центрального комитета партии “Иттихад”, ибо без этого не получил бы должность вали Ливана, для расставления всех акцентов. Фактически он передал волю председателя партии “Иттихад” Талаат, контролировавшего деятельность Совета министров Турции, что получило отражение в последующем девавировании инструктивных телеграмм.

Гогенлоэ - Ланденбург лукавил из-за официальной позиции Германии. В интимной беседе с журналистом фон Тисцке он признался в наличии самодетельности младотурецкого режима: “Весьма будет интересно узнать, как Германия примирится с пробуждающимся турецким национализмом”.⁵² Сам Тисцке, имеющуюся ситуацию воспринимал деликатно: “Турок - истинно

восточный человек”.⁵³ Однако в ожесточенной политике младотурок против армян он видел перст исламизированных евреев - “Donmes” (донме), которые активно действовали в системе управления и политике. Под их контролем находилась газета “Hilal” (Полумесец), французский аналог официоза младотурок газеты “Tanin” (Эхо). Тисцке находил: “В той мере, в какой исчезают армяне, евреи занимают их место”. Подчеркивалась осознанность действий вождей младотуркизма в этом направлении: “Турки допускают, чтобы евреи важничали, так как они в любой момент могут угнетать этот беззащитный народ и избавиться от него, когда они этого только захотят. Пока евреи им нужны как замена армянам вследствие отсутствия у них самих интеллекта и деловитости”.⁵⁴

Инициатором возвышения деятельности “Donmes” представлялся Талаат, что, по мнению Тисцке, требовало учета в политике Германии. Журналист докладывал Министерству иностранных дел: “Министр внутренних дел, Талаат, сам родом из Салоник, ведь тоже, должно быть, никто иной, как Donme. Теперь я слышал, что в обычно абсолютно антисемитских кругах стоят на точке зрения: Германия ничуть не должна пренебрегать этим Donme - классом, а наоборот, немного поощрять, так как он приобретает все большее влияние в комитете младотурок, а через него в Турции добиваются очень многого”.

Лично Тисцке был против поддержки младотурецкого режима как недостойного Германии, скомпрометировавшего себя в Армянском вопросе. Прямым текстом в Министерство иностранных дел было сообщено: “Сам я другого мнения, исходя не из антисемитизма, а из того чувства, что вся эта клика - комитет со своими евреями - не представляет собой турецкий народ, и что Германия, если она после войны будет действовать очень энергично, и без них и назло им, и даже намного лучше придет к цели”.⁵⁵ Немецкий Журналист Тисцке мог себе позволить откровенность мнения, хотя и в секретной форме, но посол Гогенлоэ-Ланденбург стоял на официальной позиции.

Стремление изменить трагическую ситуацию армянского населения предпринял американский посол Моргентау. 14 сентября 1915 г. газета “The New York Times” поместила информацию об обращении посла к турецкому правительству предоставить 1 млн. долларов для переселения 550 тыс. армян в США. Министры внутренних и военных дел Талаат - паша и Энвер-паша приняли инициативу американского посла. 3 сентября 1915 г. Моргентау предложил правительству Вашингтона сообщить об этом пяти лицам, которые должны были заняться данной проблемой.⁵⁶

Информация получила резонанс. По мнению лондонской газеты “Morning News”, план эмиграции армянского населения Моргентау в США было невозможно осуществить, поскольку турки, несмотря на все обещания, не позволят армянам пересечь “фронтовую линию”. Более того, негативную роль должен был сыграть армянский патриотизм: “Армяне,

которые известны своим патриотизмом, предпочтут мучаться от погромов и голода, чем оставить родину”.⁵⁷ По мнению армянофила лорда Брайса, американский прагматизм мог не иметь успеха, и лишь Германия, как реальная сила, могла оказать воздействие на позицию Турции. Решающим словом для Германии могли стать общественное мнение США и нейтральных стран.⁵⁸

Откровенно негативную позицию к плану переселения армян в Америку занимал военный министр Энвер. Он находил, что армяне не должны знать о наличии защитника в лице США, так как это лишь бы подталкивало на продолжение сепаратизма: “Если было бы возможно убедить их, что они не имеют друзей в чужих странах, они сразу же бы успокоились; должны знать, что их опорой является Турция, и должны стать послушными гражданами”. Внимание США к Армянской проблеме в Турции представлялось “злом” для армянского населения: “Этим самым вы к ним привлекаете большое зло”.⁵⁹

Для преодоления сопротивления Энвера к плану переселения и защиты депортированных армян Моргентау постарался воздействовать вспомогательными мерами. Намечалась организация комиссии помощи при военном министре. К работе комиссии предлагалось привлечь такого армянского деятеля, как бывший министр почт и телеграфного сообщения Оскан Мартикян, который после изучения положения дел должен был бы представить соответствующие меры по исправлению ситуации. Оба предложения были отвергнуты Энвером. Создание комиссии, по его словам, вызвало бы “пессимизм” среди его товарищей. Это означало бы расписаться в ошибочности совершаемого преступления. Что касается Оскан эфенди, то Энвер расписался в наличии у него должного порядка в министерской деятельности, но доверия к нему не было из-за принадлежности к партии “Дашнакцутюн”.⁶⁰

Фарисейство младотурецкого режима Турции отразил зашифрованный приказ министра внутренних дел Талаата 9 сентября 1915 г. губернатору Алеппо об окончательном истреблении народа изгоя - армянского населения. Во имя “большой политики” Турции в Армянском вопросе было осуществлено снижение возрастного порога уничтожения армян. Если раньше шкала жизни определялась до пяти лет, то затем она превратилась в “ничто”. Об этом говорит телеграмма министра внутренних дел, отправленная в префектуру Алеппо от 3 сентября 1915 г.: “Все права армян - жить и трудиться на турецкой земле - уже полностью отобраны и, соответственно с этим, правительство берет на себя всю ответственность, давая указание не щадить даже грудных младенцев. Результаты, которые имел этот приказ, налицо в некоторых провинциях”.⁶¹

Отмечался успех антиармянской политики в ряде вилайетов, и от местных властей требовалось безусловное подчинение воле вышестоящего ру-

ководства: “Несмотря на это, по непонятным нам причинам делаются исключения по отношению к известному народу; вместо того, чтобы этих людей отправить прямо на места их ссылки, им разрешается жить в Алеппо, что создает для правительства дополнительные затруднения. Не внемля их доводу, гоните прочь женщин и детей, где бы они не были, если даже не в состоянии двигаться, и не разрешайте людям покровительствовать им, ибо по причине своего невежества, они материальные выгоды ставят выше патриотических и не могут понять большой политики правительства”.⁶²

Руководству Алеппского вилайета рекомендовалось приступить к открытому уничтожению депортированных армян: “Взамен примененных в других местах косвенных мер уничтожения - жесткость, поспешность (в осуществлении переселения), трудности пути, нищета - можно свободно применять прямые способы, не теряя времени”. Сообщалось об отстранении военных от истребительной политики в регионе: “Всем армейским командирам сообщен единый приказ военного министерства о том, что они не должны вмешиваться в дела депортации”. Рекомендовалось задействовать исполнительных служащих: “Скажите чиновникам, назначенным для выполнения этой задачи, что они должны претворять в жизнь наше истинное намерение, не боясь ответственности чиновников”.⁶³

Выдвижению плана эмиграции Моргентау предшествовали длительные разговоры с турецким руководством, которого привлекла возможность нажать на этой проблеме. В один из августовских дней Талаат завел разговор с Моргентау вокруг американских страховых компаний - “Нью-Йорк Лайф Иншуренс Ке” и “Икуитепл Лайф Нью-Йорк”, которые длительное время занимались обеспечением целостности различного вида среди армянского населения, с ответом на указанную сумму. Талаат предложил, чтобы американские компании выслали список страховщиков для присвоения их средств: “Сейчас все они мертвы. Не остались также их наследники для получения денег. Поэтому, несомненно, все деньги принадлежат Государству. Сейчас наследником является Правительство. Должны сделать сказанное”. Возмущенный Моргентау, заявил, что от него не получают такого списка, и покинул Талаата.⁶⁴

Проблема привлечения дополнительных ресурсов в Турцию исходила из плачевных последствий хозяйственной разрухи в результате депортации армянского населения - экономического нерва страны. В Константинополе население испытывало большие затруднения с продовольствием. Комитет Национальной защиты во главе с Энвером и Талаатом припрятали предметы потребления, наживаясь на их перепродаже.⁶⁵ Талаат проводил время в пирах, занимался ростовщичеством, стремясь любым путем сколотить состояние. Не отставали от него Энвер и Джавид бей.⁶⁶

С целью концентрации материальных средств армянского населения правительство Турции приняло 13 сентября 1915 г. временный закон, пре-

дусматривающий конфискацию движимого и недвижимого имущества депортированных. В Константинополе были созданы четыре комиссии по составлению актов конфискаций в различных регионах: Никомедия, Киликия, западные и восточные вилайеты. Комиссиям поручалось составлять акты конфискации.⁶⁷ “Особая организация” не обременяла себя законом при захвате имущества армян. После их уничтожения все, что представляло интерес, делили четники. Имело место сознательное пренебрежение требованиями закона о составлении списка выселяемых. Для изъятия имущества использовались различные уловки, например, сдача на сохранение. Жителям с. Головенк Харбердского вилайета было предложено сложить имущество в одном доме, чтобы “получить” спустя три месяца. Если же остатки имущества брались под охрану жандармерией, то продавались с торгов по дешевой цене.⁶⁸

Озабоченность положением остатков западноармянства побудила секретаря “Армянского комитета”, известного деятеля Аршака Чопаняна 14 сентября 1916 г. обратиться к министру иностранных дел Франции А. Бриану с предложением активизировать усилия нейтральных стран. С их помощью предлагалось прекратить в Турции все “насилия” над остающимися армянами, в частности над депортированными, а также использовать их возможности для оказания гуманитарной помощи. После победы Антанты намечалось возрождение Армении армянскими эмигрантами из Европы, Америки и Египта. В это дело важный вклад могли внести представители нейтральных стран, сохранением жизни западноармянства.

Надеющийся на справедливость патриарх Завен добился 18 сентября 1915 г. встречи с председателем палаты депутатов Халилом, которого запросил о судьбе армянских избранников. По словам председателя парламента, в начале первой мировой войны им были призваны видные армянские деятели - Вардгес, Зограб и Галаджян, которым был дан совет уберечь армянское население от выступлений против власти, так как “маленькая спичка” могла обернуться большим бедствием. Сообщено об аресте Вардгеса и Зограба, которые были сосланы в Диарбекир. Старания об их освобождении представлялись несостоятельными. Деликатность ситуации состояла в том, что Халил не сумел осуществить защиту хотя бы Зограба, у которого, в течении нескольких дней прятался во время контрреволюционного переворота 31 марта 1909 г.⁶⁹

Разговор имел определенную тональность. После принятия “Закона о депортации” Халил находился в Германии, вернулся в сентябре в Турцию, не принимал участия в массовых расправах над армянским населением. Помимо этого, председателем палаты депутатов было представлено патриарху Завену негативное отношение к руководству партии “Иттихиад”. По словам Халила, им буквально было указано Зограбу, Вардгесу и Галаджяну: “Младотурки сейчас против нас в войне и, соответственно, наши

враги, поэтому вы остались беззащитными”.⁷⁰ Практически же речь шла о разногласиях в стане младотурок по вопросам внешней политики и отношению к армянскому населению, что периодически проявлялось в различных стычках руководства Османской Турции - Энвера - Халила, Талаата - Джемалю, членов центрального комитета партии “Иттихиад” - Талаата - Назима с Хусейн Джавидом - Кара Кемалом.⁷¹

19 сентября 1915 г. состоялась встреча патриарха и Талаатом. Последний вежливо поинтересовался о его делах - “Как Вы?”. Поблагодарив за внимание, патриарх сразу заговорил об истребительной политике армян: “Каждый человек меня спрашивает, почему я к вам не обращаюсь, так как все явления против армян находятся в ваших руках, и вы можете их пресечь”.⁷² Талаат сослался на тенденциозность общественного мнения: “Они думают ошибочно”. Что касается армян, то они признавались виноватыми в происшедшем: “Армяне сами являются причиной их состояния, их подспудную я знаю лучше всех”.⁷³ Армянские лидеры нации были обвинены в занятии “выжидательной позиции”, когда османская армия еще не потерпела поражения на Кавказе, а после поражения начали заниматься революцией и помогать России. На все это власть, по словам Талаата, смотрела попустительно, но когда началась реальная помощь врагу, была вынуждена принять ответные меры.

Талаат стоял на позиции обоснованности принятых, якобы, мер безопасности, а патриарх Завен находил, что из-за действий отдельных лиц не должна была страдать вся нация. Этот подход Талаат парировал бездоказательным тезисом об Армянском восстании: “Не несколько лиц, не несколько тысяч и не несколько сотен тысяч людей... Вот почему явилась необходимость удаления этого народа из места проживания и нейтрализовать поселением в другом”. Патриарх не постиг всю логику ответа всесильного министра и спросил: “А какое преступление совершили женщины и дети?” Последовал уточняющий алогичный ответ: “Потому что находятся со своими семьями”. Причем Талаат отверг положение как о необходимости ответственности наказания осуществленному преступлению, так и необходимости закона, разрешающего отнимать детей у родителей. Снисходительный подход был проявлен к утверждению патриарха о проявлении жестокостей к депортируемым армянам: “К сожалению, такие случаи имели место”.⁷⁴

Патриарх Завен примиряющее заявил: что было-то было, армяне уже депортированы, что означало призыв к остановке истребительной политики. Талаат счел нужным заявить, что ничего “нового” не будет предпринимать. На указание патриарха об изгнании армянского населения г. Родосто, находящегося в двух часах от Константинополя, министр припомнил, что во время Балканских войн местные армяне оказывали содействие болгарам. Им был лишь опущен тот факт, что в начале июля 1913 г. он и Энвер орга-

низовали Родостский погром в качестве сигнала для Европы. Ставилась цель не допустить принятия программы реформ для Западной Армении.

После того как патриарх затронул вопрос арестов армян в Константинополе и принятия мер по оказанию помощи со стороны правительства Турции голодающим депортированным армянам, раздраженный Талаат пожелал, чтобы патриарх не интересовался подобными вещами. Тогда патриарх затронул вопрос причины уничтожения духовенства и священников, например, епископа Кесарии Хосрова Педжрикяна, который не являлся членом никакой партии и был его школьным товарищем. Талаат вяло отреагировал, - "Потому что он был гичакистом",⁷⁵ и последующим молчанием дал знать о завершении встречи.

Каждая из сторон сделала свои выводы. Патриарха Завена беспокоила угроза выселения армян Константинополя в сентябре 1915 г., которая была сорвана усилиями американского посла Моргантау.⁷⁶ Министра же внутренних дел злило сохранение массива армянского населения. 16 сентября 1916 г. он вновь затребовал уничтожения депортированного армянского населения от губернатора Алеппо: "Вам уже сообщалось, что по указанию Джемиеета было решено полностью уничтожить проживающих в Турции армян. Те, которые выступают против этого решения, не могут оставаться на официальных постах Империи. Как бы жестоки не были принятые меры, должен быть положен конец их (армян) существованию. Не обращайтесь внимания ни на возраст, ни на пол, ни на угрызения совести".⁷⁷ 21 сентября Талаат указал на необходимость упразднения гуманизма к армянским детям: "Нет никакой нужды в приюте. Не время давать волю сентиментальности и кормить сирот, прелевая им жизнь. Отправляйте всех в пустыню и информируйте нас".⁷⁸

План переселения армянского населения американского посла в Константинополе получил резонанс. 22 сентября 1915 г. и.о. госсекретаря сообщил Моргантау, что предложенные им 3 сентября пять лиц в комитет для переселения 550 тыс. армян в США, которые должны были заняться этой проблемой, считают непреодолимыми трудности на пути массовой эмиграции. При этом ими зондировалась возможность использования посылком 50 тыс. долларов на оказание немедленной помощи немусульманскому населению в виде продовольствия, одежды, возможности возвращения домой, либо на миграцию.⁷⁹ Телеграмма заставила американского посла задуматься об усилении ресурсов плана переселения армян Османской Турции.

В американской прессе усилились проармянские материалы. 23 сентября 1915 г. газета "The New York Times" торжественно сообщила о чудесном спасении 5 тыс. армян Муса лера, шести армянских деревень около Антиохии, выдержавших непрестанные атаки турецких частей. Французские крейсера перевезли участников самообороны в Порт-Саид, где мужчины

стали записываться в Армянский легион для борьбы против Турции. Затем последовала публикация о деятельности в Париже представителя католикоса всех армян в Европе Погоса Нубар паши, который предоставил корреспонденту газеты Таймс" письма западных армян об истребительной политике Турции. Погос Нубар паша считал, что погромы кровавого султана Абдул Гамида 1895 г., унесшие жизнь 300 тыс. армян не идут ни во что с истребительной политикой младотурок, унесшей более 1,5 млн. армян. Был сделан призыв к европейским странам проявить единодушие в защиту прав армянского населения Османской Турции.

Контрмеры против роста антитурецких настроений в американском обществе предприняла дипломатия Германии. 23 сентября 1915 г. германский посол Бернсдорф в США направил ответное письмо американскому Национальному союзу с сообщением, что, по данным правительства Германии, обвинения Османского правительства в "варварстве являются вымыслом". Обращение католикоса всех армян Геворга V о содействии американцев турецкоподданных армян сочтено написанным "под русскую диктовку".⁸⁰

Положение армян в Османской Турции ухудшалось. 24 сентября 1915 г. австрийское посольство доложило главе внешнеполитического ведомства Буриану о прибытии с 1 по 15 сентября 22 тыс. депортированных армян в Дамаск, которые после двух-трех дня отдыха направлялись в южные пустыни. Караваны насильных выселенцев были составлены из армян Алеппо, Аданы, Мараша, Айнтапа, Гарсона и Александреты. Среди них имелись армяне-католики. Все переселенцы были лишены средств существования.⁸¹

Руководство Турции приняло решение усилить политический пиар для обоснования истребительной политики армян. 25 сентября 1915 г. тайным приказом N 1923 Талаат затребовал от руководства Алеппского вилайета подготовки армянскими деятелями пасквиля о составлении заговора партией "Дашнакцутюн" против Турции. Приказом предписывалось привлечь ряд армян Гаджина, Мерсина и Айнтапа, путем "лести, возвеличения и убеждения" для составления опуса о подготовке партией "Дашнакцутюн" восстания на случай военных действий и принятия соответствующих мероприятий. Лица, подписавшие такой пасквиль, должны были иметь вес и авторитет среди армянского населения. Руками армян намечалось похоронить в очередной раз Армянский вопрос.⁸²

25 сентября 1915 г. и. о. посла Германии Гогенлоэ-Ланденбург телеграфировал внешнеполитическому ведомству: "Несмотря на опровержения правительства, все свидетельствует о поставленной цели - уничтожение армянского народа".⁸³ Отсутствие реальных сдвигов имело связь с недостаточным уровнем воздействия Германии на союзницу Турции в Армянском вопросе. Между тем временным законом от 26 сентября правительство Турции получило возможность осуществить экспроприацию и конфискацию банковских средств депортируемых армян, стремясь максимально

изъять материальные ресурсы от их последующего использования наследниками и направления на державные нужды. По мнению представителя Римского папы в Константинополе магистра Долчи, опубликованному в газете "The New York Times" 27 сентября 1915 г., Германия и Австрия не могли вмешаться в вопрос истребления армянского народа в Турции, поскольку являлись ее союзниками, а другие внешние силы находились с ней в военном противостоянии. Единственной защитницей армян представлялась Америка, посол которой прикладывал значительные усилия по их спасению, хотя свой вклад мог внести и Ватикан.⁸⁴

Размах армянской трагедии заставил доктора Лепсиуса, по возвращению в Берлин, запросить помощника статс-секретаря иностранных дел Циммермана о воздействии на Турцию для спасения оставшихся в живых армян. Циммерман отреагировал на необходимость учета реалий большой политики: "Что мы можем сделать? Наш союз с турками - это в первую очередь союз с Талаатом, Энвером и Халилом. Если эти трое не прислушиваются к нашему мнению, нам остается только разорвать союз. А этого мы не можем".⁸⁵ По сути дела, был произнесен монолог "перевертыш": все разумное действительно, все действительно разумно. Железная немецкая логика страдала забывчивостью последовательности проповедуемой философии в Армянском вопросе.

Еще в феврале 1913 г. Погос Нубар паша заявил Циммерману, что стремление армян к преобразованиям не означает сепаратизма и отделения от Османской державы. На это последовал нравоучительный ответ помощника статс-секретаря: "Мы для познания стремлений армянского народа, проникновения в генезис возможного развития его жизни не имеем потребности выслушивать заявления его руководителей. Достоверно лишь то, что армянский народ делает громадный шаг к автономии." Сферой интересов Германии признавалась Киликия, где армянскому населению угрожала судьба "или-или": "Армянский элемент внутри Киликии должен быть уничтожен либо должен занять достойное судьбоносное положение. Среднего пути нет."⁸⁶ Турецкая расправа над армянским населением была предопределена отрицательным отношением германской дипломатии к Армянскому вопросу, и Циммерман был причастен к осуществляемому генциду армянского народа.

Суждение - "Что мы можем сделать?" - являлось лишь прикрытием желания воздействовать на младотурецкий режим для принятия реальных мер по прекращению уничтожения армянского населения. Достойным соратником Циммермана в Армянском вопросе являлся посол Вангенгейм.

В сентябре 1915 г. кайзеровское посольство в Константинополе направило консульствам инструкции по Армянскому вопросу. В нем говорилось о законности действий правительства Турции в Армянском вопросе как депортация из зоны военных действий: "Наша позиция в Армянском во-

просе была такова, что турецкое правительство в военных интересах и в интересах внутренней безопасности страны имело право прибегнуть к чрезвычайным мерам, которые могут характеризоваться в качестве действия самозащиты, как, например, принудительная высылка армянского населения из областей, находящихся под угрозой вследствие интервенции русских и акций французского и английского флотов".⁸⁷

Критике подвергалась форма осуществления депортации: "Напротив, министерство иностранных дел и кайзеровское посольство осудили бесчинства всех видов, которые начались вследствие этих принудительных мер: убийства отдельных личностей, массовые казни, как в это в особенности имело место в Диарбекире у Кейсарии, нападения на эшелоны ссыльных, систематически организованные в отдельных местностях (в Муше, Эрзеруме, Эрзинджане, Трапезунде, Диарбекире, Ангоре, Малатии), избиятия тысяч беззащитных мужчин и женщин, распространение резни на христианских конфессий, которые не имеют политической общности с собственно (так называемыми григорианскими) армянами и отчасти враждебно относятся к ним. Безжалостное обращение со ссыльными, которые, будучи лишеными всяческих средств к существованию, были обречены на голод и нищету, также казалось неоправданным".⁸⁸ Скромно говорилось о нелегитимности выселения армянского населения из местностей, отдаленных от зоны боевых действий: "Столь же мало обоснованно с военной точки зрения выселение армянского населения из областей страны, удаленных от театра военных действий". Обращено внимание на последствия политики союзной Турции, в том числе и для Берлина: "Экономический ущерб, причиненный этими мерами, в одинаковой степени затрагивает торговлю, земледелие и промышленность страны; уже сейчас заодно пострадали оцутимым образом и интересы Германии".

Представлялась деликатная и стыдливая ситуация, осуждающая позицию Германии к действиям правительства Турции, которая дальше декларативного порицания не шла: "Кайзеровское посольство в общих интересах союзников вновь обратило внимание Порты на политические и торгово-экономические последствия преследования армян и настояло на пресечении наисквернейших злоупотреблений. При этом оно преднамеренно не акцентировало гуманитарную точку зрения, а также избегало видимости того, будто бы оно желало вмешаться во внутривполитические дела".

Консулам предлагалось учитывать необходимость обеливания образа Германии как соучастницы Турции в Армянской Голгофе: "Кайзеровскому посольству тем более неприятно из-за позиции широких кругов внутри страны, главным образом в Анатолии, согласно которой правительство Германии спровоцировало действия турецкого правительства против армян, а консулы в провинциях поддерживали и поощряли местные органы во время преследований армян. Эта точка зрения господствует не только

среди армян, но и среди турок и, как показывают неоднократные сведения, усердно распространяется турецкими чиновниками и военными высокого и низкого рангов”.⁸⁹ За Германией резервировалась право публичного порицания Турции в удобное время, которое могло и не наступить вследствие победы либо военного поражения: “Против этих высказываний с немецкой стороны должен быть выражен совершенно решительный протест, и кайзеровское правительство сохраняет за собой право в приемлемое время оказать этому также публично ... энергичное противодействие”.⁹⁰

В этих выверенных строках инструкции германского посольства нападение Турции на Россию представлялось интервенцией. Депортация рассматривалась как следствие военных Действий стран Антанты. Причем косвенным путем признавалась ответственность правительства Германии за Армянскую национальную трагедию, проявлением которой явилась депортация, получившая санкцию кайзеровского режима. Посольство признавало “неоправданными” методы упразднения Армянского вопроса и истребления армянского населения, несостоятельность своей деятельности и отсутствие гуманизма ко всем истребляемым христианским братьям. Знали обо всем происходящем и молчали, спохватились и стали порицать, но не акцентировано из-за военного союза. Возможное порицание Высокой Порты за антиармянскую деятельность представлялось делом отдаленным. Молох истребления действовал. В этом, по словам австрийского поверенного делах Траутмансдорфа, была большая вина “тевтонских варваров”.⁹¹

I. Турецкая программа “распыления”

1. Лепсиус И. Тайная справка..., с. 143, 144.
2. Геноцид армян..., N 172, с. 215.
3. Там же, с. 315, 316.
4. Там же, с. 316.
5. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 133.
6. Там же, с. 134.
7. Палакян Гр. Армянская Голгофа..., с. 131.
8. Там же, с. 132.
9. Лепсиус И. Тайная справка..., с. 144, 145.
10. Сообщения австро-венгерских дипломатов ... N 22, с. 35.
11. Кочарян Г. О старом заблуждении ... 1927, 7 августа.
12. Армянский вопрос..., с. 194.
13. Там же, с. 194, 195.
14. Турки о турках..., с. 195.
15. Там же, с. 195, 211, 212, 216.
16. Армянский геноцид в Турции в свете дипломатических документов..., с. 22.
17. Геноцид армян. По документам..., с. 41.
18. Там же, с. 42 - 46, 152.
19. Армянский вопрос..., с. 200.
20. Там же, с. 199 - 203.
21. Судебные разбирательства... Приложение N 2,5,-7, с. 77, 82, 83, 84., 85, 86.
22. Турки о турках..., с. 425.
23. Геноцид армян..., N 172, с. 316, 317.

24. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 288.
25. Там же, с. 289.
26. Отношение И. Лепсиуса советнику миссии в МИД Розенбергу от 17 июня 1915 г., которое было послано послу Вангенгейму 11 июня.
27. Там же, с. 113.
28. Там же, с. 114.
29. Там же, с. 117, 118.
30. А. Н. Айруни. Миссия Иоганеса Лепсиуса. Ер., 2002, с. 248 - 251.
31. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 118.
32. Там же, с. 116.
33. Там же, с. 241.
34. Армянский вопрос..., с. 187, 189.
35. Там же, с. 189.
36. Там же, с. 159, 160.
37. Там же, с. 160.
38. Там же, с. 190.
39. Акуни С. Миллион..., с. 113 - 114.
40. Там же, с. 115.
41. Там же, с. 116.
42. Там же, с. 117.
43. Пейлерян А. Великие державы..., с. 137 - 139.
44. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 141.
45. Там же.
46. Там же, с. 141, 142.
47. Там же, с. 142.
48. Там же.
49. Там же, с. 108 - 110.
50. Айруни А. Н. Иоган Лепсиус как армянофильский деятель..., с. 45, 46.
51. Лепсиус И. Тайная справка..., с. 118.
52. Завен архиепископ. Патриаршие..., с. 129.
53. Сообщения австро-венгерских дипломатов ... N 37, с. 54.
54. Геноцид армян. Сбор. мат. Сост. Л. А. Барсемян ..., с. 184.
55. Там же, с. 184 - 186.
56. Геноцид армян ..., N 199, с. 416.
57. Киракосян Дж. С. Международный империализм ..., с. 83.
58. Армянский геноцид в сообщениях дипломатов Германии..., N 12, с. 45.
59. Там же, с. 46.
60. Там же, с. 48.
61. Армянский вопрос..., с. 208.
62. Геноцид армян..., N 160, с. 295.

II. Камуфляжные протесты Германии

1. Акуни С. Миллион..., с. 111.
2. Осуждение армянского геноцида в парламенте Великобритании..., с. 5 - 10.
3. Акуни С. Миллион..., с. 112.
4. Документы США..., с. 40, 41.
5. Турки о турках..., с. 425, 426.
6. Из истории геноцида..., с. 14.
7. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 280, 281.
8. Там же, с. 280, 281.
9. Там же, с. 281.
10. Армянский геноцид в сообщениях дипломатов ..., N 16, с. 53.

11. Германские источники ..., с. 221.
12. Армянский вопрос..., с. 207.
13. Там же, с. 209.
14. Там же, с. 209, 210.
15. Там же, с. 211.
16. Там же, с. 212.
17. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 159.
18. Там же, с. 159, 160.
19. Там же, с. 160.
20. Там же, с. 159, 160.
21. Государственная дума. - Биржевые ведомости. 1915, 21 июля.
22. Армянский геноцид в сообщениях дипломатов Германии..., N 18, 19, с. 61-64.
23. Армянский вопрос..., с. 227.
24. Айруни А. Н. Иоган Лепсиус ..., с. 47.
25. Турки о турках..., с. 221.
26. Айруни А. Н. Иоган Лепсиус ..., с. 47.
27. Фирбюхер Г. Армения..., с. 58.
28. Из истории геноцида..., с. 81, 82.
29. Фирбюхер Г. Армения..., с. 58.
30. Там же, с. 25.
31. Документы США..., с. 42, 43.
32. Там же, с. 42 - 45.
33. Из истории геноцида..., с. 14.
34. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 275.
35. Там же, с. 77.
36. Сообщения австро-венгерских дипломатов ... N 27, с. 41.
37. Ахмед Рефик Два комитета..., с. 44.
38. Сообщения австро-венгерских дипломатов ..., N 27, с. 42.
39. Там же, с. 40 - 42.
40. Завен архиепископ. Патриаршие..., с.130, 131, 154.
41. Лепсиус И. Тайная справка, с.153 -155.
42. Турки о турках..., с. 183.
43. Завен архиепископ. Патриаршие..., с.137.
44. Там же, с. 140.
45. Там же, с. 141.
46. Там же, с. 142.
47. Там же, с. 136 - 142.
48. Сообщения австро-венгерских дипломатов ..., N 28, с. 42.
49. Там же, с. 42, 43.
50. Там же, с. 43.

III. Политика "двойных стандартов"

1. Документы США..., с. 46.
2. Германские источники ..., с. 221.
3. Из истории геноцида..., с. 60.
4. Армянский геноцид в Турции в свете дипломатических документов ..., с. 24.
5. Там же, с. 25.
6. Там же, с. 26.
7. Там же, с. 27.
8. Серобян М. Наша борьба..., с. 259.
9. Документы США..., с. 47.
10. Армянский геноцид в Турции в свете дипломатических ..., с. 33.

11. Сообщения австро-венгерских дипломатов...,N 30, с. 45, 46.
12. Турки о турках..., с. 222.
13. Сообщения австро-венгерских дипломатов ..., N 31-35, с. 46 - 51.
14. Турки о турках..., с. 222.
15. Сообщения австро-венгерских дипломатов ..., N 38, с. 54, 55.
16. Там же, с. 55.
17. Там же, N 39, с. 55 - 57.
18. Там же, N 41, с. 58, 59.
19. Из истории геноцида..., с. 70.
20. Фирбюхер Г. Армения..., с. 58.
21. Там же, с. 69.
22. Армянский геноцид в Турции в свете дипломатических документов ..., с. 32.
23. Сообщения австро-венгерских дипломатов..., N 41, с. 58, 59.
24. Официальные документы США..., N 44, с. 74.
25. Там же, N 32, с. 56.
26. Там же, N 71, с. 153.
27. Армянский вопрос..., с. 223.
28. Там же, с. 221 - 225.
29. Турки о турках..., с. 222.
30. Лепсиус И. Тайная справка..., с. 178.
31. Турки о турках..., с. 221, 222.
32. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 212.
33. Там же, с. 212, 213.
34. Тунян В. Г. Армянский вопрос..., с. 88.
35. Там же, с. 89.
36. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 213.
37. Армянский геноцид в сообщениях дипломатов Германии..., N 22, с. 72.
38. Там же, с. 71, 72.
39. Документы младотурецкого комитета..., N 5, с. 78.
40. Геноцид армян. По документам..., с. 47.
41. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 213.
42. Там же, с. 214.
43. Сообщения австро-венгерских дипломатов ... N 43, с. 62.
44. Завен архиепископ. Патриаршие..., с. 142 - 149.
45. Сообщения австро-венгерских дипломатов..., N 43, с. 61 - 63.
46. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 214.
47. Там же, с. 231.
48. Сообщения австро-венгерских дипломатов ..., N 43, с. 65, 66.
49. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 232.
50. Там же, с. 233.
51. Там же, с. 224.
52. Там же, с. 223.
53. Там же, с. 221.
54. Там же, с. 226.
55. Из истории геноцида..., с. 61, 62.
56. Там же, с. 62.
57. Там же, с. 63.
58. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 291.
59. Там же, с. 291, 292.
60. Документы младотурецкого комитета..., N 6, с. 79.
61. Там же, с. 79, 80.
62. Там же, с. 79.

63. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 282.
64. Из истории геноцида..., с. 61.
65. Ахмед Рефик. Два комитета..., с. 72, 73.
66. Геноцид армян..., N 206, с. 427.
67. Геноцид армян. По документам..., с. 44, 169, 172, 177, 179.
68. Завен архиепископ. Патриаршие..., с. 127, 128.
69. Там же, с. 124.
70. Акуни С. Миллион..., с. 105.
71. Завен архиепископ..., с. 124.
72. Там же, с. 124, 125.
73. Там же, с. 126.
74. Там же, с. 127.
75. Акуни С. Миллион..., с. 105.
76. Документы младотурецкого комитета..., N 7, с. 79.
77. Там же, N 8, с. 79.
78. Документы США..., с. 48.
79. Из истории геноцида..., с. 63, 65, 68.
80. Сообщения австро-венгерских дипломатов..., N 47, с. 66 - 68.
81. Серобян М. Наша борьба..., с. 248.
82. Армянский геноцид в сообщениях дипломатов Германии..., N 25, с. 78.
83. Из истории геноцида..., с. 65.
84. Фирбюхер Г. Армения..., с. 58.
85. Мирзоян С. С. Доклады о внутреннем положении Киликии..., с. 64..
86. Армянский вопрос..., с. 227.
87. Там же, с. 226, 227.
88. Там же, с. 227.
89. Там же, с. 227, 228.
90. Там же, с. 228.
91. Австро-венгерские дипломаты..., N 6, с. 143.

ГЛАВА 5. "БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА" ТУРЦИИ В АРМЯНСКОМ ВОПРОСЕ

1. Провал плана Моргентау по переселению армян

В сентябре 1915 г. произошел рост политической напряженности на Балканах. Имело место оформление Четверного союза против стран Антанты. Болгария 3 сентября подписала соглашение с Турцией, а 6 сентября союзный договор с Германией и Австро-Венгрией. Этому способствовали военные успехи Германии, занявшей часть русских территорий в Польше, Белоруссии, Литве, и провал англо-французской Дарданелской операции. Возникла угроза нападения Болгарии на Сербию из-за Македонии. Белградское правительство имело союзный договор с Грецией, которая согласилась выполнить союзнические обязательства при высадке 150 – тысячной армии Антанты в Салониках. Англия и Франция наметили перебросить туда свои части с Галипольского полуострова.¹ Военный министр Энвер не терял оптимизм. Наследному принцу Германии было телеграфировано о неизменности победной веры: "Надеюсь суметь вскоре бросить врагов в море".²

В сентябре 1915 г. проявились разногласия вокруг метода решения Армянского вопроса внутри центрального комитета партии "Единение и Прогресс". Вали Смирны Рами бей и Адрианополя Адиль бей заявляли о необходимости депортировать местное армянское население без веских причин. После разъяснительной беседы с министром внутренних дел они сохранили свою точку зрения. Талаат сумел преодолеть внутренние разногласия в "Джемиете", в частности, назначением Гаджи Адиля председателем Османского парламента. Рами бей, не согласившийся с политикой младотурок в Армянском вопросе, был вынужден эмигрировать за границу в Салоники.

Немецкий журналист фон Тисцке, представитель "Кельнской газеты", в сентябре 1915 г. направил из Константинополя помощнику статс-секретаря Министерства иностранных дел Циммерману ряд секретных донесений по Армянскому вопросу: "Преследования армян" - 5 и 6 сентября, "Армянское восстание и турецкие злодеяния" - 22 сентября, "Ужасы, совершенные армянами над мусульманами" - 29 сентября, "Правда о турецких мерах уничтожения армян" - 30 сентября. Все они носили обзорный и аналитический характер, отражая взгляды автора о характере армянской трагедии и турецко-германских отношениях.

Разногласия внутри младотурецкого руководства о необходимости депортации армянского населения Адрианополя и Смирны представлялись как проявление столкновения диктаторского и прагматично-гуманного подходов: "Талаат - экстремальный, до сих пор происходило все, чего он хотел. Рами учился больше чем Талаат, больше путешествовал, практичная, но и гуманная личность, ясные суждения которого, в качестве депутата о разных

политических вопросах, неоднократно распространялись мною с большим одобрением. У него много приверженцев в комитете”.¹

Привлекает внимание мнение фон Тисцке о природе младотуркизма. Вопреки правительственной точке зрения, он характеризовал правящий режим как тоталитарный: “Сегодняшнее правительство совершенно напрасно слышит либеральным. Оно, скорее, является всем, чем этим, оно более абсолютно, более диктаторское, чем было правительство Абдул Гамида”. Показаны закулисные решения формирования правительственного образа через печать, власть предрешающих и перед границей: “Пресса связана и знает лишь хвалу современных власть имущих, которую распространяет дружественная граница с доброй волей, но с небольшой компетентностью”.² Турецкая пресса являлась проводником воли центрального комитета партии “Иттихад”. Наглядным примером приводилась статья в г. “Hilal” (“Полумесяц”), которая сравнивала Энвера с немецким фельдмаршалом Гинденбургом. Осуществлялось манипулирование общественного мнения. Тисцке отмечал: “Так, о строгих мерах, примененных правительством против армян из-за восстания в Ване, говорили как о справедливой самообороне, к которой для восстановления порядка должно было прибегнуть государство”.

Симпатии Тисцке, как представителя союзной державы, всецело находились на стороне Османской Турции. Вместо с тем он дистанционировался от младотурок, считая османских сенаторов “турецкой солью”, как людей умеренных и трезвых. Он отмечал: “Представители права и гуманности являлись не армяне, вызывающие в моей памяти более глубокую занятость причинами и последствиями действий турецкого правительства, а это были турецкие сенаторы здешнего сената, люди с огромными заслугами и безупречным характером, чувствующие отвращение к поступкам, которые совершали их правительство с непоколебимым спокойствием и как само собой разумеющееся”.⁴

Вокруг Армянского вопроса в турецком обществе царил назлектризованная обстановка: “Очень мало турок, с которыми искренне можно говорить об Армянском вопросе, даже у обычно образованных и бывалых людей сразу проявляется ярость, которая стрижет всех под одну гребенку и которая всегда заканчивается референтом: “Всех армян нужно будет истребить, они - предатели! “ Отнюдь не симпатизируя армянам, Тисцке пытался разобраться в перипетиях армянской этнозачистки с точки зрения политической необходимости: “Однако намного важнее, чем благо и боль армян (которые, конечно, отнюдь - не очень симпатичная порода людей), являются большая политическая связь и подоплека Армянского вопроса и виды на будущее, которые связаны с ним”. При этом учитывались интересы Германии: “Так как если бы в Турции все было так, как этого мы должны желать с точки зрения немцев, можно было бы, наконец, при всеобщем большом горе

и нищете из-за мировой войны закрыть глаза еще и на страдания армян. Но, к сожалению, дело обстоит совсем иначе”.

Армянская трагедия представлялась превратностью судьбы: “До недавнего времени, в начале этого года армянский элемент считался самым благонадежным из христианских элементов в Турции. Об этом можно было читать во всех газетах, и важные турецкие сановники подтверждали это при любой представившейся возможности. С марта произошла перемена, такая всеобщая, такая определенная, как будто турки до сих пор не знали, каких опасных змей пригнали они на груди. Там, где поступки не регулируются и не определяются опытом, бывают лишь произвол и непостоянство”.⁵

Причину антиармянской политики Османской Турции Тисцке связывал не с диктаторской властью младотурок, а лишь с “железной волей” Талаатом, а точнее, “злым гением” младотуркизма.⁶ Основным фактором антиармянской политики указывалось господство турецкого шовинизма и радикальный конфессионализм: “Самой глубокой причиной угнетения армянского народа является недавний (под впечатлением Энвера паши, возвращения потерянного Адрианополя, побед на Дарданеллах) надутый национализм и магометанский фанатизм”.⁷

Приводилось армянское мнение о сущности системной политики уничтожения младотурецкого режима: “Сами армяне говорят: “Абдул Гамид устраивал среди нас резню, но все же мы могли время от времени мириться с его правительством; теперь обхождение намного хуже, чем резня. Всю армянскую нацию убивают и медленно губят разрывом семей и разъединенной высадкой на совершенно чужую землю, лишенных всего имущества. Мы могли бы еще понять, если бы за каждое предательство родине и шпионаж вешали бы несколько сот мужчин, как устрашающий пример; мы могли бы понять, если от ярости за события на театре военных действий армян там жестоко расправились бы с тысячами, как во времена Гамида. Но мы не понимаем того, что причиняют невинным семьям далеко от войны расположенной Анатолии. Любая резня от ярости была бы понятна, но не эта коварно медлительная, хорошо обдуманная политика депортации”. Тисцке солидаризировался с мнением армян: “И они совершенно правы!”⁸

Одиозной указывалась армянская точка зрения о возможности Германии приостановить истребительную политику младотурецкого режима. Тисцке отмечал: “Армяне, конечно, как довольно часто при мне говорилось, без исключения, твердо убеждены, что при позиции, которую Германия сегодня имеет в Турции, достаточно было бы одного энергичного шага, чтобы произвести изменения. Они не могут понять, что не произойдет никакого изменения, они прячутся за спиной американского посла, который со своей стороны равным образом предложил туркам вполне благоразумные меры для облегчения нужд армян и неоднократно предпринимал энергичные шаги против преследований”.

Констатировалась противоположность последствий усилий кайзеровского и американского посольств в Армянском вопросе. Все усилия немецкой дипломатии по внесению изменений в армянскую политику отмечались несостоятельными из-за противодействия Высокой Порты: "Германское посольство довольно часто и в дружественной, но категорической форме упрекало турецкое правительство из-за преследований армян. Чудовишно, что несмотря на отношения германо-турецкого боевого содружества и тесный союз и несмотря на то, что в этой войне мы туркам необходимы так, как воздух для дыхания, правительство не считает необходимым, по крайней мере, в целом исполнить требование немцев, которые желают ему лишь добра, так как давно все армянские шпионы перешли в русскую область или повешены, а дальнейшее уничтожение прогрессивного элемента армянского народа означает лишь тяжелый хозяйственный ущерб, которого Турция теперь, когда война опустошила Анатолию, особенно должна была бы избежать."

Ничего не менялось в армянской политике руководства младотуркизма. Политика обещаний и их игнорирования оставалась неизменной: "Нет, продолжается по старому стилю; обещания - *vage* (шаткие), и никто не верит в них и, несмотря на все обещания, совсем за последнее время по - прежнему происходят вещи, являющиеся ударом по лицу немцев".⁹

Выигрышной трактовалась позиция американского посольства в Константинополе, которое в Армянском вопросе, в любом случае, получало пропагандистские дивиденды. Тисцке указывал: "Поэтому американский посол знает также: после того как Турция отклонила его вмешательство повлиять через его страны на весь нейтральный мир, так что наконец все поверят в германо-турецкое соглашение по Армянскому вопросу и следствием будет кампания против варварства немцев. При этом, посольство не упускает ничего, чтобы внести поправку по этому вопросу!"¹⁰

Порицание Германии в Армянском вопросе трактовалось следствием торжества воинствующего тюркизма: "Но это пренебрежение доброжелательными советами немцев весьма достойно внимания в двойном отношении: во - первых, это доказательство, что турки именно решили постепенно создать чисто турецкое национальное государство (причем они себе будут рыть могилу!) и затем все это - один из многих симптомов пробуждающегося турецкого высокомерия".¹¹ Проявлением мании величия и шовинизма младотурок указывалась статья "Notre mission en Orient" ("Наша миссия на Востоке") в газете "Hilal" от 7 сентября 1915 г.

Донесение Тисцке "Армянское восстание и турецкие злодеяния" от 22 сентября 1915 г. опровергало ранний миф младотурок о Зейтуне как месте начального проявления армянского сепаратизма. Было показано наличие локального инцидента для детонации процесса депортации: "Итак, корни армянского восстания восходят к февралю сего года. 35 - 40 молодых военнопленных армян сбегали в Зейтун с намерением уклониться от военной

службы. Население стало на сторону дезертиров и против них; подлые люди, должно быть, поддержали турецкое правительство в поимке последних. Дело дошло при этом до перестрелке армян с турецкими жандармами, вследствие чего 14 - 15 из первых были убиты". Отсутствие массового противодействия в Зейтуне не позволило министру внутренних дел Талаату вначале использовать зейтунский инцидент для публичной антиармянской кампании: "Здесьшний армянский патриарх посетил министра Талаата бея, - отмечает Тисцке, - чтобы получить подлинную информацию о тамошних происшествиях. При этом министр, говорят, заявил патриарху, что он очень доволен поведением армянского населения". Несмотря на это депортация зейтунцев была осуществлена.

Приводилась масштабность армянской трагедии в Османской Турции: "Кровавые расправы, которые развернулись теперь в азиатской Турции и конец которых пока нельзя предвидеть, пожалуй, еще никогда не происходили в таком объеме".¹² Детализировалась картина преступных насильств: отнятие детей, убийство армянских мужчин в караванах выселенцев Эрзерума, экспроприация имущества, погребение живых женщин и мужчин в Эрзинджане, утопление жандармами убежавших подростков в Ефрате, использование женщин и девушек в "преступных целях" в Сивасе, сознательное уничтожение армянской интеллигенции, духовенства и политической элиты. Отмечалось личное знакомство с погибшими армянскими деятелями Зограбом и Вардгесом.¹³

Проекция донесения Тисцке "Ужасы, совершенные армянами над мусульманами" от 29 сентября 1915 г. заключалась в представлении подготовки турецкой пропагандистской брошюры по Армянскому вопросу, которая затем получила название "Белой книги". Работа по сбору материалов для брошюры велась под руководством Эсад бея, начальника второго отделения министерства внутренних дел. Концептуальная направленность брошюры германскому корреспонденту была изложена Эсадом в форме обоснования армянского сепаратизма: "Уже несколько лет, как началось армянское движение на востоке империи. С начала войны оно приняло более острый характер". Зачинщиком национального движения движения представлялся бывший депутат Османского парламента Гаро Бастрмаджян, который еще до начала мировой войны перебрался на Кавказ. Главным фигурантом турецкого обвинения указывалась партия "Дашнакцутюн": "Образовывались банды из армянской революционной партии Дашнакцутюн. В их главе стоял Пастрмаджян, бывший депутат из Эрзерума, который сумел ввести Турцию в заблуждение своим пленением на Кавказе русскими в свою пользу". Неточное изложение обстоятельств деятельности Бастрмаджяна сопровождалось возложением на него функции "главного руководителя" армянского добровольческого движения и организатора "армянских ужасов" в Ване: "В действительности, он выступал как главный руководитель пяти армянских

банд (дружин), которые совершали свои бесчинства в местностях вокруг Вана и затем в Ване убийствами и бесчестными поступками распространяли всякого рода ужасы". При этом не учитывалось, что Бастрмаджян получил ранение в Баязете и не принимал участия в освобождение Ванского района.

Значение обвинительного материала предполагалось демонстрировать фактами гибели и насилий над мусульманским населением при бегстве из Вана. Эсадом отмечалось: "Магометанское население зафрахтовало семь судов в Ване, чтобы через озеро спастись бегством из Вана в Аделхивас на севере озера. Все семь барок (на каждой, по крайней мере, 400 человек, всего 2 800) затонуло от взрывов на озере". Однако не указывалось, что армянские добровольческие дружины не располагали артиллерийскими пушками и не могли организовать взрывы на озере Ван. Другой обвинительный аргумент гласил: "200 магометанских семейств в Ване были избиты армянскими бандами". Изыском обвинений являлось представление армяно-русских гонений на мусульман: "На третий день после появления армянских банд, в город прибыли также русские нерегулярные части, позже и войска, и приняли участие в резне".

Достоверность собранного материала оттеняет и возложение на Акнуни руководства Ванского района: "Акнун паша, друг Бастрмаджяна, назначенный на должность губернатора Вана, распространил манифест, предупреждая всех жителей провинции дружить с турками и при этом указал на русского царя, как освободителя страны".¹⁴ На деле администрацию Ванского района возглавлял Арам Манукян, а Акнун был убит после смертного приговора Диарбекирского военного трибунала. Это показывало стремление турок использовать известные имена армянских деятелей в Османской Турции в качестве знаменосцев сепаратизма, чтобы обосновать репрессивную политику против армянского населения.

Для усиления достоверности представляемых фактов намечалось использование репродукции революционной символики партии "Дашнакцутюн", а также фотодокументальный материал последствий "ужасов". Начальник 2-го отделения Эсад бей определял число погибших мусульман в 200 тыс., что, на взгляд Тисцке, было несостоятельно: "Для чего, однако, не было оснований, так что число представлено сильно преувеличенным".¹⁵

В донесении "Правда о турецких мерах уничтожения армян" от 30 сентября 1915 г. Тисцке признал правомерность младотурецкого режима по обеспечению безопасности Османской империи, что повлекло гонения на армянское население, но все имело меру. Корреспондентом было отмечено: "То, что правительство железной рукой принимает решительные меры и ставит на колени всех, кто хочет оторваться, - это его правое дело, так как страна состоит из многих несовместимых элементов, ждущих лишь удобного случая, чтобы подражать в этом армянам, и ничто не действует более отрицательно, как показать слабость, где только сила может усилить авто-

ритет правительства. Но чтобы покров свободы, должно быть, не стал пугалом, оно должно знать границу, ограничение и вместо того, чтобы наказывать виновных, уничтожать невинных и беззащитных, потому что они принадлежат к расе бунтовщиков".

Потери армянского населения представлялись колоссальными, превышающими 0,5 млн., отражающими действительность турецкой государственности. Тисцке обращал внимание Циммермана: "Сегодня речь идет о жертвах, каковых еще не знает в действительности не бедная актами насилия турецкая история. В принципе безразлично, превышают ли принесенные армянами жертвы 500 000 тысяч или не достигают".¹⁶

Аналитические донесения фон Тисцке, в совокупности с представлениями посольства в Константинополе, имели определенное воздействие на германские политические круги. 1 октября 1915 г. советник посольства в Министерстве иностранных дел Розенберг сделал представление по Армянскому вопросу советнику турецкого посольства Эдем бею в Берлине. Было заявлено о несостоятельности истребления армянского населения для внутренних и внешних интересов Турции: "Преследованием и уничтожением армянского элемента, являвшегося одним из главных носителей торговли и ремесла в Турции, самой бы Турции был бы нанесен экономический ущерб тяжелейшим образом. Известия о преследованиях армян привлекли бы большое внимание и были бы невыгодны для авторитета турецкого правительства". Предвиделись осложнения для политики союзного кайзеровского правительства: "В самой Германии в филантропических кругах начало бы давать себя знать оживленное беспокойство".

Советник турецкого посольства Эдем, которому приведенные аргументы были уже известны, обязался германское представление довести до сведения посла и центрального правительства в Константинополе. По сути берлинского демарша было заявлено, что политика Османской империи и партии "Единение и прогресс" является лишь следствием "армянского восстания": "До весны текущего года сохранялись весьма хорошие отношения между армянами и турками, что тем более объяснимо: ведь армяне в течение революционного периода симпатизировали комитету и вместе с ним принимали меры против старого режима. Перелом наступил в апреле, когда во время наступательного марша турок на Азербайджан в тылу турецкой армии дело дошло до мятежа армян, при котором было убито не менее 180 000 магометан".¹⁷

Антиармянские репрессии представлялись проявлением спонтанных чувств мусульманского населения, а депортация признавалась вынужденной мерой Высокой Порты: "Неудивительно, что магометане ответили на это. Удаление армян в глубь страны было необходимо по военным причинам и в интересах самосохранения Турции. Если при этом происходили превышение власти, то оно совершенно не одобрялось центральным правительством".

Ответственность за эксцессы над армянским депортируемым населением возлагалась на местные структуры власти: “К сожалению, при больших пространственных расстояниях и примитивных средствах империи центральное правительство не всегда в состоянии предотвратить неумелость и халатность более низких властей”.¹⁸

В конце сентября 1915 г. супруга американского посла Моргентау отбыла в Америку. До этого она предприняла “дипломатический шаг” обратившись к министру Талаату с пожеланием прекратить “жестокое преследование” армянских девушек и женщин. На это последовал обескураживающий по откровенности и цинизму ответ Талаата: “Это нас только радует”.¹⁹ При проезде через Болгарию супругу Моргентау пригласила на встречу царица Элеонора. Этот повод решено было использовать. В ходе встречи было изложено трагическое положение “армянских женщин и детей”, что вызвало удивление у царицы, так как в европейской прессе было мало публикаций на эту тему. Госпожа Моргентау проявила настойчивость и вышла за пределы аудиенции, советуя Болгарии не быть союзницей варварской Турции. Царица Элеонора предписала болгарскому послу в Константинополе представить протест Турции по поводу насилий над армянским населением, который не сыграл существенной роли, лишь озлобив Талаата против посла Генри Моргентау.

В это же время Германия настойчиво обхаживала Болгарию для начала военных действий против Сербии. Акция супруги Моргентау получила негативную оценку со стороны германской дипломатии.²⁰ 29 сентября 1915 г. немецкий посол Бернсдорф направил сообщение госдепартаменту США о “сильном преувеличении” варварства против армянского населения, которое со стороны турок носило характер оборонительных действий. Американское общественное мнение сочло германского посла “плохо информированным” о происходящих событиях в Армении. Было подчеркнуто об убийстве на пути в Диарбекир двух членов Османского парламента Вардеса и Зограба. Приводилась оценка размаха армянской трагедии Талаат-пашой: “После всего этого в течении 15 лет не будет Армянского вопроса”.²¹ Госдепартамент неофициальным порядком попросил германского посла воздействовать на позицию правительства Германии в пользу армян, который лишь отреагировал тезисом о преувеличении происходящих насилий над армянским населением.²²

30 сентября 1915 г. австрийский поверенный в делах Траутмансдорф из Константинополя сообщил главе внешнеполитического ведомства Буриану, что мобилизация военных сил Греции была воспринята “относительно спокойно” в Турции. В случае обострения отношений двух стран прогнозировалось расширение процесса уничтожения христиан Турции из-за отсутствия адекватной реакции на истребление армян: “Если, однако, в дальнейшем обстоятельства приведут к состоянию войны между Турцией и

Грецией, то я боюсь, что Турция, которая сегодня живет в заблуждении, что может безнаказанно совершить уничтожение армянской расы, использует возможность предпринять и против греков насильственные меры и массовое выселение. И тогда, при практической невыполнимости подобных мероприятий, греков ожидает та же участь, что и армян в последние месяцы.” Экстраполировался перенос обвинительной младотурецкой кампании против армян на греков: “Если - по турецкому мнению - армяне виновны в том, что турок не может экономически развиваться, то эта теория таким же образом должна распространиться на греков. Ибо рядом с армянами стоят греки, которые держат в своих руках торговлю и экономическую жизнь в Турции”.

Делался вывод о синхронном переносе обвинений руководства Турции в совершении преступления над армянским населением на страны Четверного союза в Греческом вопросе, хотя вся проблема трагедии армянского населения связывалась с игом турок: “Но если вина за преследование армян приписывается влиянию центральных держав и в первую очередь Германии, то тогда державы Антанты - если бы начались преследования греков в большом размахе - должны были бы позаботиться и о том, чтобы этот глумящийся над каждой цивилизацией деспотизм турок приписывался таким же образом, а может быть в большей степени, тевтонским варварам”.²³

2 октября 1915 г. газета “The New York Times” сообщила, что доктор Моргентау нуждается в 5 млн. долларах для переселения в Америку 550 тыс. армян. Причем сам посол предоставлял один миллион долларов со своей стороны.²⁴ Телеграфное сообщение побудило министра внутренних дел Талаата проверить исполнение состояния истребительных мер против армянских выселенцев. 3 октября 1915 г. в префектуру Алеппо министром была направлена негласная телеграмма о непривлечении к судебной ответственности лиц, принимавших участие в расправах над депортированным армянским населением: “В зашифрованной телеграмме N 1843 от 2 сентября 1915 г. разъясняется, с какой целью нами выбран санджак Дейр-Зор в качестве места депортации. Эксцессы со стороны населения, имевшие место в пути в отношении известных лиц, не должны преследоваться, так как они служат осуществлению цели, намеченной правительством. Власти Зора и Урфы также проинструктированы”.²⁵ В тот же день была отправлена аналогичная телеграмма губернаторам Алеппо, Дейр-Зора и Урфы.²⁶

Этим самым отменялись косметические меры смягчения антиармянской политики истребления. Такое поведение министра Талаата, который давал различные обещания иностранным представителям в Константинополе относительно армянского населения и рассылал приказы об уничтожении депортированных турецкий историк Акчам Танер характеризует “двойственностью методов” деятельности: “С одной стороны, он рассылал официаль-

ные распоряжения, в соответствии с которыми следовало не допускать злоупотреблений в отношении депортированных или начинать судебные преследования против лиц, виновных в таких действиях. Таким образом он как бы реагировал на жалобы немецких и австрийских консулов. С другой стороны, рассылая телеграфом секретные приказы или посылая специальных курьеров, он дезавуировал свои же официальные указания".²⁷

В действительности, давая различные обещания представителям германского тандема в конце августа и американскому послу Моргентау в начале сентября 1915 г. и на время смягчая политику истребления армянского населения, Талаат действовал сознательно. Он принимал условия оправдательной кампании послов Германии и Австро-Венгрии в качестве временной меры, чтобы они имели возможность спасти репутацию представляемых держав, потрафлял переселенческому плану Моргентау для ослабления давления и прослеживания возможности обогащения личного и государственного характера от армянских средств - банковских, застрахованных и переселенческих. Военный союз с Болгарией, отсутствие массового поступления армянских финансовых средств лишь вновь продемонстрировали жесткую позицию относительно истребления армянского населения и, тем самым, Армянского вопроса.

Демонстрируя законность круга действий, младотурецкий режим 2 октября 1915 г. опубликовал во франкоязычном офицозе газеты "Hilal" "Предварительный закон об имуществе, долгах и аккредитированных лиц, перемещенных в другие места", состоящий из 11 статей. Первая статья гласила, что, согласно "Предварительному закону об имуществе, долгах и аккредитированных личностях и юридических лицах, перемещенных в другие места" от 14 мая 1915 г., судами упраздняются обязательства и претензии, для удовлетворения которых создавались комиссии. Вторая статья гласила, что недвижимое имущество вышеуказанных лиц (vakf - idjare- tejnli) и вакуфные (церковные) земельные участки подлежали регистрации в министерстве богоугодных заведений ("Evkaf"), а другое недвижимое имущество - в министерстве финансов. Этим лицам, после уточнения прав собственности, обещалось возвращение денежной стоимости, за вычетом сумм должникам, со стороны двух министерств. Брошенное имущество перемещенных лиц подлежало приему со стороны председателей специально созданных комиссий. В статьях 3 - 7 описывался механизм возврата оставленного имущества. Лица, претендующие на это имущество либо являющиеся кредиторами этих лиц, обязаны были обращаться в соответствующие комиссии в течение двух месяцев со дня опубликования документа, при условии проживания во внутренних провинциях Турецкой империи, и четырех месяцев - при пребывании за границей. В случае же необращения указанных лиц в оговоренный срок (ст. 7) вступало в силу по-

следнее положение 4 - ой статьи о рассмотрении претензий обычным судебным процессом.

Порядок создания комиссий и применения отдельных статей закона, согласно статье 8, намечалось огласить позже. Важной являлась статья 9, которая утверждала о возможности предоставления недвижимых имений и вакуфных земельных участков, зарегистрированных в министерствах богоугодных заведений и финансовом, передавать в распоряжении мусульманских переселенцев. Воплощение закона 13 сентября 1915 г. 10 статьей поручалось четырем министерствам - "Evkaf", внутренних дел, юстиции и финансов. Статья 11 гласила о вступлении закона в силу с момента его утверждения.²⁸

Понятие "предварительный закон", означающее отсутствие санкции Османского парламента, и использование формы султанского ираде свидетельствуют о его утверждении Советом министров Турции. При этом внутри правовых статей акта 13 сентября 1915 г. он определялся как закон, хотя в то же время являлся составной частью документального корпуса по осуществлению экономического геноцида армянского народа. Базовой основой предварительного закона являлось разъяснительное письмо Талаата великому визирю Саид паше от 13 мая 1915 г. о наличии подготовленного специального "Положения" для организации сбора и распределения материального достояния армянского населения Османской Турции.

Хищнический характер "Предварительного закона" 13 сентября содержит оценка архивариусов французского посольства в Константинополе Гаргиена и Бодуна в отношении, направленном 2 октября 1915 г. министру иностранных дел Делькассе. В нем указывалось: "Если со всей точностью воспринять положения этого постановления, то увидим, что он сводится к примитивному и полному ограблению отсутствующих".²⁹ Заявлено о наличии узкого и широкого смысла принятого закона. В первом случае содержание закона было направлено против армянского населения, а во втором - могло затронуть всех христианских жителей, проживающих во внутренних вилайетах. По инициативе французских, итальянских и бельгийских дипломатических представителей американское посольство в Константинополе направило устное уведомление Высокой Порте о защите прав лиц, находящихся под его покровительством.³⁰

4 октября 1915 г. госсекретарь Лансинг поставил в известность посла Моргентау о том, что частные письма о насилиях над армянским населением Турции "достигли" США и были опубликованы в газетах. Их содержание вызвало эмоциональный стресс и возмущение у американского народа. Послу Моргентау поручалось продолжить усилия по "изменению положения армян". Высокой Порте предлагалось сообщить, что "насилия" отменяют дружеские чувства американского народа к Турции.³¹ По сообщению газеты "The New York Times" от 5 октября, телеграмма госсекре-

таря Лансинга, однако, носила не официальный характер, а выражала лишь желание американского народа. На следующий день появилось заявление руководителя американского Красного Креста Э. Бикнеля о том, что собранные американским народом пожертвования будут направлены Моргентау для оказания помощи армянскому населению.³² В тот же день 6 октября Лансинг запросил у Моргентау возможность переселения армян из Турции, родственники которых оплатили бы их переселение в США. Госсекретарь сузил и конкретизировал план Моргентау о переселении депортированных армян в Америку.³³

В начале октября 1915 г. состоялась беседа между Моргентау и вернувшимся из отпуска Вангенгеймом. Интерес к встрече диктовался обещаниями Талаата о разрешении эмигрировать из Турции всем оставшимся армянам. Начало встречи было посвящено Вангенгеймом проверке достоверности информации из Берлина о том, что Моргентау, после перехода Болгарии на сторону Германии, известил госдепартамент об усилении политики истребления армян в Турции. По словам Моргентау, он посылал в Вашингтон "различные сведения и объявления", но подобной телеграммы не давал. Конкретно же говорилось, что Болгария, став союзником Турции, может оказать воздействие для прекращения погромов.

Был начат разговор о депортации. По словам Вангенгейма, Германия не несла ответственность за нее. Подход встретил резкий отпор со стороны Моргентау: "Вы можете вечно утверждать об этом, но никто не будет верить. Мир всегда будет иметь в виду ответственность Германии. Вина за эти преступления всегда будет вашим осуждением." Показана сущность оправдательной дипломатической кампании Германии: "Я знаю, что вы имеете папку с протестами. Вы лучше меня знаете, что подобные протесты не должны иметь какого-либо результата. Я не утверждаю, что Германия ответственна за эти погромы в том смысле, что она была их подстрекателем. Однако Германия ответственна в том смысле, что она могла прекратить погромы и не предприняла соответствующих усилий. И не только Америка и нынешние ваши противники должны привлечь вас к ответственности. В один день немецкий народ должен представить счет вашему Правительству. Вы - христианский народ, и должен придти один день, когда немцы поймут, что вы позволили мусульманскому народу уничтожить другую христианскую нацию".³⁴

Признав относительную справедливость сказанного, Вангенгейм списал антиармянскую политику руководства Турции на Дарданеллскую операцию, необходимость устройства "внутренних дел", боязнь навязывания вновь режима капитуляций. Для решения комплекса этих вопросов, по словам Вангенгейма, турки постарались избавиться от Армянского вопроса как средства вмешательства в их внутренние дела. Заявлено о намерении Талаата окончательно решить Армянский вопрос к предстоящему миру. По

расчету турецкого руководства, Россия должна была выйти из войны настолько ослабшей, что не смогла бы использовать "армянские проблемы" для вмешательства. Приоткрыта угроза уничтожения кавказских армян, чтобы не дать повода России выступить защитницей их кровных и религиозных соплеменников в Турции. Вангенгейм отметил: "Гирс (русский посол в Турции 1912-1914 гг.) постоянно этим занимался. Сейчас турки не желают, чтобы русские либо посол какой-либо страны в будущем имел бы такой повод". В этих словах легко прочитывалось раздражение младотурок позицией США и прогнозирование сущности будущих международных отношений. По существу, младотурецкое руководство корректировало германский план "Новых границ Турции". Немецкое видение послевоенного устройства "Большой Турции" лишалось окончательно армянского элемента с тем, чтобы не Россия, а именно Берлин не мог бы использовать Армянский вопрос как средство давления.

Заявив о справедливости варварского отношения турок к армянскому населению, Вангенгейм единственным выходом указал на переселение армян в США. Моргентау, перечислив аргументы против возможности переселения оставшегося армянского населения - государственная политика Турции, военное положение и пр. - запросил лишь у Вангенгейма проявление гуманизма: "Почему, как человеческое существо, не можете принять, что все эти люди имеют право на жизнь". Прозвучал безликий оправдательный аргумент Вангенгейма: "При нынешнем положении дел Германия не может вмешиваться во внутренние дела Турции".³⁵ Моргентау решил пресечь дальнейшее толчение воды в ступне. Но прощание оказалось скомканным. У посла Вангенгейма подкосились ноги, а спустя два дня у него произошел приступ паралича. Провидение оставило отпечаток на состоянии его здоровья, на стремлении любым способом обеспечить победу Германии: "Наша единственная цель - выиграть эту войну."³⁶

Армянский вопрос находился в поле зрения и английской общественности. 29 сентября 1915 г. газета "The Times" поместила сообщение египетского корреспондента "Массовые убийства в Армении". В ней говорилось о массовой расправе над армянским населением Турции, якобы, из-за поражения Энвера на Кавказском фронте. Внешней формой истребления армянского населения указывалась повсеместная депортация: "Провинциальные власти, как правило, выполняли порученную им задачу тщательнейшим образом. В отличие от исторически предшествовавших убийств, теперешние зверства не ограничились лишь определенной областью. Из Самсуна и Трапезунда, из Орду и Айнтаба, из Мараша и Эрзерума поступают одни и те же сообщения о зверствах о мужчинах, безжалостно расстрелянных, распятых, изувеченных или увеченных в трудовые батальоны; о детях, похищенных и насильно обращенных в магометанскую веру; о женщинах, изнасилованных и проданных в рабство в глубокий тыл, расстрелянных на

месте или высланных с детьми в пустыню на Запад от Мосула, где нет ни пищи, ни воды, или высланных в Дейр эл - Зор, между Алеппо и Багдадом, где нет продовольствия”.³⁷

Констатировалось продолжение “систематической резни”, превосходящей исторический аналог при режиме кровавого султана Абдул Гамида и осуществляемый немцами в оккупированной Бельгии: “Зверства в Бельгии или при Абдул Гамиде кажутся умеренными по сравнению с зверствами современных правителей Турции, которые, могут превзойти своих тевтонских учителей в области насилия”.³⁸ Виновником истребительной политики армян признавалось руководство Турции, стремящееся устранить Армянский вопрос. Корреспондент утверждал: “То, что Талаат бей несет за это ответственность — бесспорно. В доказательство может быть приведен тот факт, что, отдавая приказ о высылке, он сказал: “После этого в течение 50 лет не будет Армянского вопроса”. Признавалось идейное банкротство младотурецкого руководства, свергнувшего султанский режим под лозунгом либерализации, а на деле оказавшегося ультранационалистами: “И это сказал человек, являвшийся главой комитета “Единение и прогресс”, который был одним из главных членов парламентской делегации в Англии в 1909 г., где его приветствовали как одного из преобразователей Турции”.³⁹

6 октября 1915 г. в палате лордов Англии состоялись дебаты по Армянскому вопросу. Лорд Кромер поставил три вопроса: 1. наличие у правительства информации о соответствии действительности сообщений прессы о “широком масштабе” возобновившейся резни армян; 2. достоверности сведений о знании германскими консулами массовых убийств армянского населения; 3. наличие дипломатических представлений правительства Англии руководству Турции об антиармянской истребительной политике.

Было заявлено об эмоциональном шоке английской общественности от происходящего в Турции: “Наша страна была потрясена сообщениями о возобновившихся армянских избиениях, которые, как выяснилось, начались на значительно более широкой основе, чем те, которые ужаснули весь цивилизованный мир несколько лет тому назад. Я прочел в одной из газет о том, что число жертв доходит до 800 000 человек. Эти цифры представляются невероятными и, я надеюсь, очень сильно преувеличенными”.⁴⁰ Трагедия армянского народа была связана с деятельностью “узкой, ограниченной клики, которая подорвала подлинную независимость Оттоманской империи”.

В ответе министра иностранных дел Э. Грея, на основе материалов тифлисской прессы, признавалась достоверность сообщений об “ужасных зверствах”. Общее число точного количества жертв отмечалось несоизмеримым: “Но одно несомненно - их очень много”.⁴¹ По запросу о деятельности германских консулов Грей сообщил об отсутствии компетентной информации: “Правительство не располагает фактами, официально подтвер-

ждающими заявления о том, что германские консульские представители в Азии не только не препятствовали, но и вдохновляли эти зверства”. Основой мнения министра иностранных дел являлось отсутствие собственной дипломатической службы во враждебной Турции, что, однако, не могло помешать использованию сведений американской. Грей заявил: “Это сообщение, однако, было сделано наблюдателями Соединенных Штатов, которые в состоянии составить свое мнение, и мы вынуждены заявить, что нам это не представляется невероятным”. По запросу о принятии мер правительством было обещано лишь наказание турецкого правительства в будущем: “Заявление о том, что когда придет день расплаты, все еще сохраняет силу, но правительство не считало, что попытка прямой или косвенной связи с турецким правительством могла бы принести какую-либо пользу. Турецкое правительство в курсе нашей точки зрения, и повторять нам ее, думается, бесцельно”. Лорд Грей продемонстрировал доктрину “политического реализма” в действии.

Более обстоятельный характер носило выступление виконта Брайса: “Полученные мною из различных источников сведения говорят о том, что те данные, которые благородный граф считает невероятными, а именно то, что 800 000 человек было уничтожено с мая месяца, к сожалению, являются реальной цифрой”. Армянская Голгофа признавалась следствием государственной политики младотурецкого руководства Турции: “Убийства являются результатом политики, которая, насколько это можно утверждать, была заранее обдумана бандитами, ныне находящимися во главе правительства Турецкой империи. Они колебались в ее осуществлении до тех пор, пока не подошел момент, и таким подходящим моментом оказался май месяц. В это время были отданы приказания, и все они шли из Константинополя”.⁴²

Истребительная политика руководства Турции имела ужасающие последствия. Виконт Брайс находил: “Почти что целая нация была уничтожена, и я думаю, что истории неизвестны подобные случаи со времен Тамерлана”.⁴³ В этом контексте позору предавалась политика пособничества Германии, которая занималась камуфлированием армянской политики младотурецкого режима Турции: “Представляется очень важным, имея в виду политику оправданий, которую начало проводить германское правительство в отношении своих друзей и союзников, заявить здесь, что нет никаких оснований для предположений о восстаниях, поднятых армянами”. Клеймо международного преступника должно было остаться навсегда на челе правителей Турции, стремящихся упразднить Армянский вопрос уничтожением армянского населения: “Нет и не может быть никакого оправдания действиям турецкого правительства. Эти действия являются попросту попыткой провести политику Абдул Гамида, заявившего однажды, что “путь избавления от Армянского вопроса лежит в избавлении от ар-

мян". Эта политика проводится руководителями нынешнего турецкого правительства значительно более полно, с большой кровожадностью, чем во времена Абдул Гамида".⁴⁴

7 октября 1915 г. берлинская редакция "Магдебургской газеты" сообщила в Министерство иностранных дел о докладе доктора Лепсиуса германской прессе, который не предназначался для публикации. Провал турецко-армянских переговоров в августе 1914 г. о совместном выступлении против России был представлен утерей возможности завоевания Кавказа: "В Эрзеруме к началу европейской войны членами младотурецкого комитета армянам было рекомендовано революционизировать 1,5 миллиона российских армян на Кавказе (в Турции 2 миллиона). Этого не случилось, так как с кавказскими армянами обращались так хорошо, что они рьяно вступились за русское дело. Турки больше никогда не смогут завоевать Кавказ!"⁴⁵

Депортации армян объяснялась военным министром Энвером стратегическими соображениями. Важное значение отводилось фактору строительства турецкой государственности: "40 миллионов турок хотят, наконец, обеспечить свою национальную жизнь, и потому рассеять армян так, чтобы они никогда не жили вместе в более большом количестве, - находил Лепсиус, - точно как это у нас с евреями". Энвером была проведена параллель между младотуркизмом и германским национализмом в пользу первого: "Если бы вы могли сделать Польшу Пруссией, Вы бы ничего не сделали этого? Вы больше не можете, а мы еще можем делать нечто такое".⁴⁶

Лепсиусом была приведена реакция младотурецкого руководства на план американского посла Моргантау о переправе на кораблях одного миллиона армян в США, "так как это трудолюбивое и деловое население пригодилось бы на той стороне". По этому поводу состоялся разговор между Талаатом и Энвером, где последний выступил против: "Тогда богатые эмигрировали бы, а бедные остались бы здесь". На деле, по словам Лепсиуса, имела место экспроприация средств армянского народа, который вместе с евреями и греками участвовал в создании материального достатка Османской Турции: "Поэтому и следствием депортации прежде всего является экономическая катастрофа Анатолии, а Турция таким образом сама подрывает свою экономику".

Правящая власть в Османской Турции представлялась занятой националистическими настроениями, недостаточно компетентной, находящейся в противоречии с османизмом: "Правительство вовсе недостаточно знает о положении Азиатской Турции, так как находящиеся у власти младотурки проводят чисто идеологическую, турецко-националистическую политику". По мнению Лепсиуса этот подход не имел перспектив, очевидно, в рамках Османской империи: "Но национализм на той земле является европейским импортным продуктом, так как ислам нейтрализует нации. Священная война была напрасной попыткой потому, что другим исламским нациям наплевать на турецкий национализм, которому эта священная война должна

была служить в самом деле, и среди русских и англичан они чувствуют себя лучше, чем среди турок".⁴⁷ Если пантюркизм и панисламизм представлялись лишь средствами построения национальной Турции, то такая же роль отводилась Германии. Это положение получило четкую фиксацию у Лепсиуса: "Но и младотурки хотят считать нас лишь слугами".⁴⁸

Умозаключения Лепсиуса были изучены в Министерстве иностранных дел. В составленном заключении отвергалась причастность Германии к истребительной политике армян Османской державы, но подтверждалась важность союза с младотурецким руководством: "Последняя версия о подстрекательстве немцев к ужасам над армянами, в общем, не распространена в Турции. Конечно, Турция начала войну, конечно, не ради нас, но одна часть, хотя и небольшая, была именно убеждена, что цели турок могли быть достигнуты лишь вместе с нами, и мы должны быть рады, что завоевали эту небольшую часть и что она в данный момент имеет крайне важное влияние". Вина за происходящую трагедию армянского народа возлагалась на самих армян, которые отказались поддержать германскую идею выступления против России на Кавказе, учли германскую установку о нежелательности организации восстания в Османской Турции и остались лояльными гражданами. Заключение внешнеполитического ведомства находило: "Что касается в особенности армян, то германское правительство (когда Турция вступила в войну) указала армянам на то, что теперь настал час, когда они делом могли бы доказать свою лояльность к туркам и положить основу для обеспеченного будущего. Этот совет армяне частично оставили без внимания, а именно, по подстрекательству Антанты и за деньги русских и англичан".⁴⁹

Министерство иностранных дел Германии ставило все вверх дном и вкось, но не отражало фактическое положение дел. Оно само гарантировало Турции поступление 4 млн. фунтов, которые должны были стимулировать ее участие в мировой войне, сохранение территориальной целостности в случае непредвиденного исхода и возмещение расходов в случае поражения. Германский посол Вангенгейм согласился с этими требованиями.⁵⁰ Затем внешнеполитическое ведомство предприняло попытки воздействия на Константинопольское посольство и армянских политических деятелей, чтобы не допустить армянского восстания в Турции. Политика усыпления армянской бдительности со стороны германской дипломатии продолжалась до начала июня 1915 г., когда началась массовая депортация западноармянства.

В заключении внешнеполитического ведомства косвенно признавалось, что западноармянство было повержено при содействии железной воли кайзеровского правительства. Вся политическая напряженность вокруг армянского вопроса, призывы католических и протестантских кругов о спасении армянских христиан признавались вредящими интересам Германии: "Было бы весьма досадно, если бы наши миссионерские союзы протаранили армянский вопрос. Пострадало бы наше отношение к Турции, и вероятно, ар-

мянам повредило бы, вместо того чтобы принести пользу". Позиция Германии сводилась лишь к виртуальной поддержке западноармянства: "Наше представительство в Турции давно сделало бы все, чтобы облегчить судьбу армян, не нуждаясь в церковных требованиях. Ближе, чем армяне, нам - наши соотечественники, тяжелая борьба которых косвенно облегчается Турцией".⁵¹ Выводилась сакраментальная формула сочувствия: армяне нам близки по вере, но победа Германии превыше всего. Чувство христианской солидарности с армянским населением младотурецкой Турции отвергалось военно-стратегическими интересами.

В США прилагали усилия по оказанию содействия армянскому населению Турции. 8 октября 1915 г. американский комитет помощи армянам в Турции направил 100 тыс. долларов для спасения депортированного населения.⁵² 9 октября 1915 г. посол Моргентау телеграфировал госсекретарю о положении армянских дел. Признавалась затруднительность получения какого-либо разрешения для выезда армянского населения. Высокая Порта ссылалась, что большая часть депортированных находилась в пути следования к пунктам назначения, и необходимо определенное время для внесения определенности в процесс происходящего. Лишь после депортирования представлялось возможным определить лиц, имевших родственников в США и желающих выехать туда. По словам Моргентау, к этому времени лишь небольшое число армян получило возможность удалиться из Турции, что происходило исключительно через Константинополь.⁵³

Информация Моргентау резко расходилась с оправдательной политикой Турции в Армянском вопросе со стороны руководства Германии. 7 октября 1915 г. состоялся брифинг немецкой прессы о необходимости молчания в Армянском вопросе. Об "аде человеческого зверства" над армянами в Османской Турции были даны указания сглаживать острые углы: "Внутренние административные мероприятия в Турции не должны повредить нашим дружественным с нею отношениям, более того, в эти трудные времена они не подлежат обсуждению, а тем более контролю".⁵⁴

Правительственный инструктаж германской прессы диктовался просачиванием информации из американской и, в особенности швейцарской периодики. 16 сентября 1915 г. газета "Базлер Нахрихтен" ("Базельский Вестник") опубликовала корреспонденцию об "армянских делах". Указывалось о проведении в Турции государственной антиармянской политики, вдохновляемой руководством партии "Иттихад": "С 20 мая, согласно постановлению младотурецкого комитета, военный министр Энвер приказал выселить все армянское население из всех анатолийских вилайетов и из Киликии в аравийские пустыни южнее Багдадской железной дороги." Заявлялось об "очищении" территорий Западной Армении от армянского населения и наличии лишь ряда охранительных зон: "Пока что уцелели лишь армяне Константинополя, Смирны, Аданы и некоторых областей, лежащих вне армян-

ских провинций (Мараш, Айнтап, Урфа, Алеппо), а также двести пятьдесят тысяч жителей Вана, бежавших через турецкую границу на Кавказ".⁵⁵

Депортация представлялась новой формой уничтожения рода людского: "Сама высылка была завуалированной резней неслыханных масштабов с самыми ужасающими последствиями".⁵⁶ Младотурецкий режим из радетелей свободы превратился в фурию Сатаны, которая "сбросила с себя маску веротерпимости и стыда перед цивилизованной Европой и придумала подлейшую и жесточайшую систему уничтожения целого христианского народа, систему, перед которой бледнеют самые позорные злодеяния Абдул Гамида".⁵⁷ Отмечалось об успешности турецкой кампании дезинформации в Армянском вопросе: "Турецкое правительство в своих официальных коммюнике и выступлениях своих представителей пыталось до последнего времени, и довольно успешно, скрыть факт всеобщего выселения армян и их систематического уничтожения". Вскрывалась фальшь мотивационных аргументов истребительной политики: "Ни военные, ни стратегические соображения не могут послужить оправданием истребления армянского народа".⁵⁸

Излагался призыв к представителям международной дипломатии, находящихся в Османской Турции, принять меры по защите армянского населения: "От имени цивилизованного человечества мы требуем от правительств, послов и консулов держав, представленных еще в Турции, используя весь авторитет цивилизованных и христианских государств, выступить перед турецким правительством для того, чтобы приостановить планомерное истребление армянского народа и обеспечить сохранность населения, пережившего это выселение".⁵⁹ Достоверность точки зрения предлагалось проверить консульскими сообщениями: "Если с чьей-либо стороны будет подвергнута сомнению истинность фактов, установленных на основании показаний европейских свидетелей, то мы требуем, чтобы державы, представленные в Турции, опровергли эти факты путем консульских донесений".⁶⁰ Неуказанным автором корреспонденции являлся доктор Лепсиус.⁶¹

18 сентября 1915 г. издание "Журнал де Женев" опубликовало письмо - возмущение лидера турецкой либеральной оппозиции генерала Шариф паша по поводу методов деятельности комитета "Единение и прогресс", "который в XX веке, воскрешая печальную память подвиги, оказавшиеся возможными в прошлом только благодаря невежеству и варварству, превзошел своей дикостью Чингис хана и Тимурленга". Заявлялось о наличии предупреждений Англии и Франции о "заговоре" против них со стороны правящих властей Турции, проявившийся в открытой поддержке Германии в ходе войны. Антицивилизационная сущность младотурецкого режима представлялась Шариф пашой курсом на уничтожение национальностей Османской державы, в частности, армян: "Если существует народ, оказавший большие услуги Турции благодаря государственным деятелям и талан-

тливый чиновникам, которые вышли из его среды, в силу своих способностей, проявляющихся во всех областях - в торговле, промышленности, науке и искусствах, - то это армянский народ". Армяне являлись создателями новаций: "Именно армяне ввели в Турции книгопечатание и были пионерами драматического искусства".⁶² Отмечался вклад представителей армянского народа в развитие мирового прогресса: "Трудно перечислить армянских поэтов, литераторов и крупных финансовых деятелей; многие из великих людей сделали бы честь любой стране Запада, как некогда Мовсес Хоренаци, историк и поэт, или Аристакес Ластиверци, которого сравнивают с Иеремией; из выдающихся деятелей современной нам эпохи назовем Раффи, Сундукяна, Ширванзаде, Чопаняна, и десятки других. Разве не Отян эфенди был сотрудником Мидхат паши, автора оттоманской конституции! Армянин Ефрем хан, "Гарибальди Востока", был великим героем персидской революции, подготовленной также армянином - Малькольмом ханом. В интересах справедливости следует признать, что как в Турции, так и в Персии не было более яростных противников деспотизма, чем армяне, в значительной степени содействовавшие установлению конституционного строя".⁶³

В унисон с инструктажем германской прессы в Армянском вопросе действовала германская дипломатия. 8 октября 1915 г. немецкий посол Берндорф направил госсекретарю США меморандум и. о. посла Гогенлоэ - Ланденбурга правительству Османской Турции от 9 августа по поводу высылки армянского населения. Также сообщалось, что Высокая Порта поставила в известность правительство Германии о принятии "всех необходимых мер" для предотвращения повторения "незаконных действий". Прилагался текст германского меморандума.⁶⁴

9 октября 1915 г. берлинская газета "Tages Zeitung" опубликовала статью военного корреспондента графа Эрнест фон Уинтлоу "Шум вокруг зверств, применяемых к армянам". Автор утверждал о праве Турции распоряжаться в любой форме судьбой армянского населения при подавлении "революционных армян": "Это внутреннее дело Турции". Отвергался международный гуманизм: "Требовать от нее (Турции) продовольствовать скормленного на груди внутреннего врага, поскольку так удобно британцам и американцам, означает требовать чрезвычайно многого". Помощь, поступающая из США армянам Турции, признавалась результатом "англо-французского золота".⁶⁵ Германия разделяла подход руководства Турции: "Германская империя и каждый немец находится, вне всякого сомнения, рядом с нашим турецким союзником". Геворг Бернхайд в газете "Wozishe Zeitung" находил, что Армянский вопрос "вне гуманизма представляет собой теоретической спор", который Антанта использует для столкновения США с Турцией и, соответственно, с Германией. Оспаривались данные об убийстве 800 000 армян со стороны мусульман. "Кельнская газета" утверждала о несостояте-

льности обвинений Англии в адрес Германии по поводу потворства Турции в насилиях над армянским населением. Целью "инсинуации" представлялось отвлечение внимания от "вторжения" в Грецию.

Проверку сообщений германской стороны осуществило агентство "Ас-сойшедет Пресс", которое из Константинополя сообщило о наличии трех протестов немецкого посла правительству Турции относительно армянского населения. Констатировалось, что эти представления не имели успеха, "поскольку Германия в нынешних условиях должна быть мягкой к своему союзнику". Приводились также официальные обвинения младотурецкого режима армянского населения в симпатиях к Антанте, организации восстаний (Зейтун, Дорт, Ван), наличии дезертирства и перехода на сторону противника, вызвавших варварские репрессии.

11 октября 1915 г. газета "The New York Times" поместила сообщение о направлении Римским папой Бенедиктом XV послания султану Турции в пользу армянского населения.⁶⁶ Полог над интересом Ватикана к "армянским делам" приоткрыла спустя два дня публикация "Святой престол и армяне" г. "Osservatore Romano": "Несколько месяцев тому назад святой отец дал поручение апостольскому делегату в Константинополе монсеньору Анжелу Долчи держать его в курсе армянских событий и не без успеха заступился за них перед турецким правительством". Представлялась озабоченность папы Бенедикта XV и желание поправить положение: "Однако святой отец при живом интересе к судьбе этих несчастных не довольствовался этим, а направил султану собственноручное послание. Но до сих пор, вследствие военной ситуации, он еще не получил ответа на это письмо". Выражалась надежда на позитивный результат папского обращения: "Следует однако надеяться, что при благосклонном отношении правительства это письмо все-таки приведет к хорошим результатам".⁶⁶

12 октября 1915 г. американский представитель в Амстердаме Ван Дейк телеграфировал в госдепартамент о согласии министра иностранных дел Нидерландов принять участие в акции содействия армянскому населению Турции. Уполномоченному Голландии в Константинополе предписывалось установить контакты с послом Моргентау для оказания содействия усилиям по прекращению массовых истреблений армян.⁶⁸

13 октября 1913 г. газета "The New York Times" констатировала возобновление армянских погромов в Турции после вступления Болгарии в войну на стороне центральных держав. Новые обращения Моргентау к правительству Турции по облегчению участи армянского населения оставались безответными. Достигнутые ранее две уступки - санкции на удаление армян из страны без всяких условий и обеспечение сохранности армяно-протестантов - оказались также нереализованными. В тот же день турецкий главный консул в Нью-Йорке Джелал Мюнин бей выступил в г. "Таймс" с опровержением факта "армянских насилий". Американской общественно-

сти представлена модифицированная версия армянского сепаратизма. Сутью указывалась надежда армян на разгром Антантой Германии и ее союзников в течение шести недель, захват их территории и утверждение независимого государства Армения. В этих условиях армяне с русскими захватили Ван, создали "автономию", во главе которой встал Арам Манукян, и запросили финансовую помощь от Америки. Правительство Турции представлялось воюющим лишь с предателями, которые подлежали уничтожению.⁶⁹ Модифицированная версия армянского сепаратизма ставила целью объяснить помощь армянскому истребляемому населению "армянскими происками".

Дебаты по Армянскому вопросу в палате лордов Англии и информация различных изданий об "армянских ужасах" стали предметом внимания германской дипломатии. Их содержание было обсуждено послами Моргентау и Вангенгейма в Константинополе. 15 октября 1915 г. Вангенгейм поставил в известность Министерство иностранных дел о желании американского посла проверить достоверность прозвучавших в палате лордов обвинений в знании германскими консулами фактов массовых убийств армянского населения с представлением результата на усмотрение правительства Германии: "Американский посол, с которым я обсудил выдвинутый в английской палате лордов и во враждебной прессе упрек против немецкого правительства и представителей немецкого консульства в Турции, в особенности против консула Рёслера, в том, что они поощряют преследования армян, хочет затребовать сообщения американского консула в Алеппо о позиции консула Рёслера в отношении Армянского вопроса и с согласия своего правительства передать это сообщение в наше распоряжение".⁷⁰

Замысел Моргентау преследовал цель показать различие консульских донесений относительно положения армянского населения с официальной позицией Германии. Казусом немецкой политики являлся относительный гуманизм консульской службы в Турции к страданиям армянского населения и попустительство к истребительной политике армян. Американский консул Э. И. Натан 22 сентября 1915 г. доложил Моргентау, что благодаря консулам Германии и Австрии удалось остановить панику в Тарсоне и Адане от возможной высадки десанта противника, но в то же время из г. Аданы ускоренно было выслано 25 тыс. армян. При этом из Аданы были высланы также три активных члена местного комитета "Единение и прогресс", которые планировали сжечь армянские дома. В Сеид Бейли дома и имущество армянских выселенцев предоставлялись мохаджирам. Депортация также коснулась армян - католиков Аджина.⁷¹

При этом позиция Моргентау была обставлена дипломатической вежливостью в адрес Германии: "Господин Моргентау еще раз подчеркнул, что он точно знает, что с немецкой стороны было сделано все для того, чтобы отговорить турецкое правительство от действий против невинной части

армян и препятствовать бесчинствам. Из сообщений его консулов ему стало также известно, что немецкие консулы постоянно и везде проявляют заботу об армянах".⁷² Проверка репутации консула Рёслера германской стороной среди армянского населения завершилось представлением положительной характеристики: "Он хороший человек".⁷³

Превращение Швейцарии в центр антитурецких настроений в Европе оказалось в поле зрения ее дипломатической службы. 19 октября 1915 г. германский представитель в Берне граф Айнзидель направил рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу содержание беседы одного лица с турецким дипломатом Салих бей Гурджи. В ходе доверительной встречи Салих бей заявил о предоставлении министру внутренних дел Талаату доклада в середине сентября по поводу преследований армянского населения, где излагалась мотивация деятельности турецкой дипломатии в Европе по Армянскому вопросу. Во главе отбеливания истребительной политики армянского населения должен был находиться миф "о стесненном положении" Турции как основы ее политики: "Если Турция хочет оправиться в вопросах внутренней политики, если она вообще хочет остаться жизнеспособной, то должна каким-то образом устранить армян". Причиной указывался Армянский вопрос, от упразднения которого ожидалось излечение разложившейся Османской державы: "Должен быть тут же решен так называемый Армянский вопрос, без этого Турция не сможет думать о подлинной внутренней реорганизации".

Салих Гурджи признавал обоснованной поставленную цель, в то же время находил нужным осуществить ее корректирование: "Однако путь, на который, кажется, правительство встало и который, кажется, характеризуется избиениями и актами насилия, совершенно неверный". В осторожной форме предлагалось учесть зарубежное мнение: "Даже если в действиях по отношению к армянам нельзя найти никаких других путей, то формы по отношению к загранице должны быть иными. Нельзя все, что касается Армении, обходить молчанием за границу, а нужно посредством приемлемых сообщений информировать ее в таком духе, чтобы действия по отношению к армянам представлялись только в гуманном виде." Таким удобным поводом представлялась угроза занятия Турецкой Армении Россией: "В деле защиты границ от России имеется достаточно оснований, чтобы объяснить депортацию армян из Высокой Армении способом, обычным и приемлемым с международно-правовой точки зрения".

Весьма важной задачей внешнеполитической пропаганды турецкой дипломатии представлялась забота относительно позиции Ватикана в Армянском вопросе, имеющей значение для учета Германией умонастроений католического населения. Салих бей отмечал: "Однако Константинополю следует прежде всего основательно обдумать действия против армян с той точки зрения, что отношения Германии к Ватикану имеют совершенно

особую природу, что Германия, очевидно, придает большое значение тому, чтобы в этих отношениях избегались любые возможности разногласия. Папа является фактором в политическом расчете Германии, поэтому следует уже в интересах Германии избегать всего того, что могло бы побудить Папу или вынудить его на основании доносов со стороны противников Германии в Армянском вопросе занять какую-то позицию и высказаться в защиту притесненных христиан в Турции". Предлагалось изыскать возможность нейтрализации воздействий проармянских настроений на главу Ватикана. Допускался сценарий благодарности Папы при проявлении гуманизма по поводу истребления армянского населения.

Такой подход представлялся спасительной комбинацией для интересов Турции и Германии, содействовавшей бы сохранению политической репутации главы католического мира: "Следует, несмотря на все действия против армян, посредством умелой агитационной деятельности как раз лишить почвы подобной возможности, и прежде всего подчеркнуть также наличие с турецкой стороны хороших отношений с Папой. Для этого кажется весьма полезным, как это сделал и Бетман-Гольвег во время последней сессии рейхстага, высказать Папе в турецкой палате слова благодарности за его благотворительную деятельность, которая в равной мере приносит пользу всем людям".⁷⁴

Независимо от развития хода событий предлагалось строить отношения с католическим первосвященником в сфере Армянского вопроса на почве деликатности во избежание политизации отношений: "В любом случае следует избегать всего, что могло бы затруднить положение Германии по отношению к Папе в Армянском вопросе. Необходимо также постараться своевременно предупредить за границей дальнейшее подстрекательство относительно резни армян, так как и в такого рода ужасном вопросе Германия была бы в особо затруднительном положении, ибо она не может просто оставить без внимания армян-христиан и, помимо того, уже при совершении омерзительных акций так или иначе должна быть осторожна".⁷⁵ Другой практической рекомендацией Талаата являлась организация дипломатической миссии в Швейцарии, так как в ее западной части отмечалось большое скопление турецких армян и греков.

Доклад Салих бей Гурджи представлял собой разработку идеальной модели камуфлирования упразднения Армянского вопроса путем гибкого сочетания внутренней истребительной политики с активной внешнеполитической антиармянской политикой. Выстраивался сценарий выгодных для Турции взаимоотношений с Ватиканом и Турцией, нейтрализации возмущенного мнения зарубежной общественности, ведения активной контрпропаганды в Армянском вопросе. Для руководства Турции приоткрывалась завеса озабоченности Ватиканом истребительной политикой армян-

ского населения. Изложение содержания доклада являлось сознательной утечкой информации для союзника Германии.

Граф Айнзидель для рейхсканцлера Бетмана-Гольвега дважды подчеркнул наличие положительного впечатления от доклада у руководства Османской Турции. В одном случае, по поводу реакции на отправленный в середине декабря 1915 г. доклад, им было указано: "Тем временем, как я полагаю, он получил от главы кабинета Талаата весьма приятное подтверждение из Константинополя о получении этого вопроса".⁷⁶ В другом случае - заявлялось о весомости "рассуждений Гурджи", который "произвел впечатление своим докладом в Константинополе".⁷⁷ Весьма вероятно, что Талаат сразу же задействовал рекомендации доклада Салих бей по дипломатическим каналам, что получило отражение в брифинге немецкой прессы, публикуемых материалах и представлении турецкого консула газете "The New York Times".

Доклад Салих бей Гурджи важен и с точки зрения того, что 28 сентября 1915 г. возобновил свою деятельность турецкий парламент. Бывший председатель парламента Ахмед Риза, идеолог конституционного младотуркизма, представил запрос в Сенат о преследованиях армянского населения. Мнение получило поддержку ряда сенаторов. Под давлением младотурецкого руководства Ахмед Риза взял назад запрос при условии составления частной комиссии для изучения проблемы, которую возглавил председатель Сената Абдурахман бей. В парламенте Ахмед Риза подверг критике политику преследований и погромов армянского населения, поставив под сомнение деятельность комитета национальной безопасности во главе с Энвером.⁷⁸

В этих условиях младотурецкое правительство не пошло на утверждение в парламенте закона "О депортации", поскольку это означало подлить страсти в незавершенный процесс выселения армянского населения и необходимость избежания публичной демонстрации расхождения взглядов в собственных рядах. Очевидно, имели место знание и контакты младотурецкого руководства с послом Моргентау о выселении и выезде армянского населения в США. Следует не согласиться с мнением, что отказ от утверждения закона "О депортации" в парламенте являлся следствием "простой формальности".⁷⁹ Более того, он являлся закономерным в свете необходимости избегания Турцией создания политических осложнений во взаимоотношениях Ватикана и Германии. Была создана парламентская комиссия для рассмотрения судьбы армянских парламентариев.

2. Армянские события

Для младотурецкого режима в Армянском вопросе имелись и внутриполитические сложности. В начале сентября 1915 г. отряды "Особой организации" занялись уничтожением армян Урфы и соседних селений. Согла-

сно сообщению кайзеровского консула в Алеппо, в конце сентября 1915 г. армянское население г. Урфы было извещено о депортации. Дамоклов меч выселение впервые был занесен в начале лета, когда было арестовано около 50 знатных армян. Однако вали Урфы Джемал бей отказался выполнить предписание о депортации. В доверительном разговоре с немецким консулом в Алеппо Рёслером им было заявлено о наличии естественных прав у каждого этноса и право армянского населения на самооборону: "Жить - самое нормальное право человека. Червь, на которого наступаешь ногой, пресмыкается. Армяне будут оказывать сопротивление".¹

Известие о депортации вызвало вооруженное сопротивление. Развернулись уличные бои, которые не сумел подавить военный комендант Фахри паша. 6 октября в ход были пушены турецкие регулярные части. Майор граф Вольфскель приказал использовать артиллерию против армянских защитников Урфы. После захвата штурмом армянской церкви с окружающими домами, к середине месяца удалось локализовать места сопротивления, но "отдельные бои" происходили до конца месяца.²

Турецкое посольство в Берлине дало свою интерпретацию "мятежа" в Урфе: "Цель, которую преследовали банды мятежом, с одной стороны, была: наносить вред, разрушать чужие поселения и убивать подданных государств, находящихся в войне с Турцией, чтобы последствия этих убийств свалить затем на турок; с другой стороны, часть имперских войск они хотели сковывать к своим укрепленным укрытиям и таким образом отвести их от театра военных действий". Заявлялось об успехе военной операции: "Благодаря жестким и быстрым мерам имперских властей, мятеж не имел желательного успеха. Он был подавлен, не причинив вреда ни одному подданному из находящихся в войне с Турцией стран или нейтральной стороне".³

Полог отчаянной самообороны урфинских армян исходил из близости к концентрационным лагерям, находящиеся в которых означало верную смерть. Описание положения дел в депортационной области представил регент в Алеппо Гофман посольству в Константинополе 18 октября 1915 г. Вся депортационная область делилась на две части - северную (вдоль Багдадской железной дороги) и южную (на берегах реки Ефрат). В первую входили местности, получившие печальную известность как Раджу, Харрана и Рас-ул-Айна, а во вторую - Баба, Дейр - Зор и Ракка. Маршрут выселенцев и последующие их мытарства Гофман представил на основе турецкого источника: "По данным директора политических дел вилайетов, под Катмой и Раджу сконцентрировано 40 000; дальнейшие подозреваемые приближаются из западной, средней, северной Анатолии; на юг (Ракка, Дейр - Зор, Западный Гауран) для "заселения" послано далее 3000 000".³ Южная часть депортационной области представлялась территорией мученической смерти: "По указанию названного чиновника, последние в конце, в силу обстоятельств, будут предоставлены сами себе и "все умрут"; прави-

тельство "возможно" в мирное время справилось бы с заселением (хотя заселение магометан часто таким образом терпело крушение), однако теперь не имеет ни денег, ни чиновников. Во всяком случае, для заселения отсутствует абсолютно все; для концентрационных лагерей не поставляют ни палаток, ни в достаточной мере муки, ни топлива; у ссыльных крестьян власти отобрали даже мотыги, лопаты."⁴

Мнение директора политических дел вилайетов являлось распространенным в Алеппо. Гофманом указывалось: "Всеобщее убеждение: все без исключения ссыльные обречены на смерть". Критике была подвергнута позиция официального Берлина: "Впрочем, согласие Германии с этим массовым убийством воспринимается не только всеми христианами, но отчасти, одобрительно, отчасти же и неодобрительно магометанским населением".⁵

В условиях самообороны урфинских армян и наличия депортационной области выносить парламентом Турции признательность Римскому папе за гуманизм к человечеству было сложно. Младотурецкий режим старательно избегал гласности в армянской политике, могущей осложнить положение Германии до окончательной ликвидации армянского населения. Имелся призыв виконта Брайса к нейтральным странам оказывать воздействие на армянскую политику Турции. Реальным рычагом давления представлялась Германия.⁶

19 октября 1915 г. "The New York Times" сообщила об отказе правительства Турции госдепартаменту США в разрешении Красному Кресту отправить врачей и медсестер с целью оказания армянскому населению медицинской помощи.⁷ Этому предшествовала встреча Моргентгау с Энвером по организации содействия помощи голодающим армянам. Предложение о поставках хлеба было отвергнуто Энвером под предлогом отсутствия продовольственных припасов у мусульманского населения и предстоящего исчезновения армян: "Как можете изыскивать хлеб для армян, когда мы не имеем достаточного количества хлеба для нашего же народа. Знаю, что они мучаются и очень возможно, что в предстоящую зиму не сможете вообще найти армянина. Мы в самом большом затруднении по изысканию хлеба и одежды, даже здесь в Константинополе".⁸ Председатель комитета обороны Турции также отверг предложение посла об оказании содействия армянскому населению путем отправления денег через американских миссионеров: "Мы не хотим, чтобы американцы кормили армян".⁹ Причиной отказа от гуманитарной помощи отмечался надуманный аргумент о поощрении американцами армянского сепаратизма.¹⁰

20 октября 1915 г. Константинопольский патриарх Завен выразил признательность папе Бенедикту XV за обращение к султану о прекращении насилий над армянским населением.¹¹ Ватикан проявил активность в демонстрации озабоченности по поводу положения армянского населения Турции. В официальном бюллетене Ватикана от 20 октября 1915 г. коррес-

понтент указывал: “Вы, наверное, располагаете подробными сообщениями о резне, жертвой которой стал армянский народ. Невозможно представить себе злодеяния, совершаемые внутри страны против этих несчастных. В некоторых местах их уничтожили, в других - депортировали в пустыню, где они погибли с голоду, если вообще дошли туда, так как многие погибли в дороге. Были даже случаи, когда матери продавали своих детей, чтобы избежать их неминуемой смерти”. Сообщалось о деятельности легата Римского папы: “Католическое и армяно-раскольническое патриаршества сообщают ужасные подробности кровавой резни, уготованной для несчастной нации. Апостольский делегат монсеньор Анжело Долчи неоднократно и небезуспешно заступался деньгами за несчастных преследуемых и, что более действенно, энергичными представлениями Высокой Порте с тем, чтобы положить конец двойной резне армянского народа, кровавым убийствам и бескровной депортации”.

В активе папской дипломатии, однако, значились, лишь обещания руководства Османской Турции облегчить положение армянского народа с объяснением своей истребительной политики борьбой против Армянского вопроса в виде создания самостоятельной страны: “Эти неоднократные протесты уже принесли некоторые благоприятные результаты. Министерство внутренних дел издало по телеграфу циркуляр, в котором говорится, что правительство имеет только намерение предотвратить любое антиправительственное движение в армянском народе и воспрепятствовать осуществлению их национальной цели - основание армянского государства, и что уничтожение армян не является целью правительства, что правительство решило принять все необходимые меры по снабжению продовольствием депортационных колонн во время передвижения и оставить недепортированных армян на родине”.¹² Сообщалось также о предписании турецких властей наказывать лиц, совершавших жестокости по отношению к депортируемым армянам.

Добротное изложение аргументов турецкой пропаганды о борьбе против “Армянского заговора” не сопровождалось показом двойственного характера деятельности руководства младотурецкого режима. С одной стороны, истребительная политика армянского населения, а с другой - формальность обещаний по облегчению и смягчению его положения. В то же время до верующих католиков доносился голос Ватикана о расправе с “несчастной” христианской нацией и демонстрировалась озабоченность происходящим.

Известия об “армянских ужасах” в Турции затронули чувства верующих в Германии. 15 октября 1915 г. видные представители протестантских кругов подали заявление рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу по Армянскому вопросу. Необходимость обращения представлялась политикой младотурецкого режима к немусульманскому населению. Голословными признавались обвинения турецких властей о мятежности армянского населения:

“Нет никакого основания для доказательства враждебных отечеству действий авторитетных армянских политических и церковных организаций - этим упреком не оправдываются принятые неслыханные меры. Мы воздерживаемся от суждения о целях, которые в конечном счете преследует ими турецкое правительство. Но в исполнении они дали во всяком случае исламскому фанатизму и ненависти к христианству ужасный толчок, который остается грозящей опасностью и для остальных немусульманских народных элементов Турции. Носятся выражения типа: “Страна должна быть чисто мусульманской, и ничего другого”.¹³

Трагедия армянского народа представлялась затрагивающей чувства немецких христиан. Осуждалась антиармянская истребительная политика и требовалось сохранения образа святости Германии: “Мы не можем, наш христианский народ не может молча смотреть на это. Турецкое правительство, которое само планомерно пробуждает и использует исламское чувство солидарности всех стран для своих национальных целей, не смеет от своих христианских союзников требовать, чтобы они обрекли на молчание свое христианское чувство солидарности. Оно должно осознать, в какой мере затрудняет свою собственную дорогу для будущего, если под свою ответственность допускает, чтобы происходил чудовишный поступок, который весь христианский мир должен воспринимать как удар по своему лицу. Нужно предотвратить, чтобы честь немецкого имени не была запятнана даже проблеском соучастия в характерных гнусных поступках”.¹⁴

Предлагалась программа минимум деятельности для спасения западноармянства: 1. недопустить депортацию армянского населения пощаженных городов и районов как Константинополь, Адана, Смирна и другие; 2. принять “действительные и эффективные меры” для спасения лиц, депортированных в пустыни Месопотамии, и прекратить все “зверства над еще остающимися армянами”; 3. разрешить христианам всех стран, через немецких уполномоченных и представителей нейтральных стран, оказывать “пособие” депортированным.

Среди лиц подписавших обращение значились директор миссионерского общества в Берлине доктор К. Аксенфельд, тайный советник юстиции А. Гаккиус, доктор Иоганнес Лепсиус, руководитель “Германского союза помощи для христианских добрых деяний на Востоке” Ф. Шухардт, пасторы, священники, член рейхстага Л. Р. Мумм и многие другие. Предложенная протестантскими деятелями программа имела реальный характер и могла спасти жизнь преследуемого западноармянства.¹⁵

Свой голос протеста подняла миссионерская конференция центрального комитета немцев - католиков. В принятой 29 октября 1915 г. резолюции осуждалась политика геноцида Османской Турции и требовалось сохранить жизнь ее армянским подданным: “Турецкое правительство должно понять, что христианское население Германии, несмотря на свою радость

политическому союзу с Турцией, должно прийти в возбужденное состояние, если его единоверцев так тяжело угнетают в Турции. Это тем более, когда все немецкие католики - как это оказалось самым главным из обсуждений миссионерской коллегии - намереваются требовать от всех Христианских народов Турции полной лояльности по отношению к турецкому государству, и со своей стороны они готовы воздействовать в этом направлении на восточных христиан и вызвать у них сочувствие к гражданским убеждениям.

Впрочем, правильно понятые интересы самой Турции требуют, чтобы последняя не лишала себя таких ценных работников, какими для нее были до сих пор армяне в области государственного управления и экономического прогресса".¹⁶

"Миссионерский комитет католиков Германии" обратился к рейхсканцлеру Бетман - Гольвегу по принятию акции противодействия: "Возвысить свой голос, чтобы немедленно положить конец необычайно суровым мерам, которые в настоящее время применяются турецким правительством по отношению к армянам."¹⁷ Была представлена резолюция миссионерской конференции.¹⁸

Нервозность в связи складывающейся негативной аурой вокруг Германии из-за Армянского вопроса проявляла Австро-Венгрия. 22 октября 1915 г. имперский консул в Трапезунде Квитковский секретно донес министру иностранных дел Буриану об озабоченности реалиями большой политики Германии: "Из по обыкновению надежного германского источника я узнал, что первый толчок к обезвреживанию армян - правда, не в фактически осуществленном виде - последовал с немецкой стороны".¹⁹ Австро - Венгрия являлась католической страной, и ей приходилось учитывать позицию Римского папы по разным вопросам.

Отсутствие реальных результатов на послание главы Ватикана стало 23 октября 1915 г. предметом обсуждения католического представителя монсеньора Скапинелли с австрийским уполномоченным. Монсеньор заявил, что прибывающие католические священнослужители свидетельствуют о продолжении уничтожения армянского населения, а действия турок превосходят жестокостью времена султана Абдул Гамида. Следствием представлялась гибель 1.000.000 армян. Римский папа был вынужден обратиться личным посланием к султану для оказания помощи армянскому населению. Излагалась просьба Святого престола, чтобы и Австро-Венгрия в Константинополе подняла свой голос в защиту армянских подданных Османской Турции. Католическому представителю было заявлено об имевшем месте обращении внимания Высокой Порты на жестокое отношение к армянскому населению и политическую неадекватность от возможных последствий, постоянном контроле к армянской проблеме и устных заявлений. Доверительно было сообщено, что от ходатайств не следует ожидать

значительных результатов, поскольку руководство Турции стояло на позиции "политической неблагонадежности армян" и считало их виновником в многочисленных нападениях на мирное мусульманское население.²⁰ Мнение католического представителя было учтено, но не более.

24 октября 1915 г. скончался посол Вангенгейм, ставший одиозной фигурой германо-турецкой политики в Армянском вопросе. Официальная Турция и дипломатический корпус отдали последний долг уважения поборнику прусского милитаризма. Прощальную процессию возглавил великий визирь Саид Хильми паша. Присутствовали военный министр Энвер, а также офицеры крейсеров "Гебен" и "Бреслау", олицетворяя военное братство союзников, архитектором которого являлся Вангенгейм, открыв путь к упрямости Армянского вопроса путем геноцида армянского населения Османской державы.²¹ В траурной процессии присутствовал фельдмаршал Гольц, один из авторов плана депортации армянского населения Турции, которого под руку поддерживал Энвер. Очевидец отмечал: "Трогательная картина немецко-турецкого военного союза".²²

Нарастающие обвинения в адрес истребительной политики армян заставили руководство Турции принять контрмеры. 21 октября 1915 г. турецкое посольство в Вашингтоне представило госсекретарю Лансингу протест по поводу имевших место, якобы, варварских действий русских, при содействии армян и греков, над мусульманским населением занятых территорий. Правительство Германии уведомило госдепартамент, что не имеет возможности оказать воздействие на Турцию относительно совершаемых жестокостей при депортации армянского населения. Председатель палаты депутатов Турции Халил бей дал интервью газете "Tag Blat", что армяне "предали" Османскую державу, а государство сейчас не имеет в наличии свободных полицейских ("все являются воинами"), чтобы предотвратить гнев мусульманского населения против незадачливых соседей. Утверждалось о вынужденном удалении армян от театра военных действий для недопущения "заговора" с противником против Турции.²³

25 октября 1915 г. американская газета "The Independent" сообщила о напряженном положении в Константинополе. По слухам, на третий день Байрама главного мусульманского праздника, намечался всеобщий погром. Историческим аналогом представлялся прецедент 1895 г., когда 18 сентября партия "Гнчак" организовала демонстрацию на площади Баб Али, месте нахождения резиденции султана Абдул Гамида, с целью достижения обещанных "Майских реформ" для Западной Армении. Мирная демонстрация была разогнана. Затем начался Константинопольский погром, повлекший гибель 8 тыс. армян. Очевидцы этих событий верили, что погром 1895 г. повторится. Мотивацией являлись публикации в турецких газетах о насилиях курдов и баши бузуков над армянским населением. Однако, по

мнению американского посла Моргентау публикации, всего лишь отражали малую часть истины.²⁴

Угроза погрома в Константинополе ставила целью психологически устрасить и парализовать возможность противодействия истребительной политике армянского населения руководством Турции. Благо имела место армянская самооборона в Урфе. С целью устрасения было решено осуществить публичную казнь семерых армян в Измире. Еще в июле военный трибунал приговорил их к повешению по политическому обвинению - участию в Аданских событиях 1909 г. Однако ни правитель Измира Рахми бей, ни военное руководство не были уверены в достоверности обвинения. Ими был осуществлен запрос в Константинополь о возможности обращения приговоренных за помилованием к султану. Турецкий закон допускал это право за приговоренными, но ответ был немилосердный: "Повесить их немедленно, а затем послать прошение".²⁵ Главный американский консул Дж. Гортон поставил в известность о происшедшем посла в Константинополе.²⁶

В день празднования Байрама посол Моргентау принес поздравления Энверу по случаю главного мусульманского праздника. Изъявлено желание посла получить от военного министра полагающийся подарок в виде помилования семерых армян, приговоренных к смерти. Просьба посла оказалась "забавной" Энверу, который не считал возможным в ней отказать. Процедура потрясла Моргентау до глубины души: "Энвер пощадил этих людей не из-за того, что был в самой легкой степени заинтересован их судьбой, а потому что сделал приятное мне, и, главное, из-за необычности представленной формы помилования".²⁷ Формальность помилования султаном была соблюдена, о чем Моргентау сообщил госсекретарю.²⁸ Свой вклад в спасение отдельных армянских граждан г. Адрианополя внес болгарский посол Колушев, имевший встречи с великим визирем и Талаатом.²⁹

Целостность антиармянской политики истребления и состояния Армянского вопроса в Турции отразило донесение американского консула в Мерсине Э. И. Натана послу Моргентау от 4 ноября 1915 г. В нем констатировалась последовательность процесса депортации: "Имею честь сообщить Вам, что поток выселенных армян из Анатолии в Сирию непрерывно продолжается".³⁰ Были затронуты обращения Моргентау к правительству Османской Турции об оказании гуманитарной помощи армянскому населению, а также бывшего английского посла в США лорда Брайса к Вашингтону о содействии в пресечении депортации армян. Исход этих обращений представлялся на основе политической аналогии с Аданскими событиями 1909 г., когда Великобритания и Европа остались безразличными к беде армян, подвергнувшихся резне. Напоминалось, что первый погром в начале апреля 1909 г. в Киликии был остановлен после прибытия ряда иностранных кораблей в гавань Мерсина. Несмотря на их присутствие, 24

апреля начался более страшный второй этап резни. Консул отмечал пассивность европейской политики: "В это время и после военное командование кораблей не предприняло никаких действий, которые могли вызвать недовольство европейских правительств. Причина ответственности этой пассивности никогда не обсуждалась, никогда не обращались также к роли тогдашнего вице-консула Великобритании (покойный майор Доти Уили, смелый солдат, но мало удавшийся дипломат), которого армяне открыто обвиняли, поскольку он дал им совет сложить оружие".

Тождественный исход прогнозировался относительно происходящего истребления армянского населения повсеместно в Турции, но без отрицательных последствий для американской политики: "Еще можно верить, что обращения Вашего Превосходительства могут дать плод и что, с другой стороны, армяне поймут наконец бесполезность их политического обсуждения, а турки бессмысленность их нынешней политики, но, тем не менее, я с уважением замечаю, что, пересматривая безразличие европейских стран в деле решения Армянского вопроса, вряд ли какой-либо европейский деятель намерен вину за этот вопрос возложить на правительство Соединенных Штатов".³¹

В то же время 6 ноября 1915 г. было сообщено о получении властями приказа о прекращении депортации городского населения Мерсина, Тарона и Аданы. С другой стороны, было предписано выселить несколько тысяч армян из лагеря, находящегося близ Тарсона, чтобы освободившиеся места предоставить депортированным из "Севера". В донесении вскрывалась также причина турецкого гуманизма, которая связывалась с направлением через Тарсон в Алеппо фельдмаршала Гольц паши.³²

После возвращения из отпуска 7 ноября 1915 г. макграф Паллавичини представил положение "армянских дел" в Турции министру иностранных дел Буриану. На основе полученных устных указаний от главы внешнеполитического ведомства состоялся "серьезный разговор" с великим визирем Саид-пашой по вопросу депортации армян, с обращением внимания "опасные последствия" турецкого "образа действий". Великий визирь проявил внимание к суждениям австрийского посла и обещал принять меры по устранению "трагического положения". Паллавичини воспринял пессимистически заверения Саид паши: "Однако воздействие великого визиря на других членов правительства представляется исчезающим, и его обещания внушают лишь малое доверие. Лучшим доказательством этой реальности является то, что вопреки сделанным им заверениям ничего не сделано, поскольку с того времени получаемые ежедневно известия со всех частей турецкой империи свидетельствуют о преследованиях армян."³³

По данным дипломатической сети австро-венгерского посольства в Константинополе, началось резкое увеличение масштаба преследований: были закрыты и ограблены католические монастыри и учреждения в Сирии,

стали производиться аресты и высылки христиан и евреев в Багдаде, “беспошадная расправа” была осуществлена над армянами Адрианополя.³⁴ В армянском католическом патриархате Константинополе пропавшими без вести числились 6 епископов и по 40 монахов и монахинь. Патер Хофер из Эрзерума представил апостольскому нуцию меморандум о преследованиях армян. Отмечались масштабы армянской катастрофы: “Примечательно, что сами турки определяют число убитых или погибших от лишений армян в 500 000, а число депортированных - 900 000”.³⁵ Начались преследования греческого населения. Расправа осуществлялась над ассирийцами.

Совокупность тревожной информации побудила посла Паллавичини 6 ноября 1915 г. посетить министра иностранных дел Халил бея. Было обращено внимание на “почти всеобщий характер” преследований христианского населения в Турции, заострено внимание на закрытие католических церквей и учреждений. Министру иностранных дел указано на два возможных “тяжелых последствия” осуществляемой политики. Внешнеполитический аспект заключался в том, что наличие такого числа депортируемых и уничтожаемых людей ставило клеймо на репутацию Германии и Австро-Венгрии как союзников Турции. Заявлено, что при таких условиях Берлин и Вена не смогут защищать Стамбул, на который возложат всю вину за происходящее. Внутренний аспект заключался в нанесении экономического и политического ущерба самой Турции, поскольку подвергавшиеся преследованиям представители армянской нации являлись самыми “трудодобывыми элементами”, которые содействовали ее развитию.

По мнению Паллавичини, приведенные аргументы оказали воздействие на Халил бея, который заявил об их справедливости. Отмечено, что в этом духе он пытался оказать влияние на Талаата и почти добился обещания о прекращении насилий. Сообщено о предстоящем командировании начальника полицейского управления Министерства внутренних дел Джамболат бея, чтобы принять меры по расселению там депортированных армян в районе Мосула и обеспечению продовольствием. Министр иностранных дел обещал провести еще один разговор с Талаатом, с представлением политических последствий от внутренней политики Турции, в частности, учитывая значение Греции. Было прибавлено, что министр внутренних дел Талаат стремится решить Армянский вопрос “по - своему” в ходе войны и поставить ведущие державы перед “свершившимся фактом”.

По словам Паллавичини, обещание Халил бея имело относительное значение. Министру иностранных дел Буриану отмечено: “Опираясь на мой многолетний опыт Востока, от турецких обещаний много чего не ожидаю, однако считаю, что в этом случае Халил бей был довольно откровенен.” Выражена уверенность в возможность разговора Халил с Талаатом, но сомнение имелось в успешности итогов. Скептицизм связывался с функционированием государственной системы террора в Турции: “Прекращение

почти ставших систематическими преследований христиан и иностранцев зависит не только от Талаата, как и то, что от него мало зависит, что поступающие из Константинополя указания осуществляются с такой жестокостью”.

По мнению Паллавичини, в государственном механизме Турции проявлялись определенные “элементы без власти”. Местные власти демонстрировали тенденции обособленности от центрального правительства и выходили за пределы предписываемых указаний, выполняя лишь указания центрального комитета партии “Единение и прогресс”: “Вышедшие из состава Комитета вали и мутесарифы уважают лишь те распоряжения, которые они получают от комитета, а не распоряжения, получаемые от правительства”.³⁶

Важным в ходе переговоров явилось сообщение министра иностранных дел Халила, что дипломат Хакки бей из Берлина оповестил об отрицательном впечатлении в германских политических кругах от “турецкого образа действий” в Армянском вопросе. Халил от себя и от имени Хакки бея выразил опасение, что Армянский вопрос может быть использован США для настраивания общественного мнения против Германии. Выраженная озабоченность обострением последствий турецкого решения Армянского вопроса нашла понимание у Паллавичини. Министру Буриану сообщено, что такое развитие событий будет выгодно странам Антанты для внешнеполитической пропаганды.³⁷

Опасения посла Австро-Венгрии относительно позиции общественного мнения США были не напрасны. 1 ноября 1915 г. “The New York Times” сообщила о решении американского комитета, занимающегося зверствами по отношению к армянскому населению в Турции, что если миру станет известно все, что с ним происходит, то он составит трагическое мнение: “В истории происходит самое большое, самое потрясающее и самое произвольное преступление.” Политикой властей Турции представлялся запрет оказания любой помощи армянскому населению. 3 ноября общественность была оповещена о смерти пяти американских миссионеров, которые являлись свидетелями зверств и расправ турецких властей над беззащитным армянским населением.³⁸

Обличительный подход к политике Турции проявлял главный американский консул Джон Гортон, который 8 ноября 1915 г. из Смирны направил госсекретарю сообщение “Армянский вопрос”. Представлялись две памятные записки о мероприятиях Османского правительства против армян внутренних районов Малой Азии. Все приводимые в них события имели документированный характер. Излагалось личное мнение: “Все происходящее по своей тенденциозности, длительности ужасов и размеров превосходит все то, что до сих пор имелось во всемирной истории”.³⁹

Обзор состояния “Депортации армян” за октябрь месяц 8 ноября 1915 г. представил кайзеровскому посольству вице-консул Гофман, который в Алеппо временно замещал консула Рёслера. Алеппо занимал центральное место для депортируемых армян и позволял составить общую картину с точки зрения анализа и синтеза: “При необозримости территории, охваченной наказанием армянского населения, оценка фактических событий в основном находится в зависимости от определенных конечных результатов, которые позволяют сделать выводы о том, что происходило и происходит за кулисами”.

На этой основе были представлены несколько маленьких разделов. Первый раздел назывался “Расширение масштабов депортации”. Конкретно указывалось: “В конце октября депортация охватила армянское население всей Анатолии до самых врат Константинополя и Смирны”.⁴⁰ Выселялись армяне - григориане, католики и протестанты.

Второй раздел носил емкое название “Резня”. Квинтэссенцией являлось положение о ее всеобъемлющем характере: “Можно считать установленным то, что в собственно армянских вилайетах депортация сопровождалась массовой резней армян мужского пола старше детского возраста, а отчасти и всего населения армянских населенных пунктов”. Вывод базировался на опросе выживших выселенцев: “В этом показания оставшихся в живых из депортированных групп сходятся таким образом, что исключают предварительный сговор”.⁴¹

Третий раздел именовался “Форма депортации”. Сущностью проведения выселения представлялось обречение армянского населения на смерть: “Депортация из собственно армянских вилайетов предпринималась большей частью в такой жестокой форме, что к сборным пунктам (Алеппо, Мосул, Тель-Абиад, Рас -уль - Айн) прибывали лишь жалкие остатки слывшего смелым и здоровым горного народа”.⁴²

Четвертый раздел “Сборные лагеря” рассматривал условия размещения выселенцев в местах концентрации. По данным турецкого правительства в конце октября 1915 г. в Алеппо было поселено около 20 тыс. армян, а в сорока километрах от него, в лагере Катма около 40 тыс. Некоторые из них имели палатки, но большинство проживало в антисанитарных условиях, с высоким уровнем смертности: “Число смертельных случаев среди ссыльных в Алеппо возросло за октябрь от 120 до 200 ежедневно”.⁴³

Пятый раздел “Дальнейшая пересылка” затрагивал перемещение депортированных в места “поселения”, которые находились в отдаленных местах Сирии. Отсутствие продовольственных, финансовых и материальных ресурсов обуславливало гибель выселенцев: “Депортация армян согласно с этим немногим отличается от их истребления. Их собственные предводители на основании отдельных отчетов прибывших групп оценивают число умерших до конца октября по меньшей мере в 600 000 человек.”⁴⁴

Вице-консул Гофман поставил вопрос: “Стоит ли истребление в плане центральных властей?”. Ответ на это заключался в выражении сомнения концепции официальной пропаганды об “Армянском заговоре”: “Значение обнаруженных в Константинополе нитей мнимого заговора я не в состоянии оценить. Они непосредственно армян Анатолии не разоблачают”. Связь Ванских событий с депортацией армян из других мест Турции признавалась надуманной: “Может быть оправдано лишь очищение территорий, находящихся в опасности, т. е. прежде всего областей на побережье и вдоль этапных дорог, но не всеобщее изгнание армян”.

Отделение второстепенных аргументов привело Гофмана к пониманию антиармянской политики властей Турции к решению упразднить Армянский вопрос путем истребления армянского населения: “Сообразно с этим, пожалуй, ближе всего к истине предположение, что турецкое правительство усмотрело (в войне) желанный повод для того, чтобы в неожиданно благоприятной обстановке нынешней войны раз и навсегда раздавить армянское христианское население, оказавшееся и, с магометанско-турецкой точки зрения также экономически, для правительства тяжелым бременем.”⁴⁵

Политэкономический фактор армянского населения определялся его ремесленным и земледельческим вкладом в развитие Турции, “исчезновение” которого сказалось бы на развитии страны. Политический интерес Германии в “армянских событиях” определялся последствиями: “Сколь бы неприятным не было осквернение доброго имени Германии из-за депортации армян, практически в основном вопрос все же в том, нанесет ли она экономический или политический ущерб”. Предлагалось содействовать сохранению армянского населения в Турции для будущих видов Германии: “Даже если бы консульства всеми силами сотрудничали в привлечении мусульманского элемента к купеческому сословию, Германия и народ должна заниматься торговлей судоходством с чужеземными и местными евреями и христианами, включая и оставшихся армян...”⁴⁶

В начале ноября 1915 г. в Константинополь прибыл новый немецкий посол князь - граф Пауль Вольф Меттерних. Начался процесс адаптации и ознакомления с местной обстановкой. Лейтмотивом деятельности должен был стать циркуляр Циммермана от 7 ноября для конфиденциального использования германским миссиям в Константинополе, Вашингтоне, Софии, Берне, Лугане, Стокгольме, Афинах и прочих местах. В нем указывалось, на необходимость избегания обсуждения деятельности германских консулов в Турции, имевшего место в норвежской прессе, как следствия целесообразности учета ряда деликатных факторов: привлечения внимания общественности к Армянскому вопросу и “шепетильности турецкой верхушки” к армянской теме. Подход мотивировался желанием не нанести “вреда армянам”.⁴⁷

10 ноября 1915 г. рейхсканцлер Бетман-Гольвег направил заявление протестантских кругов Германии и резолюцию миссионерской конференции центрального комитета немцев-католиков советнику посольства в Константинополе Нойрату. Предлагалось учесть высказанные мысли Германских христиан: "Ваше высокоблагородие, принимая во внимание изложенные в приложениях точки зрения, прошу далее при каждом удобном случае и со всей энергией воспользоваться Вашим влиянием про Порте в пользу армян и, прежде всего, уделять Ваше внимание тому, чтобы меры Порты, возможно, не распространялись еще и на другие части христианского населения в Турции".⁴⁸

12 ноября 1915 г. Бетман-Гольвег ответил обтекаемо протестантским кругам на обращение по Армянскому вопросу: "Кайзеровское правительство, как ранее, так и впредь, всегда будет считать одним из своих первейших долгов использование своего влияния в том отношении, чтобы христианские народы не подвергались преследованию из-за своей веры, а немецкие христиане могли бы положиться на то, что я, руководствуясь этим принципом, сделаю все, что в моей власти, чтобы принять во внимание выраженные нами беспокойство и пожелания".⁴⁹ "Миссионерскому комитету" католиков Германии рейхсканцлер изложил общее стремление правительства оградить христианские народы Турции от "преследований за веру".⁵⁰

10 ноября 1915 г. в германском посольстве Константинополя посол Меттерних проводил прием представителей немецкой общины. Представители Константинопольского патриархата архимандрит Ерванд и епископ Г. Джевахирджян приветствовали нового главу германской дипломатической миссии, которому было вручено послание патриарха Завена Егяна. В нем констатировалось варварское надругательство над армянским населением со стороны властей Османской Турции: "Во многих провинциях представители мужского населения свыше десяти лет уничтожены, подростковые женщины похищены со стороны мусульман, дети насильно отобраны от родителей и преданы попечению исламским семействам". В результате беспримерных насилий констатировалась гибель 800 000 - 1 млн. армян. Бесследно исчезли 18 архиепископов, 17 глав епархий и множество священнослужителей. Для оправдания насилий и репрессий использовалась "абсолютная ложь" и "обман".

Затрагивалась проблема оказания содействия со стороны Германии: "С того момента, когда возникла Всеобщая война, не ожидали несомненно от держав, чтобы занимались нами, но армянский народ был вправе ожидать, что в результате официального воздействия Германии... должны были прекратиться, и мы смогли бы наконец получить немного спокойствия".⁵¹ Надежды армян оказались несостоятельными. Армяне лишь задавались вопросом о причинах долгого терпения германской культуры к происходящему в отношении обречаемого на смерть христианского народа. Осман-

ская держава, к которой армяне демонстрировали верность на протяжении шести веков, отказалась защищать своих подданных. Государство приняло закон о депортации, обрекший значительную часть армянского населения на бродяжничество, повлекший гибель в пустынях Месопотамии. Запрашивалось "дружественное посредничество" германского посла для прекращения насилий и спасения остатков армянского населения. Выражалась надежда, что "могучая Германия" окажет содействие в установлении мира. Письмо было прочитано послом Меттернихом и поручено рассмотрению сотруднику посольства доктору Мордтману.⁵²

12 ноября 1915 г. руководитель "Германского союза помощи для христианских добрых деяний на Востоке" Ф. Шухардт, изучавший положение дел в Малой Азии, посетил американского посла Моргентау. Визит являлся результатом настойчивого желанья руководителя "American Board" ("Американский совет"), близкого знакомого Шухардта. Сделано представление, что Министерство иностранных дел Германии осуществляет все, "что можно было предпринимать в деле армянского христианского населения Турции в настоящее время".

В тот же день Шухардт поставил в известность советника посольства в министерстве иностранных дел Розенбергу о предварительных итогах младотурецкой политики в Армянском вопросе. По немецким источникам имелись сведения о "славных подвигах" турецких союзников над армянским народом. Турецко-армянский антагонизм признавался кощунственным насилием со стороны турок: "По устным сообщениям нашего миссионера Шперри из Вана, с которым я говорил в Берлине как раз перед отъездом сюда, пожалуй, и армяне убили магометан, но не осуществили ни жестокости над мужчинами, ни насилия над женщинами и девушками, ни грубостей над детьми".⁵³

Проявлено понимание наличия дезинформационной политики младотурецкого режима относительно так называемых "армянских восстаниях": "Я оставляю за собой право на более позднее представление донесения о многом интересном - о поддельных депешах из глубинки и о многом другом". Необходимость знания реального положения вещей в Армянском вопросе представлялась Шухардтом необходимой для ориентации внешнеполитического ведомства: "Простите, что мучаю Вас даже издалека, но ведь правильно, чтобы наш МИД знал все факты, чтобы лишь таким образом ясно видеть и лишь таким образом суметь лучше принимать решительные меры, если когда-нибудь для этого представится возможность".⁵⁴

14 ноября 1915 г. Мордтман посетил патриарха Завена по поводу послания послу Меттерниху. В ходе беседы было заявлено об эмоциональном воздействии письма на посла - "очень взволновался". Запрошена справка о положении армянского населения Турции. Спустя день - два справка была представлена послу Меттерниху. По прочтении посол сообщил патриарху

Завену о своем впечатлении: "Очень соболезную за тяжелое положение армянского народа".⁵⁵ Было обещано письмо направить в Министерство иностранных дел и предпринять все усилия по изменению положения армянского народа: "Настолько, насколько позволит политика".

Использованный оборот посла "насколько позволит политика" являлся, по мнению патриарха Завена, красноречивым знаком реального положения дел. Внешняя форма дружелюбия позволяла надеяться на лучшее. Ободренный патриарх составил вторую справку "Уничтожение армянского элемента в Турции". В ней говорилось о беспримерном в истории уничтожении армянской нации, имеющем место в Турции на протяжении последних 10 месяцев и до сих пор продолжающемся. Главный тезис являлся глаголом вопиющим: "Христианский мир и цивилизация останутся ли безразличными?"⁵⁶

У посла Меттерниха имелись основания о пределах собственных полномочий, так как доминантой деятельности являлись не личные эмоции, а интересы представляемой Германии. 14 ноября 1915 г. "The New York Times" опубликовала обращение "Союза англиканской и восточной протестантской церквей" к президенту США В.Вильсону в пользу защиты армянского населения Турции. Заявлялось, что президент обязан затребовать от покровителя Турции правительства Германии покончить с погромами армян христиан. Испрашивалось также указание американским плавучим средствам приступить к перевозке армянского населения в христианские страны.⁵⁷

Активность американской дипломатической службы в Армянском вопросе побуждала правящий младотурецкий режим принимать контрмеры камуфлирования. С целью пресечения разглашения информации о положении депортированного армянского населения американскому консульству в Алеппо было запрещено посылать запечатанные письма посольству в Константинополь, что затрудняло возможности консула Джексона сообщать о событиях на местах и в прилегающих районах.⁵⁸

18 ноября 1915 г. Талаат предписал губернатору Алеппо предпринять все меры по сокрытию сведений о депортации армянского населения от американских представителей: "После вмешательства, предпринятого недавно американским послом в Константинополе от имени своего правительства, стало очевидным, что американские консулы тайными способами добывали информацию. Несмотря на наши заверения о том, что высылка (армян) будет осуществляться безопасно и с удобствами, они до сих пор не убеждены в этом". Требовалось утаивать от американцев истинную сущность депортации: "Следите за тем, чтобы не было привлекающих к себе внимания слушаев, связанных с теми (армянами), которые находятся вблизи городов или других центров".⁵⁹ В то же время рекомендовалось проявлять гибкость и создавать политический пиар вокруг драматических событий: "С точки зре-

ния настоящей политики более важно, чтобы находящиеся в этих районах иностранцы были убеждены в том, что изгнание (армян) действительно является переселением. Поэтому важно, чтобы на время была сохранена видимость вежливого обращения: обычные меры должны применяться в подходящих местах."⁶⁰ Предлагалось карать лиц, допускаявших разглашение секретных сведений: "В качестве необходимой меры рекомендую Вам арестовать лиц, давших такую информацию, и передать их дело военным властям для разбирательства на военных трибуналах".⁶¹

Понятие "с точки зрения настоящей политики" свидетельствовало о вынужденной мимикрии младотурецкого режима антиармянской политики под воздействием мировой общественности и американской дипломатической службы. Чтобы отданное предписание не было воспринято как либерализация политики истребления армянского населения. Талаат 23 ноября 1915 г. отдал указание о физическом уничтожении выселенцев из Западной Армении: "Уничтожайте тайным способом армян из восточных провинций, которые попадают к Вам в руки".⁶² Очередной приказ требовал отвергнуть гуманизм и применять санкции к лицам, содействовавшим сохранению армянского населения. Мотивацией приказа указывались Армянский вопрос и пропагандируемый миф об Армянском заговоре на основе Ванских событий: "Следует наказывать тех, кто желает обеспечить существование армян, которые на протяжении столетий были опасным элементом для Турции и которые совсем недавно пытались затопить в крови всю нашу страну. Пошлите секретные инструкции должностным лицам".⁶³

26 ноября 1915 г. Талаат подписал предписание комиссии по размещению племен и переселенцев, санкционирующее переход в ислам армян, изъявивших на то желание, в том числе оставленных с этой целью на пути депортации, с сохранением за ними имущества. В случае его продажи допускался возврат его стоимости. При наличии личных и коллективных желаний о смене вероисповедания требовалось их распределять среди мусульманского населения таким образом, чтобы их численность не превышала 5 % местных жителей. Перед армянским истребляемым населением ставилась дилемма: смерть либо мусульманизация.⁶⁴

Происходящая расправа над армянским населением, так или иначе затрагивала чувства здравомыслящих немцев. Причем восприятие и отражение боли армянского народа были разными. В сообщении сестры Альмы Иогансон о резне в Армении (20 ноября 1915 г.) было проявлено стремление понять: "Как же дело дошло до этого?"⁶⁵ Первопричина всего виделась в ориентационных симпатиях армян и кознях турок: "Ведь это правда, что образ армян был далеко не германофильский, а больше русофильский. От англичан они также ничего не ожидали. С сатанинской хитростью турки сумели также возбудить эти настроения армян и против Германии, естественно с тем, чтобы затем суметь представить доказательство этого".⁶⁶

В сообщении немецкой миссионерки Магдалены Дидсун о депортации армян из вилайета Аданы отмечается стремление турецких кругов возложить всю ответственность за антиармянскую политику на Германию. Миссионеркой указано: “И тут я подхожу к высказываниям турецких чиновников, солдат, мужчин, женщин и детей. Все без стеснения говорят, что единственно Германия, кто посоветовал совершать эти ужасные злодеяния в отношении армянского населения. Они, между прочим, говорят: “Мы учимся всему у Германии, а разве немцы не те же христиане? Но ведь именно это были они, кто нам советовал не оставлять в живых ни одного армянина”.⁶⁷ В письме кайзеровскому консулу в Алеппо Дидсун указано воз действие массового психоза на обывателей в Армянском вопросе: “То, что я здесь вижу, это то, что большинство подлостей, которые сообщаются об армянах, являются тысячекратным преувеличением вследствие фанатизма или же совершенно полной выдумкой”.⁶⁸

Посещение Северо-Сирийской низменности произвело тягостное впечатление на престарелого фельдмаршала Гольца. В частном письме от 22 ноября 1915 г. из Алеппо им было отмечено: “Ужасающая трагедия целого народа. Тысячи и тысячи беззащитных людей шли навстречу неизвестной цели, без продовольствия, без снабжения. Сочувствуешь им от всей души, но не можешь ничем помочь”. Фельдмаршал Гольц являлся одним из соавторов плана депортации армян Турции в Месопотамию, который ровно год до этого аплодировал соответствующему докладу Рорбаха в “Германо-турецком обществе”. Переводчик генерала Лимана фон Сандерса Г. Фирбюхер, знавший поднаготню турецко-германской дружбы в Армянском вопросе, отметил в деликатной форме последствия содеянного Гольцпашой. Причем вина за безжалостное воплощение германского плана депортации возлагалась на младотурецкое руководство Турции: “Маршал фон дер Гольц, “отец турецкой армии”, прослуживший до преклонного возраста на благо полумесяцу, по-видимому, и сам стал жертвой бесчеловечности своих “верных учеников”.⁶⁹

Новый посол Германии в Армянском вопросе оказал воздействие на внешнеполитическое руководство Турции. Реакция оказалась негативной. 23 ноября 1915 г. “The New York Times” представила мнение министра иностранных дел Халил бей о взаимодействии Германии и Турции. По его мнению, присутствие германских частей в Турции не диктовалось необходимостью. Аналогичные заявления, по его словам, ранее были сделаны Талаатом и Энвером. Суть заявления состояла в представлении Турции равным и самостоятельным партнером Германии, а не подчиненным сотрудником. Халил указывал: “Я верю, что Германия и Турция друзья. Однако, немцы должны понять, что сюда они приходят не как завоеватели, а как партнеры.” Аналогичная ситуация прогнозировалась на будущее: “Мы знаем, что Германия хорошо расположена к нам, и питаем Надежду, что будут

еще лучше после войны.” Затрагивалась перспектива послевоенных взаимоотношений с мировыми политическими центрами сил: “Недоверие европейских держав к Турции очень глубоко и может быть искоренено лишь постепенно”. Конкретно по Армянскому вопросу Халил продемонстрировал верность официальной пропаганде и партии “Иттихад”, заявив, что армяне виноваты в предательстве, сотрудничестве с русскими и осуществлении антитурецких действий.⁷⁰

Опасения министра внутренних дел Талаата об утечке информации о положении армянского населения имели обоснованный характер. 27 ноября 1915 г. посол Моргентау направил сообщение госсекретарю с представлением донесений главного консула Измира о положении Алеппских армян и “событиях” Урфы (от 8 ноября). Известия из Алеппо консул Джексон отправил в Смирну через доверенного человека, поскольку он не имел возможности отправлять запечатанные конверты. Имя поставщика секретной информации было сокрыто, поскольку это представлялось “нецелесообразным”.⁷¹

Несмотря на установившийся тоталитарный режим власти в Турции и военное положение, руководству партии “Иттихад” приходилось соблюдать видимость процессуальной деятельности парламента, что так или иначе заставляло с ним считаться в определенной мере. Сентябрьский запрос Ахмед Ризы о судьбе армянских пропавших депутатов оставил свое воздействие. 28/15 ноября 1915 г. открылось 11 заседание 4 сессии Османского парламента. Председатель парламента Гаджи Адиль бей обратился к правительству с просьбой раскрыть тайну отсутствия армянских коллег. Великий везирь Саид, ссылаясь на официальное сообщение Министерства внутренних дел, сообщил, что Эрзерумский депутат Вардгес и Стамбульский депутат Зограб были затребованы военным трибуналом. В ходе направления в Диарбекир они были убиты членами группы четников черкеса Ахмеда. Военным трибуналом Диарбекира убийцы были проговорены к смерти. О смерти депутата Архни Степана (Чраджян) была представлена информация местных властей. Отмечено убийство депутата Вана Врамьяна в районе Битлиса во время Ванских событий. Указывалось, что другой Ванский депутат Ваган Папазян присоединился к армянским гайдукам Муша и был убит. Депутат Кесарии профессор Тумян перед открытием сессии отказался от турецкого гражданства и покинул страну. Депутат Битлиса М. Чераз во время объявления мобилизации в августе 1914 г. отбыл в Европу и не вернулся назад.⁷²

Невнятное объяснение великого визиря носило лаконичный характер. Не были представлены причины вызова депутатов Вардгеса и Зограба в военный трибунал, не объяснена смерть депутата Степана, гибель Врамьяна связывалась с Ванской самообороной армянского населения, а смерть депутата Папазяна увязывалась с антиправительственной деятельностью. От-

существовали объяснения причин отбытия в Европу депутатов Тумяна и Чераза. Ставилась цель заглушить интерес депутатов Османского парламента к судьбе погибших коллег. Министр внутренних дел Талаат счел нужным дать столько информации, сколько счел нужным. Выходящая за ее пределы истина не должна была интересовать османских депутатов. Великий визирь послушно исполнил волю всемогущего министра внутренних дел.

Был разыгран политический спектакль, ставящий цель приглушить скандал вокруг нарушения неприкосновенности армянских депутатов. Об организованности спектакля свидетельствует тот факт, что инициатор запроса Гаджи Адиль бей являлся заместителем министра внутренних дел Талаата во время Аданских событий 1909 г. и предпринял усилия по их фальсификации. Тогда удалось добиться временного преобразования Армянского вопроса во внутриосманскую проблему. Позиция была оценена, и он стал секретарем центрального комитета партии "Единение и прогресс". Конфуз с выборами 1912 г., завершившийся уступлением власти кабинету специалистов, сказался на политической карьере. Война затребовала от младотурок привлечения к политической деятельности испытанных кадров, и Гаджи Адиль бей обеспечил обсуждение участия армянских депутатов в нужном русле. После зачтения официального заявления один из турецких депутатов продемонстрировал патриотический рык: "Нашли свою достойное наказание".⁷³

Руководством Турции было обращено внимание на возможность политической угрозы видам истребительной политики со стороны армянского духовенства, что являлось следствием представлений немецкого посла Меттерниха. В недатированном "строго секретном" донесении австро-венгерского посольства внешнеполитическому руководству политика "сокращения численности армянского элемента" в свете "Армянского заговора" представлялась обоснованной, но вне ее эффективности находилось армянское духовенство со всеми вытекающими политическими последствиями. Отмечалось: "Однако священнослужителей, которые сделают призыв против государственного волшебника Талаата и друзей, они не в состоянии и не могут обуздать и не стеснить". Причиной, ведущей к активизации армянского духовенства и армянского населения являлась агрессивная политике турецкого государства и экстремизм общества: "Виноваты злоупотребления меропрятий и приказов и большие проявления национализма, гюркизация, пантуранизм, совместно с шовинизмом и подогретые войной воинственные и захватнические атавистические дикие страсти и инстинкт турок, курдов и других мусульманских племен".⁷⁴

В этом определении австрийского союзника Турции не хватает самой малости - указания на этноагрессию, как причину захвата территории этноса другой культуры. Очень четко причину зоологического шовинизма младотурецкого режима на июньском судебном процессе 1921 г. в Берлине

Согомона Тейлияряна по поводу убийства Талаата сформулировал защитник Нимайер: "Значит, получается так: армяне - последний покоренный христианский народ, на захват территории которого Турция могла рассчитывать. Все балканские народы, до этого подавленные Турцией, уже самостоятельно освободились от турецкого ига. И чтобы армяне не сделали того, было решено их уничтожить".⁷⁵

3. Возможность "Нового курса" в Армянском вопросе

1 декабря 1915 г. министр внутренних дел Талаат направил приказ губернатору Алеппо о целевом истреблении армянских священнослужителей, свобода деятельности которых представлялась противоречащей интересам Турции: "Несмотря на тот факт, что прежде всего необходимо уничтожить армянское духовенство, нам стало известно, что духовных лиц отправляли в такие подозрительные места, как Сирия и Иерусалим. Это решение является непростительным упущением. Место ссылки таких мятежных лиц - их уничтожение. Я советую Вам действовать в соответствии с этим".¹

К этому времени, в поисках компромата все армянские церкви Азиатской Турции были обысканы. С видными иерархами в вилайетах расправлялись без всяких поводов. Епископ Паперта Анания Азарпетян был повешен, хотя смертный приговор не был утвержден центральным правительством. Епископ Харберда Бесак Тер-Хоренян в мае 1915 г. был выслан в ссылку, но был сразу же убит. Епископы Брусы, Трапезунда, Кесарии, Шапин - Карахисара, Чарсанджака - Даниелян, Геворг Турян, Хосров Педжриян, Вагинак Ториян, Геворг Налбандян, как и другие священнослужители, были арестованы и преданы военному суду. Епископ Диарбекира Мкртич скончался от смертельных побоев в тюрьме.² Епископ Эрзерума Смбат Саатетян был заживо расчленен. Вместе с ним погиб духовный предводитель Басена архимандрит Корюн Срапян.³ Бесцеремонному мученичеству подвергались армянские священники, в том числе католические и протестантские. Архиепископ Игнатиос Малоян являлся предводителем армян-католиков г. Мартина Диарбекирского вилайета. 10 июня первый караван смертников вышел из г. Мартина, в составе 417 лиц и 12 архимандритов. Все они отвергли предложение принять ислам: "Умрем, но умрем за Иисуса Христа".⁴ После гибели каравана последовали предложения архиепископу изменить вероисповедание, что было отвергнуто. Малояну выкололи глаза и отрезали голову. Римский папа Иоанн-Павел II причислил Малояна к лику святых.⁵ Армянские церкви, имущество которых расхищалось после депортации, превращались в мусульманские мечети. Погибали бесценные армянские рукописи и книги. Уничтожалась духовная память армянского народа. Все это противоречило Корану, запрещавший убивать народ, имеющий "священную книгу" и его духовных представителей.⁶

В то же время, беспокойство Талаата по поводу выполнения своих приказов имело основание. На Берлинском процессе 1921 г. свидетель епископ Гр. Палакян дал показания, что он с товарищами был арестован 24 апреля 1915 г. в Константинополе, затем железной дорогой переправлен в Анкару и далее на машинах в Чанкары. Отсюда по приказу министра внутренних дел из Константинополя 16 высланных должны были быть направлены в пустыню Дейр-Зор, однако вали Кастамуни Рашид паша приказ не выполнил. После его снятия за выполнение приказа взялся заместитель вали Юнус бей, являвшийся секретарем местного комитета партии "Иттихад", но сумма в 800 золотых турецких фунтов позволила им оставаться на месте до февраля 1916 г.⁷

Талаату приходилось учитывать воздействие приказов о проведении ко-сметических мер в ходе депортации и истребительной политики, что в некоторых местах было воспринято буквально. Действовала и противоположная тенденция. В силу чего появился новый приказ министра внутренних дел об избегании наказания активных участников антиармянской политики: "До нас дошли слухи, что некоторые чиновники предстали перед военным трибуналом; их обвиняют в вымогательстве и жестокости по отношению к известному народу. Если даже это были простой формальностью, оно может ослабить энергию других должностных лиц. По этой причине я приказываю вам не допускать подобных расследований".⁸

Знанием жестокостей турецких властей отличалось австро-венгерское посольство, которое 2 декабря 1915 г. направило критическое сообщение внешнеполитическому ведомству: "Все это происходит в последнее время, хотя правительство, особенно Талаат - бей, еще в сентябре уверяли посла Германии, что преследование армян прекращено". Численность погибших армян представлялась в 1 000 000 человек. Следствием отмечалось лишение Турции двух важных элементов - мелких торговцев и земледельцев. Сельское хозяйство представлялось понесшим значительный убыток, поскольку посевные поля армянских деревень остались невозделанными. По сравнению с прошедшими годами посев зерновых культур был осуществлен лишь наполовину. Общие отрицательные экономические последствия от истребительной армянской политики прогнозировались на следующий год. Указывалось: "Согласно докладом всех беспартийных экспертов, Турция движется навстречу большому экономическому бедствию".⁹ Масштабы бедствия могли быть усилены отсутствием дорог и нехваткой грузовых вагонов, что сказалось бы на продовольствии нуждающихся турецких деревень. Сельскохозяйственный кризис затрагивал положение режима Турции, что наглядно проявлялось в финансовых поступлениях. В "нормальные годы" поступления с десятины урожая составляли 7 млн. золотом, но в текущем году равнялись 4,5 млн., хотя независимые эксперты утверждали о реальном поступлении лишь половины данной суммы.¹⁰

Для Талаата политэкономические законы были не писаны. 3 декабря 1915 г. губернатору Алеппо было направлено очередное указание, требующее незамедлительного исполнения: "Армян, находящихся в районе Алеппо, безотлагательно отправьте на места их ссылки и доложите об этом".¹¹ Все правовые и этические нормы представлялись не имеющими значения перед угрозой сохранения Армянского вопроса и наличия армянского населения. В очередной телеграмме отмечалось: "Обращать внимание на всякого рода личные жалобы, исходящие от "известных лиц", значит не только задержать их отправку в пустыню, но также создать возможность для ряда акций, могущих вызвать политические затруднения в будущем. Поэтому не надо обращать никакого внимания на их заявления. Чиновникам, имеющим отношение к этому делу, следует дать соответствующие указания".¹²

В начале декабря 1915 г. германский посол Меттерних самым "серьезным" образом обсуждал "зверства" над армянским населением с военным министром Энвером и великим визирем Халил беем, а 7 числа с Джемалем. Заявлено о наличии "глубокого недовольства" от армянской политики Османской Турции среди "широких кругов иностранных стран и Германии. В случае продолжения "зверств" Турция могла лишиться симпатий со стороны указанных стран. Вожди младотурецкого режима демонстрировали лукавое взаимопонимание. Энвер и Халил заверили германского посла об отсутствии желания предпринимать какое-либо новое переселение, в особенности из Константинополя. Осуществляемая антиармянская политика мотивировалась военными потребностями и необходимостью наказания революционеров. "Они упорно не желают обращать внимание на те обвинения, что для сотни тысяч женщин судьбой стали мучения и, в конечном счете, смерть."

Джемаль находил, что "начальные приказы" были действительно необходимы, но практическое их исполнение было осуществлено плохо. Без всяких оговорок им было признано возникновение "тяжелой ситуации", которую он попытался смягчить в подвластных территориях путем организации поставки продовольствия и раздачи денежных средств. В Алеппской военной ставке отмечались вспышки различных болезней, которые представлялись следствием заболеваний среди депортированных. Начальник штаба Джемал фон Кресн заявил о неопишемости мучений выселенных армян, которые не уместаются в понятие "человеческого разума". В то же время приходилось выслушивать молву о желательности резни со стороны Германии.

Обо всем увиденном, услышанном и осуществленном по Армянскому вопросу посол Меттерних 7 декабря 1915 г. сообщил рейхсканцлеру Бетман - Гольвегу. Из достоверного источника стало известно, что в последнее время из Константинополя в Алеппо было выслано 4 тыс. армян. Имелся план постепенно "разгрузить" Константинополь от 80 - тысячного армян-

ского населения, из которых летом уже было выселено 30 тыс., и из них уже исчезло 3 тыс. Информация предназначалась не для разглашения, поскольку она расходилась с заявлениями Энвера и Халила о судьбе армянской общины Константинополя. Для прекращения выселения, по мнению посла Меттерниха, требовалось прибегнуть к более жестким мерам. С этой целью предлагалось опубликовать заметку в "Norddeutsche Allgemeine Zeitung" (Северогерманской всеобщей газете) о соответствующем поручении центрального правительства германскому послу: "Появление роста озбоченности среди значительной части германского народа, связано с многочисленными сообщениями, которые поступают в Германию частично из иностранной прессы относительно печальной судьбы армян Турции, которых выселили из мест проживания для поселения в других районах".

В заметке предлагалось признать право любой страны на свободу действий против "ненадежных элементов" в условиях военного времени, но в то же время вина отдельных лиц не должна была затрагивать судьбу всего народа, в том числе стариков, женщин и детей. Предлагалось подчеркнуть наличие союзнических отношений между Германией и Турцией и заявить, что при получении первых известий о "грубейших ошибках" при переселении армянского населения правительство Германии посредством кайзеровского посольства сразу же обратило внимание властей Турции на происходящее: "Принимая во внимание тесные дружеские отношения, существующие благодаря союзнической связи между Турцией и Германией, кайзеровское правительство посчитало своим долгом - как только до его сведения дошли первые известия об имевших место глубоко прискорбных происшествиях при переселении армянского населения, возникших, по-видимому, главным образом вследствие неправильных приемов низших властей - обратить внимание турецкого правительства настоятельным образом через кайзеровское посольство в Константинополе на бесчинства и жестокости, и повторно, в письменной и устной форме потребовать их устранения. Кайзеровское правительство серьезно надеется, как в интересах самой Турции, так и в интересах армянского рода, что будут придерживаться этих представлений".¹³

Другим важным средством осуждения политики Османской Турции рассматривались сообщения в германской прессе по поводу "армянских преследований". Предлагалось прекратить чересчур большое восхваление турок как союзников. Посол Меттерних предлагал поставить на вид туркам их зависимость от Германии, требующей соответствующего послушания в поведении: "Все то, чего они достигают, - это результат наших действий, это наши офицеры, наши пушки, наши деньги. Без нашей помощи это раздутая лягушка постепенно обессилит. Нет необходимости демонстрировать такую степень боязливости перед турками." Младотурецкий режим представлялся опутанными путами определенных обязательств перед Герма-

нией: "Для них не так уже легко перейти на другую сторону и утвердить мир." По словам посла, Англия не демонстрировала готовность заключить мир с младотурецким режимом, но могла пойти на мировую с Джемаль-пашой в случае отстранения им от власти Энвера, что считалось допустимым. Туманный Альбион стремился длительное время низвергнуть Энвера и приветствовал бы смену руководства Османской Турции. Однако более вероятным представлялось желание Англии прозондировать условия заключения мира через Энвера, используя "сотню" различных способов.

Предлагалось быть настойчивым и грозным для разрешения Армянского вопроса: "Для достижения какого-либо результата в Армянском вопросе мы должны внушить страх кругам турецкого правительства, связанных с последствиями (их политики). Если, исходя из военной точки зрения, мы не осмелимся противодействовать ей и занять более жесткую позицию, то в этом случае мы не будем иметь какого-либо выбора, кроме выражения бесполезных протестов, которые более ухудшают ситуацию, чем приносят пользы, ожидая и наблюдая, как наш союзник осуществляет резню".

Заключительная фаза послания германского посла была безапелляционной и показывала истинного организатора истребительной политики армянского народа: "Духовный вдохновитель депортации армян - Талаат бей".¹⁴ В то же время предлагалось повременить с началом антитурецкой пропаганды до серьезного разговора с министром внутренних дел: "Он вернется только в конце недели из Анатолии. Лишь тогда я узнаю, какое воздействие имеют на него мои дискуссии с его коллегами и Джемалем. А поэтому я предлагаю подождать с публикацией в "Северогерманской Аллгемейне Цайтунг", пока не поступит от меня дальнейшей телеграммы".¹⁵

Послание посла Меттерниха являлось знаменательным. Руководству Германии предлагалось демонстрировать новый курс относительно Армянского вопроса, взамен политики "бесполезных протестов", чтобы сохранить остатки западноармянского населения. Турция даже в условиях режима Энвер-Талаата находилась в военно-политической зависимости от Германии. При противодействии новому курсу Германия располагала достаточными военно-политическими ресурсами в Турции, чтобы привести к власти новое руководство и спасти окончательно гибнущее армянское население. Этому курсу должны были содействовать газетное осуждение политики Турции в Армянском вопросе и соответствующая позиция средств массовой информации Германии.

За короткое время пребывания в Турции Меттерних сумел понять двойственный характер политики обещаний младотурецкого правительства о перемене отношения к армянскому населению, которое оставалось без перемен. Отчетливо видно недоверие посла к заявлениям Энвера и министра иностранных дел Халил бей о сохранении армянской общины Константинополя. Был осуществлен встречный зондаж возможности притязан-

ий Джемаль паша на руководство Турции. Германия представлялась единственной силой, способной разрушить турецкое решение Армянского вопроса. Посол Меттерних нашел в себе мужество стать выше сложившегося порядка вещей, сохранить гуманизм и донести его необходимость до руководства кайзеровской Германии.

Важной являлась затронутая проблема значительного числа болезней среди депортированных армян. Дело в том, что армянские выселенцы подвергались различным медицинским испытаниям: “Турецкие врачи и бактериологи воспользовались благоприятным случаем для того, чтобы испытать над больными свою фантастическую вакцину против сыпного тифа”.¹⁶ Санкция была предоставлена санитарным управлением Константинополя. Известны опыты профессора патологической анатомии Хамди бея и его помощников над здоровыми армянами в декабре 1915 г. в Ерзика, предназначенными для депортации, с целью создания вакцины против сыпного тифа. Соответствующее распоряжение было отдано главным врачом 3-го армейского корпуса Тефвиком Селимом: “В результате этих действий многие из подопытных лиц заболели и умирали. Прежде чем сделать им прививки, их обманывали, заявляя, что эти прививки делают, как предупредительное средство против сыпного тифа.”¹⁷ Проведение подобных опытов, представляющих собой “зверства под видом науки”, подтвердили турецкие врачи в 1918 г. в турецкой прессе.¹⁸

9 декабря 1915 г. состоялся “серьезный” разговор по Армянскому вопросу между послом Меттернихом и великим визирем Саидом. Внимание было привлечено к тому, что “политика преследований армян” правительства Турции ставит под угрозу поддержку со стороны дружественных стран. Рейхсканцлер Бетман-Гольвег получал многочисленные просьбы о необходимости выступить защитником армянского населения перед дружественной и союзной Турцией. Просьбы представлялись обоснованными, так как погибали сотни тысяч стариков, женщин и детей, которые не составляли никакой угрозы для безопасности Турции. Отмечено, что депортация длительного времени останется “следом” в истории младотурок. В связи с этим великому визирю был представлен протест, но не как союзнику, а как лицу, осуждающему преследования армян. Несмотря на то, что Саид - паша не имел достаточной “реальной власти”, однако официальный протест Германии по расчету посла был для него “полезен” во взаимоотношениях с младотурецким руководством. Затронутым оказались “ложные утверждения” турецких государственных служащих о причастности Германии к организации и осуществлению преследований армян, которые имели широкое хождение в Анатолии. Была представлена просьба принять определенные меры против подобных “слухов”.

Великий визирь был якобы не в курсе о наличии утверждений о причастности Германии к антиармянской политике Турции и обещал опровер-

гнуть их. Заявлено, что армяне “стали жертвой заграничных пропагандистов, особенно русских”. Указано на их ежедневную готовность восстать, что доказывалось голословным утверждением о получении оружия: “Речь идет не о вооруженном восстании отдельных лиц, - заявил Саид, - а всех районов”. Этим объяснялась, якобы, невозможность наказания отдельных личностей и массовая депортация. По этому поводу великий визирь заявил: “Я не защищаю те мероприятия, которые были предприняты против армянского населения”.

Посол Меттерних проявил понимание сказанного Саидом пашой. Он добавил: “Уроки истории свидетельствуют, что революции являются результатом плохого управления, а преследования и жестокое отношение к сотням тысячам невинных людей не могут служить как законное средство по защите государства”.¹⁹ Сказанное означало отвержение рассмотрения младотуркизма как продолжения кровавой политики султана Абдул Гамида, который не скрывал своего желания истребить армянский народ: “От Армянского вопроса можно освободиться, лишь освободившись от армян.”²⁰

Меттернихом было уделено внимание особой позиции Джемали в Армянском вопросе. Рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу было доложено 9 декабря 1915 г.: “Джемаль паша потребовал неких льготных условий для армян: чтобы находящиеся еще в Алеппо армяне могли пребывать вблизи, вместо того, чтобы быть отправленными в Дейр - Зор на краю пустыни, где они погибли бы; чтобы занятые при строительстве Багдадской железной дороги армяне - инженеры, строители и рабочие - которые уже были сосланы, могли быть отозваны и чтобы изгнанные ремесленники также снова могли быть наняты для армейских целей”. Подход наместника Сирии и Палестины не находил отклика в руководстве младотуркизма: “Джемаль паша, который тоже относится к стыдящимся туркам, при проведении своих желаний до сих пор находил сопротивление при комитете”.

Важность нового подхода германского посла для реального руководства Турции не имела значения. Она лишь поддерживала протокольные встречи, не меняя сущности антиармянской политики. Аналогичный подход демонстрировался к депортированным армянам: они могли требовать гражданских прав, но не иметь их. 9 декабря 1915 г. министр внутренних дел Талаат направил соответствующее указание губернатору Алеппо: “Нет ничего ошибочного в том, что правительственные учреждения принимают от армян телеграммы, в которых выражается недовольство и протест против совершенных в отношении их действий. Но их рассмотрение - излишняя трата времени. Скажите этим недовольным лицам, что они смогут предъявить претензии на ущемление их прав после того, как дойдут до определенных мест ссылки”.²¹ “Молитесь за нас!” - говорилось в одной прорвавшейся телеграмме, которую пропустили на турецком почтамте, не разобравшись в сущности содержания.

Министр внутренних дел продуманно вел процесс деарменизации и исламизации как средство расширения мусульманского населения. 12 декабря 1915 г. губернатору Алеппо было указано на желательность ассимиляции детей, оставшихся без родителей: "Соберите и содержите только тех сирот, которые не в состоянии помнить мучительной смерти своих родителей. Остальных пошлите с караванами".²² Более того, Талаат взял на себя функцию мусульманского духовенства по определению достоверности права принятия исламом того или иного лица. 17 декабря 1915 г. губернатор Алеппо был оповещен: "Передайте тем, кто желает спастись от всеобщей депортации, соглашаясь стать магометанином, что они могут сделать это на местах своей ссылки".²³

О заключительной годовой деятельности Бехаэдина Шакира в качестве руководителя "Особой организации" свидетельствует телеграмма нового вали Эрзерума Мюнир бей от 14 декабря 1915 г. В ней говорилось, что высланные по дороге Кхи армяне были подвергнуты уничтожению со стороны отрядов Бехаэдина Шакира и дерсимских курдов. Имущество, естественно, было расхищено.²⁴

Представление посла Меттерниха о возможности "Нового курса" в Армянском вопросе рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу поступило на рассмотрение статс-секретаря иностранных дел Циммермана. На докладной посла о предложении выступить с критической и предостерегающей статьей в адрес Турции 16 декабря 1915 г. им была оставлена помета о допустимости соображений посла Меттерниха, которые, однако, могла использовать внешнеполитическая пропаганда стран Тройственного согласия: "Кажется, мы должны это сделать. Однако, Ваше превосходительство должно ослабить остроту этой статьи, прежде чем она будет сдана в печать. В нынешнем виде она очень хорошо послужит целям Антанты".²⁵ Министр иностранных дел Г. Ягов выразил понимание: "Действительно, конец статьи должен звучать более дружелюбно относительно турецкого правительства".

Окончательный вердикт вынес рейхсканцлер Бетман-Гольвег. В помете от 17 декабря 1915 г. возможность публичного осуждения внутренней политики военного союзника Турции в Армянском вопросе сочтена неприемлемой в истории дипломатии. Военные интересы Германии представлялись допускающими гибель армянского народа в Турции. Христианство, гуманизм и милосердие были оставлены в стороне: "Германия превыше всего". Бетман-Гольвег считал: "Предлагаемое публичное замечание союзнику в ходе войны явится беспримерным действием в истории. Наша единственная цель сохранение Турции на нашей стороне, независимо от того, в результате этого армяне будут уничтожены или нет. Если война будет продолжаться длительно, то мы еще более будем ощущать потребность в турках". Предложение о смене руководства Турции в ходе войны сочтено также нежелательным: "Я не могу понять, каким образом Меттерних может

делать такое предложение, если он не исключает возможность, что Джемал займет место Энвера."²⁶

18 декабря 1915 г. состоялась встреча посла Меттерниха с Талаатом по Армянскому вопросу. Министр внутренних дел только что вернулся из поездки по Анатолии. Инспекционный вояж позволил ознакомиться с картиной положения дел после истребления и депортации армянского населения Турции. Германскому послу было заявлено об осуществлении разветвленных мер по нормализации питания депортированных армян. Все уклонения правительственных служащих от требований Высокой Порты подвергались наказанию: "Преступления против собственности и жизни армян строго наказываются". Обоснованием сказанного указывалось повешение более 20 человек за указанные преступления. Массовые перемещения из зоны русской границы во имя военной безопасности представлялись целесообразными, вне всякого сомнения, поскольку, на взгляд Талаата, имелись раскрытые "армянские заговоры" против турецких властей в пограничных районах и близ Алеппо. Вновь была озвучена версия о подготовке армянских диверсий на мостах и железных дорогах в Малой Азии. Военная обстановка, якобы, не позволяла наказывать отдельных организаторов эксцессов, что и предопределило массовую депортацию: "Лишь отправка гарантировала, в основном, безопасность".

Посол Меттерних был заверен в осуществлении поставленной цели по депортации армян и прекращении правительственных репрессий. По словам Талаата, армяне Сирии и Константинополя были оставлены в "покое": "В данный момент больше нигде не происходят отправки, и правительство старается сглаживать, возникшие вследствие перемещений беспорядки".

По этому поводу Меттерних счел нужным указать Талаату: "Экс-патриарх армян - католиков и его заместитель сегодня нанесли мне обычный визит для представления и заверили меня в том, что они и их общины являются лояльными оттоманскими подданными и не принимали никакого участия ни в каких революционных движениях. Несмотря на это, большинство было изгнано. Эти духовные лица надеялись, что изгнанные могли бы иметь право возвратиться в свои общины и покинутые жилища в Алеппо и под Алеппо". Послом было указано, что и армяне - протестанты не занимались "революционной деятельностью" и нет необходимости их наказания.

Министр внутренних дел изложивший миф о вынужденности депортации, косвенной форме истребления целой нации, был вынужден пойти на формальную уступку: "Армяне - католики и армяне протестанты, в основном, не занимались революционной деятельностью и насколько это будет возможно, вернуться на свою родину".²⁷

Посол также обратил внимание на "широкое распространение в Анатолии слуха, будто германское правительство благоприятствовало гонениям армян". Талаат заявил, что об этом ему известно из разговора Меттерниха с

великим визирем. Вследствие чего он предписал всем органам власти опровергать этот “слух”. Без ложной скромности Талаат заявил: “Турецкое правительство само несет ответственность за меры против армян”.²⁸ В то же время министр внутренних дел провел параллель между подходами Турции и Германии в национальной сфере. В связи с этим Меттерних сообщил Бетман - Гольвегу: “Во время беседы у Талаата - бея оказалась странная точка зрения, которую я нашел уже и у его коллег - что мы в подобном случае действовали бы равным образом и силой искоренили бы революционное движение в Германии”. Отождествление политических действий было отвергнуто послом: “Я разъяснил министру, что мы никогда не действовали бы так и наказывали бы лишь уличенного в вине”.

Аккордом встречи явилось подтверждение внешнего взаимопонимания по сдержанному отношению турецких властей к армянским гонениям. Меттернихом было указано рейхсканцлеру о необходимости временного воздержания от силового давления на Высокую Порту, чтобы не испортить достигнутого взаимопонимания о судьбе армян - католиков и армян - протестантов: “С разных сторон мне сообщают, что мои серьезные замечания, кажется, все же произвели впечатление на турецких власть имущих. Теперь оставлю это дело на некоторое время в покое, пока не услышу новых жалоб о гонениях армян. Слишком частые представления не попадают в цель, в то время как их действие притупляется, но как только будет необходимо, я снова приму решительные меры”.²⁹

Изюминка беседы в подходе Талаата, который под понятием “революционные движение” понимал так называемые “армянские восстания”, заключалась в использовании терминологии, доступной восприятию Меттерниха. Министр внутренних дел знал о насилиях немцев в Бельгии, обернувшихся гибелью 40 тыс. человек, и в Польше. Об этом прямо и откровенно было заявлено доктору Мордтману в середине ноября 1915 г., который счел это утверждение “согласованной басней” стран Антанты для распространения среди турок.³⁰ Вновь была продемонстрирована неуступчивость младотурецкого режима к судьбе армян - католиков и армян - протестантов, хотя и прозвучали дежурные фразы об облегчении их участи, отражающей установку на уничтожение всего армянского населения Турции без различия видов христианского вероисповедания.

Перед германским посольством в Константинополе имелаась задача подготовки “Белой книги об армянских событиях”, которую выдвинул помощник статс-секретаря Циммерман. Еще 4 августа 1915 г. он указал посольству о необходимости предпринятии акции по отбеливанию образа Германии от укоров в соучастии истребления армянского народа Османской Турции: “Поскольку подобного рода упреки могут найти отклики и внутри страны, особенно в церковных и миссионерских кругах, возможно, для оправдания нашей позиции будет необходимо издание Белой книги или похожей публи-

кации”. Требование обосновывалось важностью политических интересов Германии и Турции, необходимостью возложения вины на армянское население, получения контраргументов в пропагандистской борьбе со странами согласия. Исполняющему обязанности посла Гогенлоэ - Ланденбургу указывалось на необходимость использования концепции “самообороны” для Турции в “армянском сепаратизме”: “Я прошу Ваше сиятельство уже теперь начать подготовку собрания подходящих материалов. В этом будет особая необходимость, так как в Турции действительно возникло широко разветвленное антигосударственное армянское движение, подавление которого было бы для Турции потребностью самосохранения, и что армяне своим чрезвычайно предательским поведением подстрекаются именно державами Антанты, которые тем самым взяли на себя моральную ответственность за последствия”. Вектором работы намечалось представление германского милосердия: “Затем необходимо было бы отметить, что было сделано с нашей стороны для предотвращения слишком жесткого отношения к армянам и облегчения участи обездоленных”.³¹

В декабре 1916 г. тайный советник Геш представил внешнеполитическому ведомству отчет о подготовке к изданию “Белой книги об армянских событиях”, отредактированный советником Нойратом. Признавалась актуальной проблема отбеливания образа Германии в армянской депортации Османской Турции для интересов внутренней и внешней политики: “Поэтому публичное оправдание необходимо”. Предлагалось опереться на донесения консульской службы Германии в Турции, содержащие критический материал о деятельности младотурецкого режима по решению Армянского вопроса путем геноцида: “В распоряжении Вашего превосходительства уже находится объемистый материал из отчетов Кайзеровского посольства и наших консульских ведомств, который можно использовать с этой целью”. С немецкой логичностью доказывалось, что все действительно разумно, а разумное действительно: “Отсюда выявляется безукоризненный факт, что в Турции возникло разветвленное антигосударственное движение, подавление которого для правительства в неурядицах войны стало необходимостью”.³² Порицанию подвергались турецкие власти за нарушение правопорядка лишь при депортации: “К сожалению, надо признать, что как бы ни были оправданы жесткие чрезвычайные распоряжения, к коим было вынуждено прибегнуть турецкое правительство, их выполнение протекало с прискорбными нарушениями закона”.³³

Советник Нойрат в качестве верного суждения по Армянскому вопросу представил мнение генерального директора Багдадской железной дороги Франц Й. Гюнтера (10. 8.1915), подкрепляющее положения отчета тайного секретаря Геша по изданию “Белой книги”. Лейтмотивом подхода являлось патриотическое положение о безукоризненности поведения немцев и варварстве турок в Армянском вопросе: “Мы - немцы, ведем свою войну поря-

дочным образом, нас дискредитируют, на нас клеветают враги; мы можем презирать это, так как проливали кровь только там, где были виновные. Государственный изменник должен умереть; из армян виновны тысячи. Этим надо было бы публично повесить. Но убивать женщин и детей, истреблять народ, если даже он отвратительный, но и, тем не менее, необходим способным в торговле туркам, это - не говоря о том, что варварство - совсем глупо, так как приведет к банкротству государства и сделает страну непригодной для проживания".³⁴

Посол Меттерних, следуя указанию внешнеполитического ведомства и санкции кайзера Вильгельма II, должен был затронуть Армянский вопрос в ходе представления султану. Предстояло осуществить пиар сущности предполагаемой "Белой книги". Намечалось заявить о бессилии Германии прекратить истребление армянского населения. Однако Талаат отверг намеченную акцию под предлогом необходимости согласования содержания речи посла с Высокой Портой. Было достигнуто компромисс, который завершился устранением положения об Армянском вопросе.³⁵

Актуальной оставалась проблема представления Армянского вопроса в германской прессе. 20 декабря 1915 г. консул Рёслер из Алеппо направил сообщение рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу. Лейтмотивом явилось опровержение содержания двух статей по Армянскому вопросу, опубликованных в газете "Франкфуртер цайтунг" 12 октября 1915 г.: "Общественность Германии, очевидно, не знает, как обстоят дела в Армянском вопросе, иначе бы газета не могла написать, что о событиях пока вовсе нет никакой информации". Приводился подход газеты: "Она заявляет: "Необходимо воспрепятствовать лишь грубым эксцессам волнений" и "Любого вида суда Линча посредством возбужденных масс народа следует избегать при любых обстоятельствах". По мнению Рёслера, подход газеты "Франкфуртер цайтунг" менял сущность происходящего в Турции: "Она тем самым меняет сущность и борется против побочных явлений, порождая, таким образом, неверные представления. В действительности речь идет о совершенно ином." В Османской Турции имело место не нарушение прав армянского населения, а его истребление для упразднения Армянского вопроса.

Свою точку зрения консул мотивировал документальным свидетельством: "Направленный Министерством внутренних дел (Турции) комиссар по депортации здесь (в Алеппо) открыто заявил: "Нам угодна Армения без армян". Мнение турецкого комиссара сочтено красноречивым: "Это - тот принцип, которым руководствовало правительство и все еще руководствуется, и, быть может, с целью его реализации 4/5 всего армянского народа, включая женщин и детей, были выселены со своих мест обитания в Малой Азии и отправлены в долгий путь в Месопотамию и Сирию (преимущественно пешим ходом)".

Депортация для армянского населения означала отправление на смерть. Рёслер отмечал ее системный и государственный характер: "Большая часть скитальцев должна была погибнуть от голода, изнеможения и болезней и все еще ежедневно погибает от них, не говоря уже о преднамеренном уничтожении их со стороны правительственных органов и со стороны призываемого или воодушевляемого ими на это населения. В зависимости от местности, из которых идут ссыльные, людские потери оказались большими или меньшими - в восточной части Малой Азии в общем гораздо больше потерь, чем в западной. На востоке 75% людей, составляющих многочисленные колонны, вероятно бы, погибло, если бы женщин и девушек не увели в мусульманские гаремы или же, в более благоприятных случаях, они не нашли защиту в мусульманских семьях. Оставшиеся люди, прибывшие в Месопотамию (например, в Рас-уль-Айн или Тель-Абиад), были настолько изнурены, что большая часть их также погибла".³⁶

Реальная картина армянской трагедии, колоссальные потери армянского населения требовали достоверной информации от прессы. Рёслер указывал: "При таких обстоятельствах кажется рискованным оспаривать опубликованное с английской стороны число убитых армян, равное 800000. Газета "Франкфуртер Цайтунг" пишет: "Любой, знающий обстановку в Турции, не поверит в эту цифру. Эта цифра означала бы убийство свыше 30% живущих в Турции армян, включая женщин и детей. Это совершенно исключено".³⁷ Газета возлагала вину за "просчеты" депортации на местные турецкие власти: "Не следует пренебрегать трудностями, которые причиняются турецкому правительству по Армянскому вопросу. При плохих сообщениях, которые имеет Малая Азия, при лишенном всякой инициативы среднем чиновничестве и при ярости народа против шпиона и предателя, которого он рассматривает постоянно более как гражданина чуждого рода, чем как отдельное лицо, влияние государства на массы людей действует очень медленно".

Консул Рёслер находил, что длительное сокрытие последствий депортации армянского населения в Турции так или иначе представлялось невозможным: "О трактовке официальных военных донесений наших противников в немецкой прессе верховный орган цензуры направил публичное письмо органам военной цензуры, которое заканчивается следующим предложением: "Опасению, что распространенная неприятелем официальная информация подчас могла бы причинить беспокойство, следует противопоставить то соображение, что подлинные факты никогда нельзя утаить на длительный срок, и ложь в конце концов всегда будет таковой."³⁸

Рейхсканцлеру заявлялось о необходимости учета позиции официальной Германии на суде истории: "Покорнейше остаю на благородное усмотрение Вашей светлости, не слишком ли велика совместная деятельность, которую берут на себя вследствие молчания и окрашивания действитель-

ности немецкая сторона как перед немецким народом, так и перед всем миром, и не больше ли будет политический ущерб от обнаруженной (быть может, в неудобное для нас время) позднее правды, чем вред, который может возникнуть в настоящее время из просвещения нашей общественности".³⁹

Соответствующий отчет Рёслер направил послу Меттерниху. Выявилось совпадение в вопросе осуждения позиции Турции в Армянском вопросе со стороны ключевых фигур дипломатической службы Германии - в Константинополе и в Алеппо. Позиция Рёслера в Армянском вопросе была учтена в дальнейшем. На Берлинском процессе 1921 г. "Талаат паши" по делу Согомона Тейлиеряна в качестве экспертов - "знатоков армянской действительности" - со стороны защиты были приглашены доктор Лепсиус, генерал Лиман фон Сандерс и служащий внешнеполитического ведомства Ройслер. Министерство иностранных дел не разрешило, чтобы Рёслера как консула "допрашивали в качестве эксперта". Суд санкционировал участие лишь кандидатур Лепсиуса и Сандерса.⁴⁰

Рейхсканцлер Бетман-Гольвег оказался перед необходимостью соблюдения функциональной справедливости, военной правды и интересов союзника Турции. При этом, по инициативе военного атташе в Багдаде, были начаты переговоры о путях возможного урегулирования Армянского вопроса в послевоенное время с армянскими представителями в Тегеране. В круг переговоров были посвящены багдадский секретарь Зоммер, посланник доктор Фасель, атташе Канитц и фельдмаршал Гольц. Германская дипломатия стремилась добиться изменения позиции армянского населения в Персии и на Кавказе путем осуществление реформ типа местного самоуправления. Взамен армянские деятели затребовали решение всего комплекса Армянского вопроса.

Посол Меттерних 21 декабря 1921 г. сообщил Министерству иностранных дел мнение багдадских германских дипломатов о контактах в Тегеране, где были сильны позиции партии "Дашнакцутюн": "Прямые переговоры с руководителями здешней армянской партии показали, что изменения позиции армяне в Персии и на Кавказе хотят добиться не местным разрешением, а лишь поднятием всего Армянского вопроса". Армянская сторона стремилась к достижению армянской государственности, путем создания автономной Армении из различных частей исторической Армении в форме союза либо кантона Швейцарии под немецким протекторатом и суверенной власти султана Османской Турции. Об параметрах армянском государственного видения в телеграмме указывалось: "Существенные desiderata (носители верховной власти): создание автономной Армении по примеру Германского союзного государства или швейцарского кантона, по возможности с германским сувереном под оттоманской верховной властью". Требовалось также упразднение депортации армян в Тур-

ции, отказ от деарменизации Западной Армении и предоставление международных гарантии посредством германского тандема: "Немедленное освобождение всех без исключения депортированных турками армян и заселение в армянских провинциях. Гарантия обещаний с турецкой стороны через германское и австрийское правительства".⁴¹

Ответ армянской стороны содержал неприемлемые положения для Берлина. Официальной Германии предлагалось расписаться в несостоятельности проводимой армянской политики, взять в железные тиски младотурецкий режим и дать публичные обещания с эфемерным итогом. Во всяком случае, даже в условиях истребительной политики армянского населения в Османской Турции политические представители армянского народа не желали отказаться от видения единой Армении, хотя бы и в автономной форме.⁴²

Зондаж армянских политических умонастроений не воодушевил Берлин. Статс-секретарь иностранных дел Ягов отдал указание Меттерниху о прекращении тайных переговоров через немецких уполномоченных - Зоммера и Фаселя. В телеграмме указывалось: "Переговоры с армянами предать забвению. Если они будут настаивать, то отговаривайтесь отсутствием инструкций." Перед ведущими немецкими участниками переговоров ставилась демонстрация определенного политического поведения. Военный атташе лишь информировался о прекращении переговоров. От посланника Фаселя требовалось обеспечить отсутствие осложнений как с армянскими представителями, так и младотурецким режимом. Была проявлена озабоченность от возможности утечки информации, которая могла вызвать определенные осложнения. В телеграмме отмечалось: "Посланнику док. Фаселю для личной ориентировки. Принимая в внимание Турцию, категорически избегать любой связи с армянами Персии, с другой стороны - также резкого обращения с ними, чтобы не доставлять им агитационный материал против нас".⁴³

Руководство Османской Турции принимало меры по поднятию своего значения перед Германией. 23 декабря 1915 г. газета "The New York Times" опубликовала мнение секретаря партии "Единение и прогресс" Г. Казима, который по прибытии в Берлин заявил корреспонденту "Ассойшетед пресс" о весомости экономического потенциала страны для военных действий: "Турция имеет большое количество запаса продовольствия и других видов товаров и может их поставить Германии, если последняя будет иметь в них нужду".⁴⁴

Естественно, умалчивалось, что снабжение турецких армий осуществлялось за счет изъятых армянских товаров и продуктов, с частью которых, вероятно, Турция могла поделиться с Германией. Игнорировался ожидаемый сельскохозяйственный кризис. Среднегодовой сбор сельскохозяйственных культур Ванского вилайета составлял: пшеница 3 600 тыс. пуд.,

ячмень 2 700 тыс. пуд., просо 2 400 тыс. пуд. В пересчете на производство шести армянских вилайетов это составляло значительное число, но свой вклад вносили и армяне других территорий Турции. Произошло резкое сокращение продукции мяса. В Ванском вилайете имелось: овец и коз 2 040 тыс. гол., рогатого скота - 670 тыс. гол., лошадей, ослов, мулов - 275 тыс. гол.⁴⁵ Очевидно, что турецкое обещание усилить экономическую смычку с Германией стало основой для прекращения негласных переговоров с армянскими представителями в Персии. Реальное материальное содействие Османской Турции содействовало бы укреплению боеспособности кайзеровских войск, в то время как выполнение армянских требований об автономной Армении привело бы к резкому осложнению турецко-германских отношений. Военные интересы Германии не позволяли учитывать армянское видение будущего Армении.

Было предпринято психологическое воздействие на сына американского посла Моргантау, при посещении им Галипольского полуострова, где располагалась ставка генерала Лимана фон Сандерса. Один из немецких офицеров прямо обвинил американского посла в публикации статей по Армянскому вопросу в американской прессе с целью получения выгоды. Прямо выразился генерал Сандерс: "Ваш отец допускает большую ошибку, публикуя сведения об отношении турок к армянам. Это дело к нему вовсе не относится".⁴⁶

На официальном уровне Германии было принято решение о необходимости соблюдения внешних приличий. На брифинге немецких журналистов 23 декабря 1915 г. было затребовано проявлять скромность при освещении военных достижений Турции, в частности, по провалу англо-французской Дарданелльской операции: "Не рекомендуется неумеренно восхвалять турок за их успехи в Галлиполии, так как возникает опасность, что ответственные турецкие государственные деятели переоценят сами себя, и турецкое военное руководство не учтут того, чем они обязаны нам".⁴⁷ Тем самым лишь частично учитывалось представление посла Меттерниха по Армянскому вопросу, на который вводился запрет освещения. Сама суть проблемы пряталась под замок, и требовалось ее игнорировать: "Армянский вопрос лучше всего обходить молчанием." Скромно отмечалась причина, которая сводилась к порицанию Турции за истребительную политику: "В этом вопросе поведение турецких властей не заслуживает особой похвалы!"⁴⁸

Направляющий перст германской пропаганды приобретал тройственный аспект. Умалчивание Армянского вопроса в прессе военного времени означало недопущение публикации критических материалов об истребительной политике армян в Османской Турции. Такие сведения были представлены в октябре и ноябре 1915 г. в немецких изданиях "Sonnenaufgang" и "Allgemeine Missions-Zeitschrift", что повлекло конфискацию данных но-

меров со стороны властей.⁴⁹ Смягчение протурецкой пропаганды должно было придать свежий образ политики Германии и воздействовать на младотурецкий режим в видах достижения необходимых уступок. Для отбеливания образа Германии был предан гласности текст протеста посла Гогенлоэ - Ланденбурга в Константинополе от 9 августа 1915 г. о преследованиях армянского населения в Турции.⁵⁰ В целом учитывалась роль Османской Турции как вынужденного союзника в военном противоборстве против Антанты.

Реальный процесс младотурецкого решения Армянского вопроса требовал уничтожения армянского населения, сконцентрированного в Месопотамии. Определенное противодействие оказывал губернатор Дейр-Зора Суад бей, который отказывался выгонять депортированных в пустыни. Генерал-губернатор (вали) Абдулхалик бей затребовал выполнения правительственного постановления: "То, что тысячи армян остаются в Рас-уль-Айне, противоречит священным намерениям правительства. Гоните их в пустыню".⁵¹ Последовал негативный ответ Суад бея: "Нет средств для отправки этих людей. Если Ваша цель убить их, то я не могу сделать этого сам или заставить других".⁵² 23 декабря 1915 г. вали отправил телеграмму Суад бею министру внутренних дел с представлением оппортунизма армянской политике: "Так как сохранение подобного положения вещей вызывает ненужную задержку в деле перемещения высланных из Алеппо, то мы обращаемся к Вашему превосходительству с просьбой сделать необходимые распоряжения".⁵³ Суад бей был смещен.

Была усовершенствована система истребления депортированного армянского населения правительственными органами, которые стали использовать затяжные марши смерти. Об этом консул Рёслер сообщил рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу из Алеппо 3 января 1916 г.: "Постоянно приводимый армянами рассказ о том, что колонны ссыльных умышленно вели вдоль и поперек, чтобы "привести их к смерти" - находит здесь на одном примере свое подтверждение. Группа ссыльных из Урфы должна была пройти следующую путь: из Урфы в Тель-Абиад, из Тель-Абиада в Ракку, из Ракки в Тель-Абиад, из Тель-Абиада в Ракку. Расстояние из Тель - Абиада в Ракку составляет по воздушной линии округленно 90 км."⁵⁴ Использование метода "приведения к смерти" являлось наказанием армян г. Урфы за октябрьскую самооборону.

В конце 1915 г. американский посол Моргантау принял решение вернуться в США. Решение диктовалось тремя моментами: во-первых, провалом усилий по прекращению истребления армян Османской Турции, которое обернулось гибелью миллиона людей; во-вторых, необходимостью участия в избирательной кампании президента В. Вильсона, что рассматривалось важным явлением для международных отношений; в - третьих,

актуальностью представления Белому дому положения дел в Европе и содержания предложений о мире.

Инициатором переговоров выступил Энвер, неоднократно заявлявший об “усталости” Турции и желании заключить мир. В конце 1915 - начале 1916 гг. положение Османской державы оставляло желать лучшего. Истребление армян и греков, обуславливающих земледельческий и финансовый пульс, обернулось потерей значительных материальных ресурсов и сокращением налоговых поступлений в государственную казну. Блокада портовых городов Турции военными действиями означала прекращение взимания таможенных пошлин. Осуществлялась выплата внешнего долга. Отмечались случаи голодной смерти среди турецкого населения. Опасение внутреннего коллапса вызвало у Энвера и других вождей младотуркизма видение внутренней революции в условиях войны.

Разговорам военного министра о мире посол Моргентау не придавал значения, указав, что их содержание необходимо согласовать с немецким посольством. Энвер заявил об ответе после согласования позиции с германским дипломатом Фалькенгеймом, с которым намечалась встреча в г. Оршова на границе Венгрии и Румынии. От встречи ожидалось многое: оговорение наступления турецких войск на Египет, обеспечение присоединения Греции и Румынии к Четверному блоку. Следствием этого германский блок получил бы в свое распоряжение миллион “свежих” солдат, установилось бы прямое железнодорожное сообщение между Германией и Турцией, обеспечившее бы бесперебойные поставки вооружений. Разглашение этого сценария развития событий преследовало цель оказать давление на ведение переговоров о мире.⁵⁵

Более того, в конце декабря 1915 г. в Османском парламенте Энвер выступил с речью о триумфальных победах союзников Турции - Германии и Австрии. Комментируя выступление Энвера, корреспондент румынской газеты “Uniuersule” показал эфемерность заявления: “Турция, а также Австрия не имеют достаточно жизненных сил, и если бы они были предоставлены самим себе, очень скоро оказались бы не в состоянии бороться. Когда Турция не сможет более получать помощь от Германии, тогда Энвер паша увидит, что он жестоко ошибался, говоря о триумфе Турецкой монархии”.⁵⁶ В начале января 1916 г. англо-французский флот вновь стал бомбардировать позиции турок в черноморских проливах. Сообщалось, что аэропланы союзников ежедневно облетали Галипольский полуостров, осуществлять разведку и сбрасывать бомбы.⁵⁷

Позиция Моргентау и военная обстановка заставила Энвера начать переговоры при участии немецкого посла Метерниха, которого интересовали два аспекта: сохранение за Германией Эльзас-Лотарингии и колоний. В пояснении Энвера это означало отказ Берлина от захваченных земель Северной Франции, почти всей Бельгии и расчленение Сербии путем оттор-

жения Македонии и части Старой Сербии (Косово). В этом видении послевоенного мира Германия обеспечивала непосредственную связь с Константинополем и Малой Азией, что, по мнению Моргентау, являлось истинной причиной мировой войны. Реализовывалась часть плана “Центральной Европы” (Mittel Europa), что означало сохранение мировых геополитических устремлений Германии.

13 января 1916 г. Моргентау нанес прощальный визит Энверу и Талаату. В чисто восточном стиле Талаат, подчеркнувший наличие разногласий, пожелал возвращения Моргентау. Вожди младотуркизма дали обещание сохранить деятельность американских миссий, колледжей и училищ. Это позволило Моргентау запросить о будущем армян. Приветливость и слащавость в манере разговора Талаата вмиг слетели, а в глазах зажегся “зверинный огонек”.⁵⁸ Им была сказана прощальная фраза: “Какая польза говорить о них. Мы закрыли их счет. Этот вопрос решен”.⁵⁹

Предполагалось, что Талаат и Энвер приедут на вокзал для прощанья, но появившийся начальник тайной полиции Бедри бей заявил об отмене их присутствия из-за “самоубийства” престолонаследника Юсуфа Иззамеддин эфенди. В стране правил новый султан Решад и существовала возможность государственного переворота. Энвер лично убил престолонаследника в имперском поместье Палмодже. В прессе было указано о “приступе сумасшествия” во время бритья, который закончился трагически. Точно такое же объяснение было дано после убийства отца престолонаследника султана Азиза в 1876 г. Устранением наследного принца Юсуфа Иззамеддин эфенди Талаат и Энвер еще более укрепили свою власть в Турции.⁶⁰

Не прекращал попыток выйти из прокрустова армянской политики Османской Турции патриарх Завен Егян. В декабре 1915 г. Константинопольскому патриарху стало известно об обращении германского и болгарского послов к правительству Турции для прекращения преследований христианского армянского населения. Поводом представлялись сообщения “враждебной” иностранной прессы о причастности Германии и Болгарии к истреблению армян. На приеме по случаю Рождества Христова 6 января 1916 г. болгарский экзарх заявил заместителю патриарха Завена архимандриту Ерванду: “Правительство Болгарии еще раз сделало обращение к Османскому правительству о прекращении преследований армян, которые для него неприемлемы”.⁶¹ Информация означала подтверждение демарша посла Меттерниха. Патриарх Завен направил благодарственные письма посла за человеколюбивую позицию. Патриарху Завену удалось 9 января 1916 г. через американское посольство Константинополя сообщить духовному предводителю армян Америки А. Вегуни о тяжелом положении армян Османской Турции. Отмечалось о системности истребления армянского населения, организованного правительством Турции, единстве структур власти: “Приказ был отдан из центра и осуществлялся повсюду беспощадно”.⁶²

Запрашивалась возможная помощь. По совету монсеньора Долчи в начале 1916 г. патриарх Завен направил письмо также Римскому папе с просьбой о содействии армянскому населению Турции. Шаг был вынужденный, диктуемый положением армян, хотя патриарх Завен отдавал себе отчет, что Римский папа занял позицию “нейтралитета” в Армянском вопросе. В благодарственном ответном послании Бенедикт XV обещал приложить все усилия по спасению христиан Турции.⁶³

Очередную попытку воздействовать на позицию Османской Турции в Армянском вопросе через правительство Германии предпринял депутат рейхстага доктор Карл Либкхнег. На заседании парламента 11 января 1916 г. лидер левой фракции социал-демократов внес запрос о судьбе армянского населения в Турции: “Известно ли господину рейхсканцлеру, что во время нынешней войны в союзной турецкой империи армянское население сотнями и тысячами выселялось из своих насиженных мест и уничтожалось? Какие шаги предпринял рейхсканцлер перед союзным турецким правительством, чтобы им были даны соответствующие гарантии для улучшения положения оставшейся части армянского населения и запрещения повторения подобных ужасов”.

Позицию правительства представил Директор министерства иностранных дел барон фон Штумм: “Имперскому канцлеру известно, что в Армении имели место революционные демонстрации, организованные нашими врагами, и что это заставило турецкое правительство выслать армян из известных районов и поселить их на новых местах. Теперь происходит обмен мнений о том, как отразились эти меры на населении. Дальнейших сведений дать невозможно”.⁶⁴

Ответ нес различную смысловую и политическую нагрузку. Понятие “Армения” отмечалось как географически-политический образ в составе Османской империи. Представлялась подстрекательская деятельность военных противников стран германского блока, что побудило младотурецкий режим прибегнуть к законным мерам подавления “революционных демонстраций”. Имелась значительная неопределенность. Не было ясно, почему вместо наказания участников “демонстраций” преследованию подверглось все армянское население. Локализовалось место высылки - “из известных районов” и место депортации - “новые места”, содержание которых не раскрывалось во избежание очередных вопросов. Правительство Германии отказывалось раскрыть свою позицию и предпочитало заявить о наличии переговоров по предмету изучения состояния армянского населения. Говорились о нежелательности углубления в армянскую тематику.

Правительственный подход не удовлетворил Либкхнега, который задал дополнительный лобовой вопрос о доле ответственности Германии в турецком решении Армянского вопроса: “Известно ли канцлеру, что профессор Лепсиус говорил прямо об истреблении турецких армян и что христи-

анское население Турции возлагает ответственность за все эти указы на германское правительство”. Постановка вопроса вины Германии пришлось не по душе великодержавным депутатам, которые шумно затребовали лишить Либкхнега права задавать “новый вопрос”. Требование было удовлетворено.⁶⁵

В то же время для Энвера и Талаата стало неожиданностью оформление турецко-армянского оппозиционного движения против правящего режима в Турции. Согласно отчету кайзеровской миссии в Берне 17 - 22 января 1916 г., армянская эмиграция Турции создала “Армянскую ассоциацию”, состоящую из двух групп - политиков и коммерсантов. Ассоциацию возглавлял бывший министр иностранных дел Турции Габриель Норатункян, проживавший в Лозанне. Видными деятелями ассоциации признавались Погос Нубар паша, Аршак Чопанян, Агафон бей, Арам Карагезян, Матосян. Ассоциации содействовали представители армянских деловых кругов - Гюльбекян, Потакаян и др. Поддерживалась связь с антиэнверистами во главе с Шариф пашой, находящимся в Париже, представлявшим турецких либералов во главе с принцем Сабахэддином.

Армянские и турецкие патриоты были едины в конечной цели - освобождение Турции от младотурок, и различались тактически в определении судьбы Западной Армении. Резидент кайзеровской миссии отмечал: “Целью армянского комитета в действительности, должно быть, является свободная Армения, но прежде всего свержение нынешнего правительства и свобода для армян. В своей неприязни к Энверу и Талаату интересы Армянской ассоциации сходятся с интересами группы Сабахэддина”. Центристское направление представлялось на основании высказывания владельца сети гостиниц Потакаяна: “Если победят центральные державы и сохранят свое влияние в Турции, то там будет порядок, но для нас, армян, не будет места, которым пользуются немецкие торговцы. Если победят союзники, то будет плохо Турции, но хорошо армянам, которые не боятся конкуренции. Если Турция сохранит собственное правительство, как это имело место до сих пор, то это будет безобразием и обернется печалью для нас, армян”.⁶⁶

В Константинополе посол Меттерних искал выхода из создавшейся ситуации на месте для чего предпринял консультацию с представителем католических кругов Германии отцом Штраубингером. 18 января 1916 г. он поставил в известность Меттерниха о своем видении Армянского вопроса. Было проявлено понимание деятельности младотурецкого режима как проявление расовой политики: “Турецкое правительство делает все, чтобы создать из Турции, до недавних пор представляющей собой в национальном и религиозном отношении очень пеструю страну, единое турецко-мусульманское государство”. Насильственная тюркизация представлялась двуликим Янусом - истребление либо ассимиляция: “Отуречивание, национальное возрождение турок - процессы, которыми так сильно восторгаются в

Германии, означают поэтому в сущности исламизацию".⁶⁷ Армянский вопрос рассматривался как борьба за независимость, от которой пострадали армяне всех конфессий. Выдвигалась цель осуществления помощи армянам, в особенности католическим. Для этого предлагалось организовать денежный церковный сбор, как было сделано для Польши. Армянский вопрос был сведен к спасению армян - католиков.⁶⁸

Проблема помощи армянскому населению в зимнее время была сверхактуальной. Руководство Турции предприняло усилия по всем направлениям, чтобы перекрыть армянскому населению доступ к материальным и продовольственным ресурсам. 4 января 1916 г. министр внутренних дел Талаат отдал указания губернатору Алеппо: "Приказано, чтобы всех армян, идущих с севера, отправлять прямо на свои места ссылки, не разрешая им проходить в пути через какой-либо город или деревню".⁶⁹ 23 января был отдан приказ об изведении голодом армянских детей: "В то время, когда тысячи мусульман-беженцев и вдовы наших мучеников (погибшие войны) нуждаются в продовольствии и покровительстве, нецелесообразно делать дополнительные расходы, питая оставшихся детей армян, что не даст нам ничего, кроме беспокойства в будущем. Необходимо этих детей из Вашего вилайета отправить с караванами на места ссылки. Те, которые до сих пор оставались там, также должны быть высланы прочь - во исполнение наших предшествующих распоряжений".⁷⁰ Очередной приказ учитывал влияние зимнего климата для решения Армянского вопроса: "Продолжая депортацию сирот к месту их назначения в условиях сильного холода, мы обеспечим им вечный покой. Просим прислать требуемый отчет".⁷¹

27 января 1916 г. Меттерних направил рейхсканцлеру Бетману - Гольвегу копию послания отца Штраубингера депутату рейхстага Эрцбергеру (18. 8. 1915г.), в котором отмечалось об организации помощи армянскому населению, в частности, путем осуществления церковного денежного сбора. Прилагался краткий обзор отца Штраубингера "Общее положение дел" (в Турции).⁷² Наиболее существенная часть предложений, внесенных отцом Штраубингером по поводу денежного сбора, сочтена нереальной из-за обструкционизма властей Турции в Армянском вопросе. Меттерних находил: "Я считаю церковный денежный сбор, в сущности говоря, бесполезным, поскольку турецкие власти, разумеется, не позволят нам помочь выручкой армянам".⁷³

Точка зрения Меттерниха представлялась спорной для некоторых германских деятелей, которые отсутствие прогресса в Армянском вопросе и неизменность позиции Турции связывали с платформой правительства Германии. В письме К. Либкхнехта от 27 января 1916 г. отмечено: "Турецкое правительство организовало страшную резню армян. Весь мир знает об этом, и во всем мире обвиняют Германию, потому что в Константинополе приказания правительству дают германские офицеры".⁷⁴

Младотурецкое решение Армянского вопроса содержало экономический компонент. Истребительная политика Турции затрагивала интересы кредиторов армянских предпринимателей различных сфер. Германское посольство стояло на страже интересов своих соотечественников, требуя от Высокой Порты удовлетворения их претензий. Этот подход был зафиксирован в вербальных нотах от 13 сентября 1915 г. за N 6358 и 5 октября N 8102, о чем был оповещен рейхсканцлер Бетман - Гольвег. 22 декабря 1915 г. последовала ответная нота Высокой Порты, отражающая нежелание возмещать убытки кредиторов. Так как в аналогичной ситуации находились представители других стран, то позиция Турции вызвала их раздражение и побудила принять успокаивающие шаги.⁷⁵

22 декабря 1915 г. уполномоченный Дании в Константинополе получил для датских торговцев документ "Имущество и долги лиц, перемещенных в другие места" для удовлетворения их претензий. Согласно "предварительному закону" от 13 сентября 1915 г. были созданы комиссии по удовлетворению счетов относительно имущества лиц, перемещенных постановлением правительства Турции в "другие места". В вводной части отмечалось, что лица, претендующие на это имущество либо являющиеся кредиторами этих лиц, обязаны обращаться в соответствующие комиссии в течение двух месяцев со дня опубликования документа, при условии проживания во внутренних провинциях Турецкой империи, и четырех месяцев - при пребывании за границей. Заинтересованным лицам предлагалось внимательно прочитать закон 13 сентября 1915 г. и "Устав" от 26 октября 1915 г., который уточнял порядок применения.

Указывалось местопребывание комиссий в ряде вилайетов: Аданский - Адана, Мерсин, Джебель Беркри, Ко-зан; Брусский - Мудания, Караджабей, Шемик, Орхан Гази, Эртогул с прилегающими районами; Ангорский - Йозгат, Чорум, Богазиан, Ангора, Кеским, Киш -Шехир; Трапезундский - Бафра, Чар-чамба, Терме, Униа, Фатса, Тире-Боли, Трапезонд; Сваский - Амасия, Гюмуш Гаджи -кей, Мерзифон, Гавзе, Тсхат; Алеппский - Алеппо, Мараш, Антакия; Эрзерумский, Диарбекирский, Мамурет - уль - Азиз, Конийский, Битлисский. Они также имелись в санджаках: Измитский - Измит, Кара - Мурсел, Ялова, Ада - Базар, Кандира, Гейве; Эски-Шехир-Сирвихисар, Михаличджик; Кесарийский -Кесария, Девели, а также Нигухинский и Кара - Хисар - Сахибский. Не значилось наличие комиссии в Ванском вилайете.

Общую направленность закона датский уполномоченный представил в Копенгаген. По его словам, депортация армянского населения по самым незначительным поводам позволяла туркам присваивать имущество выселенцев.⁷⁶ "Известно, что на деле означает, согласно турецкому языку, "сведение счетов".⁷⁷ По сути, представленный документ для расплаты с внутренними кредиторами истекал 26 декабря 1915 г., и еще оставались два

месяца для заграничных. Однако от провозглашенного закона до его реализации, когда власти не торопились его выполнять, был долгий путь.

В январе 1916 г. посол Меттерних подготовил для рейхсканцлера Бетман-Гольвега сообщение о важности экономического аспекта Армянского вопроса для германских интересов. Им указывалось: “Не говоря уже о серьезных сомнениях, которые мы должны были выразить в форме дружественного совета против изданных временных законов для переселения этого народного элемента, при проведении последних совершенных бесчинств и злоупотребления властью частными и должностными бывали в высшей степени, принуждающие нас уже в интересах немецких кредиторов выселенных постоянно направлять Порте серьезные предупреждения”. Все имевшиеся германские демарши представлялись порицанием действий младотурецкого руководства из-за Армянского вопроса: “Мы не оставили у Порты сомнения, при всем признании необходимой части ее мер, насчет нашего осуждения тех нарушений против права и закона”. Отсутствие перемен младотурецкого режима к “Армянскому элементу” побудило посольство в Константинополе сконцентрировать внимание на защите немецких экономических интересов: “Когда, несмотря на это, не произошло изменения порицаемых нами обстоятельств, мы были вынуждены, для сохранения пострадавших заодно немецких интересов, заявить Порте, что возлагаем ответственность на нее за убытки, которые могли бы потерпеть немецкие кредиторы выселенных, как непосредственное последствие неправомерных действий правительственных органов Турции”.

Имевшиеся демарши не имели последствий. Посол Меттерних намечал направить рейхсканцлеру ответную ноту Высокой Порты от 23 декабря 1915 г., которая свидетельствовала об отсутствии намерения осуществлять выплаты кредиторам: “В этой ноте турецкое правительство приходит к выводу, что оно никоим образом не обязано возмещать убытки потерпевшим вследствие гонений армян подданным Германской империи”.

Меттерних привел четыре важных аргумента Высокой Порты, которые считал несостоятельными. Первый аргумент клонился к тому, “что действия внутреннего правления страны, даже если они касаются интересов живущих в ней иностранцев, не могут стать темой дипломатического шага”,⁷⁸ который рассматривался как не соответствующий международному праву. Второй аргумент гласил о заинтересованности самой Турции в сокращении убытков от депортации армян. По этому поводу посол находил: “Также мало стоит придавать значение следующему аргументу Порты, что турецкое правительство менее всего обязано возмещать убытки, когда оно старается свести причиненный вследствие ссылки армян ущерб до минимума законом от 13-го Zilkade (13 - го сентября). Попытка сократить массу убытков, конечно, не может иметь значения, даже если она рассматривалась бы как удачная, для обсуждения вопроса, обязано ли, по сути дела, турецкое правите-

льство к возмещению убытков”. Важным сочтен третий аргумент Высокой Порты о необходимости противостоять “армянскому сепаратизму”: “Каждое государство имеет право подавлять возникающее повстанческое движение на своей территории”. Это положение Германия никогда не оспаривала. “Надо признаться также, - отмечал Меттерних, - что высылка частей армянского населения была в военных интересах и может считаться действием необходимой обороны”. Четвертый аргумент Высокой Порты потери немецких кредиторов армянских лиц возлагал на деятельность противостоящих военных держав, в особенности России и Англии. Это положение посол считал сомнительным: “Однако нельзя согласиться, что поэтому названные государства также исключительно ответственны за убытки”.⁷⁹

По мнению посла, главным являлось нежелание Высокой Порты возместить убытки немецким кредиторам: “При своем ведении доказательства Порта предусмотрительно подавляет необходимое для этого ошибочного заключения фальшивое предыдущее положение, что именно убытки, на которые мы хотим сделать ее обязанной к возмещению, являются непосредственным по следствием приказанного переселения армян для подавления повстанческого движения”. В связи с этим предлагалось учесть косвенный путь защиты германских интересов. Приводилось мнение бывшего председателя Османского парламента Ахмед Ризы в Сенате о том, что “переселение не осужденных лиц и ликвидация их имущества” находятся в “противоречии с турецкой конституции”.⁸⁰ Сделано основное заключение: “При этих обстоятельствах, должно быть, остается только один путь, чтобы юридически возложить ответственность на турецкое правительство за прямые убытки, которые потерпели подданные Германской империи по поводу переселения армян; мы должны обосновывать наши требования тем, что убытки вызваны вследствие переселения не сами по себе, а вследствие злоупотребления властью и бесчинств, которые позволили себе органы турецкого правительства при проведении мер”.⁸¹

В целом турецкое решение Армянского вопроса путем геноцида, в том числе лишение собственности, признавалось противоречащим основам международного права. Нарушение прерогатив подданных государства Меттерних подтверждал тремя томами документов германских консулов из Эрзерума, Мосула, Алеппо, Аданы и Трапезунда, которые подразделялись на две категории: “А. Бесчинства против жизни выселенных”, которые не были продиктованы положениями закона “О депортации” 14 мая 1915 г. Указывалось, что представители силовых структур клали тайно патроны в карманы армян, чтобы доказать “мятежность настроений”. “В. Бесчинства против собственности выселенных”, заключающиеся в повальном ограблении вынужденных переселенцев полицейскими, жандармами и солдатами, либо в пощаде богатых армян за взятки, а также в закреплении армянского иму-

щества за мусульманами. Последнее обстоятельство делало невозможным иностранным кредиторам возместить свои убытки.⁸²

Доводы, приводимые послом Меттернихом, в пользу защиты интересов немецких кредиторов депортированных либо убитых армян Османской Турции показывают, что с политической, правовой и экономической точек зрения расправа над армянским населением являлась беззаконием и нарушением существовавшей конституции Османской державы. Турецкое решение Армянского вопроса путем геноцида в различных его аспектах признавалось противоречащим основам международного права.

На беловике отношения Меттерниха сохранились две записи. Первая гласила о необходимости частного ознакомления с отношением одного из членов рейхстага: "Депутату, господину док. Гепперту, пожалуйста, к сведению". Другая запись отмечала необходимость повторного отношения к теме экономических интересов Германии в сфере последствий младотурецкого решения Армянского вопроса: "Через 2 месяца представить снова".⁸³

3 февраля 1916 г. в Берлине состоялась встреча посла Моргентау с министром иностранных дел Германии фон Яговым, посвященная возможному разрыву отношений с США. Выражено сожаление по поводу срыва перспективы достижения гегемонистского соглашения.⁸⁴ Ягов заявил: "Имеются три нации, от которых зависит спокойствие мира - Англия, Соединенные Штаты и Германия. Нужно было, чтобы мы втроем объединились, восстановили мир и сохранили бы его".⁸⁵

Вечером был нанесен визит статс-секретарю Циммерману, который был в курсе разговора с фон Яговым. Прямо заявлено, что если США вступят в войну, Германия будет сражаться до конца. Под конец разговор зашел о Турции. Циммерман стремился выяснить способность Турции пойти на сепаратный мир. Беседа показала наличие недовольства Циммермана деятельностью посла Меттерниха, который не сумел завоевать благорасположение руководства Турции. Министерство иностранных дел беспокоило то, что Меттерних в отличие от Вангенгейма демонстрировал "иной подход" к армянскому населению и "искренне" стремился добиться у Талаата и Энвера прекращения армянской резни. По мнению Циммермана, Меттерних этим самым допустил "большую ошибку" и "подорвал" свое влияние в Константинополе. Суждения Циммермана окончательно поразили Моргентау: "Я наконец понял, что Вангенгейм действительно представлял политику официального Берлина." В "Воспоминаниях" американского посла было сделано обобщение: "Таким образом, от различных германских авторитетов я получил подтверждение моего убеждения, что Германия одобряла армянскую депортацию".⁸⁶

По сведениям на 3 февраля 1916 г., состав депортированного армянского населения в Месопотамию имел следующий вид:

Наименование местности	Численность

Дамаск и его окрестности	100000
Дейр - Зор и окружные деревни	300000
Рас - уль - Айн и окрестности	20000
Ракке и окрестности	10000
Ама и окрестности	12000
Омс и окрестности	20000
Алеппо и окрестности	7000
Маара, Баб. Мумбудис и окрестности	17000
Всего . . .	486 000

Депортированное армянское население концентрировалось в районах Дамаска, Алеппо и Дейр - Зора. Также имелись выселенцы в районе Мосула, а определенное число находилось еще в пути. Этот последний контингент составлял около 100 тыс. человек.⁸⁷ Согласно донесению помощника губернатора Алеппо, Абдуллахад Нури бей, являвшийся представителем Главного комитета по делам высылки,⁸⁸ сообщал в Константинопольский центр 16 января 1916 г.: "Согласно нашим исследованиям, лишь 10 % выселяемых армян прибывает к месту назначения". Затем Нури бей уточнил представленную информацию, доведя число прибывших армян от числа депортированных до "четверти".⁸⁹

В совокупности число депортированных армян, которые прибыли в Месопотамию, составляло около 600 000 человек. Учитывая, что имели место насилия и зверств по дороге к конечному пункту назначения, количество выселенных из родных мест следует определить в пропорции 1 : 3, то есть депортация непосредственно затронула 1 млн. 800 тыс. человек. Общины армянского населения, помимо незатронутых районов Константинополя и Смирны, сохранялись в отдельных местах Турции. Приход русских войск в Ван спас жизнь 250 тыс. армян. Всю численность армянского населения Османской Турции, с приводимой корреляцией и последующими актами насилия, следует признать в 2,5 - 3 миллиона.

3 февраля 1916 г. русские войска взяли Эрзерум. Армянский вопрос получил новое содержание в стратегическом и политическом значении Турецкой Армении, как и судьбе армянского народа.⁹⁰

I. Провал плана Моргентау по переселению армян

1. История дипломатии... с. 284, 285.
2. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 223.
3. Там же, с. 239.
4. Там же, с. 240.
5. Там же, с. 241, 242.
6. Там же, с. 239 - 242.
7. Там же, с. 222.
8. Там же, с. 219.
9. Там же, с. 220.
10. Там же, с. 221, 222.
11. Там же, с. 221.

12. Там же, с. 235.
13. Там же, с. 237.
14. Там же, с. 238.
15. Там же, с. 239.
16. Там же, с. 240.
17. Там же, с. 244, 245.
18. Там же, с. 245.
19. Густ В. Геноцид армян. Трагедия самого древнего христианского народа..., с.219.
20. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 282 - 284.
21. Из истории геноцида..., с. 68.
22. Там же, с. 66 - 68.
23. Австро-венгерские дипломаты..., с. N 6, 143.
24. Из истории геноцида..., с. 68.
25. Судебный процесс Талаат -паши. Стенографический отчет. Под ред. С. С. Степаняна. М., 1992. Приложение. Телеграммы, N 6, с. 252.
26. Документы младотурецкого комитета..., N10, с. 79, 80.
27. Акчам Танер. Геноцид..., с. 77.
28. Пейлерян А. Великие державы..., с. 197 - 199.
29. Там же, с. 196.
30. Там же, с. 196, 197.
31. Документы США..., с. 48, 49.
32. Из истории геноцида..., с. 69.
33. Документы США..., с. 48, 49.
34. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 318.
35. Там же, с. 319.
36. Там же, с. 320.
37. Геноцид армян..., N 185, с. 363, 364.
38. Там же, с. 364, 365.
39. Там же, с. 365.
40. Там же, N 186, с. 365.
41. Там же, с. 367.
42. Там же, с. 368.
43. Там же, с. 369, 370.
44. Там же, с. 370.
45. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 250, 251.
46. Там же, с. 251.
47. Там же, с. 252.
48. Там же, с. 253.
49. Там же, с. 254.
50. Тунян В.Г. Младотурки и Армянский вопрос..., ч. 2, с. 436.
51. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 254.
52. Из истории геноцида ..., с. 70.
53. Документы США..., с. 49 - 51.
54. Фирбюхер Г. Армения..., с. 69, 79.
55. Геноцид армян..., N 189, с. 359.
56. Там же, с. 359, 360.
57. Там же, с. 360.
58. Там же, с. 362.
59. Там же, с. 362, 363.
60. Там же, с. 363.
61. Айруни А. Н. Иоганес Лепсиус..., с. 48.
62. Геноцид армян..., N 183, с. 357.

63. Там же, с. 357, 358.
64. Документы США..., с. 49 - 51.
65. Из истории геноцида ..., с. 74.
66. Там же, с. 71, 75.
67. Германские источники..., с. 295, 296.
68. Документы США..., с. 52.
69. Из истории геноцида..., с. 75 - 77.
70. Германские источники..., с. 222.
71. Официальные документы США..., с. 218, 223.
72. Там же, с. 222, 223.
73. Там же, с. 223.
74. Армянский вопрос ..., с. 246.
75. Там же, с. 246, 247.
76. Там же, с. 246.
77. Там же, с. 247.
78. Лепсиус И. Тайная справка..., с. 163.
79. Авакян А. Геноцид 1915 г., ..., с. 61.

II. Армянские события

1. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 278.
2. Армянский вопрос..., с. 251 - 253.
3. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 280, 281.
4. Там же, с. 255, 256.
5. Там же, с. 256.
6. Из истории геноцида..., с. 77.
7. Там же, с. 79, 80.
8. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 290.
9. Там же, с. 291.
10. Там же, с. 290, 291.
11. Из истории геноцида ..., с. 80.
12. Германские источники ..., с. 236.
13. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 267
14. Там же, с. 268, 269.
15. Там же, с. 265 - 271.
16. Там же, с. 272.
17. Эрцбергер М. Германия и Антанта..., с. 82.
19. Австро-венгерские дипломаты..., N 7, с. 143.
20. Сообщения австро-венгерских..., N 51, с. 73, 74.
21. Моргентау Г. Воспоминания ..., с. 319 - 322.
22. Фирбюхер Г. Армения..., с. 62.
23. Из истории геноцида..., с. 80, 81.
24. Там же, с. 18, 19.
25. Официальные документы США..., N 63, с. 229.
26. Там же, с. 228 - 230.
27. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 294.
28. Официальные документы США..., N 62, с. 228.
29. Армянский геноцид в Турции в свете дипломатических документов Болгарии..., с. 34.
30. Документы США..., N 58, с. 225.
31. Там же, с. 226.
32. Там же, N 60, с. 227.
33. Сообщения австро-венгерских ..., N 56, с. 83.

34. Там же, с. 82, 83.
35. Австро-венгерские дипломаты..., N 6, с. 145.
36. Сообщения австро-венгерских..., N 56, с. 84.
37. Там же, с. 85.
38. Из истории геноцида..., с. 83.
39. Документы США..., N 69, с. 235.
40. Армянский вопрос..., с. 286.
41. Там же, с. 287.
42. Там же, с. 288.
43. Там же, с. 289.
44. Там же, с. 290.
45. Там же, с. 291.
46. Там же, с. 295.
47. Германские источники..., с. 294.
48. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 265
49. Армянский вопрос и геноцид армян..., с. 411.
50. Эрибергер М. Германия..., с. 82.
51. Завен архиепископ. Патриаршие..., с. 161.
52. Там же, с. 163.
53. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 273.
54. Там же, с. 274.
55. Завен архиепископ. Патриаршие..., с. 164,
56. Там же, с. 165.
57. Из истории геноцида..., с. 84.
58. Официальные документы США..., N 71, с. 245.
59. Документы младотурецкого комитета..., N 13, с. 80.
60. Там же, с. 80, 81.
61. Там же, с. 81.
62. Там же, N 14, с. 81.
63. Там же, N 15, с. 81.
64. Турки о турках..., с. 221.
65. Армянский вопрос..., с. 255.
66. Там же, с. 256.
67. Там же, с. 271.
68. Там же, с. 264.
69. Фирбюхер Г. Армения..., с. 62.
70. Из истории..., с. 84.
71. Официальные документы США..., N 72, с. 246.
72. Папазян В. Мои воспоминания. Бейрут, 1952, т. 2, с. 417.
73. Там же, с. 417, 418.
74. Сообщения австро-венгерских..., N 50, с. 71.
75. Судебный процесс Талаат..., с. 143.

III. Возможность "Нового курса" в Армянском вопросе

1. Документы младотурецкого комитета..., N 16, с. 81.
2. Пейлерян А. Великие державы..., с. 242.
3. Маргарян Е. История одной фотографии. - Вопросы истории и историографии геноцида армян. 2004, IX, с. 168 - 174. - На арм. яз.
4. Хачатрян Л. Мученик геноцида - архиепископ Игнатийс Малоян. - Вопросы истории и историографии геноцида армян. 2004, IX, с. 177. - На арм. яз.
5. Там же, с. 176, 177.
6. Сколанджян. Армянские потери и потери наших рукописей. Эчмиадзин. 1965,

- N 5-6-7, с. 132 - 144. - На арм. яз.
7. Судебный процесс Талаат..., с. 147.
8. Документы младотурецкого комитета..., N 17, с. 81.
9. Сообщения австро-венгерских..., N 59, с. 90.
10. Там же, с. 89 - 91.
11. Документы младотурецкого комитета..., N 19, с. 82.
12. Там же, N 18, с. 82.
13. Армянский геноцид в сообщениях дипломатов Германии..., N 38, с. 114.
14. Там же, с. 115.
15. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 292.
16. Геноцид армян..., N 210, с. 438.
17. Там же, с. 439.
18. Там же, с. 437 - 440.
19. Армянский геноцид в сообщениях дипломатов..., N 39, с. 117.
20. Из истории геноцида..., с. 86.
21. Документы младотурецкого комитета..., N 20, с. 82.
22. Там же, N 22, с. 83.
23. Там же, N 23, с. 83.
24. Геноцид армян. По документам..., с. 77, 179.
25. Армянский геноцид в сообщениях дипломатов Германии..., N 38, с. 115.
26. Там же, с. 116.
27. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 295.
28. Там же, с. 295, 296.
29. Там же, с. 296.
30. Там же, с. 256.
31. Там же, с. 441.
32. Там же, с. 442.
33. Там же, с. 443.
34. Там же, с. 448.
35. Пейлерян А. Великие державы..., с. 305.
36. Армянский вопрос..., с. 280.
37. Там же, с. 280, 281.
38. Там же, с. 281, 282.
39. Там же, с. 282.
40. Судебный процесс..., с. 66.
41. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 300.
42. Там же, с. 299, 300.
43. Там же, с. 300.
44. Из истории геноцида..., с. 86.
45. В. Тотомиянц. Экономическое положение Армении. - Кавказское Слово. 1917, 2 февраля.
46. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 315.
47. Фирбюхер Г. Армения..., с. 69, 70.
48. Там же, с. 70,
49. Английская Синяя книга... 1917, 19 января.
50. Из истории геноцида..., с. 87.
51. Геноцид армян..., N 222, с. 447.
52. Там же, с. 478, 479.
53. Там же, с. 479.
54. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 306.
55. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 323 - 325.
56. Бухарест. - Русские Ведомости. 1916, 6 января.

57. У Дарданелл. - Там же, 9 января.
58. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 323 - 328.
59. Там же, с. 328, 329.
60. Там же, с. 330, 331; Палакян Гр. Армянская Голгофа..., с. 159.
61. Завен архиепископ. Патриаршие..., с. 165.
62. Там же, с. 157.
63. Там же, с. 155, 157, 158.
64. Английская Синяя книга..., 19 января.
65. Армянский вопрос в рейхстаге. - Армянский Вестник. 1916, 7 февраля, с. 16.
66. Армянский вопрос..., с. 299.
67. Там же, с. 301.
68. Там же, с. 300 - 305.
69. Документы младотурецкого комитета..., N 26, с. 85.
70. Там же, N 30, с. 85.
71. Там же, N 31, с. 85.
72. Армянский вопрос..., с. 300 - 305.
73. Там же, с. 300.
74. Германские источники..., с. 269.
75. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 317.
76. Пейлерян А. Великие державы..., с. 237, 238.
77. Там же, с. 237.
78. Вольфганг и Зигрид Густы. Геноцид армян..., с. 317.
79. Там же, с. 318, 319.
80. Там же, с. 319.
81. Там же, с. 320.
82. Там же, с. 320, 321.
83. Там же, с. 322.
84. Моргентау Г. Воспоминания..., с. 334 - 337.
85. Там же, с. 338.
86. Там же, с. 341.
87. Английская Синяя книга..., 2 марта.
88. Геноцид армян..., N 220, с. 475.
89. Густ В. Геноцид армян..., с. 224.
90. Хроника. - Русские Ведомости. 1916, 5 февраля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Решение Армянского вопроса в Османской Турции с конца 1914 г. по февраль 1916 г. предусматривало упразднение его функционирования в послевоенных международных отношениях. Была разработана и осуществлена технология устранения: этническая зачистка территории Западной Армении; истребление армянского населения Османской державы; образование однородной Анатолии; включение Русской Армении в состав "Большой Турции"; игнорирование мнения международного сообщества об оценке истребительной политики армянского населения как преступления против человечества; использование военной заинтересованности Германии и Австро-Венгрии в боевом содружестве для ведения антиармянской политики; системное уничтожение армянского населения: военных призывников, интеллигенции, представителей политической элиты, депортация; вывод Армянского вопроса из сферы международных отношений.

Политика упразднения Армянского вопроса как средство разрешения накопившихся проблем во взаимоотношениях младотурецкого режима с армянским населением была возведена на государственный уровень. В этом политическом процессе были задействованы различные структуры: высший правительственный уровень - Совет министров и Османский парламент; провинциальный и партийный - силовые ресурсы. Руководящей силой политического процесса являлся центральный комитет партии "Единение и прогресс", который надзирал через своих представителей за деятельностью государственных структур и к антиармянской политике привлек партийные отделения. Идеологический процесс разработки ликвидации Армянского вопроса осуществлялся центральным комитетом "Иттихад", законодательный - Советом министров, а исполнительный - силовыми структурами - министерством внутренних дел и вооруженных сил, комитетом национальной безопасности, "Особой организацией", жандармерией, полицией, армией и добровольческими формированиями.

Важным элементом являлась идеологическая обработка общественного мнения в Армянском вопросе средствами массовой информации в двух аспектах - внутреннем и внешнем. Формируемый, представляемый и распространяемый армянский образ сопрягался и взаимодополнялся различными мифами: армянский заговор, восстания, предательство и измена, вооруженные столкновения и насилия над мусульманами. Деятельность против Османской Турции, сотрудничество с Россией. Используемые средства внушения образа внутреннего врага были призваны скрыть истребительную армянскую политику. Реальные политические акции правительства Турции были призваны дезориентировать армянское население, дестабилизировать армянское общество, осуществить политическое и военное ослабление возможного сопротивления политике геноцида. При содействии Германии

вначале была осуществлена кампания недопущения армянского восстания в Турции и усиления бдительности армянских национальных кругов путем проведения переговоров, а затем предприняты попытки при содействии коллаборационистов оправдать истребительную политику армян. Информационная кампания младотурецкого режима преследовала цель обосновать внутреннее решение Армянского вопроса путем геноцида армянского народа.

Концепции “разумной политики” армянских политических кругов в Армянском вопросе, предусматривающей проведения политического курса лояльности к Османской державе и выполнения гражданского долга, а также осуществления крайней осторожности в отношениях с руководством партии “Единение и прогресс”, оказалась несостоятельной. Турецко-германские политические круги предприняли все усилия по недопущению армянского восстания в Османской Турции, что позволило усыпить политическую бдительность армянской элиты и запустить механизм упразднения Армянского вопроса путем физического уничтожения армянского населения, в том числе и депортацией. Этому содействовал провал англо-французской Дарданельской операции и отсутствие активных наступательных действий России на Кавказском фронте по занятию Западной Армении. Концепция “разумной политики” оказалась попорченной национал-шовинистической политикой руководства партии “Иттихад” и Османской империи. Младотурецкий шовинизм и Армянский вопрос оказались в антагонистическом противостоянии

Армянский вопрос с ноября 1914 г. по февраль 1916 г. представляет собой политический процесс геноцида, отражающий политические установки верхов господствующей турецкой нации и политическую позицию этноса жертвы к режиму правящего этноса, посреднические усилия весомых держав и нейтральных стран по разрешению этнополитического конфликта. В рассмотренном отрезке времени младотурецкого решения Армянского вопроса выделяются четыре четких этапа: 1) псевдоактивный политический диалог; 2) “окончательное решение” Армянского вопроса; 3) политика двойного стандарта - “обещания по смягчению антиармянской политики” и геноцидная установка; 4) статус-кво, заключающийся в сохранении жесткого курса по упразднению Армянского вопроса путем геноцида.

На первом этапе с ноября 1914 г. по март 1915 г. - младотурецкий режим Османской Турции, под давлением германской дипломатии, вел переговоры с армянскими деятелями по достижению взаимодействия против России и готовил втуне упразднение Армянского вопроса путем уничтожения армянского населения. Армянская сторона отстаивала позицию лояльности армянского населения и выполнения гражданского долга подданных Турции. Содержание переговоров позволило лишь на время смягчить начавшийся Геноцид армянского населения. Англо-французская Дарданель-

ская операция и необходимость сохранения Турции как союзника обусловили согласие Германии на “мягкое решение” Армянского вопроса - депортацию армянского населения в пустыни Месопотамии.

Второй этап “окончательного упразднения” Армянского вопроса - с апреля по август 1915 г. - проходил путем депортации армянского населения из зоны военных действий и мест проживания, проведения истребительной политики, насильственной исламизации, обречения на голодную смерть, недопущения иностранного заступничества. Практическое изгнание армянского населения из Западной Армении позволило младотурецкому режиму счесть решенной задачу упразднения Армянского вопроса, руководствуясь подходом: “Нет нации - нет вопроса”. Руководство Германии предприняло кампанию отбеливания сотрудничества с Турцией в Армянском вопросе. Странами Антанты в Армянском вопросе была сформирована концепция политического реализма, составными компонентами которой являлись обличение истребительной политики армянского населения Турции и проведение международного трибунала над преступным младотурецким режимом. Намечался третий компонент в виде определения судьбы Западной Армении как международной проблемы. Руководство Турции предприняло путем сокрытия геноцида армянского населения формирования концепции мятежной нации для внешнеполитического использования.

Третий этап политики младотурок в Армянском вопросе - с августа по ноябрь 1915 г. - представляет собой курс двойного стандарта - “обещаний по смягчению антиармянской политики” и сохранения геноцидной установки. После протестов иностранных послов - австрогерманского тандема, США и Болгарии - в августе 1915 г. произошли декларативные обещания - возвращение католических и протестантских армян в родные места, прекращение преследования армянского населения, создание комиссии для защиты интересов армян, заявления о разрешении на выезд армянского населения и возможность оказания гуманитарной помощи. В защиту истребляемого армянского населения Турции выступил Римский папа Бенедикт XV, озабоченность проявило правительство Голландии. В октябре выявилась несостоятельность заверений младотурецкого режима дипломатическим представительствам.

Четвертый этап отразил время с ноября 1915 г. по начало февраля 1916 г. Попытка германского посла Меттерниха добиться отмены истребительной политики армян Турции, учитывая негативные последствия для решения Армянского вопроса в послевоенное время, не получила содействия представляемого правительства. Как Германия, так и Австро-Венгрия нуждались в участии Турции на их стороне в борьбе против военно-политической группировки Антанты. Руководство Турции неукоснительно проводило политику истребления армянского населения для вывода Армянского вопроса из сферы международных отношений, руководствуясь постулатом:

нет народа, нет и вопроса. В перспективе представлялась необходимость упразднения кавказских армян для реализации гегемонистских устремлений Германии и Турции на Кавказе.

Полицид, экономический геноцид, депортация, дезинформационная кампания, отказ от гуманитарной помощи, недопущение выселения армянского населения за границу, тактика двойственных обещаний представителям нейтральных стран, возложение вины за происходящую трагедию на самих армян являлись составными средствами по упразднению Армянского вопроса в Османской империи. Внутреннее решение Армянского вопроса в благоприятных условиях первой мировой войны и попустительства Германии являлись следствием шовинистической политики партии “Единение и прогресс”, создавшей преступный тоталитарный режим, который, в отличие от евроцивилизационных аналогов, являлся фашизмом на основе тюрско - мусульманской цивилизации.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Младотурки и Армянский вопрос	
1. Состояние Армянского вопроса.....	3
2. Десять инструкций партии “Иттихад”	12
3. Истребительное решение Армянского вопроса	20
Глава 2. Альтернатива Армянскому вопросу	
1. Версия “Армянского заговора”	30
2. Осуждение армянской политики Турции	43
3. Закон о депортации	55
Глава 3. Политические опровержения Турции	
1. Армянский образ и депортация	71
2. Армянский полицид	87
3. План “Новые границы Турции”	99
Глава 4. “Окончательное решение” Армянского вопроса	
1. Система “распыления” армян	113
2. Камуфляжные протесты Германии	128
3. Политика “двойных стандартов”	142
Глава 5. “Большая политика” Турции в Армянском вопросе	
1. Провал плана Моргентау по переселению армян.....	169
2. Армянские события.....	194
3. Возможность “Нового курса”	213
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	245

ВАЛЕРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ТУНЯН
МЛАДОТУРКИ И АРМЯНСКИЙ ВОПРОС

Часть 3

ноябрь 1914 г. - февраль 1916 г.

Подписано в печать 23.02.2010
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл.п.л. 15,75.
Заказ 77 *Тираж 100*

*Отпечатано в типографии Государственного
Инженерного Университета Армении*

Ереван, ул. Теряна 105 Тел.: 52-03-56